

**Редакционный совет и редакционные коллегии научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

Председатель редакционного совета серии

В. И. Молодин, акад. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зувев, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев, канд. ист. наук, доц. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Члены совета

Х. А. Амирханов, чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН в Махачкале, Республика Дагестан, Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола, д-р истории, проф. (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц, д-р филологии, проф. (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв, чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории и археологии УрО РАН, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)

А. П. Деревянко, акад. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ж. Жобер, д-р истории, проф. (Университет Бордо I, Франция)

О. Д. Журавель, д-р филол. наук (Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Э. Импости, д-р филологии, проф. (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич, д-р филол. наук, проф. (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Польша)

С. Коткин, д-р истории, проф. (Принстонский университет, Принстон, США)

В. А. Ламин, чл.-кор. РАН, д-р ист. наук (Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ока Хироки, д-р истории, проф. (Университет Тохoku, Сэндай, Япония)

Г. Парцингер, д-р истории, проф. (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)

Х. Плиссон, д-р истории, проф. (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон, д-р археологии и антропологии, проф. (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд, д-р истории, проф. (Уэслианский университет, Мидделтаун, США)

И. В. Силантьев, д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун, д-р истории, проф. (Гонконгский университет, Китайская Народная Республика, Токийский университет, Япония)

Т. Хайм, д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин, д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Филология»

Ответственные редакторы

Н. Б. Кошкарева, д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Л. Н. Синякова, д-р филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

Е. Н. Сорокина, канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

Е. И. Дергачева-Скоп, д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Н. А. Лукьянова, д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Н. Н. Казанский, академик РАН, д-р филол. наук, проф. (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)

И. А. Мельчук, д-р филологии, проф. (Монреальский университет, Канада)

Э. Стергиопулу, д-р филологии, проф. (Афинский национальный университет, Греция)

П. Энгель, д-р наук (Европейский центр по консервации книг и бумаги, Хорн, Австрия)

**Advisory Board and Editorial Boards of academic journal
“Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology”**

Chief of the Advisory Board

V. I. Molodin, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief editor of the series

A. S. Zuev, Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive secretary of the series

S. G. Skobelev, Candidate of Historical Sciences, Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Kh. A. Amirkhanov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B. Viola, Doctor in History, Professor (University of Toronto, Canada)

E. E. Voytishek, Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

T. Glantz, Doctor in Philology, Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

A. V. Golovnev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

A. E. Demidchik, Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation)

A. P. Derevyanko, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

J. Joubert, Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)

O. D. Zhuravel', Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

G. E. Imposti, Doctor in Philology, Professor (University of Bologna, Italy)

A. K. Kiklevich, Doctor of Philological Sciences, Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

S. M. Kotkin, Doctor in History, Professor (Princeton University, United States)

V. A. Lamin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki, Doctor in History, Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

H. Parzinger, Doctor in History, Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

H. Plisson, Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong, Doctor in Archaeology and Anthropology, Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

P. Rutland, Doctor in History, Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

I. V. Silantev, Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung, Doctor in History, Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

T. Higham, Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yu. V. Shatin, Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the issue “Philology”

Executive Editors

N. B. Koshkareva, Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

L. N. Sinyakova, Doctor of Philological Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

E. N. Sorokina, Candidate of Philological Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

E. I. Dergacheva-Skop, Doctor of Philological Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

N. A. Lukyanova, Doctor of Philological Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

N. N. Kazanskiy, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation)

I. A. Mel'chuk, Doctor in Philology, Professor (University of Montreal, Canada)

E. Stergiopoulou, Doctor in Philology, Professor (National University of Athens, Greece)

P. Engel, Doctor of Sciences (European Research Centre for Book and Paper Conservation-Restoration, Horn, Austria)

ВЕСТНИК НГУ

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2018. Том 17, № 9: Филология

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

<i>Невская И. А., Шаламай О. А.</i> Царь царей и песнь песней: элативно-суперлативная конструкция в тюркских языках	9
<i>Ли Яньфэн.</i> Имплицитные уподобления как проявление ценностных ориентиров автора в языке романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого»	22
<i>Анисимов Р. Н.</i> Фразеологическая номинация возраста и опыта в якутском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири)	31
<i>Урманчеева И. С.</i> Расширенный компонентный состав как проявление конструктивной вариантности фразеологизмов (на примере печорских и общерусских оборотов)	43
<i>Кошкарева Н. Б.</i> Бытийно-пространственные типовые синтаксические структуры и их семантика в хантыйском и ненецком языках	53
<i>Тимкин Т. В.</i> Типологическая характеристика хантыйского вокализма по данным казымского и сургутского диалектов	66
<i>Захарова Ю. Г.</i> Иноязычные заимствования в русском языке второй половины XIX века (на материале писем Н. С. Лескова)	81
<i>Берендеева М. С., Рыбалова М. И.</i> «Меркнет зрение – сила моя...» Арсения Тарковского в художественном фильме «Ностальгия»: пути встраивания поэтической цитаты в кинотекст	90
<i>Алексеева А. А., Лукашевич А. А.</i> Вербальная, параграфическая и визуальная реализация концептов в креолизованных текстах наивного дискурса (на материале instagram.com)	105
<i>Ощепкова Л. А.</i> Жанрово-стилистические особенности гимнов социалистических стран	115
<i>Крышталева В. Е.</i> Инаугурационные обращения Д. А. Медведева и Н. Саркози как монологический жанр в политическом дискурсе	125
<i>Зюзина О. Н.</i> Языковое выражение содействия в речи гуманитарной интеллигенции	133
<i>Бакайтис И. И.</i> Коммуникативные варианты предложений качественной характеристики в русском языке	142

Литературоведение

<i>Синякова Л. Н.</i> Сюжетная динамика в рассказе А. П. Чехова «Соседи»	153
<i>Лимеров П. Ф.</i> Сюжет христианизации в коми словесности: специфика становления литературной традиции	160
<i>Ковтун Н. В.</i> «Дорога к храму...»: как ее видят автор и персонажи (на материале прозы В. Г. Распутина)	168
<i>Левицкая Н. Е.</i> Временная сфера картины мира автора в пейзажном дискурсе лирики Бориса Рыжего	187
Информация для авторов	200

VESTNIK NSU

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2018, volume 17, no. 9: Philology

CONTENTS

Linguistics

<i>Nevskaya I. A., Shalamay O. A.</i> King of Kings and Song of Songs: An Elative-Superlative Construction in Turkic Languages	9
<i>Li Yanfeng.</i> Implicit Assimilations as Manifestation of the Author's Values in the Language of the Novel "The Kukotsky Enigma" by L. Ulitskaya	22
<i>Anisimov R. N.</i> Phraseological Nomination of Age and Experience in the Yakut Language (Comparison with the Turkic Languages of South Siberia)	31
<i>Urmancheeva I. S.</i> Expanded Component Structure as Manifestation of Constructive Alternativeness of Phraseological Units (On Example of Pechora and All-Russian Expressions)	43
<i>Koshkareva N. B.</i> Typical Existential-Spatial Syntactic Structures and Their Semantics in the Khanty and Nenets Languages	53
<i>Timkin T. V.</i> Typological Characteristics of the Khanty Vocalism Based on Data of Kazym and Surgut Dialects	66
<i>Zakharova Yu. G.</i> Loan Words in the Russian Language of the Second Half of the 19 th Century (On the Material of N. S. Leskov's Letters)	81
<i>Berendeeva M. S., Rybalova M. I.</i> "My Sight, My Strength, Dims..." by Arseny Tarkovsky in the Feature Film "Nostalgia": The Ways of Poetical Quotation Embedding in the Cinematic Text	90
<i>Alekseeva A. A., Lukashevich A. A.</i> Verbal, Paragraphical, and Visual Representations of Concepts in Polymodal Texts of Naïve Discourse (Based on instagram.com)	105
<i>Oshepkova L. A.</i> Genre and Stylistic Characteristics of the Anthems of Socialist Countries	115
<i>Kryshtaleva V. E.</i> The Inaugural Speeches of D. A. Medvedev and N. Sarkozy as a Monological Genre of Political Discourse	125
<i>Zyuzina O. N.</i> Linguistic Expression of Assistance in the Conversational Speech of Scholars	133
<i>Bakaitis I. I.</i> Communicative Variants of Attributive Characterization Sentences in Russian Language	142

Literature

<i>Sinyakova L. N.</i> Plot Dynamics in A. P. Chekhov's Short Story "The Neighbours"	153
<i>Limerov P. F.</i> History of Christianization of Komi Literature: Specificity of Literary Tradition Formation	160
<i>Kovtun N. V.</i> "The Way to the Temple...": How the Author and Characters See It (On the Material of V. Rasputin's Prose)	168
<i>Levitskaya N. E.</i> Temporal Sphere of the Author's World View in Boris Ryzhii's Lyrical Landscape Discourse	187
Instructions to Contributors	200

УДК 811.512.1 + 81'366.2

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-9-21

Царь царей и песнь песней: элативно-суперлативная конструкция в тюркских языках

И. А. Невская, О. А. Шаламай

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Описывается суперлативно-гиперлативное и элативное использование формально посессивных конструкций в ряде тюркских языков в сравнительно-сопоставительном аспекте, анализируются их структурно-семантические типы и прагматика. Посессивно-суперлативные конструкции, близкие по своей структуре и семантике к тюркским, распространены по всей Евразии и представлены в языках разных языковых семей. В основном они выражают абстрактное (абсолютное) сравнение, при котором качества объекта сравнения сравниваются с определенной нормой.

Одной из наиболее спорных проблем, связанных с данными неканоническими сравнительными конструкциями, является их происхождение. Они могли возникнуть как структурные копии соответствующих семитских прототипов, представленных в Библии и Коране. С другой стороны, они могли развиваться как результат внутренних языковых тенденций, в частности, в результате опущения суперлативных маркеров. Мы предполагаем, что оба фактора могли сыграть свою роль в появлении данных конструкций в тюркских языках.

Ключевые слова

тюркские языки, казахский, турецкий, алтайский, шорский, хакасский, тувинский, элативно-суперлативная семантика, посессивные конструкции, категория градации признака

Для цитирования

Невская И. А., Шаламай О. А. Царь царей и песнь песней: элативно-суперлативная конструкция в тюркских языках // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 9–21. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-9-21

King of Kings and Song of Songs: An Elative-Superlative Construction in Turkic Languages

I. A. Nevskaya, O. A. Shalamay

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article describes superlative, hyperlative and elative use of formally possessive constructions in a number of Turkic languages from a comparative perspective, analyzing their structural and semantic types as well as their pragmatic

© И. А. Невская, О. А. Шаламай, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 9: Philology

properties. Similar non-canonical possessive constructions are found all over Eurasia in languages belonging to various language families.

One of the most unclear issues of such constructions is their origin. They could have emerged spontaneously in Turkic languages due to the inner stimuli of language development:

a. From possessive reading of possessive constructions featuring the following semantic development: The construction “king of the kings” first referred to the ruler of a state consisting of subordinate kingdoms with their own rulers. For them, the emperor was “their king, the king of the kings of subordinated kingdoms”. Such constructions became a part of the pattern of titles’ formation, and due to the frequent use could develop the meaning of an extreme/high extent of the qualities associated with the notion expressed by the nominals used as their components.

b. Old Turkic canonical superlative constructions could be used with and without the superlative marker on the parameter. The economy of language means could have contributed to emergence of non-canonical superlative constructions.

c. These constructions could be a result of contacts of Turkic peoples and their languages with world religions and translation of their sacred books into Turkic (beginning with Buddhism and followed by Christianity and Islam).

These internal developments (e.g. economy) could be supported by external influences (structural copying of Bible prototypes) and common cultural paradigms. These issues should be addressed in more detail in the future.

Keywords

Turkic, English, superlative use of possessive constructions, superlative, hyperlative, elative, gradation of properties

For citation

Nevskaya I. A., Shalamay O. A. King of Kings and Song of Songs: An Elative-Superlative Construction in Turkic Languages. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9: Philology, p. 9–21. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-9-21

Каноническая и неканоническая семантика посессивных конструкций в тюркских языках

В статье описываются некоторые неканонические средства выражения элативно-суперлативной семантики в тюркских языках ¹. В первую очередь, имеется в виду неканоническое использование так называемой генетивно-посессивной конструкции. Ее прототипическим значением является выражение посессивных отношений. Она состоит из двух имен, первое из которых обозначает посессора и имеет аффикс генетива; второе имя обозначает принадлежащий ему объект, оформленный посессивным аффиксом, кореферентным с посессором в лице и числе:

(1)	каз.	<i>qiz-din</i>	<i>kitab-i</i>
		девочка-Gen	книга-Pos3
		‘книга девочки’	

Эта конструкция используется для выражения различных типов отношений: владение, как в (1), часть-целое, сходство и т. д., поэтому такие конструкции иногда называют ассоциативными [Aikhenvald, Dixon, 2013]. Однако далее мы обозначаем её первый компонент как посессор, а второй как объект обладания исходя из их прототипической семантической функции.

Если оба ее компонента выражены одним и тем же именем, при том, что посессор оформлен аффиксом множественного числа, она может выражать партитивные отношения с неопределенным, хотя и специфическим референтом второго компонента:

¹ В данной статье в существенно переработанном и дополненном виде излагаются итоги исследования, предварительные результаты которого были опубликованы в работе [Nevskaya, 2016].

- (2) шор. *qïs-tar-dïŋ* (bir) *qiz-i*
 девочка-Pl-Gen one девочка-Pos3
 ‘одна из девочек’

Конструкции, формально похожие на (2), могут выражать идеального референта: лучший воин, идеальный повелитель, самый влиятельный король:

- (3) каз.: *Qoŋabergen batïr-lar-dïŋ batïr-i, qolbaš-i.*
 Npers батыр-Pl-Gen батыр-Pos3 генерал-Pos3
 ‘Кожаберген – генерал, лучший из всех воинов
 (досл.: воин воинов).’

- (4) хак. *Ol pig-ler-nïŋ Pig-ï, хаан-nar-nïŋ*
 он/а государь-Pl-Gen государь-Pos3 царь-Pl-Gen
Xan-i pol-ča nooza...
 царь-Pos3 be-Prs PtcI
 ‘...Он есть Господь господствующих и Царь царей ...
 (досл: государь государей, царь царей)’
 (перевод Библии на хакасский язык) [Новый Завет, 1107]

Семантически эти NP-конструкции выражают высшую степень всех качеств, ассоциирующихся с референтами используемых в ней существительных; сравните с превосходной степенью прилагательных: *умнейший, красивейший*. Однако в (3) и (4) мы не находим никаких аналогов русскому суффиксу *-ейш* в *умнейший* или английскому *-est* в *biggest* ‘самый большой’, единственная функция которых – выражать превосходную степень прилагательных. В (3) и (4) генетивно-посессивная конструкция сама по себе передает значение ‘лучший из воинов, государей, царей’. В данном случае объект принадлежности имеет определенную референцию, в то время как посессор – это весь класс объектов (все цари, все государи и все воины). Это неканоническое для тюркских языков выражение суперлативных отношений.

Подобные конструкции с родительным падежом их первого компонента представлены во всей Евразии (даже если объект обладания не обязательно получает посессивный маркер, как в тюркских языках). Они встречаются в наиболее древних письменных источниках на семитских и индоевропейских языках [Schäfer, 1973], часто как часть титулов правителей, богов или пророков (например, в Библии и Коране), но также и для обозначения идеального референта понятия, выраженного существительным.

Другой структурный тип неканонических суперлативных конструкций представлен субстантивированными прилагательными, которые используются как их оба компонента (пример 5). Посессор может обладать или не обладать маркером множественного числа (пример 6). Конструкции с прилагательными выражают качество референта, которым тот обладает в очень высокой или высшей степени, сравните с (3) и (4).

- (5) каз. *Sulu-lar-dïŋ suluw-i, miqti-lar-dïŋ*
 красивый-Pl-Gen красивый-Pos3 сильный-Pl-Gen
miqti-sï.
 сильный-Pos3
 ‘Он – самый красивый из всех, самый сильный из всех
 (букв.: красивый красивых, сильный сильных).’

- (6) каз. *Astana – körikti-niñ* *körikti-si.*
 Nloci красивый-Gen красивый-Pos3
 ‘Астана – самая красивая (столица).’

Канонические сравнительные и суперлативные конструкции в тюркских языках

Описываемые в данной статье конструкции могут считаться подтипом сравнительных конструкций, которые состоят из следующих компонентов: а) сравниваемый объект (COMP – *comparandum*), б) объект, с которым *comparandum* сравнивается – стандарт сравнения (STA), в) качество, которым они в разной степени обладают – параметр сравнения (PAR) [Ultan, 1972; Bresnan, 1973, 1976; Черемисина, 1976; Stassen, 1984, 1985; Gawron, 1995; Dixon, 2012]. Их лингвистическое выражение в разных языках может предполагать MARKER сравнения (как показатели степеней сравнения прилагательных и наречий в английском, немецком и русском языках) и INDEX сравнения, который выражает степень преобладания некоего качества у одного из сравниваемых объектов. Например: *John is twenty centimeters taller than Jack is* ‘Джон на 20 см выше, чем Джек’, где *John* – сравниваемый объект, *Jack* – стандарт сравнения, *tall* – параметр, маркер параметра – суффикс *-er*, а индекс сравнения выражен при помощи конструкции *twenty centimeters* ‘на 20 см’. В суперлативных конструкциях индекс не употребляется, так как сравниваемый объект превосходит все другие объекты, используемые как стандарт, в качестве, выраженном параметром сравнения:² *Jack is the tallest one of the classmates*: ‘Джек – самый высокий из одноклассников’. Здесь параметр *высокий* имеет маркер суперлатива – аффикс *-est*.

В тюркских сравнительных конструкциях параметр сравнения не имеет маркера; только стандарт сравнения получает обязательное морфологическое выражение с помощью аффикса исходного падежа. Параметр сравнения может маркироваться индексом сравнения, как, например, турецкое наречие степени действия *daha* ‘даже (больше)’, часто описываемое как маркер параметра, аналогичный английским или русским маркерам. Однако в английском и русском языках маркеры параметра сравнения являются обязательными, а турецкий *daha* – нет; он служит индексом, привносящим дополнительную семантику: *daha pahalı* ‘даже ещё (более) дорогой’ (т. е. оба сравниваемых предмета являются дорогими, но объект сравнения ещё более дорогой, чем стандарт).

В предикативных суперлативных конструкциях в тюркских языках используется базовая структура сравнительных конструкций с исходным падежом стандарта, но стандарт относится к целому классу объектов; всех их превосходит сравниваемый объект [Ескельдиева, 2017]. Для таких конструкций типично использование квантификаторов (*все, каждый* и т. п.) [Farkas, Kiss, 2000; Heim, 2000]. В определительных суперлативных конструкциях [Matushansky, 2008], которые статистически употребляются намного чаще, чем предикативные [Dixon, 2012], сравнительная конструкция «сворачивается» до именной группы: *самый умный мальчик*. Наречия степени маркируют параметр: др.-тюрк. *äñ* ‘самый’ в *äñ ulug-ı* ‘самый большой (из них)’ (букв.: самый большой-Pos3); тур. *en* в *en pahalı* ‘самый дорогой’; каз. *eñ* ‘самый’ в *eñ qımbat* ‘самый дорогой’; хак. *iñ* ‘самый’ в *iñ uluy* ‘самый большой’ и т. д. Уже в древнетюркских языках мар-

² Структурные и прагматические особенности суперлативных конструкций в типологическом плане описывались в [Stateva, 2000a, 2000b, 2003; Sharvit, Stateva, 2002].

кер параметра мог опускаться: *ulu-y-i täñri* и *kičig-i täñri* [большой-Pos3 бог маленький-Pos3 бог] обозначают ‘самый большой бог’ и ‘самый маленький бог’ соответственно [Erdal, 2004. С. 151].

В неканонических элативно-суперлативных конструкциях первый компонент, посессор, обозначает класс вещей, которые используются для сравнения, т. е. является стандартом сравнения (STA). Второй компонент, объект сравнения, называет одного представителя из этого класса, который сравнивается со всеми остальными (COMP) и имеет самую большую степень качества (PAR), которым обладают представители этого класса.

Обычно только измеряемые качества, т. е. параметры, подлежат сравнению: *красивый – более красивый – самый красивый*. Однако некоторые прилагательные описывают абсолютные качества: *пустой, беременная, совершенный* и т. д., поэтому они обычно не используются в сравнительных конструкциях [Kennedy, 1999]. К абсолютным параметрам относятся и все относительные прилагательные. Несмотря на это, и они иногда встречаются в сравнительной и превосходной формах в современной речи и письме, передавая скорее переносное или экспрессивное, а не прямое значение (*самый пустой, самый совершенный*). Подобным образом используется и генетивно-посессивная конструкция с существительными: *воин (всех) воинов* обозначает ‘лучший воин из всех воинов’; см. (7):

- (7) шор. *Alıp-tiñ* *alib-i* *öl-ür* *par-d-i*.
 воин-Gen воин-Poss3 умереть-Cv идти.aux-Pst-3
 ‘Самый сильный воин умер.’

Прилагательные, обозначающие измеряемые качества, обладают категорией градации признака, которую иногда причисляют к оценочной модальности [Плунгян, 2011. С. 424–425], так как любая оценка субъективна. Эта категория выражается языковыми средствами разных языковых уровней: словообразовательными, морфологическими (например, редупликацией), синтаксическими. Сравнительные конструкции являются наиболее грамматикализированными средствами её выражения.

Среди типов градации признака выделяется конкретное и абстрактное сравнение [СИГТЯ, 1988. С. 155]. При конкретном сравнении качества предмета определяются по отношению к конкретному стандарту: *Петя выше Сережи* (сравнительная конструкция) / *Петя – самый высокий из всех мальчиков в классе* (суперлативная конструкция).

При сравнении с определенной общепринятой нормой выражается абстрактное сравнение: *Петя – довольно / очень / чрезвычайно высокий / высочайший (из всех)*. В случае превосходства данного объекта над другими относительно определенной нормы предпочтительно использовать терминологию, отличную от терминологии конкретного сравнения: *элативная конструкция* по отношению к конструкции, выражающей высокую степень качества данного объекта, и *гиперлативная конструкция* по отношению к конструкции, выражающей очень высокую степень качества.

Описываемые в данной статье неканонические конструкции используются преимущественно для выражения абстрактного сравнения. Поскольку структурно одна и та же конструкция может часто совмещать элативную, гиперлативную и суперлативную семантику, мы используем также термин *элативно-суперлативная конструкция*.

Рассмотрим использование таких конструкций в тюркских языках, фокусируясь на тюркских языках мусульманских народов (казахском и турецком), на тюркских языках народов юга Си-

бири, которые никогда не принимали ислам, но были с большим или меньшим успехом христианизированы (шорском, алтайском, хакасском), на тюркском языке буддистского народа юга Сибири (тувинском). В дальнейшем мы будем использовать современные и исторические варианты тюркских языков для сравнения.

Неканонические элативно-суперлативные конструкции в казахском языке

В казахском языке структуры **N-(Pl)-Gen + N-Pos** и **Adj-(Pl)-Gen + Adj-Pos** используются для выражения сравнения, если в каждой позиции повторяется одна и та же лексическая единица.

Тип I: N-(Pl)-Gen + N-Pos

- (8) ...*patša-lar-dïŋ*   *Patša-sï*,   *sultan-dar-dïŋ* –   *Sultan-ï*.
 властелин-Pl-Gen   властелин-Pos3   султан-Pl-Gen   султан-Pos3
ie-ler-dïŋ –   *ie-sin-e*   *siïŋ-a-mïn*.
 покровитель-Pl-Gen   покровитель-Pos3-Dat   молиться-Prs-1Sg
 ‘Я молюсь самому влиятельному властелину среди всех властелинов, самому могущественному султану из всех султанов, самому милосердному покровителю из всех покровителей...’
- (9) “*Patša-lar-dïŋ*   *patša-sï*”   *atan-ŋan*,   *žartï*   *älem-di*
 властелин-Pl-Gen   властелин-Pos3   называть-PP   половина   мир-Acc
biyle-gen   *saq*   *xanšayım-ï*   *häm*   *qolbasšï-sï*
 царить-PP   сакский   принцесса-Pos3   и   генерал-Pos3
Tumar bol-ŋan.
 Npers быть-PP
 ‘Сакская принцесса и генерал Томирис, которые правили половиной мира, были названы самыми влиятельными властелинами из всех властелинов (правителей).’

Эти примеры взяты нами из разных письменных источников, однако подобные высказывания не редки и в устной речи. В примере (8) эта конструкция используется в религиозном контексте при обращении к Аллаху: ‘самый могущественный правитель из всех’; в примере (9) это часть титула правителя. В обоих случаях параметры, т. е. сравниваемые качества, которыми обладают референты компонентов этой конструкции, не выражены; на основе контекстов их можно трактовать как «сила», «могущество», «власть» или нечто подобное.

Тип II: Adj-(Pl)-Gen + Adj-Poss

В данной конструкции оба компонента выражаются одним и тем же субстантивированным прилагательным; сравниваемые качества их референтов названы эксплицитно, а сами референты занимают позицию подлежащего (пример 10), дополнения (пример 11) или очевидны из контекста (пример 12). Эти конструкции выражают очень высокую степень проявления признака второго компонента.

- (10) *qazay-īm-niñ* *bala-si* *Abay* *edi* *dara* *aqin*,
казах-Pos1Sg-Gen дитя-Pos3 Абай PTCL одаренный поэт
dana-lar-diñ *dana-si*.
мудрый-Pl-Gen мудрый-Pos3
‘Абай – одаренный поэт, дитя моего казахского народа,
самый мудрый среди мудрых.’
- (11) *Sulu-lar-diñ* *suluw-i* *anıqtal-d-i*.
красивый-Pl-Gen красивый-3Pos объявить-Pst-3
‘Объявлена самая красивая из всех.’
- (12) *Sulu-lar-diñ* *suluw-i* *Mona.Liza-ni* *kör-üw de*
красивый -Pl-Gen красивый -3Pos Npers-Acc видеть-Inf PTCL
bir *yanıybet* *qoy!*
один чудо PTCL
‘Чудо – даже увидеть Мону Лизу, самую красивую из красивых.’

Такой тип конструкций, выражающих элативную или суперлативную семантику, очень популярен в казахском языке: он используется в формальной, неформальной, письменной и устной речи, встречается в почтительных выражениях, используемых в поздравлениях на праздновании дня рождения (пример 13), на телевидении, в высокой литературе (пример 14), в центральных газетах (пример 15).

- (13) *Bügin* *zaqsı-lar-diñ* *zaqsı-si*, *sulu-lar-diñ*
сегодня хороший-Pl-Gen хороший-Pos3, красивый-Pl-Gen
suluw-i, *mıqtı-lar-diñ* *mıqtı-si*, *saqal-dar-diñ*
красивый-Pos3 сильный-Pl-Gen сильный-Pos3 мудрый-Pl-Gen
saqal-i *Sadıq* *bawır-ımız-diñ* *tuwıl-yan* *kün-i!*
мудрый-Pos3 Npers брат-Pos1Pl-Gen родиться-PP день-Pos3
‘Сегодня день рождения нашего брата Садика, лучшего из всех,
самого красивого из красивых, самого сильного из сильных,
самого мудрого из мудрых!’
- (14) *Burıl* *at ...* *zuwas-tiñ* *zuwas-i da* *aqıldi-niñ*
Npers конь спокойный-Gen спокойный-Pos3 PTCL умный-Gen
aqıldi-si.
умный-Pos3
‘Конь Бурыл был... самым спокойным из спокойных,
самым умным из умных.’
- (15) *Baba-miz* *māñgi* *tiri*, *tiri-niñ* *tiri-si*.
отец-Pos1Pl вечный живой живой-Gen живой-Pos3
de-p *esepte-y-miz*.
говорить-Cv считать-Prs-1Pl
‘Мы считаем наших предков вечно живыми,
самыми живыми из всех живых.’

В примере (15) абсолютное качество *живой* используется как параметр, что подобным обозначениям обычно не свойственно.

Структурные варианты казахских неканонических элативно-суперлативных конструкций

Элативно-суперлативные конструкции могут иметь разные структурные варианты. Так, маркер множественного числа на первом компоненте (но не маркер родительного падежа) можно опустить, тем самым указывая на элативное значение ‘очень хороший воин’:

- (16) *batır-dıñ*   *batır-ı*
         воин-Gen   воин-Pos3
         ‘воплощение воина, очень хороший воин’

Отсутствие маркера множественного числа, обозначающего отношение к группе воинов, служащих стандартом сравнения, влияет на семантическое изменение суперлатива на элатив: он – воплощение воина, очень хороший воин.

При оформлении обоих компонентов показателями множественного числа конструкция преимущественно имеет партитивное (разделительное) значение, хотя элативно-суперлативное прочтение тоже возможно:

- (17) *batır-lar-dıñ*   *batır-lar-ı*
         воин-Pl-Gen   воин-Pl-Pos3
         ‘несколько воинов из группы’ или ‘лучшие воины из группы’

Подобное структурное и семантическое варьирование наблюдается также и с субстантивированными прилагательными. Наличие маркера множественного числа у первого компонента обозначает, что группа объектов, которая обладает выражаемым качеством, выступает в качестве стандарта для сравнения в суперлативной конструкции (пример 18), в то время как его отсутствие указывает на очень высокую степень выражаемого качества, т. е. на элативную конструкцию (пример 19).

- (18) *körikti-ler-dıñ*   *körikti-si*
         красивый-Pl-Gen   красивый-Pos3
         ‘самая красивая из красивых’

- (19) *körikti-niñ*   *körikti-si*
         красивый-Gen   красивый-Pos3
         ‘воплощение красоты, очень красивая’

Аналогичные структурные типы этой конструкции встречаются в киргизском языке:

(1) *batır-dıñ batır-ı* ‘истинный герой, настоящий воин’, *sulu-nıñ sulu-su* ‘истинная красота, самая красивая’;

(2) *batır-lar-dıñ batır-ı* ‘лучший воин из всех воинов’, *sulu-lar-niñ sulu-su* ‘самая красивая из всех’.

Неканонические элативно-суперлативные конструкции в турецком языке

В турецком языке представлены оба типа элативно-суперлативных конструкций:

I тип, оба компонента – субстантивы: *anne-ler-in anne-si* ‘лучшая из матерей’, *baba-lar-in baba-sı* ‘лучший из отцов’, *usta-lar-in usta-sı* ‘самый искусный из всех’, *koca-lar-in koca-sı* ‘лучший из мужей’, *hoca-lar-in hoca-sı* ‘лучший из учителей’;

II тип, оба компонента – прилагательные: *güzel-ler-in güzel-i* ‘самая красивая из всех’, *tatlı-lar-in tatlı-sı* ‘самый сладкий из всех’, *güçlü-ler-in güçlü-sü* ‘самый сильный из всех’, *küçük-ler-in küçük-ü* ‘самый маленький из всех’.

Структура турецких конструкций отличается от структуры подобных конструкций в казахском языке. В первом типе, как утверждают некоторые информанты, можно опустить маркер родительного падежа, но не маркер множественного числа, однако другие в этом не вполне уверены: *anne-ler anne-si* ‘настоящая мать, очень хорошая мать’, *baba-lar baba-sı* ‘очень хороший отец’, *usta-lar usta-sı* ‘очень искусный мужчина’, *koca-lar koca-sı* ‘очень хороший муж’, *hoca-lar hoca-sı* ‘очень хороший учитель’. В разговорной речи такие конструкции встречаются редко и используются по отношению к любимым людям, они воспринимаются как фразеологизмы, а не свободно производимые фразы. Без маркера множественного числа они имеют преимущественно посессивное значение: *baba-nın baba-sı* ‘отец отца, т. е. дедушка’.

Значение конструкций второго типа зависит от наличия или отсутствия маркера родительного падежа на первом компоненте: *güzel-ler-in güzel-i* ‘самая красивая из красивых’ – суперлатив; без этого маркера конструкция передает значение элатива: *güzel-ler güzel-i* ‘истинная красота, очень красивая’.

Неканонические элативно-суперлативные конструкции в тюркских языках Сибири

В тюркских языках Сибири элативно-суперлативные конструкции I типа встречаются преимущественно в религиозной литературе, в переводах Библии (см. пример 4 из хакасского языка), но в разговорной речи они почти не встречаются. Достаточно редкое исключение составляют элативные конструкции со словом *воин*: шор. *alıp-tıñ alıb-i* ‘очень хороший воин’, алт. *batır-dıñ batır-i* ‘очень хороший воин’, а также жаргонизмы с существительным *baq / boq / paq / poq* ‘эскременты’, представляющие уничижительную конструкцию: тув. *baq-tıñ baq-i* ‘очень плохой’. При частом употреблении элативное значение может трансформироваться в значение ‘особенный, не такой, как все’: алт. *d'er-dıñ d'er-i* ‘особенное место’ [Чумакаев, 2017. С. 33]. Конструкции II типа очень употребительны.

Эта конструкция отмечена также и в тувинском языке: пример (20) – I тип; примеры (21) и (22) – II тип. В обоих типах эта конструкция может быть расширена при помощи слова *kiži* ‘человек’, выступающего как связка, иногда вместе с вспомогательным глаголом *bol-* ‘быть, есть, существовать’ (примеры 20 и 22):

(20) тув.	<i>Ol</i>	<i>baq-tıñ</i>	<i>baq-i</i>	<i>kiži.</i>
	он/а	эскремент-Gen	эскремент-Pos3	человек
	‘Он – очень плохой человек.’			

(21) тув.	<i>Ooŋ</i>	<i>oŋ-u</i>	<i>qızıl-dıñ</i>	<i>qızıl-i.</i>
	его	цвет-Pos3	красный-Gen	красный-Pos3
	‘Его цвет очень красный.’			

(22) тув.	<i>Norbu de-p</i>	<i>kiži</i>	<i>eki-niŋ</i>	
	Npers сказать-Cv	человек	хороший-Gen	
	<i>eki-zi</i>	<i>kiži</i>	<i>boor</i>	<i>iyin.</i>
	хороший-Pos3	человек	be.Aor	PTCL
	‘Мужчина с именем Норбу – несомненно очень хороший человек.’			

В речи информантов – носителей тюркских языков Сибири встречается еще один структурный вариант суперлативно-элативной конструкции: первый компонент оформляется показателем исходного, а не родительного падежа, у второго отсутствует посессивный маркер, например: шор. *küštiŋ-deŋ küštiŋ-oŋ* ‘самый сильный, очень сильный, без сомнения’, алт. *kirsükersü-deŋ kirsü kersü* ‘самый умный, очень умный’. Это напоминает элативную конструкцию в древнетюркском языке, состоящую из повторяющегося прилагательного с маркерами местного или исходного падежей на первом компоненте [Erdal, 2004. С. 259]: *yaroŋ-ta yaroŋ* ‘самый яркий’, *aŋlaŋ-ta aŋlaŋ* ‘наиболее редкий’, *avınyu-ta avınyu* ‘самый забавный’, *artoŋ-ta artoŋ süzök* ‘чистый-пречистый’. Мы можем предположить, что две стратегии выражения элатива и суперлатива – аблатив и посессив – здесь конкурируют.

Предварительные результаты

Два основных типа элативно-суперлативных посессивных конструкций имеют разные структурные и семантические подтипы в турецком, казахском и в тюркских языках Сибири.

Суперлативно-гиперлативные интерпретации структурно посессивных конструкций во всех тюркских языках, описанных здесь, возможны для конструкций как с существительными, так и с прилагательными: **N-(Pl)-Gen + N-Pos** и **Adj-(Pl)-Gen + Adj-Pos**. Элативные интерпретации, типичные для конструкций в турецком языке, встречаются в следующих конструкциях: **N-Pl + N-Pos** и **Adj-Pl + Adj-Pos**; для казахского и тюркских языков Сибири характерны элативные конструкции **N-Gen + N-Poss** и **Adj-Gen** и **Adj-Poss**. Семантические ограничения для имен, используемых в данных конструкциях, подлежат дальнейшему более глубокому изучению.

Один из самых неясных вопросов – это происхождение посессивных суперлативных конструкций. Они могли возникнуть спонтанно из-за внутренних стимулов развития языка:

а) из партитивного прочтения посессивных конструкций, представляющих семантический переход следующего типа: отношение «определенная группа – один из группы» в отношении «вся группа – ее идеальный представитель»;

б) из посессивного прочтения посессивных конструкций, представляющих семантическое развитие прототипических посессивных отношений. Конструкция «король королей» сначала относилась к правителю империи, состоящей из зависимых королевств с их собственными правителями. Для них император был «их король, король королей зависимых королевств». Такие конструкции стали частью модели формирования титула, из-за своего частого использования они могли прийти к значению экстремальной степени качества, ассоциирующегося с данным титулом. Став выражениями, которые обозначают почтение, такие титулы могли позднее применяться не только для восхваления правителей в реальном мире, но и для восхваления высших божеств в духовном мире. Позже такие модели могли стать более общими и использоваться и для мирских значений;

в) благодаря контаминации посессивной (неканонической элативно-суперлативной) и аблативной (канонической) конструкций. Обе конструкции существуют и активно используются

в современных тюркских языках. В шорском языке это изменение подкрепляется фонологическим развитием гласных в аффиксе генетива и аблатива, которые постепенно теряют своё фоническое противопоставление.

Эта конструкция могла возникнуть в результате внешнего воздействия:

а) следует принимать во внимание контакты тюркских народов и их языков с мировыми религиями и их священными книгами (начиная с буддизма и переходя к христианству и исламу). Интересно, что суперлативная конструкция I типа появляется практически только в переводах Библии на тюркские языки Сибири;

б) эта конструкция, возможно, является отличительной чертой евразийского ареала. Распространение «посессивно-генетивной» и «аблативной» элативно-суперлативной стратегии в языках Евразии может быть отдельной темой для исследования.

Список условных сокращений и обозначений

Языки:

алт. – алтайский

др.-тюрк. – древнетюркский

каз. – казахский

тув. – тувинский

хак. – хакасский

шор. – шорский

Сокращения в глоссах и формулах:

Abl – аблатив, творительный падеж

Acc – аккумулятив, винительный падеж

Adj – прилагательное

Aor – аорист

COMP – сравниваемый объект

Cv – конверб

Gen – генетив, родительный падеж

INDEX – индекс сравнения

Inf – инфинитив

MARKER – маркер сравнения

N – существительное

Nloci – географическое название

NP – именная фраза

Npers – личное существительное

PAR – параметр сравнения

Pl – множественное число

Pos – посессив

PP – причастие прошедшего времени

Prs – настоящее время

Pst – прошедшее время

PTCL – частица

Sg – единственное число

STA – стандарт сравнения

Список литературы / References

- Ескельдиева Б.** Сравнительные конструкции в казахском и тюркских языках Сибири: дис. ... PhD. Астана: ЕНУ, 2017. 320 с.
Eskeldiyeva B. Sravnitel'nye konstruktсии v kazakhskom i v tyurkskikh yazykax Sibiri [Comparative Constructions in Kazakh and Turkic Languages of Siberia]. Unpublished doctoral dissertation. Astana, Eurasian National University, 2016, 320 p. (in Russ.)
- Новый Завет на хакасском языке с параллельным русским Синодальным переводом (Naa Mol'jay haqas tilbestegneŋ oris Sinod tilbestee). Tilbesçiler: Т. Н. Боргоякова, Г. Н. Литвиненко, И. П. Топоев. М.: Институт перевода Библии, 2011.
 Novyi Zavet na khakasskom yazyke s parallel'nym russkim Sinodal'nym perevodom. Naa Mol'jay haqas tilbestegneŋ oris Sinod tilbestee [New Testament in Khakas with Parallel Russian Synodal Translation]. Tilbesçiler: T. N. Borgoyakova, G. N. Litvinenko, I. P. Topoev. Moscow, Bible Translation Institute Publ., 2011.
- Плунгян В. А.** Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: Моногр. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
Plungyan V. A. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira: Monogr. [Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems in Languages of the World: A Monograph]. Moscow, RSHU Publ., 2011, 672 p. (in Russ.)
- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология: Колл. моногр. / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Наука, 1988. 912 с.
 Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya: Koll. monogr. [Comparative Turkic Grammar. Morphology: Collective monograph]. Ed. by Tenishev E. R. Moscow, Nauka Publ., 1988, 912 p. (in Russ.)
- Черемисина М. И.** Сравнительные конструкции русского языка: Моногр. Новосибирск: Наука, 1976. 239 с.
Cheremisina M. I. Sravnitel'nye konstruktсии russkogo yazyka: Monogr. [Russian Comparative Constructions: A Monograph]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1976, 239 p. (in Russ.)
- Чумакаев А. Э.** Имя существительное // Грамматика современного литературного алтайского языка. Морфология: Коллект. моногр. / Под ред. И. А. Невской. Горно-Алтайск, 2017. С. 22–47.
Chumakaev A. E. 2017. Imya suschestvitel'noe [The Noun]. Grammatika sovremennogo literaturnogo altaiskogo yazyka. Morfologiya: Kollekt. monogr. [Modern Standard Altai Grammar. Morphology: A Collective Monograph]. Ed. by Nevskaya I. A. et al. Gorno-Altai, Institute of Altaistics Publ., 2017, p. 22–47. (in Russ.)
- Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W.** Possession and ownership: A cross-linguistic typology: Monograph. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Bresnan J.** Syntax of the comparative clause construction in English // *Linguistic Inquiry*. 1973. № 35. P. 275–343.
- Bresnan J.** On the form and functioning of transformations // *Linguistic Inquiry*. 1976. № 7. P. 3–40.
- Gawron J. M.** Comparatives, Superlatives and Resolution // *Linguistics and Philosophy*. 1995. № 18. P. 333–380.
- Dixon R. M. W.** Basic Linguistic Theory. Volume 3. Further Grammatical Topics. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Farkas D. F., Kiss K. É.** On the comparative and absolute readings of superlatives // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2000. № 18. P. 417–455.
- Erdal M. A.** Grammar of Old Turkic (Handbook of Oriental Studies). Leiden: Brill, 2004. 580 p.
- Heim I.** Degree operators and scope // *Proceedings of the Semantics and Linguistic Theory 10* / Eds. Jackson B. and Matthews T. Ithaca: CLC Publications, Cornell University, 2000. P. 27–39.
- Kennedy Ch.** Projecting the adjective: The syntax and semantics of gradability and comparison: Ph.D dissertation. University of California, Santa Cruz. New York: Garland, 1999. 319 p.
- Matushansky O.** On the attributive nature of superlatives // *Syntax*. 2008. № 11. P. 26–90.

- Nevskaya I.** The Lord of Lords and King of Kings – a Superlative Construction in Turkic Languages // Eine hundertblättrige Tulpe — Bir Èadbarg lÁla. Festgabe für Claus Schönig [Studien zur Sprache, Geschichte und Kultur der Türkvölker: Band 22]. Eds. Hauenschild, I., Kappler, M., Kellner-Heinkele, B. Berlin: Klaus Schwarz, 2016. P. 332–344.
- Schäfer G.** “König der Könige”, “Lied der Lieder”: Studien z. paronomastischen Intensitätsgenitiv: Моногр. Vorgelegt am 17. Januar 1970 von Hildebrecht Hommel. Abhandlungen der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse; Jg. 1973, Abh. 2.
- Sharvit Y., Stateva P.** Superlative expressions, context and focus // Linguistics and Philosophy. 2002. № 25. С. 453–505.
- Stassen L.** The Comparative Compared // Journal of Semantics. 1984. № 3. P. 143–182.
- Stassen L.** Comparison and Universal Grammar. Oxford: Basil Blackwell, 1985. 161 p.
- Stateva P.** In defense of the movement theory of superlatives // Proceedings of the Eastern States Conference on Linguistics / Eds R. Daly and A. Riehl. Columbus, Ohio: Ohio State University, 2000a. P. 215–226.
- Stateva P.** Towards a superior theory of superlatives // ConSole VIII Proceedings: Proceedings of the Eighth Conference of the Student Organization of Linguistics in Europe / Eds Ch. Czinglar, K. Köhler, E. Thrift, E. J. van der Torre, M. Zimmermann. Leiden: SOLE, 2000b. P. 313–326.
- Stateva P.** Superlative more // Proceedings of Semantics and Linguistic Theory (SALT) 13 / Eds. Robert B. Young, Yuping Zhou. Ithaca, New York, 2003. P. 276–291.
- Ultan R.** Some Features of Basic Comparative Constructions // Working Papers on Language Universals (Stanford). 1972. № 9. P. 117–162.

Материал поступил в редколлегию

Received

03.06.2018

Сведения об авторах/ Information about the Authors

Невская Ирина Анатольевна, Институт филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, nevskaya@em.uni-frankfurt.de)

Irina A. Nevskaya, Institute of Philology SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, nevskaya@em.uni-frankfurt.de)

Шаламай Ольга Анатольевна, Институт филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, olgashalamay@yandex.ru)

Olga A. Shalamay, Institute of Philology SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, olgashalamay@yandex.ru)

Имплицитные уподобления как проявление ценностных ориентиров автора в языке романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого»

Ли Яньфэн

*Гуансиский медицинский университет; Новосибирский государственный педагогический университет
Наньнин, КНР; Новосибирск, Россия*

Аннотация

На фоне явных способов выражения сравнений в их широком понимании (как конститuentов функционально-семантического поля компаративности) рассматривается опосредованное присутствие уподоблений, «мишенью» которых являются персонажи романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» и соотнесённые с ними знаковые обстоятельства изображаемого времени. Показано, как имплицитно выраженные в романе сравнения по сходству отражают идиостилевые особенности автора, склонного к детализированному и нередко завуалированному выражению резкого неприятия сторонников большевистской идеологии, защищающих лженаучные «достижения» времён советской власти. Выявлены способы представленности содержательно-подтекстовой информации в контекстах с неявно выраженными уподоблениями, а именно: использование алогизмов, аллюзий, метафоро-метонимических употреблений, антонимов, оценочной энантиосемии, «образцов» советской риторики с «модусом важности», словесной игры на ассоциативно-derivационной основе. Описанию неявных уподоблений в языке романа Л. Улицкой предшествует краткое объяснение структуры функционально-семантического поля компаративности в русском языке по В. П. Беркову [1996], места в этом поле метафоры (как опосредованного сравнения по сходству). Представлены формы выражения явных компаративов и немаркированные компаративы (творительный и родительный уподобления, именной компаративный предикат), которые находятся на границе между традиционно понимаемым сравнением и метафорой, определено отличие метафоры от этих синкретических форм компаративности.

Ключевые слова

уподобления как сравнения по сходству и метафоры, функционально-семантическое поле компаративности, компаративные подтексты, роман Л. Улицкой «Казус Кукоцкого»

Для цитирования

Ли Яньфэн. Имплицитные уподобления как проявление ценностных ориентиров автора в языке романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 22–30. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-22-30

Implicit Assimilations as Manifestation of the Author's Values in the Language of the Novel “The Kukotsky Enigma” by L. Ulitskaya

Li Yanfeng

*Guangxi Medical University; Novosibirsk State Pedagogical University
Nanning, China; Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Against the background of explicit ways of expressing comparisons in their broad understanding (as constituents of the functional-semantic field of comparativeness), this article considers the indirect presence of assimilations, the "target"

© Ли Яньфэн, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 9: Philology

of which are the characters of L. Ulitskaya's novel *The Kukotsky Enigma* and the related signed circumstances of the time being depicted. It is shown how comparisons by similarities implicitly expressed in the novel reflect the idiosyncratic features of the author, inclined to the detailed and often veiled expression of the severe aversion of the supporters of the Bolshevik ideology that defends the pseudoscientific "achievements" of the times of Soviet Power. The ways of representing content-subtext information in contexts with implicitly expressed assimilations, that is: the use of alogisms, allusions, metaphor-metonymic uses, antonyms, evaluative enantiosemia, "samples" of Soviet rhetoric with the "modus of importance", verbal play on the associative-derivational basis.

The description of implicit assimilations in the language of the novel by L. Ulitskaya is preceded by brief explanations of the structure of the functional-semantic field of comparativeness in the Russian language, according to V. P. Berkov [1996], and the position of metaphors (as a mediated comparison by similarity) in this field. The article presents the forms of expressions for explicit comparatives and non-labeled comparatives (instrumental and genitive assimilations, nominal comparative predicate). Non-labeled comparatives are on the boundary between traditionally understood comparison and metaphor; the differences between metaphor and these syncretic forms of comparativeness are also identified.

Keywords

assimilations as comparisons by similarities and metaphors, functional-semantic field of comparativeness, comparative subtexts, Ulitskaya's novel *The Kukotsky Enigma*

For citation

Li Yanfeng. Implicit Assimilations as Manifestation of the Author's Values in the Language of the Novel "The Kukotsky Enigma" by L. Ulitskaya. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9: Philology, p. 22–30. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-22-30

Наблюдая формы уподоблений, «мишенью» которых являются персонажи в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого», мы исходим из широкого взгляда на сравнение, который закрепился с изучением функционально-семантического поля (ФСП) компаративности [Гулыга, Шендельс, 1969. С. 5–17; Скворецкая, 1991. С. 26–36; Берков, 1996. С. 107–160; Петроченко, Федеряева, 2006. С. 45–51 и др.]. Компаратив (от лат. *comparativus* 'сравнительный'), как составляющая этого поля, понимается широко, т. е. учитываются все формы выражения сравнения по сходству и по различию, маркированные и не маркированные показателями сравнения (ср. узкое понимание термина «компаратив», соотнесённое только с формами сравнительной степени прилагательных, т. е. со сравнениями по различию).

Описание «плана выражения» и «плана содержания» текстовых компаративов в широком понимании не игнорирует, однако, традиционно установленного разделения сравнения как синтаксической конструкции и стилистической фигуры, отражающих соположение сопоставляемых представлений, понятий, и метафоры как лексико-семантического явления, отражающего наложение двух сопоставляемых явлений (с его «семантической двупланностью» [Арутюнова, 1997. С. 235] – восприятие одного явления через призму другого). При этом для нашего анализа значимы компаративные структуры, совмещающие признаки и сравнения, и метафоры, например, творительный уподобления (типа *нос у неё картошечкой*) [Улицкая, 2015. С. 112].

Полная содержательная структура компаратива отражает соотношение предмета сравнения, эталона (образа) сравнения и признака сходства или различия. Последнее соответствует наличию в ФСП компаративности двух микрополей – равенства (сходства, уподобления) и неравенства (различия) [Берков, 1996. С. 109]. При употреблении метафоры, «закономерно относящейся к случаям равенства» [Берков, 1996. С. 109], занимающей периферийное положение в микрополе компаративного равенства, обычно вербализуется только образ сравнения по сходству, а предмет и основание уподобления имплицитно растворены в окружающем контексте. Уподобления при помощи метафорического переноса часто сближают очень далёкие по смыс-

лу представления, т. е. приблизительное равенство в этом случае выражается усложненно, иногда настолько парадоксально, что его нелегко перевести в более прозрачный по смыслу сравнительный оборот (*червь сомнения, змея воспоминаний, тяжёлый человек*).

Содержательные типы компаративов, по В. П. Москвину [Москвин, 2012], выделяются либо по «дополнительному субъекту», т. е. по образу сравнения – природоморфные, антропоморфные, социоморфные, артефактные [Чудинов, 2001], либо «по основному субъекту» – предмету сравнения, например, гендерно маркируемые сравнения – когда мишенью образа сравнения являются женские или мужские персонажи в тексте [Резанова, Комиссарова, 2012. С. 80–90].

«План выражения» сравнений по сходству и метафор, как представителей компаративов в широком понимании, соотносится со способами их выражения, т. е. внешними структурами. Рассмотрим это на примерах из текста романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого». Так, на синтаксическом уровне компаративы по сходству выражаются прежде всего союзами и предлогами: *На последнем повороте к дому Тома остановилась, как маленькая коза, и заявила твердо...* [Улицкая, 2015. С. 152]; *Радовалась и Таня – Тома заняла в её жизни особое место, что-то вроде говорящей собачки, о которой надо заботиться* [Улицкая, 2015. С. 105]. Особым синтаксическим способом выражения сравнения в широком понимании являются именные компаративные предикаты, которые имеют несколько разновидностей: а) вводятся при помощи модальной сравнительной частицы *как* (*Явь и сон – как лицевая и изнаночная сторона одной ткани* [Улицкая, 2015. С. 132]; б) включаются полужнаменательными лексическими показателями сопоставления – «предикатами подобия» [Арутюнова, 1997. С. 234] (прилагательными *похож, подобен* или глаголами *походить, казаться, оказаться, напоминать* и др.: *Девочки, от которых она ждала дружбы, оказались злыми обезьянами* [Улицкая, 2015. С. 50]); в) включаются без помощи показателей уподобления: *Елена знала, что Василиса – ранняя птичка и свое молитвенное бормотание начинает среди ночи* [Улицкая, 2015. С. 23]. К этой разновидности примыкают структуры, которые вводятся при помощи отрицательной частицы, обозначая одновременно и уподобление, и «отрицательное противопоставление» [Арутюнова, 1997. С. 234]: *[Василиса] надо с Томочкой-то решать... Не щенок, не кутёнок* [Улицкая, 2015. С. 104].

Именной компаративный предикат может быть выражен формой творительного падежа: *Грудастая Коза рядом с ней казалась воробышком, и тётка сразу же прониклась к ним снисходительной нежностью* [Улицкая, 2015. С. 403]; *Илья Иосифович (ученый-гинеколог. – Л. Я.) был и пахарем, и певцом* [Улицкая, 2015. С. 348]. Эти формы омонимичны творительному уподобления, который, однако, зависит от полнозначного глагола: *Таня серой тонкой птицей порхала вокруг стола* [Улицкая, 2015. С. 445]. Используется немаркированный родительный уподобления, например: *Мелкая вибрация, которая поначалу едва ощущалась и была только слабым фоном, усилилась, приняла форму завитой ракушки* [Улицкая, 2015. С. 140], т. е. стала *походить* на завитую ракушку. Родительный и творительный уподобления, а также немаркированные показатели уподобления именные компаративные предикаты совмещают признаки сравнения и метафоры. Эти синкретичные структуры (а также и сама метафора) не являются специализированными компаративами, потому что не имеют явных маркеров уподобления. Можно говорить о словообразовательном способе обнаружения сравнения по сходству: *Тома разбудила Таню очень рано. Она всегда просыпалась по-деревенски легко* [Улицкая, 2015. С. 153], т. е. как просыпаются в деревне.

В данной статье мы фокусируем внимание на тех имплицитных уподоблениях (сравнениях по сходству и метафорах) в языке романа Л. Улицкой, которые, обладая концептуальными

ми и подтекстовыми смыслами, обнаруживают ценностные ориентиры в картине мира автора и нередко считаются со знаком «минус».

Используя имплицитные уподобления для создания некоторых женских образов, писательница опосредованно передаёт не только своё негативное отношение к изображаемой героине, но и выражает резкое неприятие к тому явлению, с которым ассоциируется данный феминный тип. Например, описывая женщину-министра по здравоохранению с метафорическим фамильным прозвищем *Коняга*, намекающим на мужеподобность этой «дамы», преданной советской власти, автор гиперболически характеризует её: *Министром здравоохранения в то время сидела немолодая женщина, опытная чиновница, партийная от пегой маковки до застарелых мозолей*, к тому же – *единственная женщина в правительстве* [Улицкая, 2015. С. 35]. Что значит *пегая маковка*? Насмешливую характеристику, включающую метафору *маковка*, можно заменить формой превосходной степени сравнения с ироническим подтекстом: *самая что ни на есть партийная*.

Пёгий. О масти животных, об оперении птиц: пятнистый, пёстрый. *П. жеребец. П. кобель. П. (чёрно-п., красно-п.) голубь; маковка*. То же, что и *макушка* (разг.). *В долгах по маковку* (перен.) [Ожегов, Шведова, 1992]. *От пегой маковки до застарелых мозолей* – то есть от самой макушки сидящих волос до застарелых мозолей ладоней, пальцев. Автор намекает на устойчивые обороты, обозначающие наивысшую степень проявления количественного признака (Ср.: *от головы до пяток; до кончиков ногтей*). Например: *От головы до пяток на всех московских есть особый отпечаток* (А. С. Грибоедов). Вместо слова *голова* используется метафора *маковка* (= самая верхняя часть головы), чтобы ещё больше метафорически подчеркнуть наивысшую степень партийности героини. Прозвище женского персонажа – *Коняга* (ср.: *работяга* (сочувственно-уважит.), *доходяга* (пренебрежительно-сочувств.), *симпатия* (одобрит.), *деляга, стилиага* (осуждающе)), кроме иронического подтекста, подчеркивает поглощенность чиновницы нелёгкой работой, но выражение сочувствия (как, например, в одноименном рассказе М. Е. Салтыкова-Шедрина о старом, изработавшемся мерине) здесь отсутствует.

Авторская ирония по отношению к данному персонажу считается в следующем подтекстовом уподоблении (вместе с метонимическим использованием названия праздника *8-е Марта*): *Несомненно, она и была главной женщиной страны, символом женского равноправия и воплощенным Восьмым Марта, если не считать мифологических Розы Люксембург, Клары Цеткин, Зои Космодемьянской и вечно юной Любови Орловой. Что характерно, все они, включая и саму Конягу, были бездетными...* [Улицкая, 2015. С. 35]. Происходит шутовское приравнивание этой «опытной чиновницы», которая далее уподобляется «слепоглухонемой», к громким, непререкаемым в советское время женским символам. Ироническое замечание автора (*Что характерно, все они, включая и саму Конягу, были бездетными...*) как бы подтверждает *слепоглухонемость Коняги* по отношению к тому, о чём хлопочет главный герой, – о продвижении в министерстве здравоохранения решения вопроса, связанного с деторождением и материнством.

Проект женского доктора, академика Кукоцкого, слишком радикальный, по мнению *Коняги* и её окружения, требовал огромного финансирования, а главное – риска. *«Нечеловеческая чуткость» «слепоглухонемой» Коняги* проявлялась в этой ситуации не к женщинам, которые страдали и умирали от криминальных аборт, а к *«более высоким сферам»* – *«настроениям начальства»*: *Она своим нюхом чуяла, что государственный интерес в текущем моменте лежал никак не в области акушерства и гинекологии, и даже не материнства и детства, а в иных, более высоких сферах* [Улицкая, 2015. С. 37]. Негативное отношение автора к персонажу здесь передаётся устойчивым разговорно-просторечным метафорическим зоообразом *своим нюхом чуяла*, а также при помощи клишированных словосочетаний с модусом особой

политической значимости (*государственный интерес, высокие сферы*), «модусом важности» [Трипольская, 1992. С. 27–33].

Коняга тормозила <...>, и её чуткое сердце предпочитало повременить [Улицкая, 2015. С. 37]. Метонимико-метафорическая основа предложения (*её чуткое сердце предпочитало*) включает здесь противоположный смысл (проявляется контекстуальная оценочная энантио-семия): ведь устойчивое выражение *чуткое сердце* обычно используется со знаком «плюс». Далее, при помощи прилагательного *нечеловеческая* степень этой саркастической коннотации повышается: *Во многих отношениях слепоглухонемая, Коняга обладала нечеловеческой чуткостью к настроениям начальства, которые она понимала как государственный интерес* [Улицкая, 2015. С. 37].

Скрытый сарказм, как ещё один сигнал о ценностных ориентирах языковой личности писателя, насчёт общепринятого стандарта советской риторики («*Под руководством...*») проявляется в имплицитном компаративе *заклинательное начало* (считывается: *это было как заклинание, обеспечивающее успех говорящего, пишущего*). Например: *Потратив больше года на бесплодные переговоры с министром, он [Кукоцкий] совершил, в конце концов, поступок, по понятиям чиновничьим и военным, неэтичный: написал официальное письмо в ЦК партии, на имя члена Политбюро Н., ведающего социальными вопросами. Поверх головы министра здравоохранения... Письмо в соответствии с общепринятыми стандартами содержало заклинятельное начало «Под руководством...», но написано было безукоризненным старомодным языком, с четкой аргументацией и убийственной в прямом и переносном смысле статистикой* [Улицкая, 2015. С. 39]. Замечание автора о чёткой, убийственной аргументации письма позволяет внимательному читателю сопоставить это с *заклинательным началом* – не в пользу второго (а также подумать: «Что этичнее в представленной ситуации?»). «*Безукоризненному старомодному языку*» письма Кукоцкого, несомненно, отдаётся предпочтение, по сравнению с «*общепринятыми стандартами*».

Уподоблением высокого социального статуса чиновника *олимпийскому восхождению* (ср.: «олимпийские награды») писательница подчеркивает свое резкое неприятие людей, вершивших судьбами талантливых представителей науки в советское время: *Бывший высокий партийный чиновник, совершивший своё последнее олимпийское восхождение – дальше уж было некуда, – до самой своей смерти, вскоре и последовавшей, считал себя благодетелем рода человеческого <...>* [Улицкая, 2015. С. 160]. Злая авторская насмешка сказалась и в цепочке взаимообусловленных словосочетаний: *дальше уж было некуда; до самой своей смерти, вскоре и последовавшей*.

Благодетель рода человеческого (со знаком «минус») *монархически* произнес: «*Мы ознакомились с вашим письмом...*» [Улицкая, 2015. С. 39]. Окаzionale компаративное наречие *монархически* иронически сближает темпорально не совпадающие статусы: *партийный начальник* и *монарх*. Убийственные компаративные характеристики *партийного начальника* сопровождаются использованием антонимов, опосредованно подчеркивающих реальную ничтожность *благодетеля рода человеческого*, однако подобные люди – и внешне в представлении автора незначительные – были первыми людьми в стране. Например: *В длинном неуклюжем кабинете, за огромным письменным столом сидел маленький человек с отёчным лицом, вылепленным из сухого мыла, – одно из тех лиц, что колыхались на первомайских портретах под весенним ветерком* [Улицкая, 2015. С. 39]. Далее идёт насмешливое замечание об этом чиновнике, обозначенном метафоро-метонимической номинацией: *Мыльное лицо, как ни странно, оказалось впечатлительным, и через несколько месяцев после смерти вождя проект о разрешении аборт был рассмотрен и обсуждён* [Улицкая, 2015. С. 160]. *Впечатлительность* чиновника связана с тем, что его ужаснула «злосчастная банка», при-

везённая Кукоцким, – с заспиртованной разорванной маткой женщины, погибшей от криминального аборта.

В романе Л. Улицкой саркастически уподобляются друг другу идеологически освещенные и поощряемые в советское время «открытия», о которых говорится якобы с пафосом, но аллюзивные вкрапления (*по изученному велению; с помощью учения Маркса-Энгельса; все манипуляции кнута и пряника*), явные алогизмы, стилистические несогласования позволяют считать ложность «открытий», создают юмористический эффект: *Академик Опарин, например, уже объяснил, каким образом живая материя произошла от неживой посредством электрического разряда, вышибаемого с помощью учения Маркса-Энгельса в сторону первичного бульона из идеологически верных молекул белка. Другой академик, Лысенко, почти подчинил природу своему изученному велению, и она уже твердо обещала ему адекватно реагировать на все манипуляции кнута и пряника. Третий академик писал, что всемирно известная женщина Лепешинская без пяти минут как победила старость и без десяти – самое смерть* [Улицкая, 2015. С. 37].

Насмешливо представлены олицетворения *атома, рек, медицинской науки*, а также ассоциативные сближения (*расцветала и бессмертный букет*); присутствует игра (отражающая горькую иронию) однокоренных слов *впоследствии* и *под следствием* (намёк на очередную репрессию), а также саркастическая аллюзия *мудро улыбался* (срывается мифологическая маска с *вождя всех времен и народов*): *Атом уже согласился стать мирным, реки были готовы течь куда следует, а не куда им заблагорассудится. Советская наука, и медицинская в частности, и без отмены злосчастного указа расцветала, а великий вождь всех времен и народов, сунув левую парализованную за пазуху, деятельной правой принимал бессмертный букет из рук белокурой девочки, впоследствии и под следствием оказавшейся еврейкой, и мудро улыбался...* [Улицкая, 2015. С. 37].

Характеризуя Василису при помощи метафоро-метонимической перифразы *средневековая душа* и метафорического фразеологизма *клянуть на крючок*, в соединении со словом *сюприз* (в значении «неожиданность»), автор, через главного персонажа, в подтексте с горечью выходит на проблему слепой веры простых, малообразованных людей, которые якобы живут с Христом, но у них *нравственного понятия нет ни малейшего* (по отношению к господствующей идеологии): *Но самый большой сюрприз ожидал Павла Алексеевича в собственном доме – Василиса Гавриловна, истинный и убежденный ненавистник советской власти, впервые в жизни клянула на её крючок: идея тайных врагов, хитроумных врачей, евреев-колдунов нашла отклик в ее средневековой душе. Складывалась общая картина жизни: евреи сделали революцию, убили царя, разорили церковь. Чего же еще ожидать от тех, кто Христа распял?* [Улицкая, 2015. С. 145].

Словари не единодушны в порядке расположения значений слова *сюприз* и не акцентируют его отрицательную оценку, очевидную в тексте. *Сюрприз*. 1. Неожиданный подарок. *Хлопушка с сюрпризом. Ко дню рождения приготавливаемы были сюрпризы – какой-нибудь бисерный чехольчик на зубочистку. Гоголь, Мертвые души*. 2. разг. Неожиданное событие, обстоятельство; неожиданность. <...> *вот это сюрприз!* – восклицают молодые люди. *Салтыков-Щедрин, Господа ташкентцы* [МАС, 1988].

Сюрприз. 1. То же, что неожиданность. *Его приезд приятный с. Вот так с.!* (выражение удивления). 2. Неожиданный подарок. *Преподнести с. ко дню рождения* [Ожегов, Шведова, 1992].

Метафоро-метонимическая аллюзия *в ее средневековой душе* намекает на жестокие гонения, погубившие немало талантливых людей не только в средние века. Предварительно Василиса опосредованно сопоставляется (на основании присутствия в человеке *нравственного*

содержания) с отцом Елены, который эксплицитно уподобляется Л. Толстому, а он, в свою очередь, опосредованно, но указанному признаку, мысленно соотносится с Христом. В воспоминаниях Елены об этом говорится так: *Он [отец Елены], как Толстой, не признавал чудес и всякой мистики, для него главным было нравственное содержание. И Христос был идеалом нравственности. Я теперь смотрю на это вроде бы с улыбкой, потому что у меня постоянно перед глазами наша Василиса, у которой нравственного понятия нет ни малейшего, она так и говорит – это по-божьему, это не по-божьему, и никаких размышлений о добре и зле, одним своим глупым сердцем определяет. У папы же была на все теория* [Улицкая, 2015. С. 117].

Глупое сердце Василисы попало на идеологический крючок о тайных врагах – так же, как и у многих других в то время людей, о чём свидетельствует горькая (с энантиосемическим подтекстом) реплика главного героя: *Отвращение к жизни захлестнуло его. Он помрачнел, обвис: – Великий народ, черт бы его побрал...* [Улицкая, 2015. С. 147].

Упоминание о губительных лагерях репрессированных становится компаративным мериллом сверхтяжёлого физического состояния персонажа, например: *Он [Илья Гольдберг] физически развалился, исхудал до самого лагерного состояния. Спасался одной только работой, которую взвалил на себя без всякой меры* [Улицкая, 2015. С. 171]. Местоименная частица *самый* указывает на семантику суперлатива (*самый большой, самый добрый*), пространственный предлог *до* поддерживает это значение (Ср.: *до самого неба; от головы до самых пяток*).

Имплицитное уподобление может проявиться в рамках эксплицитно представленного компаратива с метафорическим компонентом, который считывается со знаком «минус». Так, в следующей фразе в сравнительном обороте *как травка на весенней помойке* первый компонент проявляет в языке как бы шаткую положительную коннотацию: *весенняя травка* ещё слабая, неустойчивая, а слово *помойка* – отрицательную: *Словом, чувство русской метафизической тоски, которая пробила, как травка на весенней помойке, после разрешительного Двадцатого съезда...* [Улицкая, 2015. С. 357]. Отрицательное считывание метафоры *помойка* (с намёком на неблагоприятность многих проявлений в годы советской власти) дополняется скрытой иронией насчёт *чувства русской метафизической* (не опирающейся на жизненный опыт) *тоски*, скрытого недоверия к полной (*травка* – ещё пока слабая надежда) «разрешимости» (после XX партийного съезда) проблем.

На протяжении всего очень объёмного (511 с.) романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» постепенно декодируется расширенно-метафорический первый компонент заголовочного слова *казус*, семантика которого не сводится к словарным дефинициям: Казус. 1. Сложное, запутанное дело в судебной практике. 2. Происшествие, событие, случай [МАС, 1988] – и остаётся не полностью разгаданной загадкой даже для внимательного читателя. Заголовочная метафора *казус* на протяжении всего текста романа кодирует всю многогранную жизнь (неотъемлемую, конечно, от судеб самых близких ему людей) и её несчастливый конец Павла Алексеевича Кукоцкого, что только опосредованно связано с некоторыми семами, указанными в двух словарных дефинициях (*происшествие, случай; сложность, запутанность*), к которым ещё в словаре Д. Н. Ушакова добавляется медицинское значение, косвенно значимое для данного текста (3. Частный случай той или иной болезни [Ушаков, 1940]).

Итак, наблюдение опосредованно выраженных уподоблений в языке Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» обнаружило одну из заметных черт индивидуального стиля писателя – склонность автора к смелым ироническим и саркастическим выпадам по отношению к персонажам, намекающим на тех людей, которые в годы советской власти были причастны к моральному и физическому истреблению интеллигенции, защищали псевдонаучные теории в угоду марксистской идеологии, были гонителями новых научных знаний в области медицины и генети-

ки. В связи с этим в тексте присутствуют имплицитные сравнения, которые считаются со знаком «минус». Этому способствуют метафоро-метонимические употребления, лексические повторы, антонимы, алогизмы, оценочная энантиосемия, словесная игра на ассоциативно-словообразовательной основе, аллюзии, использование «образцов» советской риторики с «модусом важности».

Вкрапление публицистических фрагментов (что не совсем соответствует активно изучаемому сейчас «женскому письму»), в которых при помощи косвенных уподоблений как бы призывается сохранять *нравственные понятия*, не подавляет, однако, уникальное художественное мастерство автора в тропеическом изображении характеров главных героев и связанных с ними событий недавнего времени в нашей стране.

Список литературы / References

- Арутюнова Н. Д.** Метафора // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Дрофа, 1997. С. 233–236.
Arutyunova N. D. Metafora [Metaphor]. Russkii yazyk. Entsiklopediya [Russian language. Encyclopedia]. Ed. by Yu. N. Karaulov. Moscow, Drofa Publ., 1997, p. 233–236. (in Russ.)
- Берков В. П.** Компаративность // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Под ред. А. В. Бондарко (отв. ред.). СПб.: Наука, 1996. С. 107–160.
Berkov V. P. Komparativnost' [Comparativeness]. Teoriya funktsional'noy grammatiki: Kachestvennost' Kolichestvennost' [Theory of Functional Grammar: Quality. Quantity]. Ed. by A. V. Bondarko. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1996, p. 107–160. (in Russ.)
- Гулыга Е. В., Шендельс Е. И.** Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. С. 5–17.
Gulyga E. V., Shendel's E. I. Grammatiko-leksicheskie polya v sovremennom nemetskom yazyke [Grammatical-Lexical Fields in Modern German]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969, p. 5–17. (in Russ.)
- МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой.** М.: Институт русского языка Академии наук СССР, 1985–1988 [URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 10.02.2018)]
Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of Russian]. Ed. by A. P. Evgen'eva. Moscow, AN USSR Institute of the Russian Language, 1985–1988. (in Russ.) Available at: <https://dic.academic.ru/> (accessed 10.02.2018)
- Москвин В. П.** Русская метафора. Очерк семиотической теории. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. 200 с.
Moskvina V. P. Russkaya metafora. Ocherk semioticheskoy teorii [Russian Metaphor. Essay on Semiotic Theory]. Moscow, LKI Publ., 2012, 200 p. (in Russ.)
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1949–1992 [URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 10.02.2018)]
Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Moscow, Az Publ., 1949–1992. (in Russ.) Available at: <https://dic.academic.ru/> (accessed 10.02.2018)
- Петроченко Л. А., Федеряева Н. О.** О способах выражения категории компаративности // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. Серия: гуманитарные науки (филология). 2006. № 9 (60). С. 45–51.
Petrochenko L. A., Federyaeva N. O. O sposobakh vyrazheniya kategorii komparativnosti [On the Methods of Expressing the Category of Comparativeness]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki (filologiya)* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin. Series: Humanitarian Sciences (Philology)], 2006, no. 9 (60), p. 45–51. (in Russ.)
- Резанова З. И., Комиссарова О. В.** Метафора в моделировании гендерных оппозиций: методика, анализ, типология // Язык и культура. 2012. № 2 (18). С. 80–90.
Rezanova Z. I., Komissarova O. V. Metafora v modelirovanii gendernykh oppozitsiy: metodika, analiz, tipologiya [Metaphor in Modeling Gender Opposition: Methods of Analysis, Typology]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture], 2012, no 2 (18), p. 80–90. (in Russ.)

- Скворецкая Е. В.** Компаративность: из истории средств выражения сравнения в русском языке // Семантический и прагматический аспекты высказывания. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1991. С. 26–36.
Skvoretskaya E. V. Komparativnost': iz istorii sredstv vyrazheniya sravneniya v *russskom yazyke* [Comparativeness: from History of Means of Expression of Comparison in Russian]. *Semanticheskii i pragmaticheskii aspekty vyskazyvaniya* [Semantic and Pragmatic Aspects of the Utterance]. Novosibirsk, NSPI Publ., 1991, p. 26–36. (in Russ.)
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940 [URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 10.02.2018)]
 Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Ed. by D. N. Ushakov. Moscow, Sov. entsikl.: OGIZ Publ., 1935–1940. (in Russ.) Available at: <https://dic.academic.ru/> (accessed 10.02.2018)
- Трипольская Т. А.** Модусное значение «важности» и способы его выражения // Модальность в ее связях с другими категориями: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И. П. Матханова. Новосибирск: НГПИ, 1992. С. 27–33.
Tripol'skaya T. A. Modusnoe znachenie «vazhnosti» i sposoby ego vyrazheniya [Modus Meaning of Importance and Ways of Expressing It]. *Modal'nost' v eye svyazyah s drugimi kategoriyami: mezhvuzovskiy sbornik nauch. Trudov* [Modality in its relations with other categories: interuniversity collection of scientific works.]. Ed. by I. P. Matkhanova. Novosibirsk: NSPI Publ., 1992, p. 27–33. (in Russ.)
- Улицкая Л. Е.** Казус Кукоцкого. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2015. 511 с.
Ulitskaya L. E. Kazus Kukotskogo [The Kukotsky Enigma]. Moscow, AST, Elena Shubina Publ., 2015, 511 p. (in Russ.)
- Чудинов А. П.** Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография. Екатеринбург, 2001. 238 с.
Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metaforoy [Russia in a Metaphorical Mirror: a Cognitive Study of Political Metaphor] (1991–2000). Ekaterinburg, 2001, 238 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
 29.05.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Ли Яньфэн, аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет (ул. Вилуйская 28, Новосибирск, 630126, Россия, liyanfeng@yandex.com); преподаватель, Гуансиский медицинский университет (ул. Шуаньюн, 22, Наньнин, 530021, КНР)
Li Yanfeng, Post-graduate, Novosibirsk State Pedagogical University (28 Vilyuiskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation, liyanfeng@yandex.com); teacher in Guangxi Medical University (22 Shuangyong Str., Nanning, 530021, China, liyanfeng@yandex.com)

УДК: 811.512.157 + 81'373.571
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-31-42

Фразеологическая номинация возраста и опыта в якутском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири)

Р. Н. Анисимов

*Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова
Якутск, Россия*

Аннотация

Впервые в якутской фразеологии в сравнительном аспекте с тюркскими языками Южной Сибири (алтайский, тувинский, хакасский) рассматривается фразеологическая номинация детского, молодого, зрелого и пожилого возраста, жизненного опыта с целью установления общего и специфичного в рассматриваемых языках, а также выявления истоков происхождения опорных лексем-компонентов, входящих в состав якутских фразеологизмов. Привлекается языковой материал из турецкого и казахского языков, древнетюркских письменных памятников для увеличения вероятности обнаружения как лингвистических, так и экстралингвистических общих и специфических тенденций. Тюркские фразеологизмы рассматриваются в плане «якутский язык – древнетюркский, турецкий, казахский, тюркские языки Южной Сибири».

Ключевые слова

фразеологическая единица, фразеологизм, устойчивое сочетание слова, фразеологические параллели, этимология, слово-компонент, качественно-оценочная характеристика лица, оценочные фразеологизмы, эпический текст

Для цитирования

Анисимов Р. Н. Фразеологическая номинация возраста и опыта в якутском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 31–42. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-31-42

Phraseological Nomination of Age and Experience in the Yakut Language (Comparison with the Turkic Languages of South Siberia)

R. N. Anisimov

*Ammosov North-East Federal University
Yakutsk, Russian Federation*

Abstract

In the following article, the phraseological nomination of childhood, juvenile age, manhood and elderly age, life experience are considered in a comparative aspect with the Turkic languages of Southern Siberia (Altaic, Tuvan, Khakass) for

© Р. Н. Анисимов, 2018

ISSN 1818-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 9: Philology

the first time in the Yakut phraseology, with the purpose of establishing common and specific traits of these languages, as well as identifying the sources of origin of the basic lexeme components that make up the Yakut phraseological units. The author also employs language material from Turkish and Kazakh languages, ancient Turkic written monuments to increase the probability of finding both linguistic and extralinguistic general and specific trends. Turkic phraseological units are considered in terms of “Yakut language – ancient Turkic, Turkish, Kazakh, Turkic languages of Southern Siberia”.

The comparative-historical method and component analysis made it possible to establish as a whole a national-specific phraseological nomination of age and experience in the Yakut language that do not have parallels in related Turkic languages, which in turn confirms the thesis that the formation of these phraseological units has proceeded in the process its development in conditions of non-contact with the last. At the same time, some common ancient Turkic – Yakut, Yakut – Altai-Khakass, Yakut – Tuvian – Khakass, Yakut – Tuvan, Yakut – Khakass, Yakut – Kazakh phraseological parallels were revealed, which undoubtedly testify that the phraseological system of Turkic languages has common ancient roots. It has also been established that the reference words-components that make up the Yakut phraseological units that nominate the age and experience of a person are predominantly of Turkic origin, and the presence of a certain number of Mongolisms and parallels in the Tungus-Manchurian languages indicates that these lexemes in the Yakut language have arisen because of mutual contacts and interaction.

Prospects for the study are seen in the further development of the theoretical basis and methodology of phraseological comparativistics of Turkic languages.

Keywords

phraseological unit, phraseologism, set phrase, phraseological parallels, component words, qualitative-evaluative characteristic of face, appraisive phraseologism, epic text

For citation

Anisimov R. N. Phraseological Nomination of Age and Experience in the Yakut Language (Comparison with the Turkic Languages of South Siberia). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9: Philology, p. 31–42. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-31-42

Сравнительное изучение определенных фразеологических групп родственных тюркских языков ведет к установлению исторической языковой общности, которая находит отражение не только в структурной и семантической, но и в материально-культурной близости сопоставляемых объектов исследования. В якутском языке и тюркских языках Южной Сибири фразеологическая группа «номинация возраста и жизненного опыта человека» в рамках фразеосемантического поля «качественно-оценочная характеристика человека» ещё не становилась объектом сравнительного изучения. Вместе с тем изучение данной фразеологической группы может расширить границы определения общего пратюркского языка на уровне фразеологической системы тюркских языков.

У древних тюрков Центральной Азии возраст человека отсчитывался с появлением молодой зелени, что полностью соотносилось с основной экономической деятельностью народа, занимавшегося овцеводством [Базен, 1986. С. 363]. У самых северных тюрков Сибири, скотоводческих и оленных якутов, номинация возраста и опыта человека обладает своеобразными чертами. В соответствии с распространенной в тюркологии гипотезе, якутская ветвь (включающая якутский и долганский языки) откололась от основного ствола тюркских языков уже на рубеже нашей эры, т. е. в те времена, когда северные хунны ушли в Притяньшань и Южный Алтай. После миграции тюркоязычных предков якутов в районы верхнего и среднего течения р. Лены наступил период изоляции, и якутский язык практически не подвергался общетюркскому воздействию [СИГТЯ, 2002. С. 661]. Поэтому в якутском языке сохранились те древние элементы и компоненты на уровне устойчивой фразеологической системы языка, которые могли быть присущи пратюркскому и древнетюркским языкам. Как известно, в отличие от лексических единиц, фразеологические единицы (далее – ФЕ)

менее подвержены влиянию внешних факторов. Оставаясь неизменными, они сохраняют национальный характер и отражают характерные признаки исторической эпохи, в которой они возникли.

Вместе с тем в качестве наиболее близких якутскому языку в ареально-генетическом отношении рассматриваются алтайский, тувинский и хакасский языки. Исходя из представления, что продуктивным в изучении фразеологической системы языка является ареальный аспект, так как «фразеологизмы как образные единицы вторичного образования значительно легко могут заимствоваться контактирующими языками, чем лексемы прямой номинации, словообразовательные и грамматические элементы и категории» [Добровольский, 1990. С. 20], целью данной статьи является установление общего и специфичного в фразеологической номинации детского, молодого, зрелого и пожилого возраста, жизненного опыта в якутском и тюркских языках Южной Сибири (алтайский, тувинский, хакасский), а также выявление истоков происхождения опорных лексем-компонентов, входящих в состав якутских фразеологизмов.

В якутском языке представлен пласт огузских и кыпчакских компонентов, который не обнаруживается в тюркских языках Южной Сибири, хотя в территориальном отношении они расположены ближе всех к территории распространения якутского языка. Это наводит на мысль о неоднородности лексического состава якутского языка и о наличии древних кыпчакско-якутских, огузо-якутских контактов. Поэтому в статье использованы также лексикографические источники по турецкому языку, относящемуся к огузской группе, и казахскому языку, представляющему кыпчакскую группу языков, так как «чем шире круг привлекаемых языков, тем больше шансов на выявление как лингвистических, так и экстралингвистических тенденций» [Ройзензон, 1967. С. 112].

Выявление истоков происхождения (тюркского, монгольского, тунгусо-маньчжурского) опорных лексем-компонентов, входящих в состав якутских фразеологизмов, необходимо для того, чтобы иметь возможность понять природу возникновения фразеологических параллелей в родственных тюркских языках.

Обнаруживаются следующие случаи общих и специфичных явлений во фразеологической номинации возраста и жизненного опыта человека в рассматриваемых нами родственных тюркских языках северо-восточной группы.

В тюркских языках для характеристики детского возраста широко используется зооморфная лексика. Так, хищные млекопитающие *börü* ‘волк’, *tilkü* ‘лиса’ метафоризируются в значении ‘сын’ и ‘дочь’: крх.-уйг. *tilkümmü toğdu azu börimü* ‘лиса родилась или волк?’ в знач. «дочь или сын» [ДТС, 1969. С. 118]. Фразеологическая номинация ‘волк’ в значении ‘сын’ встречается и в якутском языке: *бөрөм бөтөһө* (букв.: мой волчий удалец) [Нелунов, 2002. С. 139]. Якутское слово *бөтөс* восходит к др.-тюрк. *бедү* ‘увеличиваться’ + *-с* (аффикс результата действия) = **бедүс > *бөдүс > *бөдөс > бөтөс* [Попов, 2003. С. 152]. Словом *бөтөс* ‘удалец, смельчак’ обычно называют «подростка или молодого человека, основываясь на особенностях его характера, из основных качеств которых подчеркиваются смелость, бойкость субъекта» [Лиханов, 1994. С. 44].

Также в якутском языке при назывании любимого сына в составе ФЕ используются орнитомические компоненты *кыырт* ‘ястреб’, *мохсоһол* ‘сокол’: *ыытар кыырдым, тэбэр мохсоһолум* (букв.: пускаемый мой ястреб, бьющий мой сокол) [Кулаковский, 1979. С. 137]. Семантика данного устойчивого сочетания свидетельствует о наличии соколиной охоты у древних якутов. Якутский *кыырт* ‘ястреб’ восходит к общетюркскому **ka:rt-y-* [СИГТЯ, 2006. С. 169]. Этимология орнитонима *мохсоһол* ‘сокол’ не выяснена, прямых соответствий в тюркских языках не установлено.

Новорожденного мальчика предки якутов эфемистически называли *хабдьы сэһнэбэ* (букв.: объедки куропатки) [Нелунов, 2002. С. 319]. Якутская лексема *хабдьы* ‘куропатка’ сравнивается с эвенк. *кобев*, нен. *хонде* ‘куропатка’ [БТСЯЯ, 2016. С. 160].

Устанавливается параллель в семантике устойчивой номинации младенца в якутском и хакасском языках: якут. *кыһыл оҕо* (букв.: красный ребенок); хак. *падас* (букв.: краснотелый) [Габышева, 2009. С. 41]. Якутская лексема *оҕо* ‘дитя, ребенок’ имеет прямую лексическую параллель с тюрк. *чаба* ‘маленький мальчик, ребенок, дитя’ [Пекарский, 1958. Стб. 1779], также с монг. *өкин* и с халх. *охин* ‘дочь, девочка, ребёнок’ [БТСЯЯ, 2010. С. 204]. Вместе с тем в современных тюркских языках наиболее распространенной формой обозначения понятия ‘дитя, ребенок’ являются лексемы **bala* и **bebe* [СИГТЯ, 2001. С. 307], которые по фоноструктурному признаку не имеют лексической параллели в якутском языке.

В хакасской лингвокультуре новорожденного ребёнка обозначают фразеологизмом *час ымай* (букв.: слеза-ымай). Слово *ымай* в хакасском языке обозначает душу (или жизненную силу) грудного ребёнка: «считалось, что вместе с рождением младенца появляется его *ымай*» [Бутанаев, 1984. С. 93]. Детская жизненная сила *ымай* у хакасов тесно связана с культом богини *Ымай* / *Умай*, с древним культом тюрков, сложившимся, видимо, «у кочевников задолго до того времени, каким он датируется руническими памятниками» [Потапов, 1972. С. 273]. Однако, по предположению Н. А. Алексеева, древнетюркский культ богини *Умай* / *Ымай* является поздней трансформацией (VI–VIII вв.) культа богинь матерей *Аи*, существовавших у саков Алтая и Средней Азии [Алексеев, 1980. С. 163]. В якутском языке *Ымай* / *Умай* имеет одно значение «матка, женская утроба» [Пекарский, 1958. Стб. 3790], оно не получило дальнейшей мифологизации и в значении «божество» в якутском пантеоне богов не обнаруживается.

В якутской лингвокультуре с предметом *кыптыый* ‘ножницы’ соотносится характеристика новорожденной девочки: *кыптыый кырадаһына* (букв.: лоскуток-откройка от ножниц) [Нелунов, 2002. С. 273]. В языковой картине мира якутов ножницы являются знаком девочки, «с рождения родители называли так своих детей, прививали при этом род занятия: девочка станет рукодельницей, хозяйкой домашнего очага и заботливой матерью» [Готовцева, 2006. С. 263]. Якутский *кыптыый* имеет прямую параллель с др.-тюрк. *кыпты*, *кыпту* ‘ножницы’ [БТСЯЯ, 2008. С. 287].

В якутском и хакасском языках обнаруживается общая фразеологическая номинация шустро, непослушного ребёнка, гиперактивности которого, видимо, связана с избытком «жизненной энергии» [Габышева, 2003. С. 28]: як. *төбөтүнэн харахтаах* (букв.: с глазами на темени) [Кулаковский, 1979. С. 180]; як. *оройунан көрбүт* (букв.: смотрит через свое темя) [БТСЯЯ, 2010. С. 328]; хак. *мичір хулах* (букв.: упрямое ухо) [ХРС, 2006. С. 248]. Из приведенных якутских компонентов, входящих в состав ФЕ, интерес вызывает соматизм *орой* ‘темя, макушка’, в связи с тем, что данная лексема находит прямую параллель с тем же значением как в монгольских [Пекарский, 1958. Стб. 1868; БТСЯЯ, 2010. С. 329], так и в тюркских языках: *орай* ~ *урай* ~ *орой*. По предположению тюркологов, данная лексема заимствована из монгольских языков [Татаринцев, 2008. С. 324], в то время как соматические компоненты, входящие в состав якутских ФЕ, как ранее нами выявлено, в подавляющем большинстве имеют исконно тюркское происхождение [Анисимов, 2013. С. 18].

В хакасском, тувинском, тофаларском языках обнаруживается эквивалентная параллель при фразеологическом обозначении грудного ребёнка, которая в якутской фразеологии аналогу не находит: хак. *палтыр пизик пала* // тув. *балдыр бээжик* // тоф. *балтыр бежик уруг*, в котором компонент *палтыр пизик* (букв.: колыбель голенных икр) «происходит якобы от грудно-

го возраста ребёнка, когда у него еще не окрепли икры ножек для хождения» [Бутанаев, 1984. С. 93].

В якутском языке при фразеологической номинации молодого и зрелого возраста основным ядрообразующим компонентом выступают различные зоонимы. Так, в якутской лингвокультуре с образом жеребёнка ассоциируется молодой и цветущий возраст человека: *уол оьо, ат кулун* (букв.: парень-жеребёнок) [Нелунов, 2002. С. 262].

В этнокультурной картине мира якутов энергичного молодого человека, лучшего среди своих сверстников, сравнивают с соболем-одиноком: *уол оьо одьунааһа* (букв.: молодец, как соболю одинок) [Нелунов, 2002. С. 262]. Слово *одьунаас* ‘соболю-одинок’ является заимствованием, восходящим к русскому существительному *одиноц*, проникшему в дореволюционное время из русского языка со значением ‘соболю самого высшего разбора’. Именно признак ‘лучший, первый’ является основным при характеристике лица: «Этим словом называют человека, который в каком-то деле, ситуации, обстоятельстве показывает себя с лучшей стороны» [Лиханов, 1994. С. 45].

Сравнения с ценной пушниной, соболем удаивалась и лучшая девушка среди своих сверстниц, о чем свидетельствует ФЕ с этнокультурной маркированностью: *кыыс оьо кылааннааҕа* (букв.: красавица, как соболю) [Нелунов, 2002. С. 279].

В тюркских языках широко характеризуется период взросления, возмужания, достижения физической зрелости человека. При этом активность в фразеобразовании демонстрируют соматические компоненты *эт ~ эът* ‘тело’ в якутском, тувинском языках, *кан* ‘кровь’ в хакасском, *хол ~ кол* ‘руки’ в якутском, алтайском, хакасском языках, *бут* ‘ноги’ в алтайском, тувинском языках: як. *эт туппун* (букв.: тело держать) [Нелунов, 2002. С. 411]; тув. *эът туттун* (букв.: тело строится) [ТРС, 2008. С. 449]; як. *холун этэ хойдубут* (букв.: созрела плоть рук) [Нелунов, 2002. С. 359]; алт. *колга-бутка турган* (букв.: встал на руку-ногу) [Чумакаев, 2005. С. 137]; хака. *холы тыгалах* (букв.: руки его еще не окрепли); тув. *буду эзеңгиге чет* (букв.: нога его стремилась достичь).

В якутской фразеологии представлен синонимичный соматический ряд, характеризующий период взросления и возмужания человека, который в тюркских языках Южной Сибири по набору компонентов не находит аналогий.

Так, в состав якутских ФЕ входят слова-компоненты *борбуй* ‘подколенки’, *унуох* ‘кости’, *иниир* ‘сухожилия’, *буут* ‘ляжки’, *сис* ‘поясница’: *борбуйа сонуур* (букв.: полнеют подколенки) [ТСЯЯ, 2005. С. 388]; *борбуйун көтөхпүт* (букв.: поднявший подколенки) [Нелунов, 2002. С. 138], *унуоҕа кытаатта* (букв.: окрепли кости) [Нелунов, 2002. С. 258], *иниирэ кытааппыт* (букв.: окрепли сухожилия) [Нелунов, 2002. С. 204], *буутун этэ буспун* (букв.: созрела плоть ляжек) [Нелунов, 2002. С. 147], *сипин этэ сиппит* (букв.: созрела плоть поясницы) [БТСЯЯ, 2011. С. 452]. Семантика приведенных фразеологизмов указывает на процесс постепенного физиологического и психического роста человека [Брагина, 2005. С. 53].

Из приведенных якутских соматизмов в семантическом плане интерес вызывают лексемы *борбуй* ‘подколенки’ и *сис* ‘поясница’. Так, соматизм *борбуй* ‘подколенки’ имеет прямую лексическую параллель с каз. *борбай, борнай* ‘пах, ляжка’ [ТСЯЯ, 2005. С. 387], который можно считать кыпчакским компонентом в якутском лексическом фонде. Соматизм *сис* в современном якутском языке имеет первичное значение ‘поясница; позвоночник’, вторичное значение – ‘возвышенное место (обычно лесистое) между двумя водоёмами; широкий лесной массив’, который имеет прямую параллель с др.-тюрк. *йыш* ‘горы, покрытые лесом, чернь’ [Пекарский, 1958. стб. 2248], др.-тюрк. *йыш* ‘нагорье с долинами, удобными для поселения’ [БТСЯЯ, 2011. С. 453]. В целом во многих культурах мира части тела человека отождествляются с природным ландшафтом, видимо, из-за того, что человек начал постигать окружающий мир с познания

самого себя. Вместе с тем кыпчакский компонент *борбуй* ‘подколенки’ и древнетюркский компонент *сис* ‘поясница’ демонстрируют в якутском языке низкую фразеологическую активность, в отличие от других перечисленных соматизмов.

Из сопоставляемых родственных языков при фразеологизации периода взросления и возмужания человека специфичную номинацию выдают алтайский и казахский языки. Так, в алтайском языке в составе ФЕ используется соматизм *кемирчек* ‘хрящ’: *кемирчеги кадын кал* (букв.: хрящи его затвердеть). В казахской фразеологии используются соматизмы *буын* ‘сустав’, *бұғана* ‘ключица’: *буыны беку* (букв.: окрепнуть, затвердеть суставам) [КРФС, 1988. С. 55], *бұғанасы қату* (букв.: окрепнуть ребрами у ключицы) [КРФС, 1988. С. 55].

В молодом возрасте человек оценивается как неопытный, недостаточно окрепший физически и духовно. Данная характеристика в рассматриваемых тюркских языках передается через ассоциативный образ рта / губ, у которого еще молоко / молозиво не высохло / не очистилось: як. *уоһа уоһахтаах* (букв.: с молозивом на губах) [Нелунов, 2002. С. 265]; тув. *аксында суду кеппээн* (букв.: во рту его молоко его еще не высохло); алт. *оос сүдү араалах* (букв.: рот молоко-его еще не очистилось); хак. *аас сүдү араалах* (букв.: рот молоко не очистилось) [Боргоякова, 1996. С. 12]. В турецком фразеобразовании данная номинация выражается через образ рта с запахом молока, в казахском через образ рта с сычужиной: тур. *ağzını süt kokan* (букв.: его рот молоком пахнущий) [БТРС, 2006. С. 31]; каз. *аузынан мэйегі арылмаған* (букв.: сычужина еще во рту) [КРФС, 1988. С. 33].

Оценка молодости и неопытности в тюркских языках Южной Сибири, в отличие от якутского языка, происходит с участием и других соматизмов, таких как *арка* ~ *арға* ‘спина’ в алтайском, хакасском языках; *мойын* ‘шея’, *пил* ‘поясница’, *оорха-сёёк* ‘позвоночник’ в хакасском языке, *баи* ‘голова’, *балдыр* ‘икра (ноги)’ в тувинском языке: алт. *аркасыны тыныбаган* (букв.: спина стан его не окрепли) [Тюнтешева, 2006. С. 65]; хак. *арға-мойын тымбаан* (букв.: спина-шея не затвердела) [Боргоякова, 1996. С. 23]; хак. *пилі хатхалах / холы тыыгалах* (букв.: поясница его еще не затвердела, руки его еще не окрепли) [Тюнтешева, 2006. С. 65]; хак. *оорха-сёёги тыыгалах* (букв.: позвоночник не окрепший); тув. *бажы катпаан* (букв.: голова его еще не затвердела) [Тюнтешева, 2006. С. 43]; тув. *балдыры катпаан* (букв.: икра (ноги) его еще не затвердела).

В отличие от тюркских языков, в якутском языке молодость и неопытность передаются через фразеологический образ лица с соплей в носу, также через ассоциативный образ человека, у которого сопли в носу еще не высохли: *сыынҥын соспут* (букв.: сопли распустил); *муннун сыына куура илик* (букв.: у него сопли в носу еще не обсохли) [БТСЯЯ, 2012. С. 521].

В рассматриваемых тюркских языках фразеологической номинацией пожилого возраста охвачен процесс постепенного ослабления деятельности всего организма человека. В первую очередь, у состарившегося человека седеют волосы, что представлено в следующих тюркских фразеологизмах: як. *араҕас баттахтаах* (букв.: седовласый), *араҕастыйбыт баттахтаах аар тойон аҕам* (букв.: с пожелтевшими волосами почтенный мой отец) [Габышева, 2009. С. 55]; хак. *ах саар нас* (букв.: седая голова); тув. *бажы агара берген* (букв.: голова его поседела) [ТРС, 2008. С. 35].

Якутское прилагательное *араҕас* ‘светло-желтый’ (< *араҕастый* ‘сесть до желтизны’), как и пратюркская основа *saryu (~ *sary*), претерпевает метафоризацию значения: ‘желтый’, ‘бледный’ → ‘старый’, ‘умудренный жизнью’ [Габышева, 2009. С. 56].

В тюркском обществе, как и в других социумах, к человеку, дожившему до мудрой старости, люди молодого и среднего возраста всегда относятся с особым почтением. Старейшин в обществе называют: др. тюрк. *qarı baş* (букв.: старая голова) [ДТС, 1969. С. 426]; як. *баста-*

ахтар (букв.: имеющий голову) [Пекарский, 1958. Стб. 394], тем самым подчеркивается их особый статус, главенствующая роль в семейном и родовом кругу.

В якутской фразеологии фиксируется оценочная характеристика физиологического изменения человека в связи с достижением пожилого возраста, человек начинает худеть, сохнуть от старости: *этин сүүйтэрбит* (букв.: терять тело) [Нелунов, 2002. С. 408]; у старого человека ослабевают ум, рассудок: *этэрбэһин охсуһуннаарар* (букв.: ударяет торбазами) [Нелунов, 2002. С. 265]; ослабевают кровообращение: *хаана кэхтибит* (букв.: кровь его пошла вспять) [Пекарский, 1958. Стб. 1006]; выпадают зубы: *хорук тиһэ хоойнугар тохтон эрэр* (букв.: его белые как сарана зубы начинают осыпаться ему за пазуху) [Пекарский, 1958. Стб. 2701]. Из подобных опорных компонентов ФЕ интерес вызывает *этэрбэс* ‘всякая верхняя обувь, мужская и женская, зимняя и летняя’, который сравним с тюркским *этик* в том же значении [Пекарский, 1958. Стб. 315].

В отличие от якутского языка, в рассматриваемых нами тюркских языках фразеологическая номинация старца, почтенного человека происходит с участием соматических лексем *saqal* ‘борода’, *soġum* ‘мясо’, *söök* ‘кости’, *köz* ‘глаз’: др. тюрк. *aq saqal (er)* (букв.: белая борода) [ДТС, 1969. С. 48]; алт. *карган соġум* (букв.: старое мясо) [Чумакаев, 2005. С. 129]; хак. *кири сөөктөр* (букв.: старые кости) [ХРС, 2006. С. 505]; каз. *көне көз* (букв.: старый глаз) [КРФС, 1988. С. 107].

В фразеологическом фонде якутского языка сохранилась также устойчивая номинация пожилого мудрого всезнающего человека, обладающего талантом красноречивого рассказчика: *сээркээн сэхэн* (букв.: красноречивый говорун) [БТСЯЯ, 2012. С. 607]. Якутская лексема *сэхэн* ‘мыслитель, мудрец’ имеет тюрко-монгольские аналогии: тюрк. *чэчэн, чечен, шешен* ‘красноречивый; сказитель, народный певец; мудрец’, монг. *цэцэн* ‘мудрый, умный; мудрец’ [БТСЯЯ, 2012. С. 608]. Несомненно, ФЕ *сээркээн сэхэн* (букв.: красноречивый говорун) в фразеологический оборот взята из якутской мифологии, согласно которой *сээркээн сэхэн* – всезнающий старик, таежный мудрец, знаток дорог. Как отметил И. В. Пухов: «Образ уникальный, созданный таежным народом. Его изображают совсем маленьким («с наперсток»), высохшим старцем: тело его ушло в мудрость. Но этот высохший старец может оказаться сильнее любого сильнейшего богатыря. Его все боятся и уважают» [Пухов, 2016. С. 15].

В якутском, турецком, казахском языках обнаруживается общая семантика при характеристике прожившего большую часть жизни, болезненного пожилого человека, доживающего свой век: як. *үтүгэнэ күүрэйбит* (букв.: худое его сплыло) [Нелунов, 2002. С. 303]; як. *өнкөөтүн өнөйбүт* (букв.: смотреть в могильную яму) [Нелунов, 2002. С. 71]; тур. *iki ayağı çukurda* (букв.: обе ноги в могиле) [БТРС, 2006. С. 79]; тур. *gözü toprağa bakmak* (букв.: смотреть (глазами) в могилу (в землю)) [БТРС, 2006. С. 357]; каз. *бір аяғы жерде, бір аяғы қорде* (букв.: одной ногой на земле, а другой – в могиле) [КРФС, 1988. С. 56]. Так, в турецком и казахском языках опорными компонентами выступают соматизмы *ayak* ~ *аяк* ‘ноги’ и *göz* ‘глаз’, а в якутском языке используются специфичные лексемы вторичного значения *үтүгэн* ‘худое’ и *өнкөөт* ‘могильная яма’. Первичное значение якутского слова *үтүгэн* ‘Нижний мир, где обитают злые духи, преисподняя’, которое сравнивается с др.-тюрк., тюрк. *Ötüken* ‘место обитания тюрков в северной Монголии’ [БТСЯЯ, 2015. С. 563], а этимология якутского слова *өнкөөт* ‘могильная яма’ еще не установлена.

В якутской фразеологии обнаруживается специфичная фразеологическая номинация пожилого умирающего человека, которая хранит в себе мифологические представления наивной картины мира этноязыкового коллектива: *күлүгэ хараарбыт* (букв.: тень его почернела) [Григорьев, 1947. С. 48], в основании которой лежит представление о том, что, «вероятно, к тени

умирающего присоединялась тень злого духа, проникшего в его тело, что предполагало изменение состояния и качества человека» [Бравина, 2005. С. 44].

Человека, находящегося при смерти, якуты номинируют устойчивым сочетанием *тыына кылгаабыт* (букв.: у него укоротилось дыхание) [ЯРС, 1988. С. 56], в котором дыхание человека «понималось как наиболее явный и важный признак жизненного процесса, которое мыслилось подобно нити, связующей его с истоком жизненной энергии, сосредоточием которой представлялись светлые божества айыы» [Бравина, 2005. С. 156].

Также о человеке пожилого возраста обычно говорили *күнэ арбаалаабыт* (букв.: солнце (его) склонилось к западу) [Бравина, 2005. С. 205]. В ассоциативно-образном основании ФЕ лежит идея о том, что источник жизни, света – солнце, постепенно закатываясь на запад, интуитивно воспринимается как конец, окончание цикла жизни человека. Согласно религиозным воззрениям якутов, в западной стороне света находится загробный Нижний мир, куда отправляются души умерших [Алексеев, 2005. С. 121]. Якутская лексема *арбаа* сравнивается с тюрк. арка ‘спина’.

В тюркском мировоззрении *qış* ‘зима, зимний период года’ ассоциируется с порой старости и увядания [ДТС, 1969. С. 448], что отражено в устойчивом выражении *qatır bardı andın başı bolrı qış* ‘у того ушла крепость, и голова его стала зимою (т. е. поседела)’ [ДТС, 1969. С. 433]. Семантически близкая номинация ‘доживать до глубокой старости’ наблюдается и в якутском языке: *үгүс ардабы, хаары үрдүгэр түһэрбит кырдыаһас* (букв.: старец, раставший на плечах обильный дождь и снег) [БТСЯЯ, 2014. С. 307].

Как известно, жизненный опыт приходит к человеку не с годами, а определяется обилием прожитых и глубиной пережитых ситуаций. В тюркском фразообразовании при номинации человека, претерпевшего жизненные невзгоды, опытного, матерого, участвуют различные соматические компоненты:

- *баш ~ нас ~ baş* ‘голова’ в тувинском, хакасском, турецком языках: тув. *сөөк баштыг* – букв. с костлявой головой [ТРС, 2008.С.98]; хака. *хара пазы хатхан* – букв. черная голова его затвердела; тур. *başı taşı değdi* – букв. его голова задела камень [БТРС, 2006. С.99].

- *кулгаах* ‘уши’, *харах-көз* ‘глаза’ в якутском и казахском языках: як. *кулгааба-хараба кэнээбит киһи* – букв. человек, у которого расширенные уши-глаза [Кулаковский, 1979. С.137]; каз. *көзі қанық* – кто-либо сведущ, опытен в чем-л. [КРФС, 1988. С.103].

- *тіс* ‘зубы’ в хакасском и казахском языках: хака. *хасха тізі саргалған* – букв. белые зубы его пожелтели; каз. *тіс қаққан* – букв. выбивший зуб [КРФС, 1988. С.184].

- *el* ‘руки’ и *ağız* ‘рот’ в турецком языке: *eli yordamlı* – букв. его рука опытная [БТРС, 2006.С.267], *ağız uyanık* – букв. его рот обожженный [БТРС, 2006.С.31].

- *быар* ‘печень’, *дьүлэй (дьулай)* ‘темя’, *мурун* ‘нос’ в якутском языке: *быара хангаабыт, дьүлэйэ (дьулайы) бүппүт киһи* – букв. человек с заросшей печенью и теменем [Пекарский, 1958. Стб. 3310]; *мунна тыллыбыт киһи* – букв. человек с поротыми ноздрями [БТСЯЯ, 2012. С.364]. Якутский соматизм *дьулай* параллелен п.-монг. *дьулай* в том же значении [ТСЯЯ, 2006. С.437].

В якутской фразеологии оценка опытного, бывалого человека устанавливается с участием компонентов, не встречающихся в составе ФЕ рассматриваемых тюркских языков. Это сравнение с животными *ыт* ‘собака’ и *бөрө* ‘волк’ – *кырдыаһас ыт (бөрө)* – букв. старый пёс (волк) [БТСЯЯ, 2008. С. 326]. Организация ФЕ с помощью слов-компонентов материальной и традиционной культуры якутов *хаарбах* ‘большой железный котёл’, *мунха* ‘невод’: *хаарбахха хаарылыбыт киһи* – букв. человек, сварившийся в котле; [Кулаковский, 1979.С.195]; *мунхатын хараба кэнээбит киһи* – букв. человек, у которого расширена чека невода [Кулаковский, 1979. С. 149], также и с помощью компонента названия древесного растения се-

мейства ивовых *талах* 'ива': *измэх талахтыы эриллибит* – закалился, стал выносливым, готовым к трудностям жизни, букв. закалился как легкогнувшаяся ива [БТСЯЯ, 2013. С. 170]. Все используемые в составе ФЕ компоненты – тюркского происхождения, кроме лексемы *мунха* 'большая рыболовная сеть, невод для коллективного рыболовства', которая имеет прямую параллель с эвенкийским *мунгка* 'невод' [БТСЯЯ, 2009. С. 354].

Таким образом, рассмотренный фразеологический материал якутского и тюркских языков Южной Сибири (алтайского, хакасского, тувинского), казахского и турецкого языков проявляет следующие общие моменты.

В фразеологической номинации детского возраста выявляются якутско-хакасские фразеологические параллели в оценке младенца и в характеристике шустрого, непослушного ребёнка. Устанавливаются общие корни в устойчивом назывании родного сына с использованием лексемы компонента *börü* / *бөрө* в древнетюркском и якутском языках.

В фразеологической номинации периода взросления, возмужания, достижения зрелости человека выявляются якутско-алтайско-хакасские, якутско-тувинские фразеологические параллели с участием соматических компонентов *эт* ~ *эът* 'тело', *хол* ~ *кол* 'руки'. Почти во всех рассматриваемых языках обнаруживаются схожие ассоциативные образы рта / губ, у которого молоко / молозиво не высохло / не очистилось, при характеристике молодого человека, неопытного, недостаточно окрепшего в физическом и духовном плане.

В фразеологической номинации пожилого возраста выявляется общая семантика в якутском, тувинском, хакасском языках, основанная на фразеологическом образе седеющих волос/головы. В якутском, турецком и казахском языках обнаруживается общая семантика в характеристике болезненного, старого человека, отживающего свой век, однако фразеологизация происходит с набором отдельных опорных компонентов. В древнетюркском и якутском языках старейшин номинируют с помощью соматизма *бас* ~ *baş*, а пожилой возраст человека ассоциируется с зимним периодом года. В фразеологической номинации жизненного опыта обнаруживается якутско-казахская параллель с участием соматизма *харах~көз* 'глаза'.

Не имеющие аналогии в якутском языке фразеологические параллели в тюркских языках Южной Сибири, турецком и казахском языках, свидетельствует о том, что данные тюркские фразеологизмы возникли после отделения якутской ветви от основного пратюркского ядра тюркских языков.

А национально-специфические фразеологизмы якутского языка, не имеющие параллелей в родственных тюркских языках, подтверждают тезис о том, что формирование этих фразеологизмов протекало в процессе его развития в условиях неkontakта с последними.

В целом входящие в состав якутских фразеологизмов опорные слова-компоненты в подавляющем большинстве имеют тюркское происхождение, а наличие определенного количества монголизмов и параллелей в тунгусо-маньчжурских языках свидетельствует о том, что данные лексемы в якутском языке возникли вследствие взаимных контактов и взаимодействия.

Список литературы / References

- Алексеев Н. А. Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск: Наука, 2008. 494 с.
Alekseev N. A. Etnografiya i fol'klor narodov Sibiri [Ethnography and Folklore of the Peoples of Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2008, 494 p. (in Russ.)
- Анисимов Р. Н. Фразеологические параллели якутского и тюркских языков Южной Сибири (на примере соматических фразеологизмов качественно-оценочной характеристики человека) // Түркология. Туркестан, 2013. №1. С.11–18.

- Anisimov R. N.** Frazеologicheskie paralleli yakutskogo i tyurskikh yazykov Yuzhnoj Sibiri (na primere somaticheskikh frazeologizmov kachestvenno-otsenочноj kharakteristiki cheloveka) [Phraseological Parallels in Yakut and Turkic Languages of South Siberia (On Example of Somatic Phraseological Units of Qualitative-Evaluative Characteristics of a Person)]. *Tyurkologiya* [Turcology]. Turkestan, 2013, № 1, p. 11–18. (in Russ.)
- БТРС** – Большой турецко-русский словарь / сост. Баскаков А. Н. и др. 3-е изд. М.: Живой язык, 2006. 960 с.
Bol'shoi turetsko-russkii slovar' [Big Turkish-Russian Dictionary]. Comp. by Baskakov A. N. et al. 3rd ed. Moscow, Zhivoi yazyk Publ., 2006, 960 p. (in Russ.)
- БТСЯЯ** – Большой толковый словарь якутского языка: В 15 т. / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008. Т. 5: К. 616 с.; 2009. Т. 6: Л, М, Н. 519 с.; 2010. Т. 7: Њ, О, Ө, П. 519 с.; 2011. Т. 8: С сөллөбөр. 572 с.; 2012. Т. 9: С – сөллөй – сээн, Ъ. 630 с.; 2013. Т. 10: Т: т – төһүүлээ. 575 с.; 2014. Т. 11: Т – төтөллөөх – тээтэннээ. 528 с.; 2015. Т. 12: У, Ү. 598 с.; 2016. Т. 13: Х. 639 с.
Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka: V 15 t. [Big Yakut Explanatory Dictionary: In 15 vol.] P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka Publ., 2008, vol. 5: K. 616 p.; 2009, vol. 6: L, M, N. 519 p.; 2010, vol. 7: N', O, Ө, P. 519 p.; 2011, vol. 8: S sölleboer. 572 p.; 2012, vol. 9: S (sölleij – seen), Ъ. 630 p.; 2013, vol. 10: T: (t – töhyüleheh). 575 p.; 2014, vol. 11: (T – tetellöekh – teetennee). 528 s.; 2015, vol. 12: U, Y. 598 p. 2016, vol. 13: KH. 639 p. (in Russ.)
- Базен Л.** Концепция возраста у древних тюркских народов (Пер. с фр. Д. Д. и Е. А. Васильевых) // Зарубежная тюркология. Вып. I. М.: Наука, 1986. С. 361–379.
Bazen L. Kontsepsiya vozrasta u drevnikh tyurkskikh narodov [Ancient Turkic Concept of Age]. Zarubezhnaya tyurkologiya [Foreign Turkology]. Iss. I. Moscow, Nauka Publ., 1986, p. 361–379. (in Russ.)
- Боргоякова Т. Г.** Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1996. 144 с.
Borgoyakova T. G. Kratkii khakassko-russkii frazeologicheskii slovar' [Concise Khakas-Russian Phraseological Dictionary]. Abakan, KHSU of N. F. Katanov Publ., 1996, 144 p. (in Russ.)
- Бравина Р. И.** Концепция жизни и смерти в культуре этноса: На материале традиций саха. Новосибирск: Наука, 2005. 307 с.
Bravina R. I. Konceptsiya zhizni i smerti v kul'ture etnosa: Na materiale tradicii saha [Concept of Life and Death in Ethnic Culture: On Materials of Sakha Traditions]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005, 307 p. (in Russ.)
- Бутанаев В. Я.** Культ богини Умай у хакасов // Этнография народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. С. 93–105.
Butanaev V. Ya. Kul't bogini Umai u khakasov [Khakas Cult of Goddess Umai]. Etnografiya narodov Sibiri [Ethnography of Siberian Peoples]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984, p. 93–105. (in Russ.)
- Бутанаев В. Я.** Саяно-алтайская языковая общность // Материалы Международной научной конференции «Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации». Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2012. С. 32–46.
Butanaev V. Ya. Sayano-altaiskaya yazykovaya obshhnost' [Sayan-Altaic Language Commonality]. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Etnokul'turnye vzaimodeistviya v Evrazii: prostranstvennye i istoricheskie konfiguratsii» [Materials of International Scientific Conference “Ethnocultural Interaction in Eurasia: Spatial and Historical Configurations”]. Barnaul, 2012, p. 32–46. (in Russ.)
- Габышева Л. Л.** Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов. Чтения по истории и теории культуры. Вып. 38. М.: РГГУ, 2003. 192 с.
Gabysheva L. L. Slovo v kontekste mifopoehticheskoi kartiny mira (na materiale yazyka i kul'tury yakutov [The Word in the Context of the Mythopoetic Picture of the World (On the Basis of Yakut Language and Culture)]. *Chteniya po istorii i teorii kul'tury* [Readings on the History and Theory of Culture]. Iss. 38. Moscow, 2003, 192 p. (in Russ.)
- Габышева Л. Л.** Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
Gabysheva L. L. Fol'klorny tekst: semioticheskie mekhanizmy ustnoi pamyati [Folklore Text: Semiotic Mechanisms of Oral Memory]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2009, 143 p. (in Russ.)
- Готовцева Л. М., Андреева А. В.** Лингвокультурологический анализ ФЕ, обозначающих понятие возраст человека (на материале немецкого и якутского языков) // Материалы Междуна-

родной научной конференции «Россия – Германия: историко-культурные контакты». Якутск, 2006. С. 258–270.

Gotovtseva L. M., Andreeva A. V. Lingvokul'turologicheskii analiz FE, oboznachayushhikh ponyatie "vozrast cheloveka" (na materiale nemetskogo i yakutskogo yazykov) [Linguoculturological Analysis of Phraseological Units Denoting the Concept of the Age of a Person (On the Material of German and Yakut Languages)]. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Rossiya – Germaniya: istoriko-kul'turnye kontakty» [Materials of the International Scientific Conference "Russia-Germany: Historical and Cultural Contacts"]. Yakutsk, 2006, p. 258–270. (in Russ.)

Добровольский Д. О., Малыгин В. Т., Коканина Л. Б. Сопоставительная фразеология: (на материале германских языков): курс лекций. – Владимир. гос. пед. ин-т им. П. И. Лебедева-Полянского. Владимир: ВГПИ, 1990. 79 с.

Dobrovol'skii D. O., Malygin V. T., Kokanina L. B. Sopostavitel'naya frazeologiya: (na materiale germanskikh yazykov): kurs lektzii [Comparative Phraseology: (On the Material of Germanic Languages): a Course of Lectures]. Vladimir, VSPi Publ., 1990, 79 p. (in Russ.)

ДТС – Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 676 с.

Drevnetyurkskii slovar' [Old Turkic Dictionary]. Ed. by Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 676 p. (in Russ.)

КРФС – Казахско-русский фразеологический словарь / Сост.: К. Х. Кожаметова, Р. Е. Жайсакова, К. Х. Кожаметова. Алма-Ата: Мектеп, 1988. 224 с.

Kazakhsko-russkii frazeologicheskii slovar' [Kazakh-Russian Phraseological Dictionary]. Alma-Ata, Mektep, 1988, 224 p. (in Russ.)

Кулаковский А. Е. Научные труды. [Подготовили к печати: Н. В. Емельянов, П. А. Слепцов]. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 484 с.

Kulakovskii A. E. Nauchnye trudy [Academic Works]. Yakutsk, 1979, 484 p. (in Russ.)

Лиханов В. И. Эмоционально-оценочные и экспрессивные слова в якутском языке. Новосибирск: ВО «Наука». Сиб. изд. фирма, 1994. 130 с.

Likhanov V. I. Emotsional'no-otsenochnye i ehkspressivnye slova v yakutskom yazyke [Emotional-Evaluative and Expressive Words in the Yakut Language]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1994, 130 p. (in Russ.)

Нелунов А. Г. Якутско-русский фразеологический словарь / Сост. А. Г. Нелунов. Новосибирск, 2002. Т. 1. 287 с. Т. 2. 420 с.

Nelunov A. G. Yakutsko-russkii frazeologicheskii slovar' [Yakut-Russian Phraseological Dictionary]. Novosibirsk, 2002, vol. 1. 287 p.; vol. 2, 420 p. (in Russ.)

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. I. 1280 с.; 1959. Т. II. 2508 с.; 1959. Т. III. 3858 с.

Pekarskii E. K. Slovar' yakutskogo yazyka [Yakut Dictionary], Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1958, vol. I, 1280 p; 1959, vol. II, 2508 p.; 1959, vol. III, 3858 p. (in Russ.)

Потапов Л. П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник, 1972. М.: Наука, 1973. С. 265–286.

Potapov L. P. Umai – bozhestvo drevnikh tyurkov v svete ehtnograficheskikh dannyykh [Umai, the Ancient Turkic Deity, in the Light of Ethnographic Data]. *Tyurkologicheskii sbornik [Turkological Anthology]*. Moscow, Nauka Publ., 1973, p. 265–286. (in Russ.)

Пухов И. В. Олонхо – древний эпос якутов. 2-е изд., стер. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2016. 48 с.

Pukhov I. V. Olonkho – drevnii epos yakutov [Olonkho, the Ancient Yakut Epic]. Yakutsk: SVFU Publ., 2016, 48 p. (in Russ.)

Ройзензон Л. И., Ройзензон С. И. Некоторые соображения о сравнительном изучении фразеологии (на материале устойчивых компаративных оборотов восточных языков) // Вопросы фразеологии и грамматического строя языков. Самаркандский государственный университет А. Навои. Ташкент, 1967. С. 110–114.

Roizenzon L. I., Roizenzon S. I. Nekotorye soobrazheniya o sravnitel'nom izuchenii frazeologii (na materiale ustoychivyykh komparativnykh oborotov vostochnyykh yazykov) [Some Consideration about Comparative Phraseology Studies (On the Basis of Eastern Comparative Expressions)]. *Voprosy frazeologii i grammaticheskogo stroya yazykov [Issues*

- of Phraseology and Grammatical Language Systems]. Tashkent, A. Navoi Samarkand State University Publ., 1967, p. 110–114. (in Russ.)
- СИГТЯ**, 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative Historical Grammar of Turkic Languages. Lexis]. 2nd ed., ext. Moscow, Nauka Publ., 2001, 822 p. (in Russ.)
- СИГТЯ**, 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные конструкции / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. 767 с.
Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Regional'nye konstruktssii [Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. Regional Constructions]. Ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka Publ., 2002, 767 p. (in Russ.)
- СИГТЯ**, 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский языко-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006 с. 908 с.
Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskii yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka [Comparative Historical Grammar of Turkic Languages. Pre-Turkic Protolanguage. Pre-Turkic Ethnic World View According to Linguistic Data]. Ed. by E. R. Tenishev, A. V. Dybo. Moscow, Nauka Publ., 2006, 908 p. (in Russ.)
- ТРС** – Тувинско-русский словарь / Сост. Э. Р. Тенишев. М.: Самиздат, 2008. 338 с.
Tuvinsko-russkii slovar' [Tuvan-Russian Dictionary]. Comp. by E. R. Tenishev. Moscow, Samizdat Publ., 2008, 338 p. (in Russ.)
- ТСЯЯ** – Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. Т. 2: Б. 912 с.; 2006. Т. 3: Г, Д, Дь, И. 844 с.
Tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka [Yakut Explanatory Dictionary]. Ed. by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005, vol. 2: B, 912 p.; 2006, vol. 3: G, D, D', I, 844 p. (in Russ.)
- Чумакаев А. Э.** Алтайско-русский фразеологический словарь. Горно-Алтайск: Институт алтаистики им. С. С. Суразакова, 2005. 312 с.
Chumakaev A. E. Altaisko-russkii frazeologicheskii slovar' [Altai-Russian Phraseological Dictionary]. Gorno-Altai, S. S. Surazakov Institute of Altaistics Publ., 2005, 312 p. (in Russ.)
- ХРС** – Хакасско-русский словарь / Под ред. Субраковой О. В. Новосибирск: Наука, 2006. 1115 с.
Khakassko-russkii slovar' [Khakas-Russian Dictionary]. Comp. by O. V. Subrakova. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006, 1115 p. (in Russ.)
- ЯРС** – Якутско-русский словарь. М.: Сов. энцикл. 1972. 605 с.
Yakutsko-russkii slovar' [Yakut-Russian Dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopedia Publ., 1972, 605 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
30.08.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Анисимов Руслан Николаевич, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (ул. Кулаковского, 42, Якутск, 677000, Россия, teployakutia@mail.ru)
Ruslan N. Anisimov, Ammosov North-East Federal University (42 Kulakovsky Str., Yakutsk, 677000, Russian Federation, teployakutia@mail.ru)

УДК 811.161.1 + 81'282.2 + 81'373.4
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-43-52

Расширенный компонентный состав как проявление конструктивной вариантности фразеологизмов (на примере печорских и общерусских оборотов)

И. С. Урманчеева

*Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
Сыктывкар, Россия*

Аннотация

Рассматриваются различные проявления конструктивной вариантности общерусских и диалектных фразеологических единиц. Основное внимание уделяется печорским оборотам, имеющим расширенный компонентный состав с функционально разнообразными компонентами-распространителями. Сокращение или увеличение количества компонентов фразеологизма по-разному влияет на его внутреннюю форму и идиоматичность: повышает непрозрачность фразеологизма при сокращении компонентного состава и ведет к прояснению внутренней формы при его расширении, а иногда служит попыткой народно-этимологической дешифровки образа. Некоторым оборотам с компонентами-распространителями присуща семантическая избыточность, плеонастичность. В ряде случаев уточняющий компонент может провоцировать семантические сдвиги фразем или способствовать репрезентации иных ментальных установок. Практическая ценность сопоставления диалектных и общерусских конструктивных вариантов (кроме выводов о структурно-семантических и образно-прагматических свойствах фразеологизмов) заключается в возможности уточнения историко-этимологических версий и прояснения фразеологического образа.

Ключевые слова

говоры Низовой Печоры, печорская фразеология, конструктивная вариантность фразеологизмов

Для цитирования

Урманчеева И. С. Расширенный компонентный состав как проявление конструктивной вариантности фразеологизмов (на примере печорских и общерусских оборотов) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 43–52. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-43-52

Expanded Component Structure as Manifestation of Constructive Alternativeness of Phraseological Units (on Example of Pechora and All-Russian Expressions)

I. S. Urmanceeva

*Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
Syktyvkar, Russian Federation*

Abstract

In the following article, various manifestations of constructive alternativeness of the all-Russian and dialect phraseological units are considered. The main attention is paid to the Pechora turns (that is to set expressions, which are used in

© И. С. Урманчеева, 2018

ISSN 1818-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 9: Philology

dialects of Local Pechora – the speech of radical Russian residents of the settlements located down the river to Pechora and its inflows to Pizhma, Tsilma and Neritsa) having expanded component structure with functionally various components distributors. As a rule, it is lexemes definitions (adjectives, participles, ordinal numerals, possessive pronouns), but also the components performing adverbial or object and additional functions meet. The structure of the Pechora phraseological units sometimes extends also at the expense of verbal components which, however, can represent an obligatory verbal environment, but phraseological unit not to be included. Reduction or increase in quantity of components of a phraseological unit differently influences his internal form and an idiomaticity: increases opacity of a phraseological unit at reduction of component structure and leads to clearing of an internal form at his expansion, and sometimes serves as attempt of national and etymological decoding of an image. The semantic redundancy, a pleonasm inherent in some turns with components distributors. In some cases the specifying component can provoke semantic shifts of phraseological units or promote representation of other mental installations. The practical value of comparison of dialect and all-Russian constructive options (except conclusions about structural-semantic and figurative and pragmatical properties of phraseological units) consists in a possibility of specification of historical and etymological versions and clearings of a phraseological image.

Keywords

dialects of Local Pechora, Pechora phraseology, constructive alternativeness of phraseological units

For citation

Urmancheeva I. S. Expanded Component Structure as Manifestation of Constructive Alternativeness of Phraseological Units (on Example of Pechora and All-Russian Expressions). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9: Philology, p. 43–52. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-43-52

Конструктивные варианты общерусских фразеологических единиц (ФЕ) в говорах Низовой Печоры характеризуются определенным разнообразием. Это и конструкции, которые соотносятся как полный и краткий варианты, обладающие ритмико-рифмической стройностью (*что бог послал, то и на стол настлал* – общерус. *что бог послал*; *язык без кости, мелет напроusti* – общерус. *язык без костей* и др.) или усложняющие фразеологический образ антитезой, градацией, синтаксическим параллелизмом, каламбуром, абсурдом и другими средствами выразительности (*старый конь борозды не испортит, но и глубоко не вспашет* – общерус. *старый конь борозды не испортит*; *на сердитых воду возят, на горячих хлеб пекут* – общерус. *на сердитых воду возят* и др.).

Конструктивная вариантность осложняется разного рода другими несоответствиями: заменой отдельных лексем (*ласковое дитя две матки сосёт, а постылое ни одной не видит* – общерус. *ласковое теля две матки сосёт*) или целых конструктивных частей (*любишь кататься – саночки волочи* – общерус. *любишь кататься, люби и саночки возить*; *любовь не картошка – не рассадить по грядкам* – общерус. *любовь не картошка, не выбросишь в окошко*); грамматическими отличиями (*остёр на язык, а к делу не привык* – общерус. *острый язык*).

Вариантность фразеологических единиц признается многими учеными. А. И. Молотков различает варьирование компонентов по форме (формальные варианты), по составу (лексические варианты) и варьирование компонентов по составу и по форме [Молотков, 1977. С. 69–86]. В. М. Мокиенко рассматривает формальное и лексическое варьирование [Мокиенко, 1989. С. 29–37]. В. П. Жуков и А. В. Жуков выделяют фонетические, словообразовательные, лексические, морфологические, видовые и конструктивные варианты [Жуков и др, 2006. С. 179–191].

Проблема вариантности в диалектной речи «получает весьма широкие возможности для интерпретации, поскольку вариантами могут быть и фразеологизмы отдельных говоров по отношению к общенародным оборотам, и фразеологизмы одного говора относительно сочетаний

других говоров» [Мокиенко, 1989. С. 23–24]. ФЕ, известные общенародному языку, но структурно и семантически трансформированные в диалектной речи, т. е. выступающие как варианты на фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом уровнях, приводятся в словаре «Человек в русской диалектной фразеологии» М. А. Алексеенко, Т. П. Белоусовой, О. И. Литвинниковой [Алексеенко и др., 2004]. Описывая фразеологические единицы русских говоров Республики Коми, к числу которых относятся и печорские говоры, И. А. Кобелева выделяет ФЕ, которые не отличаются от общенародных фразеологизмов, обороты, соотносящиеся с общерусскими фразеологическими единицами, но отличающиеся от них по некоторым параметрам, и ФЕ, не известные литературному языку [Кобелева, 1999. С. 8–12]. Отметим также, что в предисловии к «Фразеологическому словарю русских говоров Нижней Печоры» Н. А. Ставшина приводит несколько примеров несовпадения общенародных и диалектных фразеологизмов, таких как *ни рожей ни кожей, плетью обуха не прошибёшь, синее море по колено* и др. [ФСРГНП. Т. I. С. 10–12], отмечая тем самым актуальность их детального сравнения.

Цель данного исследования – сопоставление таких конструктивных вариантов ФЕ, которые в говорах Низовой Печоры имеют расширенный компонентный состав по сравнению с общерусскими фразеологизмами и паремиями. Подобные расширения могли появиться во фразеологизмах как результат окказионально-диалектного употребления с целью повышения экспрессивности оборота, народно-этимологического уточнения образа, конкретизации семантики и сужения адресной направленности в условиях частной коммуникативной ситуации. Поэтому есть вероятность, что подобные расширения носят окказиональный, а не узуальный характер. Тем не менее все рассматриваемые печорские устойчивые обороты зафиксированы во «Фразеологическом словаре русских говоров Нижней Печоры» и подтверждены многократными примерами употребления. Возможна и обратная ситуация, когда существовавший ранее расширенный вариант впоследствии подвергся редукции в литературном языке, но сохранился в диалекте. Не исключено сосуществование расширенного и краткого вариантов в одном временном срезе на разных территориях. Вопросы первичности / вторичности краткого и полного конструктивных вариантов в статье не затрагиваются, поскольку их невозможно решать без сопоставления всех территориальных вариантов устойчивых оборотов. Тем не менее необходимо отметить, что исходным может быть как краткий, так и расширенный вариант фразеологизма. Во-первых, может наблюдаться «сжатие» (термин В. М. Мокиенко) фразеологической единицы. «В процессе утраты компонентов фразеологизма происходит все большее затемнение его внутренней формы, утрачиваются последние “намекы” на первоначальную мотивировку» [Мокиенко, 1989. С. 120]. Во-вторых, может происходить противоположный процесс – «развертывание» контекста. «Вклинивание» является средством повышения экспрессивности фразеологизмов при сохранении общего фразеологического значения [Там же. С. 149]. Отметим также, что ФЕ, имеющие расширенный компонентный состав, рассматриваются как **конструктивные** варианты [Жуков и др., 2006. С. 181] или как полная и сокращенная разновидности [Шанский, 1985. С. 50–51]. Н. Ф. Алефиренко называет их **квантитативными** (по количеству слов-компонентов; от лат. *quantum* ‘сколько’): *кривой как (турецкая) сабля* и др. [Алефиренко и др., 2009. С. 74], а И. А. Кобелева – **количественными** [Кобелева, 1999. С. 11].

В статье не утверждается уникальность печорских оборотов, а только констатируется факт их употребления в говорах Низовой Печоры (речи коренных русских жителей поселений, расположенных по реке Печоре и ее притокам Пижме, Цильме и Нерице). Употребляемые в печорских говорах фразеологизмы всех типов – и общенародные, и соотносящиеся с общерусскими устойчивыми оборотами, но отличающиеся от них, и не известные литературному языку – еще мало изучены. Отдельные примеры таких ФЕ приводятся в работе Л. А. Иваш-

ко [Ивашко, 1981]. Фразеологизмам русских говоров Республики Коми (не только печорским) посвящены работы И. А. Кобелевой (см., например: [Кобелева, 1999, 2004, 2011]). Печорская фразеология представлена в словаре Н. А. Ставшиной [ФСРГНП, 2008]. Фразеологической вариантности общерусских и печорских оборотов посвящено более 10 публикаций автора настоящей статьи.

Компоненты-расширения выполняют во ФЕ определительную, обстоятельственную или объектно-дополнительную функции. Несколько сложнее решается вопрос с включением / невключением в состав фразеологизма компонента-глагола. Лексемы-определения (слова, связанные с одним из компонентов ФЕ по принципу согласования) – наиболее распространенный вариант расширения ФЕ. Как правило, это прилагательные, но встречаются также причастия, порядковые числительные, притяжательные местоимения.

Некоторые определения в составе устойчивых оборотов могут показаться избыточными: они реализуют традиционную сочетаемость компонента-существительного, его типичную дистрибуцию, стандартные синтагматические отношения. Например, печорское выражение *синее море по колено* [ФСРГНП. Т. II. С. 286] и общерусское *море по колено; не сладкий мёд* [Там же. Т. II. С. 96] – общерус. *не мёд*. Определения *синее, сладкий* не меняют семантики устойчивых оборотов, но по-разному влияют на них. В разговорном фразеологизме *море по колено* компонент *море* десемантизируется и выступает в качестве эталона очень глубокого водного пространства (ср. не говорится *озеро / река / пруд по колено*). Создается парадоксальный образ несоответствия размеров человека масштабам и глубине моря. Подобные фразеологизмы относят к фраземам-литотам [Алефиренко и др., 2009. С. 190], которые создают красочное изображение денотативной ситуации и передают морально-оценочную интерпретацию действительности [Там же. С. 189]. Прилагательное *синее* в диалектном обороте частично размывает эталонность и символичность компонента *море*, снижая идиоматичность оборота в целом; при этом «освежает» образную основу фразеологизма, не меняя ее. Фразеологизм *синее море по колено* зафиксирован также в селе Летка Прилузского района Республики Коми [Кобелева, 2004. С. 236] (говор этого села не относится к печорским).

В разговорном общерусском обороте *не мёд* реализуются потенциальные семы компонента *мёд* ‘приятное, хорошее, приносящее удовольствие’. Прилагательное *сладкий* усиливает эти коннотации идентичными потенциальными семами. В печорском обороте *не сладкий мёд* положительные семы удваиваются, создавая оценочный плеоназм. Такая же тавтологичность присуща обороту *незванный да неожиданный гость хуже татарина* [ФСРГНП. Т. II. С. 105] (ср. общерус. *незванный гость хуже татарина*). Квазисинонимия определений *незванный* и *нежданный* повышает экспрессивность оборота, придаёт ему новое звучание в результате обогащения фразеологизма новыми смысловыми оттенками.

В общерусском фразеологизме *выйти в люди* компонент *в люди*, употребляющийся без уточняющих определений, следует понимать как ‘достойный, порядочный, уважаемый человек’: как известно, все положительное считается нормой и не нуждается в экспликации. Печорский фразеологизм *в добрые люди выйти* [Там же. Т. I. С. 70] выражает тот же смысл ‘достойный, порядочный человек’ дискретно, посредством прилагательного *добрые*.

В некоторых ФЕ определения уточняют, конкретизируют образ. Сравним общерусский оборот *в семье не без урода* и печорские сходные выражения *в большой семье не без урода* [Там же. Т. I. С. 63] и *в худом роду не без урода, а в богатом два да три* [Там же. Т. I. С. 114]. Семьи в старину были большими, включали родственников нескольких поколений, поэтому определение *в большой* было избыточным, но объективным: если семья маленькая, неужели и в ней есть свой «урод»? Диалектный фразеологизм эксплицирует то, что имплицитно представлено в общерусской поговорке. Это подтверждается и метаязыковым комментарием диа-

лектоносителей-устыцилемов: *В большом роду не без уroda: в большой-то семье детей много, кто-то может быть пьяница, или ленивый, или больной с детства; Шестеро у них, да Колька пьёт, цёйно, в большой семье не без уroda* [Там же]. В современной коммуникативной ситуации в условиях малочисленности семей уточняющее определение *большой* не звучит тавтологично, как это могло быть изначально, при возникновении этимологического образа. Только в *большом, худом и богатом* роду могут быть изъяны. Интересны ментальные установки диалектной пословицы *в худом роду не без уroda, а в богатом два да три*. Негативное оценочное прилагательное *худой* противопоставлено нейтральному *богатый*, которое в противительной конструкции насыщается отрицательными коннотациями. Определения *в худом, в богатом* снимают обобщенно-обезличенную семантику ФЕ и в градуированном виде передают пейоративное отношение печорцев, а может быть и всех русских, к богатым. Общеупотребительная устойчивая фраза *в семье не без уroda* имеет также обобщенное толкование: 'в коллективе всегда есть кто-либо, отличающийся от других какими-либо (чаще дурными) качествами' [Жуков, 2002. С. 61], однако такое расширительное понимание выражения, транслирующего семейные ценности, не распространено на ограниченной территории с небольшим населением.

В говорах Низовой Печоры употребляется фразеологизм за словом *в чужой карман не лезть* (*полезть, ползать*) [ФСРГНП. Т. I. С. 248] (ср. общерус. за словом *в карман не лезет* (*лазит, ползет*)): *Эта на кажно слово ответит, за словом в чужой карман не лезет; Парашка-то у нас языката была, за словом в чужой карман не ползала* [Там же]. Этимологи дают следующее объяснение фразеологического образа общерусского оборота: *карман* – 'мешочек или торбочка, прикрепленная к поясу или одежде снаружи'; лезть в такой карман было труднее, чем в современные карманы: для этого нужно было предварительно развязать шнурок, затягивающий торбочку [Бирих и др., 2007. С. 645]. Этимологическая версия предлагает трактовать образ следующим образом: за словом *в карман* (мешочек) лезть трудно, но находчивый в разговоре человек в этом не нуждается. Слово, которое «хранится» в «кармане-мешочке», приравнивается к деньгам, богатству. Определение *в чужой*, устойчиво употребляющееся в составе ФЕ в говорах Низовой Печоры, – либо результат народноэтимологической трактовки образа, либо утратившийся элемент, позволяющий иначе истолковать первоначальный фразеологический образ. В таком случае находчивость человека в разговоре, отсутствие стеснительности и умение дать отпор освобождает его не от необходимости развязывать свой карман-мешочек, а от необходимости заимствовать, «занимать», «красть» у других.

Современные носители языка воспринимают компонентный состав междиалектных вариантов фразеологических единиц как идентичный. Каждый компонент ФЕ понимается как слово, частично или полностью десемантизированное. И лишь уточняющие определения помогают распознать в составе устойчивых оборотов междиалектные омонимы или полисеманты. В общеизвестной пословице *закон что дышло: куда повернул (повернёшь), туда и вышло* компонент *дышло* традиционно толкуется как 'оглобля между двумя лошадьми, прикрепляемая к передней оси какой-либо повозки в парной запряжке' [МАС. Т. I. С. 459]. Печорское устойчивое выражение *законы как косилочное дышло: куда повернёшь, туда и вышло* [ФСРГНП. Т. I. С. 256] имеет в своем составе определение *косилочное*, т. е. предназначенное для косьбы [СРГНП. Т. I. С. 338], которое позволяет усомниться в отношении компонента *дышло* к денотатам, связанным с повозками и лошадьми. И действительно, в говорах Низовой Печоры слово *дышло* означает 'часть сохи – стержень, прикрепляющий соху к оглобле' [СРГНП. Т. I. С. 196]. Возможно, это попытка народно-этимологического толкования лексико-семантического диалектизма *дышло*, его дифференциации с помощью уточняющего определения.

В условиях устного нормирования, свойственного территориальным диалектам, отдельные ФЕ ведут себя как фразеосхемы, т. е. имеют ситуативно обусловленную расширитель-

ную часть: *Нигдель не работат, сё окорока толстит, сидит на материной шее; Пьяница он, да и дочи пьёт, вот и сидят на родительской шее; На отцовской шее сидит, нигде не работат; Ой, у бабков как они добывают пенсии, на бабкиной шее сидят* [ФСРГНП. Т. II. С. 28]. Варьируемые лексемы *материной / материнской / мамкиной / родительской / отцовской / бабкиной* следует отнести к факультативным компонентам, формирующим незамкнутое множество семантически и ассоциативно близких определений. Притяжательность в подобных фразеосхемах является определяющим фактором. По этой же модели создаются расширенные ФЕ с варьируемыми притяжательными местоимениями: *Кричит: ты на моих хлебах живёшь!; Я ешио не на твоих хлебах живу; Я на её хлебах живу* [Там же. Т. II. С. 29]. Включение уточняющих определений в состав фразеологизмов в диалектной коммуникации неизбежно влечет снижение идиоматичности ФЕ.

Плеонастично звучит фразеологизм *своя охота пуще неволи* [Там же. Т. II. С. 278] с притяжательным местоимением *своя*. Он, как и общерусский оборот *охота пуще неволи*, употребляется в ситуации, когда кто-либо берется за что-то сложное, трудное не по необходимости, а по желанию [Жуков, 2002. С. 243], когда желание порабощает человека. Такая семантика поддерживается избыточным местоимением *свой*: именно собственное желание приравнивается к несвободе и принуждению.

Снижение идиоматичности и повышение прозрачности образа наблюдается в печорском фразеологизме *подающая рука не оскудеет* [ФСРГНП. Т. II. С. 192] за счет употребления в составе ФЕ определения-причастия *подающая* (ср. устар. общерус. *рука не оскудевает* ‘о том, кто щедр на подаяния’ [Федоров, 2008. С. 580]). Незначительные формальные отличия глагольных компонентов привносят в сопоставляемые обороты едва различимые семантические нюансы. Форма настоящего времени глагольного компонента во ФЕ *рука не оскудевает* придает фразе констатирующий и характеризующий оттенок: кому-то свойственна щедрость – и это лишь факт. Форма будущего времени глагольного компонента во ФЕ *подающая рука не оскудеет* в совокупности с уточняющим определением позволяет воспринять фразу как философско-христианскую сентенцию о неисчерпаемости ресурсов щедрого человека, заверение в неисхождении его материальных благ: *Всегда надо ведь руку растянуть, милостыньку дать, подающая рука не оскудеет* [Там же].

Включение в состав ФЕ уточняющего определения способствует обновлению образа, появлению новых значений. Так, печорский оборот *как курица с первым яйцом носиться* [Там же. Т. I. С. 314] может употребляться в традиционном смысле ‘уделять излишне много внимания чему-либо’ аналогично общеизвестному выражению *как курица с яйцом*. В этом случае «вклинивание» как вид эксплицирования фразеологизма является средством повышения его экспрессивности при сохранении общего фразеологического значения. Дополнительный компонент делает образ фразеологизма более конкретным, описательным (точнее, живописным) [Мокиенко, 1989. С. 148–149]. Но в то же время порядковое числительное *первый* не может не вносить дополнительного смыслового оттенка, который у печорского фразеологизма появляется: *Первый ребёнок, дак дрожит над ним, трясётся, как курица с первым яйцом носится; Лена-то над младенцем трясётся, как курица с первым яйцом* [Там же].

Определения наиболее часто выступают в качестве распространяющих фразеологический оборот компонентов. В роли уточняющих присловных компонентов, расширяющих границы фразеологизма, в говорах Низовой Печоры выступают также слова, связанные с одним из компонентов ФЕ по принципу управления. Распространители-дополнения или обстоятельства, как и определения, вводятся в состав ФЕ с разными целями. Локативный распространитель *до неба* гиперболизирует фразеологический образ в печорском обороте *нос до неба задрать* [Там же. Т. II. С. 126] (ср. общерус. *задрать нос*). Стереотипно-символическое указание на наи-

высшую точку пространственного континуума *до неба*, свойственное «наивной географии», усиливает эмоционально-оценочную составляющую печорского оборота. Включение в диалектный фразеологизм *креста* <**на вороте (вороту)**> *нет* [Там же. Т. I. С. 367] (ср. общерус. *креста нет*) предметно-вещного уточняющего компонента *на вороте (вороту)* основано на символической способности наименований одежды выступать в заместительной функции, обозначать части человеческого тела и посредством синекдохи – всего человека.

Уточняющие определения и обстоятельства могут одновременно распространять ФЕ. При этом между печорским и общерусским фразеологизмами сохраняется идентичная образность, воплощенная семантически сходными, но разными компонентами. Отличия наблюдаются и в тональности репрезентации образа: меткости и емкости литературной поговорки противопоставляется размеренность и степенность диалектной: общерус. *на ловца и зверь бежит* vs. печор. *на счастливого охотника зверь сквозь землю идет* [Там же. Т. II. С. 52]. Иной компонентный состав печорского оборота обуславливает его употребление в непереинтерпретированном виде: *На счастливого охотника зверь сквозь землю идет, он пустой лузнець домой не нашивал, отець-то наш* [Там же]. Внутренняя форма общерусской пословицы подобным образом не актуализирована, степень ее идиоматичности высока: она употребляется в ситуации, когда заинтересованному в чем-либо человеку удачно попадается тот, кого он хотел найти, или то, что ему нужно [Жуков, 2002. С. 185].

Наибольшую сложность вызывает сопоставление печорских ФЕ с дополнительным глагольным компонентом и общерусских устойчивых оборотов без подобного дополнительного компонента. Возникает проблема определения границ фразеологизма с точки зрения необходимости включения в его состав глагольного компонента, который в ряде случаев представляет собой обязательное словесное окружение, но в состав ФЕ не включается. Определение состава компонентов фразеологизма – это всегда определение по существу самого фразеологизма. Любые неточности в этом смысле искажают представление о самом фразеологизме [Молотков, 1977. С. 66].

Варьирование глагольных компонентов, расширяющих границы фразеологизма, ставит вопрос о правомерности их включения в состав фразеологической единицы: *Ране ведь ходили в девках* *недолго: рано выдавали; Я тогда ешио в девках была, лет пятнадцать мне было; Я долго в девках жила, триццати годов замуж вышла* [ФСРГНП. Т. I. С. 201]. Вероятнее всего, в этом случае мы имеем дело не с вариантным диалектным фразеологизмом, распространенным глагольным компонентом, а с иной лексикографической фиксацией устойчивого оборота. Сравним во «Фразеологическом словаре русских говоров Нижней Печоры»: **девкой (в девках) ходить (сидеть, жить, быть)** [Там же]; во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Федорова: **в девках** (прост.) не замужем, незамужней (быть, оставаться) [2008. С. 175]. Значительная свобода варьирования элементов позволяет подозревать, что некоторые словосочетания могут быть описаны как свободные [Баранов и др., 2008. С. 53]. Варьированию нередко подвергаются литературный и диалектный глагольные компоненты, причем такой случай варьирования не должен восприниматься как исключение: *Ну уж расхвалили Паику, аж до небес выддынули; Так уж её расхваливали, чуть не до небес подняли* [ФСРГНП. Т. I. С. 213] (ср. общерус. *до небес* ‘сверх всякой меры, непомерно (расхвалить кого-либо, восторгаться, восхищаться кем-либо и т. п.)’ [Федоров, 2008. С. 401]).

Вариантные глагольные компоненты (общепотребительный и локальный) закрепляются в печорском фразеологизме *во всю ивановскую реветь (одираться)* ‘громко кричать’ [ФСРГНП. Т. II. С. 10] (ср. общерус. *во всю ивановскую* ‘очень громко (кричать, орать)’ [Федоров, 2008. С. 263]). Этимология оборота предопределяет его употребление прежде всего с глаголами звучания и речи [Бирх и др., 2007. С. 263], поэтому расширение диалектного фразео-

логизма путем включения в его состав «звуковых» глаголов *реветь* ‘издавать крик’, ‘ругать’, ‘плакать’ [СРГНП. Т. II. С. 217, 218] и *одираться* ‘кричать во все горло; громко плакать, реветь’ [Там же. Т. I. С. 509] представляется логичным и закономерным. Отметим также, что некоторые этимологи связывают фразеологизм *во всю ивановскую* с выражением *звонить во всю ивановскую*, которое буквально значило ‘во все колокола колокольни Ивана Великого в Московском Кремле’ (см. об этом: [Бирх и др., 2007. С. 263]). В печорских говорах сохранился оборот *на всю ивановскую растрезвонить* со значением ‘рассказать всем, разнести вздорные слухи’ [ФСРГНП. Т. II. С. 9]. Возможно, он восходит к упомянутому выше выражению, сосуществовавшему с выражением *кричать во всю ивановскую* и вместе с ним ставшему источником общерусского фразеологизма. Но очевидно употребление диалектного оборота с иным значением, чем в литературном языке. Следовательно, можно говорить не только о конструктивном противопоставлении печорских и общерусских фразеологизмов, но и о семантическом.

Семантический сдвиг – возможный, но необязательный результат включения в состав ФЕ дополнительного глагольного компонента. Например, морфолого-конструктивная вариантность общерус. грубо-прост. *ни кожи ни рожи* и печорского *ни рожей ни кожей не выйти* [Там же. Т. II. С. 116] не влечет семантических и образных различий. Тем не менее расширение компонентного состава фразеологизма глагольным элементом может сужать или незначительно изменять смысловое содержание устойчивого оборота. Так, общерусский разговорный фразеологизм *ни конца ни края* имеет обобщенное значение бесконечности, беспредельности, в то время как печорский оборот *ни конца ни краю не знать* характеризует человека, неумного в своих действиях, занятиях, поведении, не способного установить границы: *Ну, Ваня, ты ни конца ни краю не знаешь, пьёшь и пьёшь; Ну чё ты ходишь ко мне, ни конца ни краю не знаешь, иди к другим займываться* [Там же. Т. II. С. 113].

Сопоставительный анализ общерусских и печорских фразеологических единиц позволил выявить компоненты-распространители в составе последних, к числу которых относятся определения, связанные с одним из компонентов ФЕ по принципу согласования, и компоненты, выполняющие обстоятельственные и дополнительные функции и связанные по принципу управления. Вопрос о включении / невключении глагольных компонентов в состав устойчивых оборотов не может быть решен однозначно.

Сокращение числа компонентов фразеологизма ведет к затемнению внутренней формы фразеологизма, к повышению его непрозрачности, тогда как расширение компонентного состава снижает идиоматичность оборота, ведет к прояснению внутренней формы, а иногда служит попыткой народноэтимологической дешифровки образа (*законы как косилочное дышло: куда повернёшь, туда и вышло*).

Включение компонентов-распространителей является одним из проявлений семантической избыточности, плеонастичности (*синее море по колено, не сладкий мёд, незванный да нежданный гость хуже татарина, своя охота пуще неволи*). Оборотам с компонентами-распространителями присуща семантическая дискретность, противопоставленная семантической конденсации кратких выражений (*в добрые люди выйти; подающая рука не оскудеет*). Благодаря дополнительным компонентам происходит гиперболизация фразеологического образа, тропическое обыгрывание (*нос до неба задрать, креста на воротах нет*).

Уточняющий компонент нередко провоцирует семантические сдвиги фразем (*за словом в чужой карман не лезть, как курица с первым яйцом носиться, ни конца ни краю не знать*), а иногда способствует репрезентации иных ментальных установок (*в большой семье не без урода и в худом роду не без урода, а в богатом два да три*).

Окказионально-диалектный характер присущ оборотам, которые благодаря компонентам-распространителям уподобляются фразеосхемам (*на материной / материнской / мамкиной / родительской / отцовской / бабушкиной шее сидеть*).

Анализ существовавших ранее распространенных вариантов, впоследствии подвергшихся редукции, способствует уточнению историко-этимологических версий и прояснению фразеологического образа (*во всю ивановскую реветь (одираться); во всю ивановскую растрезовонить*).

Краткие, емкие общеизвестные варианты фразеологических единиц имеют в диалектном дискурсе узуальные и окказиональные распространенные соответствия, изучение которых расширяет наше представление о фразеологическом составе национального языка.

Список литературы / References

- Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н.** Фразеология и паремиология: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
Alefirenko N. F. et al. Frazеologiya i paremiologiya [Phraseology and Paremiology]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009, 344 p. (in Russ.)
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О.** Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 565 с.
Baranov A. N. et al. Aspekty teorii frazeologii [Aspects of the Theory of Phraseology]. Moscow, Znаk Publ., 2008, 565 p. (in Russ.)
- Жуков В. П., Жуков А. В.** Русская фразеология. М.: Высш. шк., 2006. 408 с.
Zhukov V. P. et al. Russkaia frazeologiya [Russian Phraseology]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2006, 408 p. (in Russ.)
- Ивашко Л. А.** Очерки русской диалектной фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 110 с.
Ivashko L. A. Ocherki russkoi dialektnoi frazeologii [Studies of Russian Dialect Phraseology]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1981, 110 p. (in Russ.)
- Кобелева И. А.** Современная русская диалектная фразеология: лексико-грамматический и лексикографический аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Сыктывкар, 2011. 39 с.
Kobeleva I. A. Sovremennaya russkaya dialektная frazeologiya: leksiko-grammaticheskii i leksikograficheskii aspekt: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Modern Russian Dialect Phraseology: Lexical and Grammatical and Lexicographic Aspects. Cand. fil. sci. syn. diss.]. Syktyvkar, 2011, 39 p. (in Russ.)
- Кобелева И. А.** Фразеология русских говоров Республики Коми: Учеб. пособие. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 1999. 84 с.
Kobeleva I. A. Frazеologiya russkikh govorov Respubliki Komi [Phraseology of the Russian Dialects of the Komi Republic]. Syktyvkar, Syktyvkar University Publ., 1999, 84 p. (in Russ.)
- Мокиенко В. М.** Славянская фразеология. М.: Высш. шк., 1989. 287 с.
Mokienko V. M. Slavyanskaya frazeologiya [Slavic Phraseology]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1989, 287 p. (in Russ.)
- Молотков А. И.** Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. 239 с.
Molotkov A. I. Osnovy frazeologii russkogo yazyka [Fundamentals of Russian Phraseology]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, 239 p. (in Russ.)
- Урманчиева И. С.** Печорские фразеологизмы на фоне общерусских: конструктивные различия // PHILOLOGY. 2017a. № 2 (8). С. 79–82.
Urmanceeva I. S. Pechorskie frazeologizmy na fone obshcherusskikh: konstruktivnye otlichiya [Pechora Phraseological Units Against the Background of All-Russian Units: Constructive Differences]. PHILOLOGY, 2017a, no. 2 (8), p. 79–82. (in Russ.)
- Урманчиева И. С.** Ритмико-рифмическая организация как проявление конструктивной вариантности печорских и общерусских фразеологизмов // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2017б, № 50. С. 125–134.
Urmanceeva I. S. Ritmiko-rifmicheskaya organizatsiya kak proyavlenie konstruktivnoi variantnosti pechorskikh i obshcherusskikh frazeologizmov [Rhythmic and Rhyme Organisation as Manifestation of Constructive Variability of

Pechora and All-Russian Phraseological Units]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Bulletin. Philology], 2017b, no. 50, p. 125–134. (in Russ.)

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1985. 160 с.

Shansky N. M. Frazеologiya sovremennogo russkogo yazyka [Phraseology of Modern Russian]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1985, 160 p. (in Russ.)

Список словарей

Алексеев М. А., Литвинникова О. И., Белоусова Т. П. и др. Человек в русской диалектной фразеологии: Словарь. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2004. 238 с.

Бирх А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. и др. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / Под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 926, [2] с.

Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 9-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2002. 544 с.

Кобелева И. А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2004. 312 с.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русс. яз., 1985-1988. Т. I. А – Й. 1985. 696 с.

СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры: В 2 т. / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2003. Т. I. 553 с.; Т. II. 470 с.

Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878, [2] с.

ФСРГНП – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: В 2 т. / Сост. Н. А. Ставшина. СПб.: Наука, 2008. Т. I. 416 с.; Т. II. 420 с.

Материал поступил в редколлегию

Received

05.09.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Урманчеева Ирина Серафимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Октябрьский пр., 55, Сыктывкар, 167001, Россия, ssu@syktsu.ru)

Irina S. Urmanceeva, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55 Oktyabrsky Ave., Syktyvkar, 167001, Russian Federation, ssu@syktsu.ru)

УДК 811.511.142 + 811.511.25 + 81'367
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-53-65

Бытийно-пространственные типовые синтаксические структуры и их семантика в хантыйском и ненецком языках

Н. Б. Кошкарева

*Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Проведена классификация бытийно-пространственных предложений и способом выражения пространственных отношений в двух диалектах хантыйского языка (казымском и сургутском) на фоне ненецкого языка. Выделено два класса элементарных простых предложений, соответствующих одной пропозиции: статические, или бытийно-локативные, обозначающие неизменное положение предмета в пространстве, и динамические, обозначающие движение из одной точки пространства в другую. У каждого из этих классов имеется каузативный вариант, обозначающий каузацию местонахождения (кто хранит / держит что где) и каузацию движения, или перемещения (кто перемещает что куда), представляющий собой неэлементарное простое предложение. Хантыйский и ненецкий языки и их диалекты различаются способами выражения пространственных отношений: в хантыйском языке преобладают аналитические способы (последлоги и провербы), тогда как в ненецком – синтетические (падежные показатели). Провербы в сочетании с глаголами употребляются, прежде всего, в общенформативных высказываниях, отвечающих на вопросы *Что случилось? Что произошло?*, и занимают вместе с глаголом рематическую позицию. Наречия и последлоги встречаются в позиции ремы в частноинформативных высказываниях, отвечающих на вопросы *Куда? Откуда?*.

Ключевые слова

хантыйский язык, ненецкий язык, типовая синтаксическая структура, элементарное и неэлементарное простое предложение, бытийно-пространственные предложения, местонахождение, движение, перемещение, наречия, последлоги, провербы, падежное маркирование

Для цитирования

Кошкарева Н. Б. Бытийно-пространственные типовые синтаксические структуры и их семантика в хантыйском и ненецком языках // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 53–65. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-53-65

Typical Existential-Spatial Syntactic Structures and Their Semantics in the Khanty and Nenets Languages

N. D. Koshkareva

*Institute of Philology SB RAS; Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

In the following article, we classify the typical existential-spatial syntactic structures in two Khanty dialects (Kazym and Surgut) and two Nenets dialects (Forest and Tundra). We distinguish two classes of elementary simple sentences

© Н. Б. Кошкарева, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 9: Philology

corresponding to one proposition: static, or existential-locative, denoting an un-changing state of an object in space, and dynamic, denoting transition from one point to another. Each of these classes contains causative variants denoting causation of location (who keeps what and where) and causation of movement, or transition (who moves what and where), which are represented by non-elementary simple sentences. Khanty and Nenets, as well as their dialects, differ by how they represent spatial relations: in Khanty, analytical means (postpositions and preverbs) prevail, whereas in Nenets, synthetic means (case markers) are more common.

Existential-spatial relations are expressed by the following means: adverbs, postpositions, case markers, preverbs (the latter are unique for Ugric languages). Kazym dialect of the Khanty language has a reduced case system, in which two cases are contrasted, namely locative-instrumental and dative-directional, expressing static and dynamic spatial relations. In the Surgut dialect, there are two competing directional cases, as well as locative and ablative. In Nenets, there is a case system where each spatial case denotes a certain type of spatial relations: place, direction, starting point, and route. Correspondingly, in Kazym dialect, one mostly finds analytical means of expression of spatial relations; postpositions and preverbs are more frequent than in other Khanty and Nenets dialects analyzed in our work.

component structure and leads to clearing of an internal form at his expansion, and sometimes serves as attempt of national and etymological decoding of an image. The semantic redundancy, a pleonasm inherent in some turns with components distributors. In some cases the specifying component can provoke semantic shifts of phraseological units or promote representation of other mental installations. The practical value of comparison of dialect and all-Russian constructive options (except conclusions about structural-semantic and figurative and pragmatical properties of phraseological units) consists in a possibility of specification of historical and etymological versions and clearings of a phraseological image.

Keywords

Khanty language, Nenets language, typical syntactic structure, elementary and non-elementary simple sentences, existential-spatial sentences, locations, movement, transition, adverbs, postpositions, preverbs, case marking

For citation

Koshkareva N. B. Typical Existential-Spatial Syntactic Structures and Their Semantics in the Khanty and Nenets Languages. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9: Philology, p. 53–65. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-53-65

Бытийно-пространственный блок элементарных простых предложений (ЭПП) формируется глаголами бытия, местонахождения и движения и отличается от всех других типов предложений наличием обязательной позиции локализатора – статического или динамического. Во всех других типах предложений (акциональных, статальных, характеристики, реляции) локализатор является факультативным распространителем во фразе, но не входит в состав обличительных позиций в модели ЭПП.

Целью данной статьи является сопоставление способов выражения бытийно-пространственных отношений в двух уральских языках Сибири – хантыйском и ненецком, оценка количества и семантической сложности представленных в каждом языке моделей для выражения того или иного типа бытийно-пространственных отношений. Материалом для исследования послужили выборки предложений бытийно-пространственной семантики из опубликованных фольклорных произведений и собственных полевых материалов на казымском и сургутском диалектах хантыйского языка и тундровом диалекте ненецкого языка.

Основным источником анализа послужил корпус текстов на казымском диалекте хантыйского языка, который включает 16229 слов (78237 знаков без пробелов), составленный на основе собрания фольклорных текстов [Предания, песни казымских хантов, 2014], из которого методом сплошной выборки отобраны все предложения бытийно-пространственной семантики.

Система бытийно-пространственных предложений формируется оппозицией элементарных (ЭПП) и неэлементарных (неЭПП) простых предложений. К элементарным относятся предложения, в которых план выражения и план содержания находятся в одно-однозначном соответ-

ствии: модель как репрезентация плана выражения отражает единственную пропозицию в плане содержания. Кроме элементарных, к бытийно-пространственному блоку относятся также и неэлементарные простые предложения, обозначающие каузацию местонахождения или движения. Вторая оппозиция, формирующая данную систему, – противопоставление статических и динамических предложений. Статические предложения обозначают существование или местонахождение предмета в границах определенного пространства; динамические – движение из одной точки в другую или движение по определенной траектории относительно ориентира.

Классификация предложений бытийно-пространственного блока представлена в таблице.

Система бытийно-пространственных предложений

Тип предложения	Пространственные предложения			
	Статические (локативные)		Динамические	
ЭПП	Существование / Местонахождение	Статическое движение (в замкнутом локуме)	«Направленное» движение	«Ориентированное» движение
	<i>На той горе стоит избушка (существование) / Избушка стоит на той горе (местонахождение).</i>	<i>Он бежит по парку.</i>	<i>Переезжал хор на двух автобусах из города в город по горной дороге Америки (Д. Гранин. Зубр).</i>	<i>Он объехал канаву / переступил порог.</i>
неЭПП	Каузация местонахождения		Каузация движения (перемещение)	
	<i>Она хранит муку в берестяном коробе.</i>		<i>Они несли его на носилках от дома до больницы по узкой тропинке.</i>	

Данная классификация применима к языкам разных систем. Базовые оппозиции универсальны, различия между языками состоят в способе выражения того или иного значения, количестве моделей каждой разновидности.

В уральских языках Сибири – хантыйском и ненецком – к основным средствам выражения бытийно-пространственных отношений относятся: глаголы бытия, местонахождения, движения перемещения, наречия, послелог, падежные показатели, превербы (последние представляют собой уникальную отличительную особенность угорских языков).

Казымский диалект хантыйского языка обладает редуцированной падежной системой, в которой противопоставлены два падежа – местно-творительный и дательно-направительный, выражающие, соответственно, статические и динамические пространственные отношения. В сургутском диалекте конкурируют между собой два направительных падежа, имеется также местный и отложительный падежи. В ненецком представлена падежная система, в которой каждый пространственный падеж выражает определенный тип пространственных отношений: место, направление, исходную точку и трассу. Соответственно, в казымском диалекте хантыйского языка преобладают аналитические средства выражения пространственных отношений,

частотность употребления послелогов и превербов в текстах существенно выше, чем в остальных сопоставляемых диалектах хантыйского и ненецкого языков.

1. Статические пространственные предложения описывают ситуацию существования или местонахождения одушевленного или неодушевленного субъекта в определенном пространстве. Важным параметром является нахождение субъекта в пределах определенных границ, которые не пересекаются, не нарушаются, при этом сам субъект может находиться как в состоянии покоя, так и в состоянии движения.

1) Предложения существования / местонахождения. Различия между предложениями существования и местонахождения состоят в актуальном членении: в предложениях существования локализатор находится в теме и располагается в самом начале предложения (пример 1), тогда как в предложениях местонахождения локализатор занимает рематическую позицию непосредственно перед глаголом (пример 2) (см. также: [Соловар 2009: 38]), ср.:

(1) *Атэлт лөүх йүх авэтэн, атэлт калт йүх авэтэн нүша икилэ вөс.* [Предания, песни казымских хантов, 2014. С. 17]

<i>атэлт</i>	<i>лөүх</i>	<i>йүх</i>	<i>авэт=эн</i>
одинок	божество	дерево	высокий мыс=LOC
<i>атэлт</i>	<i>калт</i>	<i>йүх</i>	<i>авэт=эн</i>
одинок	божество	дерево	высокий мыс=LOC
<i>нүша</i>	<i>ики=лэ</i>	<i>вөс=с=Ø</i>	
бедный	мужчина=DIM	быть=PAST=SUBJ.3SG	

‘В одиноком божественном лесном краю, в отдельном божественном лесном краю жил бедный мужчина.’ [Там же. С. 20]¹

(Кто жил в уединенном месте? – бытийное предложение)

(2) *И ики атэлт йиук, атэлт мўвэн вөл.* [Предания, песни казымских хантов, 2014. С. 35]

<i>и</i>	<i>ики</i>	<i>атэлт</i>	<i>йиук</i>	<i>атэлт</i>	<i>мўв=эн</i>	<i>вөл=л=Ø</i>
один	мужчина	одинок	вода	одинок	земля=LOC	быть=PR=SUBJ.3SG

‘Один мужчина жил в отдельных водах, в одиноких землях.’ [Там же. С. 37]

(Где жил один мужчина? – предложение местонахождения)

В форме местно-творительного падежа выступают имена существительные, обозначающие самые широкие географические понятия: место, воду, землю. Имена конкретной семантики сочетаются с послелогом для обозначения конкретных локализаций, например:

(3) [...*ин ампэл иса йнт кашацэл,*] *өхэл өхтыйэн ул,* [*ухэл на нух йнт алмийэл*] [Предания, песни казымских хантов, 2014. С. 19].

<i>ин</i>	<i>амп=эл</i>	<i>өхэл</i>	<i>өхтый=эн</i>	<i>ул</i>
этот	собака=POSS.3SG.SG	нарта	на=LOC	лежать.PR.SUBJ.3SG

‘[...Пёс совсем не хочет (идти),] лежит на своей нарте, [даже голову не поднимает.]’ [Там же. С. 25]

¹ Здесь и далее литературный перевод воспроизводится по первоисточнику. При необходимости приводится буквальный перевод.

(4) *Хөлдэллэ, илта мулты хушэу сый ици хот хйры илнийэн сатьэл.* [Предания, песни казымских хантов, 2014. С. 36]

<i>хөл=л=эллэ</i>	<i>илта</i>	<i>мулты</i>	<i>хушэу</i>	<i>сый</i>
слышать=PR=OBJ.3SG.SG	снизу	какой-то	???	звук
<i>ици хот хйры</i>	<i>илний=эн</i>	<i>сать=эл=Ø</i>		
этот дом	открытое пространство	под=LOC	слышаться=PR=SUBJ.3SG	

Букв.: Слышит, снизу какой-то звук под полом слышится.
 ‘Слышит, внизу под полом какой-то звук раздается.’ [Там же. С. 38]

Использование имени существительного в форме местно-творительного падежа является типичным, но не самым распространенным средством выражения пространственных отношений. Значительно чаще встречаются разнообразные наречия, обозначающие место расположения в самом широком смысле, например: *тата* ‘здесь’, *ицта* ‘там’, *илэн* ‘внизу’, *номэн* ‘вверху’.

(5) [*Хилэл ици артэн иллы хөлэнтэл,*] *илэн и нүша вөлты мир ньх сый...* [Предания, песни казымских хантов, 2014. С. 37]

<i>ил=эн</i>	<i>и нүша</i>	<i>вөл=ты</i>	<i>мир ньх</i>	<i>сый</i>
низ=LOC	совсем	жить=PrP	народ смех	звук

Букв.: внизу совсем живущих людей звуки смеха [раздаются, слышны]
 ‘[Внук в это время прислушивается вниз,] внизу (слышен) смех...’ [Там же. С. 39]

Отличием хантыйского языка от ненецкого является большое количество послелогов с семантикой местонахождения, включающих в свой состав показатель местно-творительного падежа, который присоединяется к основе с конкретной пространственной семантикой: *өхтый=эн* ‘на’, *нүмтий=эн* ‘над’, *илний=эн* ‘под’, *йэлний=эн* ‘перед’, *хонэу=эн* ‘около’, *питэр=эн* ‘около’, *күт=эн* ‘среди, между’, *лытий=эн* ‘внутри’, *йүтий=эн* ‘позади’, *сай=эн* ‘за’, *вүтий=эн* ‘за’, *кимтий=эн* ‘за’, *түмтий=эн* ‘за’, *шумай=эн* ‘напротив’ и др.

В ненецком языке высокочастотны послелогии с корнем *ня* максимально обобщенной пространственной семантики, который присоединяет падежные показатели. Аналога такого недифференцированного пространственного послелога в хантыйском языке нет. Количество послелогов с конкретной эссивной семантикой в ненецком языке меньше, чем в хантыйском: в монографии В. В. Шиловой насчитывается 9 послелогов с общим значением корней ‘верхняя поверхность’, ‘нижняя поверхность’, ‘внешняя часть’, ‘внутренняя часть’, ‘ближняя сторона’, ‘дальняя сторона’, ‘передняя часть’, ‘задняя часть’, ‘середина’, ‘промежуток’ [Шилова, 2003. Ч. I. С. 55–56]. В хантыйском представлены ряды синонимичных послелогов, детализирующих отношения ‘за, позади’, ‘около’.

В хантыйском языке дифференциация пространственной семантики в большей степени определяется значением конкретного послелога, тогда как в ненецком падежный показатель более свободно сочетается с разными именами, обозначающими как конкретные, так и обобщенные пространственные ориентиры.

2) «Статическое» движение в замкнутом локусе предполагает, что субъект находится в движении, которое не выходит за пределы определенного пространства, например:

(6) *Камн йаңхты питэс, хөхэтьлэты питэс.* [Соловар, 2014: 12]

<i>камэн</i>	<i>йаңх=ты</i>	<i>пит=эс=Ø</i>
на улице	ходить=PrP	стать=PAST=SUBJ.3SG
<i>хөхэтьлэ=ты</i>	<i>пит=эс=Ø</i>	
бегать=PrP	стать=PAST=SUBJ.3SG	

‘На улице стал ходить, стал бегать.’

В данном случае перемещение из одной точки в другую не подразумевается, передвижение ограничено определенным локусом.

3) Каузация местонахождения («субъект-каузатор делает так, чтобы каузируемый субъект находился где-то») выражается при помощи тех же средств, в частности, при помощи имени в форме местно-творительного падежа (пример 7) или послелогов (пример 8):

(7) [– *Аща, – лупийәл, – ин Увәс йурәнжан хуца мойа йәһхләв ки,*] *түтлы хотән, камри хотән тайты эвэл айт пэлы майлэ майнэм.* [Предания, песни казымских хантов, 2014. С. 14]

<i>түт=лы</i>	<i>хот=ән</i>	<i>камри</i>	<i>хот=ән</i>	<i>тай=ты</i>
огонь=ABESS	дом=LOC	???	дом=LOC	держать=PrP
<i>эвэл</i>	<i>айт</i>	<i>пэлы</i>	<i>майлэ</i>	<i>майнэм</i>
дочь.POSS.3Sg.Sg	не	ли	отдать=PR=OBJ.3Sg.Sg	мне

‘[– Отец, – говорит, – съездим к Северному ненцу свататься,] дочь, которую он держит в тёмном доме, в доме без огня, может, отдаст за меня замуж.’ [Там же. С. 20]

(8) *Турән илпийән лүв вэтра тайәс.* [Соловар 2014: 300]

<i>турән</i>	<i>илпий=ән</i>	<i>лүв</i>	<i>вэтра</i>	<i>тай=әс=Ø</i>
травя	под=LOC	она	ведро	держать=PAST=SUBJ.3SG

‘Под сеном она держала ведро.’

Значение каузации распространяется также и на случаи «статического» движения, при котором субъект-каузатор делает так, что предмет перемещается внутри замкнутого пространства:

(9) *Щитәл ин хот лыпийән тыв лярүәлләлэ, тухи лярүәлләлэ.* [Соловар 2014: 153]

<i>щит=әл</i>	<i>ин</i>	<i>хот</i>	<i>лыпий=ән</i>
этот=POSS.3SG.SG	этот	дом	внутри=LOC
<i>тыв</i>	<i>лярү=әл=ләлэ</i>	<i>тухи</i>	<i>лярү=әл=ләлэ</i>
сюда	катить=PR=OBJ.3SG.SG	туда	катить=PR=OBJ.3SG.SG

‘Этот предмет он по дому сюда катит, туда катит.’

2. Динамические пространственные предложения описывают ситуацию, в которой субъект перемещается из одной точки пространства в другую по определенной трассе.

1) «Направленное» движение. Обязательными позициями в структуре стандартной пропозиции движения являются директив-старт (начальная точка движения), директив-финиш (конечная точка движения) и трасса, по которой осуществляется движение. Значение директива-финиша выражается в казымском диалекте хантыйского языка при помощи дательного падежа и послелогов, содержащих в своем составе падежный показатель =а; значение директива-старта – при помощи послелога *эвәлт* ‘от, с’, значение трассы – при помощи послелога *хүват* ‘вдоль, по’. В отличие от статических локативных предложений, здесь широко используются разнообразные провербы: *ил* ‘вниз’, *йәл* ‘вперед’, *нух* ‘вверх’, *ара* ‘в разные стороны’, *ким* ‘наружу’ и др. Многие из них представляют собой «чистые» пространственные основы, от которых образуются наречия и послелогии, ср. проверб *ил* / *илы* ‘вниз’, наречия *илән* ‘внизу’, *иллы* ‘вниз’, *илта* ‘снизу’, а также послелогии *илпийән* ‘под’ (где?), *илпийа* ‘под’ (куда?), *илпи эвәлт* ‘из-под’ (откуда?):

(10) *Аица, ил ула, алэу щайха уша йиц.* [Предания, песни казымских хантов, 2014. С. 16]

<i>аица</i>	ил	<i>ула</i>	<i>алэу</i>	<i>щайха</i>
отец.VOC	вниз	ложиться=IMP.SUBJ.2Sg	утро	потом
<i>уш=a</i>		<i>йи=л=Ø</i>		
ясность=DAT		стать=PR=SUBJ.3SG		

‘Отец, ложись спать, утром всё станет ясно.’ [Там же. С. 23]

(11) *Хилэл ци артэн иллы хөлэнтэл, [илэн и нүша вөлты мир ньх сый...]* [Предания, песни казымских хантов, 2014. С. 37]

<i>хилэл</i>	<i>ци</i>	<i>арт=эн</i>	иллы	<i>хөлэнтэ=л=Ø</i>
внук.POSS.3SG.SG	этот	время=LOC	вниз	прислушиваться=PR=SUBJ.3SG

‘Внук в это время прислушивается вниз, [внизу (слышен) смех...].’ [Там же. С. 39]

(12) *Шовэр имийэн лүв икэл хйтэмэс, илэн тута цэлтэс, нух лольэмтэс. Лөмэтсухлал ай лй-цилэт. Ин Пурнеңэл икэл күйи хйтэмэл, ил хйтэмэмалн, и-и, лөмэтсухлал ара төп ай нулысэт.* [Предания, песни казымских хантов, 2014. С. 10]

<i>шовэр</i>	<i>имий=эн</i>	<i>лүв</i>	<i>икэл</i>
заяц	женщина=POSS.2SG.SG	он/а	мужчина.POSS.3SG.SG
<i>хйтэмэ=c=Ø</i>		ил=эн	<i>тута цэлтэ=c=Ø</i>
скатиться=PAST=SUBJ.3SG		низ=LOC	там удариться=PAST=SUBJ.3SG
нух	<i>лольэмтэ=c=Ø.</i>		<i>лөмэтсух=лал</i>
вверх	вскочить=PAST=SUBJ.3SG		одежда=POSS.3PL.SG
<i>ай</i>	<i>лйци=л=эт.</i>	<i>Ин</i>	<i>Пур нсү=эл</i>
просто	подходить=PR=SUBJ.3PL	Тогда	Пур женщина=POSS.3SG.SG
<i>икэл</i>	<i>күйи</i>	<i>хйтэмэ=л=Ø</i>	
мужчина.POSS.3SG.SG	хотя	скатиться=PR=SUBJ.3SG	
ил	<i>хйтэм=эм=ал=н</i>	<i>и-и</i>	<i>лөмэтсух=лал</i>
вниз	катиться=PP=3SG=LOC	INTRJ	одежда=POSS.3PL.SG
ара	<i>төп</i>	<i>ай</i>	<i>нулы=c=эт</i>
в разные стороны	только	просто	разлететься=PAST=SUBJ.3PL

‘У Зайчихи муж скатился, пронёсся вниз, соскочил. Одежда на нём прекрасно сидит. У Пурне муж покотился с горы, пока катился, одежда разлетелась на части.’ [Там же. С. 12]

(13) *Ин ай хилэл вэн щащупэлэн усэм илни эвэлт, мулт тйхи эвэлт алёмасы.* [Предания, песни казымских хантов, 2014. С. 60]

<i>ин ай</i>	<i>хилэл</i>	<i>вэн</i>	<i>щащупэл=эн</i>
этот маленький	внук.POSS.3SG	большой	тетя.POSS.3SG.SG=LOC
<i>усэм</i>	илни	эвэлт	<i>мулт тйхи эвэлт алёмэ=c=ы=Ø</i>
изголовье	под	из	какой место из
			выхватить=PAST=PASS=SUBJ.3SG

‘Маленького внука своего старшая тетя из-под изголовья, откуда-то выхватила его.’ [Там же. С. 87]

В отдельных случаях провербы могут стоять после глагола, если на них падает логическое ударение и они занимают рематическую позицию:

(14) [Аукилы њаврѣмѣн, Шовар эвийэн апицэл пила мѣнлѣн]. Мѣнтан кѣтэн на ин апицэл на ци лакнѣмэл ил [Предания, песни казымских хантов, 2014. С. 8]

мѣн=t=ан	кѣтэн	на	ин	апицэл	на	ци
идти=PrP=2DU	пока	и	этот	младший брат.POSS.3SG	и	это
лакнѣмѣ=л=Ø			ил			
провалиться=PR=SUBJ.3SG			вниз			

‘[Без матери дети зайчихи, сестра с братишкой идут]. Так идут, вдруг братишка провалился в землю.’ [Там же. С. 11]

В употреблении превербов и однокоренных послелогов и наречий наблюдается определенная конкуренция: для выражения одного и того же значения в предложении используется либо одно, либо другое средство. Превербы встречаются, как правило, в общеинформативных высказываниях, отвечающих на вопросы *Что случилось? Что произошло?*, в которых сказуемое вместе с превербом занимает рематическую позицию, например:

(15) Ин нѣ ариман-моѣцман йѣл лѣлѣмтѣс. [Предания, песни казымских хантов, 2014. С. 12]

ин	нѣ	ари=ман-моѣц=ман	йѣл
этот	женщина	петь=CV-рассказывать сказки=CV	вперед
лѣлѣмтѣ=c=Ø			
поехать=PAST=SUBJ.3SG			

‘Женщина с песнями-сказками поехала.’ [Там же. С. 15]

(Что сделала женщина? – [Женщина]^T [вперед поехала]^R; в рематической позиции – глагол вместе с превербом.)

Рематичность позиции может дополнительно подчеркиваться частицей *ци*, которая располагается между превербом и глаголом:

(16) Ин икилѣнѣм нух ци омсѣмтѣс. [Предания, песни казымских хантов, 2014. С. 15]

ин	ики=лѣнѣ=сѣм	нух	ци	омсѣмтѣс=c=Ø
этот	мужчина=DIM=POSS.1SG.SG	вверх	так	сесть=PAST=SUBJ.3SG

‘Этот мужчина мой вдруг садится.’ [Там же. С. 21]

Наречия и послеложные сочетания употребляются в частноинформативных высказываниях, отвечающих на вопросы *Куда? Откуда?*, в которых в реме находится локализатор:

(17) А цитѣлѣн на йѣллы шѣшѣс. [Предания, песни казымских хантов, 2014. С. 41]

А	цитѣлѣн	на	йѣллы	шѣшѣс=c=Ø
INTRJ	это=POSS.3SG.SG=LOC	и	вперед	шагать=PAST=SUBJ.3SG

Букв.: И с этим вперед зашагала.

‘Дальше продолжает она следовать.’ [Там же. С. 42]

(Куда она пошла? – И с этим [вперед]^R зашагала. В рематической позиции – наречие.)

Возможны также комбинации средств выражения, при которых для уточнения пространственного значения сочетаются между собой преверб и существительное с падежным показателем или падежная форма существительного и наречие и т. п., например:

(18) *Йанду амп пухэл йэша вөс усэм пайты эвэлт ким есдэмтэс, рат хэрийа тыв шөтэл, тухи шөтэл, ин һухи пайэл хұват тым пелка шөшөмэл, тум пелка шөшөмэл, һаләмән һулемий-эллэллэ.* [Предания, песни казымских хантов, 2014. С. 17]

Йанду	амп	пух=эл	йэша	вөс=с=Ø	
Йанду	собака	сын=POSS.3SG.SG	немного	быть=PAST=SUBJ.3SG	
усэм	пайты	эвэлт	ким	есдэмтэ=с=Ø	
изголовье	дальняя часть	с	наружу	спрыгнуть=PAST=SUBJ.3SG	
рат	хэрий=а	тыв	шөтэл		
очаг	открытое место=DAT	сюда	шагать.PR.SUBJ.3SG		
тухи	шөтэл	ин	һухи пай=эл	хұват	
туда	шагать.PR.SUBJ.3SG	этот	мясо	куча=POSS.3SG.SG	по
тым	пелк=а	шөшөм=эл=Ø			
этот	сторона=DAT	шагать=PR=SUBJ.3SG			
тум	пелк=а	шөшөм=эл=Ø			
тот	сторона=DAT	шагать=PR=SUBJ.3SG			
һаләм=ән	һулемийэл=л=эллэл				
язык=LOC	лизнуть=PR=OBJ.3SG.SG				

‘Сын Йанду спрыгнул с переднего угла, к очагу идёт, вдоль кучки мяса, то в одну сторону идёт, то в другую сторону идёт, языком лизнёт.’ [Там же. С. 23]

(19) *Ин мөнты ин Увэс йурән икэл кимэт хота луңас, ин хөлмит хота тўхи луңас.* [Предания, песни казымских хантов, 2014. С. 17]

ин	мөнты	ин	Увэс	йурән	икэл	кимэт
теперь	раньше	этот	север	ненец	мужчина.POSS.3SG.SG	второй
хот=а	луң=ас=Ø			ин	хөлмит	хот=а
дом=DAT	зайти=PAST=SUBJ.3SG		теперь	третий	дом=DAT	
тухи	луң=ас=Ø					
туда	зайти=PAST=SUBJ.3SG					

Букв.: В прошлый раз этот северный ненец во второй дом заходил, теперь в третий дом туда зашел.

‘В прошлый раз останавливался около второго чума, а сейчас зашёл он в третий чум.’ [Там же. С. 23]

В хантыйском языке семантика отдельных превербов и, соответственно, наречий и послелогов отражает ориентацию относительно определенных культурно значимых ориентиров, связанных с особенностями расселения хантов вдоль рек. Некоторые пространственные корни обозначают движение с суши к воде или, наоборот, с воды на сушу, те же корни обозначают движение в лес / из леса, в середину чума к огню или от него, например, преверб *нык* связан с движением к берегу (от суши к воде), на открытое место, к огню, от берега на глубину: *Нык ловалта* ‘гребет от берега’; *Пўтсөм нык ихэтсөм* ‘Я повесил котел к огню’ [Соловар 2014: 212]. От корня *вўт* ‘находящийся вдали от воды’ образуются наречия *вўтэлта* ‘к берегу (по направлению к воде) из леса’, *вўтлы* ‘от берега к лесу’, преверб *вўты* со сложным комплексом значений: ‘к берегу, на сушу, вдали от берега, края чего-либо, в глубь помещения, от огня, на кладбище’, например:

(20) *Амп икэл на вўт сўнэн ул.* [Предания, песни казымских хантов, 2014. С. 16]

<i>амп</i>	<i>икэл</i>	<i>на</i>	<i>вўт</i>
собака	мужчина.POSS.3SG	другой	находящийся вдали от воды
<i>сўн=эн</i>	<i>ул</i>		
угол=LOC	спать.PR.SUBJ.3SG		

‘Пёс спит в переднем углу.’ [Там же. С. 22]

(21) *Ин хөйңәл вўтәлта ци йухәтты верәл вөл.* [Предания, песни казымских хантов, 2014. С. 11]

<i>ин</i>	<i>хөйңәл</i>	<i>вўтәлта</i>	<i>ци</i>	<i>йухәт=ты</i>
этот	мужчина=DU	к берегу из леса	это	прийти=PrP
<i>вер=әл</i>		<i>вө=л=Ø</i>		
дело=POSS.3SG.SG		быть=PR=SUBJ.3SG		

‘Мужья скоро должны вернуться из лесу.’ [Там же. С. 14]

(22) *Ин Йанду амп пухәл вўтәлта нык есләмтәс.* [Предания, песни казымских хантов, 2014. С. 17]

<i>ин</i>	<i>Йанду</i>	<i>амп</i>	<i>пух=әл</i>	<i>вўтәлта</i>
этот	Янду	собака	сын=POSS.3SG.SG	к берегу из леса
<i>нык</i>			<i>есләмт=әс=Ø</i>	
к берегу (от суши к воде)			прыгнуть сверху вниз=PAST=SUBJ.3SG	

‘Сын, пёс Йанду, спрыгнул с постели.’ [Там же. С. 24]

Таким образом, представления об окружающем мире, взаимном расположении суши и водного пространства проецируются на устройство дома и движение относительно этих ориентиров.

В ненецком языке и в сургутском диалекте хантыйского языка преобладают синтетические способы выражения пространственных отношений: в ненецком языке каждое из обязательных пространственных отношений (начальной точки движения, конечной точки движения, трассы) маркируется при помощи падежного показателя. С ними конкурируют послеложные конструкции, которые, как и для выражения отношения местонахождения, не столь разнообразны, как в хантыйском [Шилова, 2003].

В сургутском диалекте хантыйского языка для обозначения конечной точки движения используются два динамических падежа, имеющие направительное значение, – дательный и общенаправительный.

Общенаправительный падеж показывает направление к конечной точке, не конкретизируя, достигнута она или нет.

(23) *Икилиңки йәңәнам мән.*

<i>ики=лиңки=Ø</i>	<i>йәңә=нам</i>	<i>мән=Ø</i>
мужчина=DIM=NOM/Sg	дом=LAT	идти=SUBJ/3Sg

‘Мужичок домой пошел.’

Конструкция с дательным падежом обозначает, что движение завершилось в пределах директива-старта, цель движения достигнута.

(24) *Мӱнк ики җота чи лӱн.*

мӱнк   *ики*=Ø   *җот*=**a**   *чи*   *лӱн*=Ø
менк   мужчина=NOM   дом=DAT   PRTCL   зайти=SUBJ/3Sg
'В дом менка зашел.'

Для выражения начальной точки движения или перемещения в хантыйском языке используется исходный падеж, например:

(25) *Лӱв ӧдӱ тывҗӱ ӧд лэвимтӱ* [Чепрега, 2017. С. 90].

лӱв   *ӧд*=**и**   *тывҗ*=**а**=**и**   *ӧд*
он   стрела=ABL   колчан=POSS.3SG.SG=ABL   стрела
лэвим=**тӱ**
вынуть=OBJ.3SG.SG
'Он вынул стрелу из своего колчана'

Соответственно, количество синтетических конструкций, предназначенных для выражения пространственных отношений, в сургутском диалекте выше. При этом провербы, по нашим подсчетам, употребляются значительно реже, чем в казымском диалекте.

2) «Ориентированное» движение представляется собой особую разновидность предложений, в которых описывается преодоление пространства, движение относительно ориентира, при этом начальная и конечная точка не указываются. Ориентир выражается именем в форме номинатива (в значении преодоления пространства, пример 26) или послеложным сочетанием (пример 27):

(26) *Вӧнтӱ пслӱк, йишкӱ пслӱк керӱтлӱт* [Соловар 2014: 136]

вӧнт=**а**   *пслӱк* *йишк*=**а**   *пслӱк* *керӱт*=**л**=**т**
лес=ADJ   сторона вода=ADJ   сторона объезжать=PR=SUBJ.3PL
'Лесную сторону, водную сторону объезжают.'

(27) *Ас мӱвӱт шӧна мӱнҗӱ* [Соловар 2009: 72]

Ас   *мӱв*=**т**   *шӧна*   *мӱн*=**л**=**а**
Обь земля=PL   **через**   идти=PR=OBJ.3SG.PL
'Земли большой реки переходит.'

3) Значение перемещения подразумевает каузацию: субъект-каузатор делает так, что каузируемый субъект движется из начальной точки в конечную по определенной трассе. Способы выражения пространственных отношений идентичны тем, которые используются при некаузируемом движении:

(28) ...*Ин икилӱн йитыйӱн ин ӧаврӱмлӱн икилӱн йӱцӱлт хӧхлӱлӱлӱн.* [Предания, песни казымских хантов, 2014. С. 11]

ин   *ики*=**лӱн**   *йи*=**тый**=**ӱн**
теперь   мужчина=POSS.2-3DU.DU   статья=PrP=LOC
ин   *ӧаврӱм*=**лӱн**   *ики*=**лӱн**   *йӱцӱлт*
этот   ребенок=POSS.2-3DU.DU   мужчина=POSS.2-3DU.DU   **навстречу**
хӧхлӱл=**л**=**ӱлӱн**
заставить бежать=PR=OBJ.3DU.DU

'...И теперь, когда мужья будут возвращаться, им навстречу они детей понесут.' [Там же. С. 14]

Количественные подсчеты показали, что из всех предложений бытийно-пространственной семантики примерно треть составляют статические, две трети – динамические предложения. Отличительной чертой выражения движения является частотное использование в казымском диалекте хантыйского языка превербов, которые для выражения отношения местонахождения не встретились. В сургутском диалекте количество случаев употребления превербов существенно ниже, чем в казымском, так как широко распространены синтетические падежные конструкции, которые преобладают над послеложными сочетаниями.

Таким образом, казымский диалект выделяется на фоне остальных обследованных языков и диалектов преобладающим количеством аналитических конструкций в сфере выражения бытийно-пространственных отношений, при этом такое уникальное средство, как превербы, используются в динамических конструкциях со значением движения и не представлены в предложениях со значением бытия и местонахождения. Конкуренция превербов и других средств выражения пространственных отношений связана с актуальным членением высказывания. Превербы используются в общеинформативных высказываниях, занимая вместе с глаголом, к которому они относятся, позицию ремы, в то время как послеложные типы конструкций используются в рематической позиции частноинформативных высказываний с ремой на локализаторе. Это связано с тем, что рематической является позиция непосредственно перед глаголом, в которую по определению попадают локализаторы. Единственным средством разграничить общеинформативные и частноинформативные предложения оказывается морфологический способ – использование однокоренных превербов или послелогов. Превербы образуют вместе с глаголом нерасчлененную рематическую позицию, тогда как неоднословные построения с послелогом представляют собой рематический локализатор.

Список литературы / References

- Предания, песни казымских хантов (Касэм йох путрэт, арэт) / Сост. Р. М. Потпот. Под ред. В. Н. Соловар. Тюмень: ООО «Формат», 2014. 126 с.
Predaniya, pesni kazymskikh khantov (Kasem yokh putrat, arat) [Traditions, songs of Kazym Khanty] / Sost. R. M. Potpot. Pod red. V. N. Solovar. Tyumen': ООО «Format», 2014. 126 p.
- Соловар В. Н.** Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Новосибирск, 2009, 264 с.
Solovar V. N. Paradigma prostogo predlozheniya v khantyyskom yazyke (na materiale kazymskogo dialekta) [Paradigm of a simple sentence in the Khanty language (on the material of the Kazym dialect)]. Novosibirsk, 2009, 264 p.
- Соловар В. Н.** Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: ООО «Формат», 2014. 386 с.
Solovar V. N. Khantyysko-russkiy slovar' (kazymskiy dialekt) [Khanty-Russian Dictionary (Kazym dialect)]. Tyumen': ООО «FORMAT», 2014, 386 p.
- Чепреги М.** Сургутский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2017. 275 с.
Chepregi M. Surgutskiy dialekt khantyyskogo yazyka [Surgut dialect of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk: ООО «Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk», 2017. 275 p.
- Шилова В. В.** Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке: В 2 ч. Новосибирск, 2003. Ч. 1. 106 с.; Ч. 2. 184 с.
Shilova V. V. Prostranstvennyye modeli elementarnykh prostykh predlozheniy v nenetskom yazyke . Spatial models of elementary simple sentences in the Nenets language. Novosibirsk, 2003, part 1, 106 p., part 2, 184 p.

*Материал поступил в редколлегию
Received
28.08.2018*

Сведения об авторе / Information about the Author

Кошкарева Наталья Борисовна, Институт филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия); Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, koshkar_nb@mail.ru)

Natalia B. Koskhareva, Institute of Philology SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, koshkar_nb@mail.ru)

УДК 811.511.142
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-66-80

Типологическая характеристика хантыйского вокализма по данным казымского и сургутского диалектов

Т. В. Тимкин

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В статье сопоставлены принципы организации системы гласных фонем двух диалектов хантыйского языка: казымского, относящегося к западной диалектной группе, и восточного, относящегося к восточной группе. Обосновывается необходимость привлечения экспериментально-фонетических данных для типологического описания фонологии идиома. Для сургутского диалекта, ранее имевшего только слуховое описание фонетики, приводятся экспериментально-акустические данные, полученные на материале новейших полевых записей с использованием программного обеспечения Praat. На основе анализа базы из 130 слов, прочитанной пятью информантами, установлены параметры длительности, первой и второй резонансных частот (формант) гласных звуков, произведена инвентаризация гласных аллофонов и предложена фонологическая интерпретация. Выделено 13 гласных фонем для тром-аганского говора (/i:/, /i:/, /u:/, /e:/, /o:/, /ɔ:/, /a:/, /u/, /e/, /o/, /ɛ/, /ɔ/, /a/), 12 для юганского (/i:/, /i:/, /u:/, /e:/, /o:/, /ɔ:/, /a:/, /u/, /e/, /o/, /ɛ/, /ɔ/, /a/). Новые сургутские данные сопоставлены с ранее публиковавшимися данными по казымскому диалекту. С опорой на положения Н. С. Трубецкого о типологии фонологических систем тип хантыйского вокализма определен как смешанный треугольно-линейный. Подсистема первого слога определена как треугольная с тремя тембровыми классами (высокий – передний ряд, неогубленность; средний – средний ряд, слабая огубленность; низкий – задний ряд, огубленность), тремя подъемами для казымского диалекта, четырьмя для сургутского. Подсистема непервого слога определена как линейная с одним смешанным тембровым классом и сохранением противопоставления по подъему. Система осложнена фонологической долготой в подсистемах первого и непервого слогов, при этом сила оппозиции по долготе оценивается как слабая.

Ключевые слова

хантыйский язык, экспериментальная фонетика, фонология, лингвистическая типология

Для цитирования

Тимкин Т. В. Типологическая характеристика хантыйского вокализма по данным казымского и сургутского диалектов // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 66–80. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-66-80

Typological Characteristics of the Khanty Vocalism Based on Data of Kazym and Surgut Dialects

T. V. Timkin

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper aims to compare and describe the system of the vowel phonemes in two Khanty dialects – Kazym dialect (the West-Khanty dialectal group) and Surgut dialect (the East-Khanty dialectal group) from the typological point.

© Т. В. Тимкин, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 9: Philology

The statement is made that experimental phonetical data are necessary for typological generalizations in phonology. For the Surgut dialect, for which only subjective auditory descriptions have existed until recent times, experimental acoustical data based on new materials from field expeditions are presented. On the basis of the list including 130 lexemes read out by five informants, duration of the vowels, first and second formant frequencies are measured via Praat software. In the Surgut dialect 13 vowel phonemes are stated for the Trom-Agan idiom (/i:/, /i:/, /u:/, /e:/, /o:/, /ɔ:/, /a:/, /u/, /e/, /o/, /ɛ/, /ɔ/, /a/) and 12 phonemes for Yugan idiom (/i:/, /i:/, /u:/, /e:/, /o:/, /ɔ:/, /a:/, /u/, /e/, /o/, /ɛ/, /a/; at the place of the Trom-Agan /ɔ/ the Yugan /ɛ/ is being used). The new Surgut data are compared with the already published Kazym data. A typological generalization is made on the basis of the N. S. Trubetskoy's ideas.

The Khanty vocalism represents a mixed triangle-linear system. The first-syllable subsystem has a triangle typology with three timbre classes: front unrounded vowels; mid-row vowels with weak labialization; back rounded vowels. The subsystem has three degrees of height for the Kazym dialect and four degrees of height for the Surgut dialect. The not-first-syllable subsystem has a linear typology with one neutral class and opposition by height. The whole system has an opposition by two degrees of phonological length; the strength of this opposition can be rated as weak.

Keywords

Khanty language, experimental phonetics, phonology, language typology

For citation

Timkin T. V. Typological Characteristics of the Khanty Vocalism Based on Data of Kazym and Surgut Dialects. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9: Philology, p. 66–80. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-66-80

Принципы типологического описания вокалических систем

Типологическое описание фонетических систем языков мира предполагает как рассмотрение инвентаря фонетических единиц, каждая из которых характеризуется собственным набором признаков, так и классификацию принципов организации системы в целом. Исчисление возможных комбинаций элементов, составляющих систему, представляется важной задачей для уточнения описания отдельных идиомов и для понимания закономерностей устройства языка. Специфика типологической фонетики состоит в том, что описываемые единицы должны рассматриваться одновременно и в фонологическом, и в субстанциональном аспектах. Обобщая данные о фонологии различных языков, следует рассматривать фонологические признаки не как абстрактные классификационные параметры, функционирующие независимо от их физической и артикуляционной сущности, а как взаимоотношение артикуляций, представленных в идиоме.

Для типологической фонетики основополагающей является работа [Трубецкой, 2000] (первое издание – 1939 г., русский перевод – 1960 г.), где описаны возможные способы организации фонетических систем.

Н. С. Трубецкой выделял несколько основных типов вокалических систем в языках мира: линейный, треугольный и четырехугольный. Для систем всех типов фонологическим является противопоставление по подъему, однако признаки ряда и огубленности имеют различный характер в системах разных типов. Так, для линейных систем ряд и огубленность обусловлены консонантным контекстом и не являются фонологически значимыми. В четырехугольных системах для различения гласных могут использоваться и ряд, и огубленность, и оба признака вместе, причем корреляции по данным признакам функционируют одинаково во всех подъемах. В треугольных системах количество гласных фонем убывает при переходе от верхнего подъема к нижнему, и в нижнем подъеме представлен только один – среднерядный – тембр [Трубецкой, 2000. С. 103].

Для треугольных систем описаны следующие закономерности. В переднем и заднем ряду более открытые гласные реализуются ближе к среднему ряду, причем для переднего ряда эта тенденция выражена ярче. В треугольных системах выделяется средний ряд, представленный открытым гласным /a/, а в ряде случаев также гласными верхнего и среднего подъемов. Верхний или средний гласные среднего ряда могут играть роль нейтрального гласного, представленного в позиции нейтрализации или редукции.

Н. С. Трубецкой отмечал, что ряд и огубленность не являются вполне независимыми друг от друга признаками. Это положение подтверждается и работами по моделированию речепроизводства средствами акустики [Фант, 1964]. Так, акустическим коррелятом ряда является вторая резонансная частота передаточного тракта (вторая форманта, или F2). Меньшее значение F2 соответствует заднему ряду, большее – переднему. В то же время огубленность вызывает понижение всех формант, также особо выраженное для F2.

Развитие акустической теории речеобразования было связано с идеей, что каждый признак, выделяемый в артикуляционной фонетике, имеет свой акустический коррелят. В качестве коррелята ряда был предложен признак компактности / диффузности, характеризующий соотношение частот F1 и F2, а в качестве коррелята огубленности – признак бемольности, характеризующий понижение частоты всех формант [Якобсон, 1962].

Однако в реальной экспериментальной практике не всегда можно определить, как следует трактовать сближение F1 и F2 – как компактность или как бемольность.

Развитие экспериментальной фонетики показало, что параметр F2 позволяет со всей четкостью отделять неогубленные переднего ряда от огубленных заднего ряда. Однако огубленные передние, огубленные средние, неогубленные средние и неогубленные задние имеют тенденцию реализоваться в близких диапазонах F2. Задача создания независимых акустических коррелятов ряда и огубленности не нашла до сих пор единого общепризнанного решения [Nauward, 2013. С. 291–295].

Акустическая связанность признаков ряда и огубленности не могла не повлиять на типологию фонетических систем. Так, известны следующие универсалии: а) среди гласных переднего ряда обязательно есть неогубленные; б) среди гласных заднего ряда обязательно есть огубленные; в) в среднем ряду крайне редко огубленные противопоставляются неогубленным; г) в треугольной системе противопоставление по огубленности может быть как в переднем, так и в заднем ряду, но никогда в переднем и заднем ряду одновременно (для четырехугольной системы это возможно) [Кодзасов, 2001. С. 410–417].

Эти данные говорят в пользу гипотезы, высказанной еще Н. С. Трубецким, что при описании гласных следует говорить о противопоставлении тембровых классов. Высокий тембр достигается переднерядной артикуляцией без огубленности, низкий тембр достигается заднерядной артикуляцией и огубленностью. Средний тембровый класс в разных языках связан с различными артикуляциями: переднерядной огубленной, среднерядной огубленной, среднерядной неогубленной, заднерядной неогубленной.

На характеристику устройства инвентаря тембров накладываются такие типологические параметры, как количество ступеней фонологической долготы, наличие дифтонгов и фонологически значимых дополнительных артикуляций назализации или фарингализации.

Таким образом, типологическое описание вокалической системы должно включать следующие параметры:

- а) тип системы – линейная, треугольная или четырехугольная;
- б) количество степеней подъема;
- в) состав тембровых классов, способ организации тембровых классов артикуляционными признаками ряда и огубленности;

- г) количество ступеней фонологической долготы и сила оппозиции по долготе;
- д) наличие дополнительных артикуляций и сила соответствующих оппозиций.

О возможности типологического обобщения на материале имеющихся описаний хантыйской фонологии

Хантыйский язык, относящийся к финно-угорской семье уральской языковой общности, был описан на материале различных диалектов: казымского, шурышкарского, обдорского западно-хантыйской диалектной группы, а также сургутского и ваховского, относящихся к восточно-хантыйской диалектной группе. Однако среди описаний хантыйского вокализма только работа Г. Г. Куркиной на материале казымского диалекта является экспериментальной [Куркина, 2000], тогда как остальные описания составлены слуховым методом ([Шал, 1976; Терешкин, 1981; Хонти, 1993; Чепреги, 2016]).

Состав гласных хантыйского языка значительно варьирует по диалектам. Общехантыйскими чертами, как правило выделяемыми в слуховых описаниях, является противопоставление по двум рядам, трем подъемам, двум степеням фонологической длительности и огубленности. Ударение, по имеющимся данным, фиксировано на первом слоге, всегда корневом, поэтому вокализм подразделяется на подсистему первого слога и непервого слога, при этом непервый слог характеризуется меньшим инвентарем фонем и тенденцией к сокращению гласных.

Традиционные слуховые описания сыграли важную роль для кодификации хантыйского языка, для выработки орфографических норм и создания учебных пособий. Тем не менее следует признать, что эти данные недостаточны для обобщений типологического характера. Различительные признаки должны быть описаны не только как абстракции, противопоставляющие фонемы, но и как взаиморасположение артикуляционных зон.

Например, для хантыйского языка описывается противопоставление двух кратких /a/: переднего и заднего, что свидетельствует о четырехугольном характере системы. В то же время централизованный нейтральный гласный – черта скорее треугольной системы.

Такие противоречия говорят о необходимости привлечения экспериментальных данных к типологическому описанию фонологии.

Наши положения о хантыйском вокализме основываются на экспериментально-акустическом описании двух диалектов: казымского и сургутского. Данные по казымскому диалекту приводятся по работе [Куркина, 2000]. Экспериментальные данные по сургутскому диалекту получены нами на материале полевых записей Института филологии СО РАН. Транскрипция данных записей, выполненная методом слухового анализа Н. Б. Кошкарёвой и Н. С. Уртегешевым, опубликована в работах [Уртегешев, 2017а; Уртегешев, 2017б].

Материалы и методы исследования сургутского вокализма

Наше исследование сургутского вокализма основано на анализе базы, включающей 130 слов в трехкратном прочтении пятью информантами – носителями юганского и тром-аганского говоров сургутского диалекта. В ходе записи дикторам предлагался русскоязычный перевод слова в качестве стимула.

Записи были спектрографированы при помощи компьютерной программы Praat с использованием широкополосного фильтра, настроенного на полосу шириной 260 Гц. На основании слухового анализа и визуального анализа спектрограмм записи были вручную сегментированы, после чего для каждого гласного были измерены следующие параметры: длительность и частота первых трех формант. Использовался механизм автоматического определения фор-

мантных частот программы Praat, позволяющий производить максимально точные измерения. Для получения наилучших результатов мы оперировали параметром Number of Formants, который задает чувствительность автоматического поиска формант. Неправильное значение данного параметра может приводить к искажениям данных разного рода. Каждый замер проверялся на соответствие автоматически определенных данных значениям, наблюдаемым на спектрограмме. В случае расхождения результатов параметр Number of Formants корректировался.

Серьезной проблемой при интерпретации экспериментальных данных, полученных объективными методами, является то, что акустические характеристики звуков речи подвержены значительным колебаниям под влиянием нерелевантных факторов, таких как пол, возраст, темп речи, индивидуальные особенности тембра говорящего. Для того чтобы нивелировать незначимые колебания параметров, сохранив противопоставление основных звукотипов, предложены различные алгоритмы нормализации – статистической обработки, приводящей данные от различных информантов в сопоставимый формат.

Для нормализации данных по долготе звука использовалась методика измерения относительных длительностей. Идея методики заключается в том, что абсолютные длительности, измеренные в миллисекундах, пересчитываются в процентном соотношении так, что за сто процентов берется отношение общей длительности словоформы к количеству сегментов в ней. Относительная длительность, таким образом, вычисляется по формуле

$$\text{ОД} = \frac{x * n}{\text{ОДС}} * 100,$$

где x – длина звука (мс),

n – количество звуков в словоформе,

ОДС – общая длительность словоформы (мс).

Для нормализации данных по тембру использовалось несколько алгоритмов, среди которых наиболее убедительные данные показывает нормализация Лобанова – фонетическое применение общенаучного статистического метода, известного как z -шкала. Данный метод заключается в том, что формантные частоты, измеренные в герцах, пересчитываются для каждого информанта по его индивидуальной шкале: за ноль берется среднее значение частоты по данному информанту, а за единицу – среднеквадратическое отклонение по данному информанту. После z -шкалирования данные по всем информантам сводятся в единую базу.

Для описания артикуляций по акустическим данным, как правило, опираются на положение, что первая резонансная частота вокального тракта (первая форманта, F1) коррелирует с подъемом гласного, а вторая (F2) – с рядом. Однако эксперименты показывают, что на значения F2 влияет также признак подъема, и, возможно, более точным коррелятом ряда может служить величина, равная разнице F2 и F1.

Экспериментальные данные по сургутскому диалекту и их фонологическая интерпретация

В сургутском диалекте наблюдается значительное варьирование количественных оттенков гласных. Наличие минимальных пар, противопоставляемых только количеством гласного, говорит о фонологической значимости признака долготы.

Программа исследования включала следующие пары квазиомонимов, противопоставленных длительностью ударного гласного:

рак ‘мука’ (средняя ОД гласного 135%) – *рăк* ‘жир’ (СОД 68%);
луй ‘наперсток’ (СОД 132%) – *лүй* ‘гной’ (СОД 66%);

күйәп ‘мужской’ (СОД 168%) – *күйәп* ‘бубен’ (СОД 83%);
қөр ‘просека’ (СОД 149%) – *қөр* ‘болото’ (СОД 87%);
саңқи ‘небо’ (СОД 137%) – *сәңқи* ‘песок’ (СОД 78%).

Длительность гласного обусловлена не только фонологически, но и находится в очевидной зависимости от слогового типа словоформы, в которой представлен гласный. Проанализировав разброс длительности в различных слоговых типах, мы распределили звуки по нескольким ступеням фонетической долготы. Анализ дистрибуции количественных оттенков показывает, что в сургутском диалекте представлено две ступени фонологической долготы.

Долгие гласные фонемы первого слога реализуются в продленных оттенках (140–190% СОД) в моносиллабах с плавными и носовыми в ауслауте, а также в бисиллабах с редуцированным гласным во втором слоге: *ван* ‘короткий’ (СОД 170%); *қор* ‘бык’ (СОД 143%); *таләх* ‘пустой’ (СОД 185%); *васәх* ‘утка’ (СОД 175%) и др. Оттенки длительностью 120–150% СОД наблюдаются в моносиллабах с исходом на шумный и [w], [j], в бисиллабах с открытым первым слогом и гласным полного образования во втором слоге, а также в первом слоге полисиллаб: *лыт* ‘рукав’ (СОД 130%), *най* ‘куча’ (СОД 145%), *сут* ‘брусок’ (СОД 111%); *қури* ‘корыто’ (СОД 148%) и др. Полудолгие оттенки длительностью 100–120% СОД реализуются в первых закрытых слогах бисиллаб (*тивта* ‘возрождаться’ (СОД 120%); *луқта* ‘перевод’ (СОД 115%) и др.

Краткие фонемы первого слога реализуются в основном оттенке длительностью 60–90% СОД: *рәк* ‘жир’ (СОД 85%); *пәңк* ‘ячея сети’ (СОД 80%); *пәңк* ‘зуб’ (СОД 110%) и др. В позиции первого слога полисиллабы с редуцированным в последующем слоге получают продление до 100–110% СОД: *қәһәң* ‘с животом’ (СОД 102%); *қәһәң* ‘легкий’ (СОД 102%) и др.

Таким образом, все гласные первого слога, записанные в базе, были разделены на фонологически долгие, имеющие СОД 140%, и фонологически краткие, имеющие СОД 90%.

На следующем этапе гласные тембры первого слога были проанализированы с применением методики F1 x F2-пространства. В ходе анализа каждый гласный базы был нанесен на двумерный график в виде точки с координатами, соответствующими параметрам F1 и F2. Точки, которые соответствуют звукам, записанным в одной и той же позиции в одном и том же слове, задают формантное облако – область F1 x F2-пространства, соответствующую зоне свободного варьирования данного аллофона. Пересечение формантных облаков различных лексем свидетельствует о том, что в данных лексемах представлен один и тот же аллофон.

Произведя таким способом инвентаризацию фонетических средств, мы приходим к выводу, что вокализм первого слога тром-аганского говора сургутского диалекта хантыйского языка включает 13 фонем: долгие /i:/, /i:/, /u:/, /e:/, /o:/, /ɔ:/, /a:/, краткие /ɪ/, /e/, /o/, /ɛ/, /ɔ/, /a/. Юганский говор включает 12 гласных фонем первого слога – те же, что и тром-аганский, за исключением фонемы /ɔ/, которой во всех случаях соответствует /e/.

Анализ подсистемы непервого слога значительно усложнен большим разнообразием позицией, менее устойчивой артикуляцией, отсутствием пар квазиомонимов, которые были бы противопоставлены только длительностью непервого гласного. Как показывают наблюдения, варьирование гласных непервого слога по долготе не может быть объяснено позиционно. Рассмотрим, например, пару *липәк* ‘песец’ – *нипәк* ‘бумага’, где второй гласный имеет соответственно 45–65% и 75–95% ОД. Таким образом, противопоставление гласных по длительности сохраняется и в непервом слоге. Однако из-за тенденции к сокращению гласных непервого слога в среднем примерно в 1,5 раза, противопоставление долгих и кратких преломляется в непервом слоге в противопоставление гласных полного образования, имеющих СОД 90%, и редуцированных, имеющих СОД 60%.

Гласные полного образования непервого слога представлены *i*-образными, *e*-образными, *æ*-образными тембрами, которые, по-видимому, репрезентируют различные фонемы. Редуцированные гласные значительно варьируют в среднем ряду в области верхнего и средне-верхнего подъема. При этом более задний оттенок реализуется после губно-губного сонанта [w] (например, в словах *тувар* ‘хвоя’, *түвар* ‘гнилушка’), тогда как в других консонантных окружениях редуцированный ближе к тембру *e*. По этой причине мы можем считать варьирование редуцированных гласных позиционным и считать редуцированные реализацией одной и той же фонемы.

По правилам фонологической интерпретации звуки, не представленные в одной позиции, могут быть отождествлены как реализации одной фонемы, если набор их общих признаков в данной системе присущ только этим звукам (или, иными словами, если эти звуки артикуляционно и акустически ближе друг другу, чем любым другим звукам системы). В противном случае они должны считаться разными фонемами.

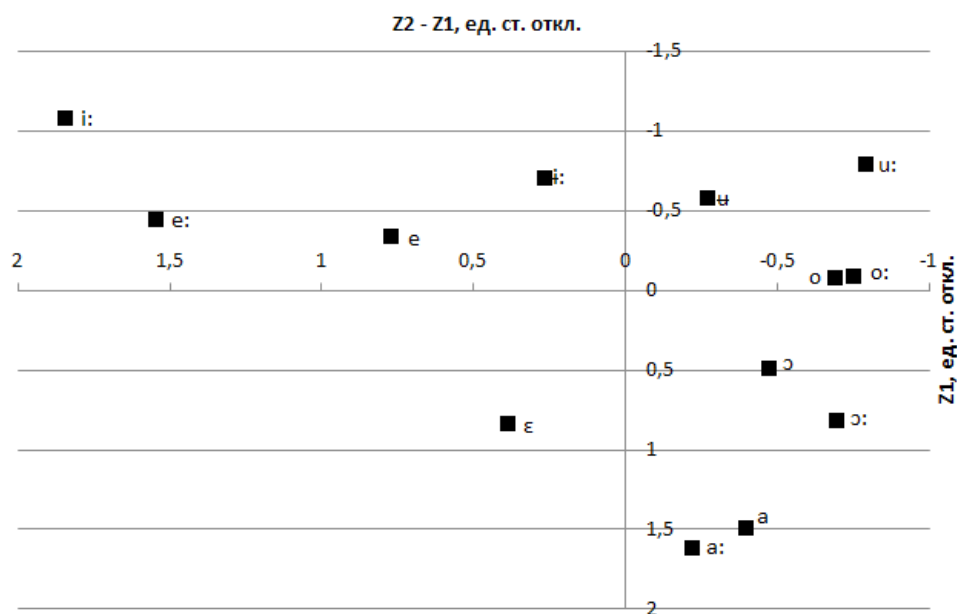
Так, гласный [i] непервого слога, как передний верхний неогубленный, может быть отождествлен только с /i:/, так как краткой *i* в сургутском диалекте не представлено. Это свидетельствует о том, что гласные полного образования непервого слога являются фонологически долгими. Тогда гласные [e], [æ] должны быть отождествлены соответственно с /e:/ и /a:/.

Соотношение длительности долгих фонем в первом и непервом слоге (140% к 90% ОД) соответствует соотношению длительности кратких фонем первого слога и редуцированных (90% к 60% ОД). Это свидетельствует в пользу того, чтобы признать редуцированные гласные фонологически краткими.

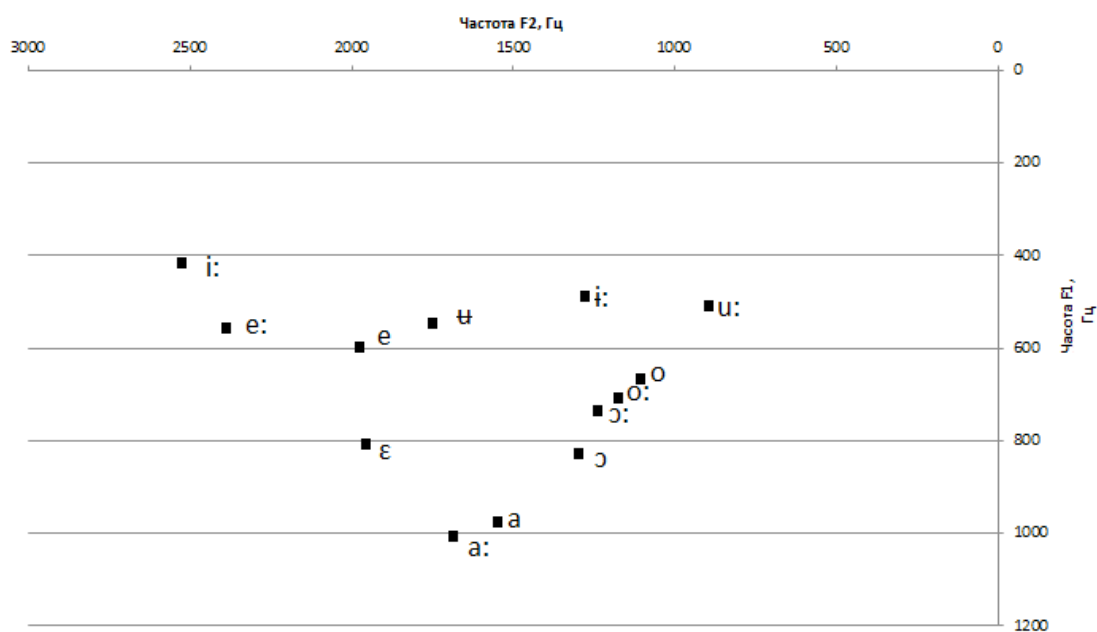
Реализуясь в среднем ряду, редуцированные оказываются равно близки кратким /e/, /æ/, /o/, что могло бы говорить о фонологической самостоятельности редуцированных. Однако, на наш взгляд, решающую роль здесь играет то, что отодвижение редуцированных имеет позиционный характер, а основной оттенок является передним. По этой причине мы склоняемся к тому, чтобы считать редуцированные гласные реализациями фонемы /e/.

Таким образом, фонологическая система сургутского диалекта включает 12 фонем для юганского говора и 13 для тром-аганского, из которых 4 фонемы (/i:/, /e:/, /a:/, /e/) встречаются как в первом, так и в непервом слоге, остальные – только в первом.

Покажем на рис. 1 графики средних формантных частот выделенных фонем. На рис. 1, а приведены сводные данные по всем информантам. По вертикальной оси отложена нормализованная частота первой форманты (Z1) – акустический коррелят подъема. По горизонтальной оси отложена нормализованная разность между частотой второй и первой форманты (Z2 – Z1) – акустический коррелят ряда. Оси используют обратный порядок значений (на горизонтальной оси меньшие значения правее больших, на вертикальной оси меньшие значения выше больших). Это сделано, чтобы взаиморасположение точек соответствовало привычной для артикуляционной фонетики ориентации изображения вокалических систем, где сверху находится верхний подъем, а слева – передний ряд. Такой способ представления данных, предполагающий использование нормализованных значений и выбор Z2 – Z1 как коррелята ряда, представляется нам наиболее точным. Так, именно этот способ позволил добиться минимального пересечения формантных облаков, неизбежно возникающего как из-за нечеткой артикуляции, так и из-за погрешностей измерения. Вместе с этим на рис. 1, б мы приводим те же данные в более традиционном формате – с использованием ненормализованных значений F1 и F2 по одному информанту (женщина, носитель тром-аганского говора), в качестве коррелята ряда выбрана частота F2.

а

б

Рис. 1. Средние формантные значения фонем первого слога сургутского диалекта: а – сводные нормализованные данные; б – ненормализованные частоты по данным одного информанта

Покажем на рис. 2 зоны варьирования фонем первого слога в трапеции гласных, установленные на основе анализа формантных облаков.

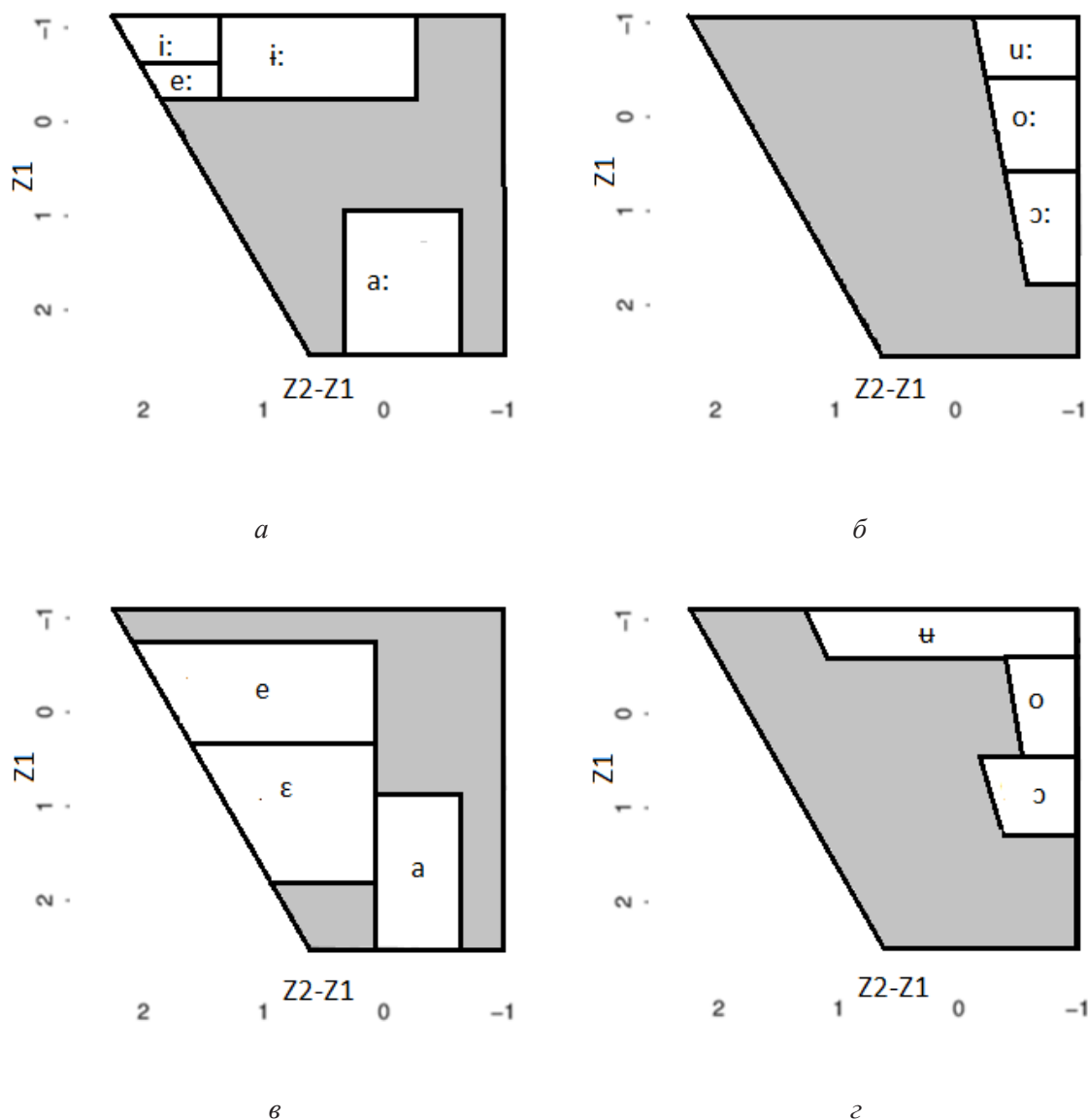

Рис. 2. Артикуляционные зоны фонем первого слога сургутского диалекта хантыйского языка:
а – долгие неогубленные; б – долгие огубленные; в – краткие неогубленные; г – краткие огубленные

В табл. 1 приведена фонологическая система сургутского диалекта. Гласные записаны при помощи знаков международного фонетического алфавита. Фонемы записаны в косых скобках, далее в круглых скобках приводятся через запятую запись в финно-угорской транскрипции и орфографическая запись. Позиционные оттенки даны в квадратных скобках, далее в круглых скобках указывается соответствующая фонема.

Таблица 1

Система гласных фонем сургутского диалекта

Подъем	Передний ряд	Средний ряд	Задний ряд
Верхний	/i:/ (i, и)	/i:/ (i, ы) /ɨ/ (ӱ, ӱ)	/u:/ (u, у) [ʊ] (/ɨ/)
Средне-верхний	/e:/ (e, э) /ɛ/ (ӗ, э)	[ɛ] (/e/)	/o:/ (o, о) /ɔ/ (ӧ, ӧ)
Средне-нижний	/ɛ/ (ӓ, ӓ) [æ] (/a:/)		/ɔ:/ (ӓ, о) /ɔ/ (ӧ, ӧ)
Нижний		/a:/ (a, а) /a/ (ӓ, ӓ)	

Сделаем некоторые замечания о качестве отдельных фонем, сопоставляя экспериментальные данные с традиционными описаниями [Шал, 1976; Терешкин, 1981; Хонти, 1993; Чепреги, 2016].

В состав фонем верхнего подъема включаются /i:/, /i:/, /u/. Л. Хонти и Э. Шал отмечают специфическую юганскую фонему /ü/. Н. И. Терешкин и М. Чепреги описывают также краткую /ɨ/. Кроме того, М. Чепреги выделяет редкую периферийную фонему /ʊ/. Подсистема верхних гласных описывается при помощи бинарных оппозиций по долготе, ряду и огубленности.

Мы обнаружили в верхнем подъеме четыре фонемы: три долгие /i:/, /i:/, /u:/ и краткую /ɨ/. Фонема /ɨ/ имеет также позиционный заднерядный оттенок /u/ в позиции перед губным согласным (например, в словах *күм* 'склад', *күвали* 'бубенчик'). Фонемы /i:/, /ɨ/ мы относим к среднерядным. Таким образом, противопоставление по ряду в сургутском диалекте является не бинарным, а троичным, а огубленность является интегральным признаком. При этом фонема /i:/ показывает противоречивые данные по параметру огубленности как с точки зрения слухового анализа, так и по формантным частотам.

Фонема /i:/ имеет очень высокие значения F2, что свидетельствует о крайне закрытой артикуляции. Фонема /u:/, наоборот, более открытая, чаще реализуется в u-образном тембре. Фонема /ɛ:/ также отличается очень закрытой артикуляцией, близкой к i-образной.

Краткая фонема /ɛ/ значительно варьирует по ряду, подвергаясь централизации в позиции после губно-губного [w], например в словах *вэрис* 'упрямство', *вэңри* 'тяжесть'.

В имеющихся описаниях данные о фонологической тождественности краткой /ɛ/ первого слога и редуцированного гласного противоречивы. В работе Э. Шал эти фонемы разграничиваются. Н. И. Терешкин определяет эти звуки как одну редуцированную переднерядную фонему, представленную в первом и непервом слогах. М. Чепреги также указывает на наличие редуцированной в первом и непервом слогах, но исключает эту фонему из противопоставлений по ряду и подъему. Мы полагаем, что отождествление e-образной фонемы первого слога и редуцированной оправданно. Однако данная фонема выступает на ступени редукции в тембре [ɛ] только в непервом слоге. Таким образом, данная фонема должна определяться не как редуцированная, а как имеющая редуцированный аллофон. По своему основному оттенку она может

быть определена как краткая передняя, оснований для выделения фонологической редукции в системе гласных нет.

В предшествующих описаниях выделяется передняя огубленная *ѣ*. По нашим данным, этой фонеме в тром-аганском говоре соответствует заднерядная /ɔ/, в юганском говоре на ее месте переднерядная неогубленная /ɛ/.

Чаще всего различаются четыре *a*-образные фонемы: две долгие и две краткие, противопоставленные как передние и задние. При этом задняя долгая *a* имеет дополнительную огубленность. Наши данные показывают, что среди этих фонем нижними являются /a:/ и /a/, относящиеся к среднему ряду. Фонема, ранее описываемая как *ä*, является передней средне-нижней /ɛ/; фонема, описываемая как *a'*, – задней средне-нижней /ɔ:/.

Наибольшую сложность для описания представляют фонемы /o:/ и /ɔ:/. Наличие квазиомонимов типа *қор* ‘бык’ – *қор* ‘просека’ говорит о том, что противопоставление данных фонем является живым явлением в сургутской фонологии. В то же время граница артикуляционных зон для них является крайне нечеткой, формантные облака значительно пересекаются. По нашему мнению, это может говорить о постепенном разрушении оппозиции и варьировании между закрытым и открытым о. Это приводит также к тому, что в ряде случаев, по нашим наблюдениям, написание гласного не соответствует произношению. Однако природа данного явления требует дальнейшего исследования.

Фонемы /i:/, /e:/ реализуются в непервом слове в тембрах, близких к реализациям в первом слове. Фонема /a:/ в непервом слове имеет более закрытый и передний оттенок [æ].

Сопоставление наших данных, полученных акустическими методами, с инвентаризацией гласных оттенков сургутского диалекта в работах [Уртегешев, 2017а; Уртегешев, 2017б] подтверждает основные выводы о характере артикуляции выделенных звуков.

Методом слухового анализа также описаны такие детали сургутской артикуляционной базы, как прерывистость и фарингализация. Прерывистость проявляется в наличии двух фаз артикуляции гласного, разделенных гортанной смычкой. Данный оттенок характерен для долгих фонем и является дополнительным признаком, различающим долгие и краткие гласные. Фарингализация характеризуется дополнительным напряжением гортани и корня языка, проявляется непоследовательно и, по-видимому, является неким остаточным явлением. Данные признаки не могут быть фонологически самостоятельными.

Экспериментальные данные по казымскому диалекту и их фонологическая интерпретация

Экспериментально-фонетическое исследование казымского вокализма производилось с использованием таких соматических методов, как лабиография и дентопалатография, а также таких акустических методов, как спектрография и пневмоосциллография [Куркина, 2000]. В табл. 2 представлена фонологическая система казымского диалекта. Фонемы затранскрибированы, в соответствии с цитируемой работой, знаками универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УФФТ) В. М. Наделяева. В скобках мы приводим запись по финно-угорской транскрипции (по [Кошкарева, 2007]). В тех случаях, когда знаки УФФТ не соответствуют знакам МФА, в скобках через запятую мы приводим соответствующий знак МФА.

Казымский вокализм включает 9 фонем, из которых 8 (все фонемы за исключением редуцированной /ə/) представлены в первом слове и 4: /i/, /e:/, /a:/, /ə/ – в непервом.

В работе [Куркина, 2000] представлены данные о средних формантных частотах каждой фонемы. Переведем эти данные в формат F1 x F2-пространства и покажем на рис. 3 (фонемы подписаны знаками МФА).

Таблица 2

Система гласных фонем казымского диалекта

Подъем	Передний ряд	Средний ряд	Задний ряд
Передний	i (i)	õ (õ, ӱ)	ö (ӱ)
Средний	e: (e)	ə (ə) õ: (o, ɵ:)	õ: (o)
Нижний			ɑ́ (a, ɑ) ɑ: (ä)

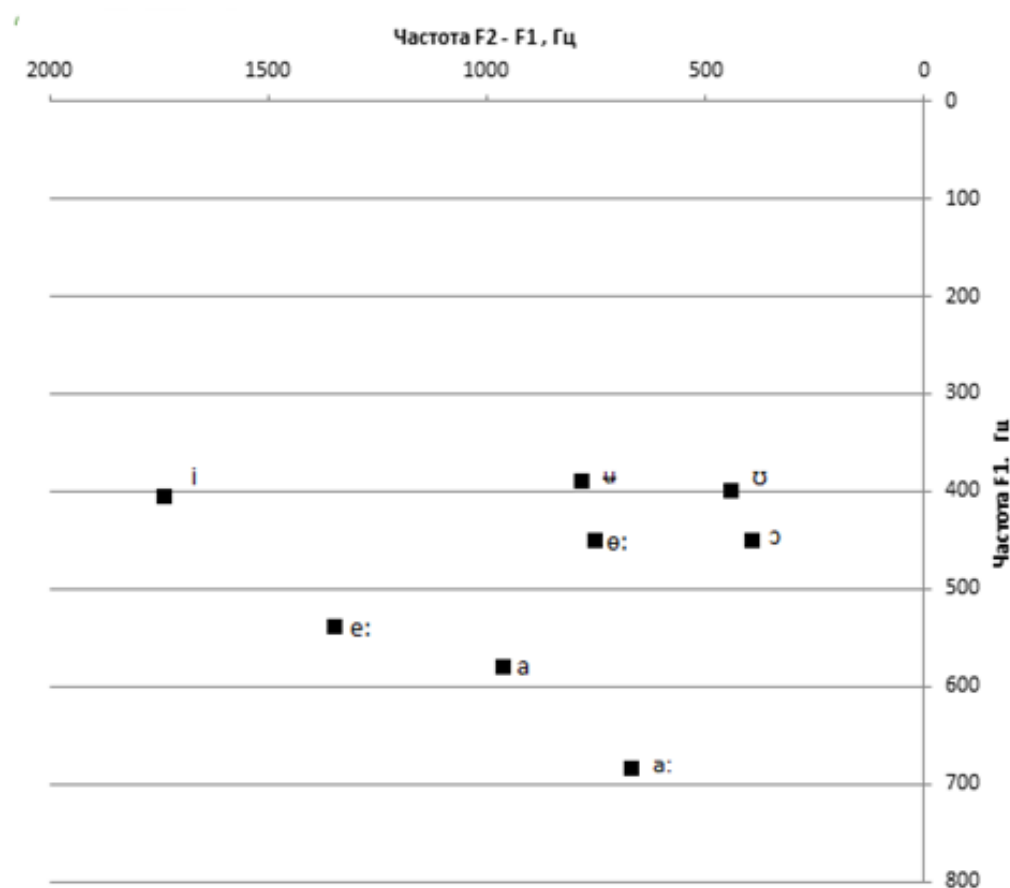

Рис. 3. Средние формантные частоты гласных фонем казымского диалекта хантыйского языка

Отметим следующие особенности хантыйского вокализма.

Гласные /õ/ и /õ:/ (ФУТ соответственно /o/ и /o:/; МФА /ʊ/, /ɵ:/) охарактеризованы как слабо огубленные, в противоположность огубленным /ö/ и /õ:/ (ФУТ /u/, /u:/).

Гласные /ɑ/, /ɑ:/ (ФУТ /ɑ/, /ɑ:/, МФА /ɑ/, /ɑ:/) охарактеризованы как фонологически заднерядные. Однако, как показывают артикуляционные данные, эти гласные значительно варьируют по ряду. Средние формантные значения позволяют отнести эти гласные скорее к среднему ряду.

К типологическому обобщению хантыйской фонологии в свете экспериментальных данных

Типологическая характеристика вокализма, как уже было указано, должна сводиться к следующим пунктам: тип системы, количество подъёмов, количество тембровых классов, артикуляционная характеристика тембровых классов, состав дополнительных артикуляций, сила оппозиции по дополнительным артикуляциям.

Сложившийся взгляд на хантыйский вокализм как на систему с бинарным противопоставлением по ряду и огубленности не позволял охарактеризовать систему по этой схеме.

Опираясь на экспериментальные данные, мы можем классифицировать хантыйский вокализм как смешанную треугольно-линейную систему. Подсистема первого слога является треугольной с тремя тембровыми классами. Высокий класс представлен передними неогубленными, низкий класс – задними огубленными. Средний класс представлен среднерядными гласными, имеющими, вероятнее всего, слабую огубленность. Точный характер губной артикуляции среднего класса в сопоставлении с губной артикуляцией низкого класса требует дополнительного соматического исследования.

Подсистема непервого слога является линейной и включает только один тембровый класс, гласные которого реализуются преимущественно в переднерядных и среднерядных позиционных оттенках.

Казымский вокализм имеет три степени подъема в первом и непервом слогах. Сургутский вокализм имеет четыре степени подъема в первом слоге и три в непервом.

Говоря о количественных параметрах, возможно, следует не просто противопоставлять языки по наличию фонологической долготы, а выделять шкалу функциональной нагрузки между языками, не имеющими количественных противопоставлений, и языками, где функциональность долготы максимальна, то есть подсистемы долгих и кратких гласных аналогичны друг другу.

В этой градации хантыйский язык представляет промежуточный тип с низкой функциональной нагрузкой долготы, то есть значительной асимметрией долгих и кратких. При этом казымская система характеризуется низкой значимостью долготы (по долготы противопоставляются только нижние фонемы, все верхние – краткие, средние – долгие) и тяготеет к языкам с нефонологической долготой. Напротив, сургутский вокализм имеет более высокую силу признака долготы, причем признак долготы поддерживается наличием прерывистости долгих гласных. Сургутская система гласных, в отличие от казымской, характеризуется релевантностью долготы не только в нижнем подъеме, но и в среднем. В то же время для обоих исследованных идиомов наблюдается следующая закономерность: краткие и долгие фонемы представлены во всех рядах, но не во всех подъемах. Это говорит о тесном взаимодействии признаков длительности и подъема. Таким образом, хантыйский вокализм относится к промежуточному типу между системами с дифференциальной долготой и системами, где долгота обусловлена подъемом гласного.

В непервом слоге противопоставляются гласные полного образования и редуцированные; таким образом, подсистема непервого слога также осложнена признаком долготы. Так же как и в первом слоге, долгота в непервом слоге имеет низкую функциональную нагрузку.

Уменьшение инвентаря фонем в позиции непервого слога связано со слиянием тембровых классов и переходом от треугольного к линейному типу при сохранении противопоставлений по подъему и количеству гласного.

Треугольно-линейная организация системы с тремя тембровыми классами, осложненная двумя ступенями фонологической длительности при слабой силе оппозиции по длительности, является общей чертой, характеризующей казымский диалект и сургутский диалект. Чертами, различными для данных диалектов, является состав подъемов (три в казымском, четыре в сургутском) и сила оппозиции по долготе (меньшая для казымского, большая для сургутского).

Несмотря на то что казымский и сургутский диалекты относятся к различным диалектным группам, типологический взгляд на устройство их вокалических систем проявляет общие черты. В этой связи представляется продуктивным дальнейшее исследование хантыйских говоров с целью установить, какие черты являются общехантыйскими, а какие имеют ареальное распространение.

Список литературы / References

- Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.** Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001. 592 с.
Kodzasov S. V., Krivnova O. F. Obschaya fonetika [General Phonetics]. Moscow, RSHU Publ., 2001, 592 p. (in Russ.)
- Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н.** Увты муй ўвты: Курс практической фонетики хантыйского языка (казымский диалект). Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2007. 178 с.
Koshkareva N. B., Solovar V. N. Uvty mui uvty: Kurs prakticheskoi fonetiki khantyiskogo yazyka (kazymskii dialekt) [Uvty mui uvty: Practical Khanty Phonetics (Kazym Dialect)]. Novosibirsk, Geo Academic Publ., 2007, 178 p. (in Russ.)
- Куркина Г. Г.** Вокализм хантыйского языка (Экспериментальное исследование). Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000. 296 с.
Kurkina G. G. Vokalizm khantyiskogo yazyka (Eksperimental'noe issledovanie) [Khanty Vocalism: An Experimental Study]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2000, 296 p. (in Russ.)
- Терешкин Н. И.** Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981.
Tereshkin N. I. Slovar' vostochno-khantyiskikh dialektov [Eastern Khanty Dialect Dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. (in Russ.)
- Трубецкой Н. С.** Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 352 с.
Trubetskoi N. S. Osnovy fonologii [Basics of Phonology]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000, 352 p. (in Russ.)
- Уртегешев Н. С., Кошкарева Н. Б.** Система долгих гласных звуков первого слога в сургутском диалекте хантыйского языка // Вестник угроведения. № 3 (30). 2017. С. 74–97.
Urtegeshev N. S., Koshkareva N. B. Sistema dolgikh glasnykh zvukov pervogo sloga v surgutskom dialekte khantyiskogo yazyka [System of Long Vowels of First Syllable in Surgut Dialect of the Khanty Language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies]. 2017, № 3 (30), p. 74–97. (in Russ.)
- Уртегешев Н. С., Кошкарева Н. Б.** Система кратких гласных звуков первого слога в сургутском диалекте хантыйского языка // Вестник угроведения. Т. 7. № 4. 2017. С. 70–85.
Urtegeshev N. S., Koshkareva N. B. Sistema kratkikh glasnykh zvukov pervogo sloga v surgutskom dialekte khantyiskogo yazyka [System of Short Vowels of First Syllable in Surgut Dialect of the Khanty Language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies]. 2017, № 4, p. 70–85. (in Russ.)
- Фант Г.** Акустическая теория речеобразования. М.: Наука, 1964. 284 с.
Fant G. Akusticheskaya teoriya recheobrazovaniya [Acoustic Theory of Speech Formation]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 284 p. (in Russ.)
- Хонти Л.** Хантыйский язык // Языки мира: Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 301–319.
Khonti L. Khantyiskii yazyk [The Khanty Language]. Yazyki mira. Ural'skie yazyki [Languages of the World. Uralic Languages]. Moscow, Nauka Publ., 1993, p. 301–319. (in Russ.)
- Чепреги М.** Сургутский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2016. 180 с.
Chepregi M. Surgutskii dialekt khantyiskogo yazuka [Surgut Dialect of the Khanty Language]. Khanty-Mansiisk, 2016, 180 p. (in Russ.)

- Шал Э.** Фонетика обско-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания. Т. 3. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. С. 253–277.
- Shal E.** Fonetika obsko-ugorskikh yazykov [Ob-Ugric Phonetics]. Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaneya. T. 3. Mariiskii, permskii i ugorskie yazyki [Basics of Finno-Ugric Language Studies. Vol. 3. Mari, Perm, and Ugric Languages]. Moscow, Nauka Publ., 1976, p. 253–277. (in Russ.)
- Якобсон Р. О., Фант Г., Халле М.** Введение в анализ речи. Различительные признаки и их корреляты // Новое в лингвистике. Вып. 2. М.: Иностр. лит., 1962. С. 173–230.
- Yakobson R. O., Fant G., Halle M.** Vvedenie v analiz rechi. Razlichitel'nye priznaki i ikh korrelyaty [Preliminaries to Speech Analysis: The Distinctive Features and Their Correlates]. *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics]. Iss. 2. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1962, p. 173–230. (in Russ.)
- Hayward K.** Experimental Phonetics. London, New York, Routledge, 2013, 596 p.

*Материал поступил в редколлегию
Received
10.09.2018*

Сведения об авторе / Information about the Author

- Тимкин Тимофей Владимирович**, аспирант Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, ttimkin@yandex.ru)
- Timofey V. Timkin**, Institute of Philology SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, ttimkin@yandex.ru)

УДК 81'373.45

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-81-89

Иноязычные заимствования в русском языке второй половины XIX века (на материале писем Н. С. Лескова)

Ю. Г. Захарова

*Тихоокеанский государственный университет
Хабаровск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена важной части неологии русского языка второй половины XIX в. – лексическим заимствованиям из западноевропейских языков. Исследование продиктовано необходимостью расширения круга источников Словаря русского языка XIX в. Материалом послужили письма Н. С. Лескова, который использовал разные типы иноязычных единиц. Дается определение термину заимствование, указываются критерии, позволяющие судить о вхождении иноязычной единицы в лексическую систему русского языка. На материале писем и других источников уточняется датировка вхождения иноязычных слов в русский язык; анализируются процессы фонетической, графической, морфологической и семантической адаптации заимствований в русском языке XIX в.

Ключевые слова

неология русского языка XIX в., диахрония, иноязычное заимствование, историческая лексикология

Для цитирования

Захарова Ю. Г. Иноязычные заимствования в русском языке второй половины XIX века (на материале писем Н. С. Лескова) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 81–89. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-81-89

Loan Words in the Russian Language of the Second Half of the 19th Century (On the Material of N. S. Leskov's Letters)

Yu. G. Zakharova

*Pacific State University
Khabarovsk, Russian Federation*

Abstract

Neology of the Russian language of the 19th century is a promising field of historical lexicology. Russian neologisms of that era are among the main objects of attention for the compilers of the Dictionary of the Russian language of 19th century. Letters of Russian writers represent an important source for the study of neologisms, since in their correspondence with friends, colleagues, relatives, acquaintances, writers responded to changes in the sociopolitical, economic, and cultural life of Russia in the second half of the 19th century, and this was reflected in the language of the letters. We used the letters of N. S. Leskov as our source, in which one can observe different types of foreign language units. Borrowed

© Ю. Г. Захарова, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 9: Philology

words are often reflected in dictionaries with great delay. Leskov's letters offer interesting material for the observation the initial stages of the use of foreign words in the Russian language. In addition, letters allow us to analyze the peculiarities of functioning of borrowed words in the Russian language. The purpose of the study is to identify loan words in Leskov's letters and to analyze their peculiarities in the aspect of the overall dynamics of Russian lexical-semantic system. The article gives the definition of the term «borrowing», and specifies criteria of the emergence of foreign language units in the lexical system of the Russian language. Material of Leskov's letters proves that they are a valuable linguistic source for exact dating of the emergence of foreign words in the Russian language, and thus they can be used to adjust data dictionaries; and to trace the processes of adaptation of loan words in the 19th century Russian language (the processes of expansion and narrowing of the semantic structure of words, determinologization, metaphorization values).

Keywords

neology of the Russian language of the 19th century, diachrony, loan words, historical lexicology

For citation

Zakharova Yu. G. Loan Words in the Russian Language of the Second Half of the 19th Century (On the Material of N. S. Leskov's Letters). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9: Philology, p. 81–89. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-81-89

Неология русского языка XIX в. – перспективная область исторической лексикологии и лексикографии. Масштабный проект Института лингвистических исследований РАН – Словарь русского языка XIX в. обращен к плану диахронии, поскольку предметом описания в нем должны стать эволюционные процессы в лексико-семантической системе русского языка этой эпохи: появление новых слов, образованных от исконно русских и заимствованных основ по продуктивным словообразовательным моделям, заимствование лексики из западноевропейских языков, расширение семантической структуры лексем, адаптация заимствований, перемены в стилистических характеристиках слов, устаревание слов и др. В круг источников Словаря входят художественные тексты, периодические издания, научная литература, грамматики и словари XIX в., мемуары, дневники и др. [ПСРЯ]. Важное место среди этих источников занимают письма русских писателей XIX в.: их тематика многообразна, а язык ярко отражает общенациональные тенденции. Письма Н. С. Лескова привлекались лингвистами для анализа особенностей языковой картины мира, идиостиля и идиолекта писателя [Алешина, 2013; Головачева, 2001; Леденева, 2000, 2015], в историко-лексикологическом аспекте их материал практически не исследован.

Вторая половина XIX в. – время большого притока иноязычной лексики в русский язык. Это связано как с собственно лингвистическими, так и с экстралингвистическими факторами: формированием синонимических рядов, заполнением лексических лакун, прежде всего в классе отвлеченных существительных, специализацией значений исконно русских слов; тесными культурными связями России со странами Европы, активным развитием науки, возникновением новых общественно-политических, религиозных, философских, литературных направлений. По наблюдениям Ю. С. Сорокина, к 80-м годам XIX в. «в основном определился широкий круг терминов западноевропейского происхождения, прочно усвоенных русским литературным языком и вошедших в его лексическую систему» [Сорокин, 1965. С. 48].

В лингвистике заимствованными традиционно считаются слова, перенесенные из одного языка в другой и усвоенные лексической системой языка-реципиента [Добродомов, 1990. С. 158]. К признакам, позволяющим судить о вхождении слова в лексический состав русского языка, относят фонетическую и морфологическую ассимиляцию слова; широкое и интенсивное употребление слова в разных стилях речи, разными авторами; высокий словообразовательный потенциал, т. е. появление у заимствованного слова производных на русской почве;

фразеологическую активность слова – его способность образовывать устойчивые сочетания; дифференциацию лексемы по значению в отношении ближайших синонимов в русском языке [Сорокин, 1965. С. 62–63]. Важнейшим показателем вхождения иноязычного слова в лексическую систему русского языка второй половины XIX в. для нас является также фиксация лексемы в кириллической графике в словарях XIX – начала XX вв., прежде всего в академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» (издание 1867–1868 гг.), «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (1-е, 2-е и 3-е издания) и «Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Императорской академии наук» (издание 1891–1916 гг.), а также в словарях иноязычных слов.

При исследовании иноязычной лексики в семиотическом аспекте, т. е. с точки зрения межъязыкового перекодирования или переключения кодов, выделяют иносистемные языковые единицы (по другой терминологии, иноязычные вкрапления), интерсистемные (соотносящиеся с системами русского и иностранного языков, но не принадлежащие ни к одной из них) и собственно заимствования [Проценко, 2002, 2006]. В письмах Н. С. Лескова и его современников встречается иноязычная лексика всех названных типов. Заимствования нередко находили отражение в словарях гораздо позднее, чем получали широкое употребление в речи. Письма Н. С. Лескова дают интересный для наблюдений материал в отношении начальных этапов употребления иноязычных слов в русском языке. Кроме того, письма позволяют проанализировать особенности функционирования заимствованных слов в русском языке в сравнении с их употреблением в языке-источнике.

Слово *национализм*, заимствованное из французского языка, появилось в словарях с 1905 г. А. Н. Чудинов отмечал, что этим термином первоначально обозначали стремление ирландцев к автономии, но с 80-х гг. XIX в. значение расширилось и приобрело отрицательную коннотацию: ‘принцип обособления каждого народа в сфере интересов, присущих ему одному и обуславливающих средой, племенными и историческими особенностями’ [Чудинов, 1910]. По письмам Н. С. Лескова можно увидеть, что в 90-е гг. XIX в. еще не было четкой семантической дифференциации между терминами *национальность* и *национализм*: тем и другим можно было передать значение ‘стремление к национальному обособлению, узкий патриотизм’, хотя слово *национальность* фиксируется в словарях этой эпохи только со значением ‘народность’ [Даль, 1905. Т. 2. С. 1284]. Так, слово *национальность* в письмах сочетается с прилагательным *крайняя*, а *национализм* употребляется в одном контексте с существительным *крайности*: «Мне просто надо было снять с себя путы, опутывающие с детства дворянское дитя в России. Я бы, писавши о себе, назвал статью не “больной талант”, а “трудный рост”. Дворянские тенденции, церковная набожность, узкая национальность и государственность, слава страны и т. п.» (М. А. Протопопову, 1891 г.) [Лесков, 1958. Т. 11. С. 508]; «Но тут-то я и должен буду впадать в тот тон, который мил Стасову не будет, тем более что за последнюю гостинку Ге в Петербурге он со мною много говорил о стасовском национализме и порицал его за его крайности, “сбивавшие людей с толку”» (Л. Н. Толстому, 1894 г.) [Лесков, 1958. Т. 11. С. 588].

Неустойчивость, несформированность значений существительных *национальность* и *национализм* в эти годы можно увидеть и в метаязыковых высказываниях современников Н. С. Лескова: «*Национальность* – это отвлечение от нации; ее мысленная и окрашенная воображением тень, ее отражение в уме и воображении нашем. Национализм – это, скорее, какое-то движущее, действующее начало, действующее во имя этой тени. Можно ведь сказать: “страстный национализм такого-то человека”, “крайний национализм такого-то правительства”. Но неловко выйдет, если мы скажем: “страстная, фанатическая национальность его”. Или: “крайняя, опасная национальность такого-то правительства”» (К. Н. Леонтьев. Культурный идеал и племенная политика (1890)) [НКРЯ].

В 1860-х гг. на юге России под влиянием протестантизма возникли религиозные рационалистические секты, получившие название *штунда* [ЭСБЕ, 1903. Т. 39 а. С. 937]. Это слово было заимствовано из немецкого языка: *Stunde* ‘час (моления, чтения библии)’ [Фасмер, 2007. Т. 4. С. 481]. Существительное *штунда* получило отражение в словарях иностранных слов с 1907 г. В письмах Н. С. Лескова, живо интересовавшегося религиозными вопросами, в 1870-х гг. встречается и существительное *штунда*, и производные от него в русском языке при помощи заимствованных суффиксов *-изм* и *-ист* *штундизм* и *штундист*: «*штундизм* идет не столько от немцев, сколько от небрежения нашего собственного духовенства <...>. У *штунды* теперь нет катехизиса, и я проведу параллели, чем *штунда* разнится с учением, изложенным в изъятном из обращения сочинении Новицкого. Начать я думаю это скоро – на сих днях, и если Вы можете меня познакомить с Вашими взглядами на *штундистов*, то, пожалуйста, не откажите в этом» (И. С. Аксакову, 1874 г.) [Лесков, 1958. Т. 10. С. 369–370].

Существительное *феминизм* (франц. *féminisme*) впервые фиксируется в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1902 г.). В повести П. Д. Боборыкина «Однокурсники» 1901 г. подчеркивается, что в начале XX в. слово *феминизм* было модным, новым: «На женщину, любовь, брак, – словом, на все, что, по-модному, называется “*феминизмом*”, – Щелоков смотрел по-своему и в этом “пункте” особенно доволен тем, что ему <...> не обязательно налагать на себя супружеские узы» [Боборыкин П. Д., 1993. Т. 3]. Судя по письму Н. С. Лескова, это существительное в варианте *фаминизм*, отражающем французское произношение корня слова *femme*, употреблялось в русском языке уже в 70-е гг. XIX в.: «Отъезд его немедленный признается Ч<ерные>вым необходимым для того, чтобы “сразу выместить весь шпионствующий, нигилистический сор”, чего действительно нельзя сделать при страдающем *фаминизмом* Виссарионе» (М. Н. Каткову, 1891 г.) [Лесков, 1958. Т. 10 С. 352].

Письма Н. С. Лескова помогают уточнить и время вхождения слова *оппортунизм* (франц. *opportunisme*) в русский язык. Это существительное впервые фиксируется в 3-м издании Словаря В. И. Даля (1905 г.) в орфографических вариантах *оппортунизм*, *оппортюнизм*. В письме Н. С. Лескова это слово появляется в 1883 г. Словарное определение значения – ‘действие не согласно убеждениям, но сообразно с преходящими обстоятельствами, умение держать нос по ветру’ [Даль, 1905. Т. 2. С. 1768]. Писатель заключает галлицизм в кавычки, подчеркивая этим свою иронию, употребление слова в противоположном значении: «Разлада, то есть распри, между нами нет, но его “*оппортунизм*” стал такого свойства, что цикл вопросов, в которых бы я мог идти с ним не разнореча, значительно сократился. <...> “Говори искренно”, а чуть кто сказал искренно, – тот сейчас, не говоря худого слова, “подлец”» (Ф. А. Терновскому, 1883 г.) [Лесков, 1958. Т. 11. С. 280].

Существительное *антураж*, заимствованное из французского языка, стало употребляться в русском языке с конца 50-х гг. XIX в. Современное значение этого существительного – ‘совокупность окружающих условий, окружающая обстановка’ [Ожегов, 1997. С. 26]. Однако анализ словоупотребления говорит о том, что во второй половине XIX в. семантическая структура слова *антураж* была гораздо шире: 1) обстановка, условия чьей-либо деятельности или пребывания где-либо, 2) близкие лица кого-либо, его окружение, 3) окружающая кого-либо среда, 4) *ювелир*. ободок, рамка медальона и др. [Епишкин, 2010]. В письмах Н. С. Лескова существительное *антураж* употребляется в конкретном значении ‘близкое окружение кого-либо’: «Дело в том, что оба генерала, из коих один полусобственник издания, окончательно недовольны Комаровым и его *антуражем* и решили его устранить от редакторства, к которому они признают его неспособным» (М. Н. Каткову, 1872 г.) [Лесков, 1958. Т. 10. С. 351–352].

Согласно этимологическому словарю Н. М. Шанского, слово *инцидент* было заимствовано из французского (где *incident* ‘событие, приключение, обстоятельство’) или немецкого языка (в нем. *Incident* ‘приключение’) и начало употребляться с конца 90-х гг. XIX в. [Шанский, 1980. Т. 7. С. 110]. Материалы «Национального корпуса русского языка» показывают, что это слово получило довольно широкое распространение уже в 60-е гг. XIX в., но современное его значение – «неприятный случай, недоразумение, столкновение» и графический облик оформились не сразу. Слово испытывало колебания в графической передаче до конца XIX в.: его записывали то латиницей, то кириллицей [Бабкин, 1966. Т. 1. С. 644; Епишкин, 2010]. По-видимому, оно было заимствовано из французского языка, поскольку первоначально могло употребляться в свойственном только этому языку значении ‘обстоятельство’. Так, М. Е. Салтыков-Щедрин в работе «Один из деятелей русской мысли» (1869) глоссирует слово *обстоятельство* при помощи галлицизма *инцидент*: «Или, говоря точнее, первенствующее значение приобретает уже не действительное содержание мысли, а то, что по отношению к нему составляет не больше как побочное обстоятельство (*инцидент*)» [НКРЯ]. Н. С. Лесков в письмах 1890-х гг. маркирует слово кавычками, что характерно в языке писателя для многих лексем, новизну, непривычность которых он хорошо чувствовал [Захарова, 2017. С. 55]. По примерам из писем видно, что к концу века отрицательная коннотативная окраска в этом слове окончательно не сформировалась, поскольку писатель употребляет его как в нейтральном значении ‘случай, ситуация’, так и в значении ‘неприятная ситуация’, включающем негативный оценочный компонент: «Новое сочинение Ваше мы читали в большой и интересной компании, но с “*инцидентами*” постороннего свойства, которые мешали если не серьезности, то пристальности чтения (Л. Н. Толстому, 1893 г.) [Лесков, 1958. Т. 11. С. 551]; «Толстым я о Вас писал ранее “*инцидента*”, потому что вся семья хотела знать о Вас: какая Вы такая есть на свете? <...> Описал же я Вас кратко, но старательно и с большим к Вам почтением и дружелюбием. <...> И все довольны, и Вам нечего просить “не рассказывать”: Толстым-то и можно рассказывать, потому что там сами всё говорят и притом всё понимают и, следовательно, всё умеют и могут простить и не осудить» (Л. И. Веселитской, 1893 г.) [Лесков, 1958. Т. 11. С. 528–529].

Ряд примеров в письмах Н. С. Лескова свидетельствует об эволюции значений заимствованных слов, что говорит о процессе семантической адаптации их в русском языке. Под семантической адаптацией (семантической переработкой) заимствованного слова в современной лингвистике понимается приспособление его семантической структуры к системе языка-реципиента. Лексическое значение заимствованного слова при этом уточняется, отшлифовывается по мере того, как слово включается в синтагматические и парадигматические отношения со словами принимающего языка. Для семантики заимствованных слов в русском языке XIX в. были характерны сужение, расширение, генерализация, терминологизация, детерминологизация, метафоризация и другие процессы [Барышникова, 2010. С. 14–15].

Глагол *кодифицировать* (нем. *kodifizieren*) впервые получает фиксацию в 3-м издании академического словаря (1911) в узком значении юридического термина: ‘юр. сводить в кодекс’, ср.: ‘кодификация юрид. сведение в кодекс законодательного материала’ [САР, 1911. Т. 4. В. 5. С. 1296]. Контекст одного из писем Н. С. Лескова отражает процессы детерминологизации и расширения значения лексемы *кодифицировать*, писатель употребляет причастие от глагола с общим значением ‘сводить воедино и систематизировать материал’: «<...> наилучшим показалось старое магистерское исследование Ореста Новицкого “о духоборцах”. Там именно есть основания, которые одинаковы у духоборцев, иконоборцев, молокан и штундистов. <...> Книжка же Новицкого хороша тем, что она кратка, ясна и *кодифицирована*, а церковная злоба

в ней уместна в местах очевидных и благопотребных» (Л. Н. Толстому, 1892 г.) [Лесков, 1958. Т. 11. С. 518].

Глагол *акклиматизировать* (нем. *akklimatisieren*) появляется в словарях с 60-х гг. XIX в., возвратная форма *акклиматизироваться* – с 1891 г. Оба глагола в словарях XIX в. фиксируются только в качестве научного термина: *акклиматизировать* ‘приурочивать растение или животное к климату другой страны’, *акклиматизироваться* ‘приурочиться к климату чужой страны’ [САР, 1891. В. 1. С. 22]. В письме Н. С. Лескова причастие от глагола *акклиматизироваться* употреблено по отношению к человеку, что говорит о метафоризации и детерминалогизации его значения: «Ко мне явился просить содействия в устройстве работы некто Чашников – человек очень *акклиматизировавшийся* в Париже и даже начинающий здесь разлагаться» (А. П. Милюкову, 1875 г.) [Лесков, 1958. Т. 10. С. 405–406]. Здесь *акклиматизироваться* – «приспособиться к новым условиям существования». Переносное значение глагола позднее закрепилось в языке и фиксируется современными словарями.

Слово *камуфлет* регистрируется в словарях с середины XIX в. в качестве термина военного дела: ‘воен. фрнц. подземная вспышка пороха, малая мина, небольшой взрыв, для сотрясения и засыпки неприятельской подземной работы, или для задушения землекопов его дымом и смрадом’ [Даль, 1865. Т. 2. С. 700]. Н. С. Лесков употреблял это слово в переносном значении, известном современному русскому языку, – ‘непредвиденный и неприятный оборот дела; подвох’: «Как ни подупало издание, а сорвать его с кона настоятельной необходимости все-таки нет еще. <...> Угадал ли я или нет, а по-моему, К<атко>в сердится, что никак не разобрать этого *камуфлета*?» (П. К. Щебальскому, 1871 г.) [Лесков, 1958. Т. 10. С. 332–333]. По мнению Н. М. Шанского, метафорическое значение этого слова в русском языке также сформировалось под французским влиянием [Шанский, 1965. Т. 2. В. 8. С. 40].

С середины XIX в. в русском языке стало употребляться слово *кунштиук* ‘ловкая штука, фокус’ [НКРЯ]. Оно было заимствовано из немецкого (*Kunststück*, производное от *Kunst* ‘искусство, проворство’ и *Stück* ‘кусок’) и функционировало в фонетических вариантах *кунштиук*, *куштиук*, *кунстиштук*, *куштиик* [ССРЛЯ, 1956. Т. 5. С. 1841]. Вариант *куштиик* мог появиться в русском языке под влиянием украинского языка, в котором это слово было производным от немецкого *Kunst* и употреблялось в значении ‘рисунок, картинка’: «Долго рассматривали мною раскрашенные *куштиики*; но как были неграмотны, то и не могли ничего понять и каждый *куштиик* держали к себе или вверх ногами, или боком» (Г. Ф. Квитка-Основьяненко. Пан Халявский (1839)) [НКРЯ]. Возможно, этот вариант был образован на русской почве с переоформлением второго корня слова в русский уменьшительный суффикс *-ик*. Судя по письму Н. С. Лескова, лексема *кунштиук* во второй половине XIX в. могла употребляться не только в отвлеченном, но и в конкретном, «опредмеченном» значении. Писатель называет этим словом фантастический рассказ с ловко придуманным сюжетом: «Стал я заготовлять к р<ождеству> Х<ристову> фантастический рассказец и увлекся им <...> Это поэтический каприз, ‘штучка’, *кунштиук*, где вымысел стоплен с действительностью и отливает и горным суеверием и ужасною действительностью» (И. С. Аксакову, 1884 г.) [Лесков, 1958. Т. 11. С. 297–298].

Письма Н. С. Лескова являются ценным лингвистическим источником, позволяющим уточнить датировку вхождения иноязычных слов в русский язык и тем самым скорректировать данные словарей, проследить процессы фонетической, графической, морфологической и семантической адаптации заимствований в русском языке XIX в. (процессы расширения и сужения семантической структуры слов, детерминалогизации, метафоризации значений).

Список литературы / References

- Алешина Л. В.** Языковая картина мира сквозь призму словотворчества (из опыта работы над словарем новообразований Н. С. Лескова) // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. 2013. № 5. С. 107–110.
Aleshina L. V. Yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovotvorchestva (iz opyta raboty nad slovarem novoobrazovaniy N. S. Leskova) [Language Picture of the World through the Prism of Word-Making (From the Experience of Working on the Dictionary of N. S. Leskov's Neologisms)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Orel State University]. 2013. № 5, p. 107–110. (in Russ.)
- Бабкин А. М., Шендецов В. В.** Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: В 2 т. М.; Л.: Наука, 1966. Т. 1.
Babkin A. M., Shendecov V. V. Slovar' inoyazychnykh vyrazhenii i slov, upotrebyayushchikhsya v russkom yazyke bez perevoda [Dictionary of Foreign Words and Expressions Used in the Russian Language without Translation]. In 2 Vols. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1966. Vol. 1. (in Russ.)
- Барышникова С. В.** Словари иностранных слов XIX века и отражение в них семантической адаптации иноязычной лексики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Южно-Сахалинск, 2010. 23 с.
Baryshnikova S. V. Slovarei inostrannykh slov XIX veka i otrazhenie v nikh semanticheskoi adaptatsii inoyazychnoi leksiki: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Dictionaries of Foreign Words in the XIX Century and Reflection of Semantic Adaptation of Foreign Lexis in Them. Cand. phil. sci. syn. diss.]. Yuzhno-Sakhalinsk, 2010, 23 p. (in Russ.)
- Боборыкин П. Д.** Сочинения в 3 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1993.
Boborykin P. D. Sochineniya v 3-k t. [Complete Works in 3 Volumes]. Vol. 3. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1993. (in Russ.)
- Головачева О. А.** Окказионализмы в идиолекте Н. С. Лескова: модели и способы создания, функции слов признаковой лексики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 16 с.
Golovacheva O. A. Okkazionalizmy v idiolekte N. S. Leskova: modeli i sposoby sozdaniya, funktsii slov priznakovoi leksiki: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Occasionalisms in the Idiolect of N. S. Leskov: Models and Methods for Creation, Word Functions of Indicative Vocabulary. Cand. phil. sci. syn. diss.]. Moscow, 2001, 16 p. (in Russ.)
- Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 1-е изд. М., 1863–1866. Т. 1–4.
Dal' V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. In 4 vol. 1 edition. Moscow, 1863–1866. Vol. 1–4. (in Russ.)
- Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. М., 1903–1909. Т. 1–4.
Dal' V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. In 4 vol. 3 edition. Ed. by I. A. Baudouin de Courtenay. Moscow, 1903–1909. Vol. 1–4. (in Russ.)
- Добродомов И. Г.** Заимствование // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Росс. энцикл., 1990. С. 158–159.
Dobrodomov I. G. Zaimstvovanie [Borrowing]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ch. editor V. N. Yartseva. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ., 1990, p. 158–159. (in Russ.)
- Епишкин Н. И.** Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭТС, 2010. 5140 с.
Epishkin N. I. Istoricheskii slovar' gallitsizmov russkogo yazyka [Historical Dictionary of Russian Gallicisms]. (in Russ.)
- Захарова Ю. Г.** Метаязыковая рефлексия в письмах русских писателей XIX в. // Русский язык в школе. 2017. № 7. С. 54–58.
Zakharova Yu. G. Metayazykovaya refleksiya v pis'makh russkikh pisatelei XIX v. [Metalinguistic Reflection in the Letters of Russian Writers of the XIX Century]. *Russkii yazyk v shkole* [Russian Language in School]. 2017, № 7, p. 54–58. (in Russ.)

- Леденева В. В.** Особенности идиолекта Н. С. Лескова: средства номинации и предикации: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 39 с.
Ledeneva V. V. Osobennosti idiolekta N. S. Leskova: sredstva nominatsii i predikatsii: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Features of N. S. Leskov's Idiolect: the Means of Nomination and Predication. Dr. phil. sci. syn. diss.]. Moscow, 2000, 39 p. (in Russ.)
- Леденева В. В.** Слово Лескова: Моногр. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 260 с.
Ledeneva V. V. Slovo Leskova: Monogr. [Leskov's Word: A Monograph]. Moscow, IIU MSOU Publ., 2015, 260 p. (in Russ.)
- Лесков Н. С.** Собрание сочинений в 11 томах. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956–1958. Т. 1–11.
Leskov N. S. Sbranie sochinenii v 11 tomakh [Collected Works in 11 Volumes]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1956–1958, vol. 1–11. (in Russ.)
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка.** URL: <http://search1.ruscorpora.ru/search.xml>
Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. (in Russ.) Available at: <http://search1.ruscorpora.ru/search.xml> (accessed 20.08.2018)
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: РАН, 1997. 944 с.
Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 3rd ed., sup. Moscow, RAN Publ., 1997. 944 p. (in Russ.)
- Проценко Е. А.** К проблеме классификации лексики иноязычного происхождения // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2006. № 2. С. 92–99.
Protsenko E. A. K probleme klassifikatsii leksiki inoyazychnogo proiskhozhdeniya [On the Problem of Classification of the Vocabulary of Foreign Origin]. *Vestnik VGU. Seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya"* [VSU Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2006, № 2, p. 92–99. (in Russ.)
- Проценко Е. А.** Межъязыковое перекодирование в творчестве Ф. М. Достоевского: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 230 с.
Protsenko E. A. Mezhyazykovoe perekodirovanie v tvorchestve F. M. Dostoevskogo: Dis. ... kand. filol. nauk. [Interlingual Transcoding in the Works of F. M. Dostoevsky. Cand. phil. diss.]. Voronezh, 2002, 230 p. (in Russ.)
- Словарь русского языка XIX в. Проект (ПСРЯ).** СПб.: Наука, 2002. 209 с.
Slovar' russkogo yazyka XIX v. Proekt [Dictionary of Russian Language of the XIX Century. A Project]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2002, 209 p. (in Russ.)
- Словарь русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук (САР).** 3-е изд. / Под ред. Я. К. Грота. СПб.: Типография императорской академии наук, 1891. В. 1.
Slovar' russkogo yazyka, sostavlennyi Vtorym otdeleniem imperatorskoi Akademii nauk [Dictionary of the Russian Language Compiled by the Second Division of the Imperial Academy of Sciences]. 3rd ed. Ed. by Ya. K. Grot. Saint-Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1891, vol. 1. (in Russ.)
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка.** В 17 т. М.; Л.: Наука, 1950–1965. Т. 5.
Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of Contemporary Literary Russian Language]. In 17 vol. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1950–1965, vol. 5. (in Russ.)
- Сорокин Ю. С.** Развитие словарного состава русского литературного языка: 30-е–90-е годы XIX в. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.
Sorokin Yu. S. Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka: 30-e–90-e gody XIX v.: Monogr. [Development of the Vocabulary of Literary Russian Language: 1830–1890s: A Monograph]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965, 565 p. (in Russ.)
- Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Астрель: АСТ, 2007. Т. 4.
Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of Russian Language]. In 4 vol. Moscow, Astrel': AST Publ., 2007, vol. 4. (in Russ.)
- Чудинов А. Н.** Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: Издание В. И. Губинского, 1910. URL: <https://dic.academic.ru>
Chudinov A. N. Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka [Dictionary of Foreign Words Included in the Russian Language]. Saint-Petersburg, V. I. Gubinskii Publ., 1910. (in Russ.) Available at: <https://dic.academic.ru> (accessed 20.08.2018)

Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. М.: МГУ, 1963–2007. Т. 1–10.

Shanskii N. M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, MSU Publ., 1963–2007, vol. 1–10. (in Russ.)

ЭСБЕ – Энциклопедический словарь. Т. 1–41. СПб.: Изд. об-во Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон, 1890–1904. Т. 39 а.

Entsiklopedicheskii slovar' [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 1–41. Saint-Petersburg, A. Brokgauz – I. A. Efron Publ., 1890–1904. Vol. 39 a. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

18.02.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Захарова Юлия Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела Тихоокеанского государственного университета, кафедра русского языка и издательского дела (ул. Карла Маркса, 68, Хабаровск, 680000, Россия, mail@pnu.edu.ru)

Yulia G. Zakharova, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Publishing Business, Pacific State University (68 Karl Marx Str., Khabarovsk, 680000, Russian Federation, mail@pnu.edu.ru)

УДК 811.161.1
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-90-104

«Меркнет зрение – сила моя...» Арсения Тарковского в художественном фильме «Ностальгия»: пути встраивания поэтической цитаты в кинотекст

М. С. Берендеева, М. И. Рыбалова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Определяются способы встраивания поэтической цитаты в кинотекст на примере стихотворения Арсения Тарковского «Меркнет зрение – сила моя...» в художественном фильме Андрея Тарковского «Ностальгия».

Сцена из фильма «Ностальгия», включающая стихотворение «Меркнет зрение – сила моя...», рассмотрена с позиций основных факторов трансформации поэтического текста при цитировании, а именно: место цитаты в структуре кинотекста, механические изменения текста, предтекстовая фоновая информация, способ интеграции цитаты, визуальное и звуковое сопровождение. Анализ показал, что эпизод с чтением стихотворения является одним из ключевых в фильме, он раскрывает различные признаки концепта ОТЕЦ в индивидуальной картине мира режиссера; стихотворение не претерпевает структурных изменений, главная трансформация текста сводится к его переводу на итальянский язык; цитата встраивается в текст по звуковому каналу путем чтения на фоне традиционных для художественной картины мира автора сакральных символов (храм, вода, огонь, книга, ангел), создающих дополнительный смысловой уровень эпизода.

По итогам исследования сделаны следующие выводы: 1) поэтические цитаты («Я в детстве заболел...» и «Меркнет зрение – сила моя...») в фильме «Ностальгия» создают множество вариантов интерпретации образа отца; 2) переводной итальянский текст «*Si oscura la vista. La mia forza...*», сохраняя основной смысл стихотворения «Меркнет зрение – сила моя...», подчеркивает особо значимые в контексте фильма мотивы утраченного дома и умирания; 3) встраивание стихотворения в кинотекст «Ностальгии», в отличие от интеграции ранее звучащего в фильме текста «Я в детстве заболел...», не мотивировано сюжетом; 4) поэтические тексты «Я в детстве заболел...» и «Меркнет зрение – сила моя...» Арсения Тарковского объединяются в кинотексте «Ностальгии» в двухчастную систему, образуя переход от эмпирического уровня текста к сакральному и в сжатой форме излагая содержание фильма в пророчествах об апокалиптическом видении и метафизической смерти героя.

Ключевые слова

Андрей Арсеньевич Тарковский, Арсений Александрович Тарковский, кинотекст, концепт, интертекстуальность

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00052

Для цитирования

Берендеева М. С., Рыбалова М. И. «Меркнет зрение – сила моя...» Арсения Тарковского в художественном фильме «Ностальгия»: пути встраивания поэтической цитаты в кинотекст // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 90–104. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-90-104

© М. С. Берендеева, М. И. Рыбалова, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 9: Philology

“My Sight, My Strength, Dims...” by Arseny Tarkovsky in the Feature Film “Nostalgia”: The Ways of Poetical Quotation Embedding in the Cinematic Text

M. S. Berendeeva, M. I. Rybalova

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article reveals the ways of poetical quotation embedding in the cinematic text using the example of the poem *My sight, my strength, dims...* by Arseny Tarkovsky in the feature film *Nostalgia* by Andrei Tarkovsky.

The scene from *Nostalgia* which includes the poem *My sight, my strength, dims...* is analyzed from the points of view of the main factors of transformation of a poetic text when it is cited. These factors include: the place of the quotation in the structure of the cinematic text, mechanical transformations of the text, background information, the way of the quotation embedding, visual and sound accompaniment. The analysis shows that the episode when the poem is read is one of the key scenes in the film. It reveals different characteristics of the concept of FATHER in the individual world-view of the film director. The main transformation of the text boils down to its translation into Italian. The quotation is embedded into the text via audio channel.

As a result of the study we arrive to the following conclusions: 1) Poetic quotations in the film *Nostalgia* create numerous variants of the image of father interpretation. 2) The translated Italian text *Si oscura la vista. La mia forza...* preserves the main idea of the poem *My sight, my strength, dims...* and emphasizes the motives of the lost house and dying. 3) The embedding of the poem mentioned above into the cinematic text of *Nostalgia* is not plot-driven, unlike the integration of the text *As a child I once fell ill*. 4) The poetic texts *As a child I once fell ill* and *My sight, my strength, dims...* by Arseny Tarkovsky are united in the cinematic text of *Nostalgia* to create a binary system making the transition from the empirical level of the text to the sacred one.

Keywords

Andrei Arsenyevich Tarkovsky, Arseny Alexandrovich Tarkovsky, cinematic text, concept, intertextuality

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 18-312-00052

For citation

Berendeeva M. S., Rybalova M. I. “My Sight, My Strength, Dims...” by Arseny Tarkovsky in the Feature Film “Nostalgia”: the Ways of Poetical Quotation Embedding in the Cinematic Text. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9: Philology, p. 90–104. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-90-104

Введение

Интертекстуальность, широкое встраивание в кинотекст цитат, восходящих к разным видам искусства и сопрягающих с индивидуально-авторской картиной мира различные общеязыковые концепты и общекультурные символы и архетипы, является едва ли не самой яркой чертой кинематографа Андрея Тарковского, однако особенности интеграции поэтических текстов в кинематографические до сих пор детально не рассмотрены. Цель данного исследования – определить способы встраивания поэтической цитаты в кинотекст на примере стихотворения «Меркнет зрение – сила моя...» в художественном пространстве фильма Андрея Тарковского «Ностальгия». Режиссер неоднократно обращался в своих фильмах к творчеству отца – поэта Арсения Тарковского, но именно стихотворение «Меркнет зрение – сила моя...» представляет особый интерес для исследования, поскольку единственное из цитируемых Тарковским стихотворений звучит в фильме на итальянском языке, т. е. актуализирует элементы иной языковой картины мира. Кроме того, это стихотворение явно сопрягается с другим, звучащим ра-

нее, – «Я в детстве заболел», хотя изначально у Арсения Тарковского эти стихи, написанные соответственно в 1966 и 1977 гг., не были связаны.

Поэтическое цитирование в кино предполагает встраивание в кинотекст исходного текста, принадлежащего качественно другому виду искусства – связанному со словом, с вербально выражаемой картиной мира, репрезентирующему в словах общеязыковые и индивидуально-авторские концепты. Н. П. Пинежанинова отмечает особенности поэтического цитирования в кино: «Мы видим текстовую аномалию – поэтический текст в кинотексте, нарушающий автоматизм восприятия. За счет привлечения иных кодов, иных текстов происходит сдвиг восприятия» [Пинежанинова, 2011. С. 79]. Такого рода цитирование всегда подвергает исходный (цитируемый) текст неизбежным трансформациям – как на формальном, так и на концептуальном уровне. У Андрея Тарковского цитаты из мировой литературы и искусства порождают особый уровень повествования и особый хронотоп – хронотоп диалога культур в терминологии Д. А. Салынского [Салынский, 2009. С. 77–78]. Суть трансформаций, как мы выявили ранее на примере первой части условного поэтического диптиха «Ностальгии», стихотворения «Я в детстве заболел...» [Берендеева, 2018], сводится к следующим факторам:

- место цитаты в итоговом тексте, установление связи с другими элементами (различные образы, мотивы, ключевые концепты, вводимые текстом, другие цитаты) в контексте;
- механические трансформации (изменение текста стихотворения, как в случае с «Я в детстве заболел...», а также использование перевода стихотворной цитаты);
- влияние предтекстовой информации (пресуппозиция, о которой мы можем узнать еще до начала просмотра, например, причины обращения к определенному сюжету, отбора актеров на главную роли и т. п.) на восприятие цитаты;
- способ встраивания цитаты в кинотекст (использование преимущественно звукового или визуального канала, обусловленность цитаты сюжетом, сопровождение чтения различными визуальными образами и звуками и т. п.).

В соответствии с выявленными факторами трансформации цитируемого текста сформулируем задачи исследования:

- 1) определить внешние факторы, влияющие на восприятие цитируемого стихотворения в «Ностальгии» и вводящие в его интерпретацию особенности индивидуальной картины мира Андрея Тарковского и биографический контекст режиссера;
- 2) выявить смысловые изменения, которым подвергается исходный текст в используемом А. А. Тарковским переводе на итальянский, определить причины использования именно переводного текста в данном случае;
- 3) определить, каким образом поэтическая цитата встраивается в кинематографический текст, какими визуальными и звуковыми элементами фильма она сопровождается и какие дополнительные смыслы порождаются элементами сопровождения;
- 4) рассмотреть место стихотворения «Меркнет зрение – сила моя...» во всем сюжете фильма и в эпизоде в затопленной церкви, построенном вокруг цитируемых стихов Арсения Тарковского;
- 5) рассмотреть тексты «Я в детстве заболел...» и «Меркнет зрение – сила моя...» как элементы системы, выявить, каким образом и с какой целью в кинотексте «Ностальгии» устанавливается связь между ними.

Арсений Тарковский: реальный человек, поэт и архетипический образ отца в «Ностальгии»

Творчество отца, поэта Арсения Александровича Тарковского, имело особое значение для Андрея Тарковского: к поэтике отца восходят многие мотивы творчества сына, а в трех

из семи «канонических» фильмов Андрея Тарковского («Зеркало», «Сталкер», «Ностальгия») звучат поэтические цитаты Арсения Тарковского. Отметим, что фильм «Зеркало», практически построенный на творчески интерпретированных воспоминаниях режиссера и поэтических цитатах в исполнении автора, является наиболее исследованным с позиций взаимодействия между цитатами и остальным кинотекстом, роли цитат в этом фильме посвящены многие работы [Перепелкин, 2007; Пинежанинова, 2011; и др]. Кинокартины «Сталкер» и «Ностальгия» остаются менее исследованными в этом отношении, что делает обращение к ним особенно актуальным. Литературные цитаты, включаемые режиссером в фильм «Ностальгия», были наиболее полно рассмотрены в монографии М. А. Перепелкина [Перепелкин, 2010] в контексте общего метафизического сюжета фильма, а также в монографии [Skakov, 2012].

В фильме «Ностальгия» стихотворные цитаты становятся декларированными и явными: звучит имя автора, а в кадре фигурирует том его стихов. Хотя стихи Арсения Тарковского звучат только во второй половине фильма, в эпизодах, связанных с затопленной церковью, образ поэта появляется уже в эпизоде разговора Андрея и Эуджени в гостинице. Этот разговор становится поводом для спора о возможности перевода искусства (слова Андрея: «Искусство непереводаемо <...> Нужно стирать границы»), продолжаемого в дальнейших эпизодах последовательным чтением двух стихов Арсения Тарковского – в оригинале («Я в детстве заболел...») и в переводе на итальянский язык («Меркнет зрение – сила моя...»).

Выделим все эпизоды, явно (об имплицитном появлении образа отца режиссера скажем ниже) связанные с образом поэта Арсения Тарковского, книгой его стихов или чтением стихов в кадре, в качестве своеобразного «поэтического текста отца» в рассматриваемом фильме и расположим их в порядке репрезентации в фильме:

1) разговор в гостинице об Арсении Тарковском и непереводаемости культур, появление книги Эуджени;

2) молчаливая гостиничная сцена, в которой Эуджения появляется за дверью, а Горчаков берет у нее из рук книгу (возможно, ту же самую);

3) путь Горчакова в затопленную церковь, сопровождающийся чтением «Я в детстве заболел...» (книгу герой держит в руке);

4) монолог Горчакова в церкви (воспоминания об отце, об итальянских ботинках, о великих историях любви «без единого поцелуя», анекдот о человеке, живущем в луже), появление девочки и разговор героя с ней – своеобразная интермедия, небольшой эпизод, который разделяет чтение двух стихотворений, включает двуязычную речь и не может рассматриваться в отрыве от «текста отца» и вопроса о переводаемости искусства;

5) чтение «Меркнет зрение – сила моя...» в затопленной церкви на фоне горящей книги;

6) апокалиптическое видение-сон Горчакова (как показывает М. А. Перепелкин, именно видение предваряется чтением стихотворения «Я в детстве заболел» [Перепелкин, 2010. С. 111–122]).

7) краткий эпизод пробуждения Горчакова на фоне сгоревшей книги.

Через цитаты, связанные с Арсением Тарковским, в фильм вводятся биографические мотивы, которые становятся понятными при ознакомлении с пресуппозицией, т. е. с фоновыми знаниями о личностях Андрея Тарковского и его отца, Арсения Тарковского. Начиная с фильма «Зеркало», основанного на воспоминаниях режиссера, стихи и образ поэта Арсения Тарковского репрезентируют в фильмах Андрея Тарковского концепт *ОТЕЦ*, включающий различные смысловые блоки, актуальные для индивидуальной картины мира Андрея Тарковского:

• представления о реальном отце, находящемся на момент съемок «Ностальгии» в России, т. е. очень далеко от режиссера;

- образ отца в целом (общезыковые признаки концепта *ОТЕЦ*), связанный с общекультурным архетипом;
- представления о поэте вообще, пересекающиеся с концептами *ТВОРЧЕСТВО*, *ПОЭТ*;
- представления, восходящие к религиозной картине мира (*БОГ-ОТЕЦ*) и, возможно, эксплицирующиеся многозначной репликой «Надо бы отца повидать» в сцене-интермедии (мы слышим голос Горчакова, но будто бы обращенный к нему же, в то время как движений его губ в кадре нет).

Подключение к анализу широкого контекста «Зеркала», в котором О. Янковский, исполнитель главной роли в «Ностальгии», играл отца главного героя, создает таким образом целую сеть вариантов интерпретации образа поэта, вводимых на основе подключения биографической фоновой информации. Так, Горчаков – двойник одновременно и режиссера, и его отца (за счет выбора исполнителя на главную роль), стихи читаются его голосом и вводят представления и о самом авторе фильма, и о его отце, и об остающемся за кадром отце Горчакова, и об архетипическом отце вообще, и об Отце Небесном, голос которого Горчаков слышит позже в своем видении.

Трансформации стихотворения «Меркнет зрение – сила моя...» в «Ностальгии»: вопрос о переводе

Если стихотворение «Я в детстве заболел...» подвергается у Андрея Тарковского существенным изменениям текста (редукция целой строфы, замена некоторых слов, нарочитая небрежность при чтении), то главный фактор трансформации «Меркнет зрение – сила моя...» в «Ностальгии» качественно иной: это стихотворение читается в переводе на итальянский язык. В русском прокате фильма использован прием своего рода «обратного перевода»: на итальянский текст накладывается русский текст оригинала, что отвлекает внимание зрителя от принципиального вопроса о разнице в киноподаче двух цитат.

М. А. Перепелкин, анализируя цитирование «Меркнет зрение – сила моя...» А. А. Тарковским, характеризует неразличение языка цитирования как прием, демонстрирующий метафизическую природу цитируемых стихов: «Горчакову не нужно заглядывать в томик стихотворений, чтобы вспомнить – по-русски – первое из звучащих в фильме произведений Арсения Тарковского (“Я в детстве заболел...”)<...> Точно так же не нужна книга и для того, чтобы откуда-то из глубины мира прозвучало другое “вспомнившееся” стихотворение Тарковского – “Меркнет зрение – сила моя...” – на этот раз, кстати, звучащее по-итальянски, что не меняет дела, так как дело совершенно не в языке, на котором оно читается “оттуда”, из глубины мира» [Перепелкин, 2010. С. 325]. Соглашаясь с метафизическим характером стихов «из глубины мира», мы, тем не менее, считаем, что сопоставление текстов на разных языках является здесь не просто неразличением, но осмысленным приемом создания диалога и продолжает полемику о переводимости искусства, открытую в гостиничном эпизоде с книгой. Рассмотрим формальные и смысловые изменения, которым подвергается оригинал в используемом варианте перевода.

Итальянский текст стихотворения несколько отличается от русского оригинала. Во-первых, в современной итальянской поэзии часто отсутствует ритм и размер. В анализируемом переводе нет размера исходного русского стихотворения (трехстопный анапест), предложения делятся на строки в соответствии с содержательным членением мысли переводчиком. Для сравнения приведем по две строки из обоих вариантов: *Как веселья последнюю треть / Раздарить и легко умереть* и *Come, donando l'ultima porzione di letizia, / Morire in levità*. Разбиение на строки влияет и на смысловое членение мысли поэта, о чем будет подробнее сказано ниже. Итальян-

ский текст начинается так: *Как, подарив последнюю часть радости, / Умереть с легкостью.* Дарение и умирание в переводе разделены дополнением. Таким образом, непосредственная связь, близкая последовательность этих событий для читателя не столь очевидна, напротив, наличие оборота с герундием подчеркивает разделение этих действий во времени.

Во-вторых, в современной итальянской поэзии рифма также не обязательна. В некоторых строках стихотворений отдельных поэтов XX в. встречаются внутренние рифмы или сходные созвучия внутри строк. В рассматриваемом нами итальянском тексте также нет рифмы (строки заканчиваются словами *vista – adamanti, lontano – respira, consumato – cera* и т. д.), однако есть созвучия внутри строк: *Alle mie spalle splendono due ali* [*За моими плечами (не) сверкают два крыла*].

В переводе на итальянский язык смысловые нюансы исходного текста стихотворения «Меркнет зрение – сила моя...» в основном сохранены. Однако ввиду особенностей синтаксиса и грамматики итальянского языка некоторые акценты смещаются. Так, первые две строки при подстрочном переводе итальянской версии стихотворения могут звучать так: *Темнеет взор, моя сила – два невидимых алмазных копыя.* Таким образом, интонация перечисления, на которой построено начало исходного стихотворения (зрение – это сила моя, зрение – это два незримых алмазных копыя), заменяется на разделительную, и начальные строки делятся следующим образом: *Меркнет зрение. Сила моя – / Два незримых алмазных копыя.*

В следующей строке *Глохнет слух, полный давнего грома* глагол *глохнуть* переведен глаголом *confondersi* ‘смешаться, запутаться’, в результате итальянский глагол передает более мягкое воздействие на слух: не глохнет, а путается в звуках, которые неясно смешиваются; фрагменту *полный грома* соответствует итальянская конструкция *per il tuono*, где предлог *per* вводит причину происходящего, одно из его значений – ‘от, из-за’, т. е. гром переведен изнутри слуха поэта вовне, не *слух полон грома*, а гром – причина того, что слух теряется. В русском тексте стихотворения *давний гром* и *дыхание отчего дома* – однородные дополнения, слух поэта полон ими, в итальянском же тексте из-за семантических, грамматических и синтаксических различий *дыхание дома* – последний элемент в этих двух строчках, причем дыхание принадлежит непосредственно дому как одушевленному предмету. Прилагательное *lontano* имеет как временное, так и пространственное значение ‘далекий, отдаленный, давний’, что делает гром для поэта окрашенным большим количеством коннотаций: гром и в далеком прошлом, и в далеком месте – на оставленной вдали родине, что в контексте фильма особенно значимо. Третья и четвертая строки итальянского стихотворения могут быть переведены следующим образом: *Путается слух в отдаленном громе / Отчего дома, что дышит.*

Пятая и шестая строки в переводе соответствуют оригиналу. Завершают первую часть стихотворения строки *И не светятся большие ночами / Два крыла у меня за плечами.* Начальное наречие (*non*) *più* имеет значение ‘впредь, теперь, более’, и помимо указания на отсутствие крыльев (*больше* у А. Тарковского) имеет расширенное временное значение, этот период «бескрылости» распространяется вперед на безграничный период. Глагол *splendere* ‘сиять, сверкать’ изображает свет крыльев более ярким и ослепительным, чем в оригинале: степень излучения и силы света у итальянского глагола выше, чем у русского *светиться*, что ассоциативно вызывает образ ангела, грозного и блистательного. Особенность построения предложения с отрицанием в языке перевода вносит дополнительные оттенки в семантический план. Частица *non* ‘не’ в итальянском языке в подобных конструкциях выносится в начало предложения и непосредственно относится к наречию *более: non più*. Однако такое расположение отрицательной частицы распространяет значение негации и на глагол. Если в тексте оригинала стихотворения отрицается факт свечения крыльев, то в переводе шестая строка не содержит непосредственно отрицания, так как оно стоит в начале предложения. Таким образом, заключительная строка

первой части стихотворения в переводе содержит только утвердительную на первый взгляд информацию: *Alle mie spalle splendono due ali* ‘За моими плечами сверкают два крыла’, что придает данной фразе еще большую боль от потери. Последовательный же перевод итальянских строк *E non più, quando è notte, / Alle mie spalle splendono due ali* мог бы выглядеть так: *И (не) впредь, когда настанет ночь, / За плечами у меня не сверкают два крыла*.

Первая строка второй части стихотворения *Я свеча, я сгорел на пиру* по-итальянски звучит более приземленно, приближенно к повседневному быту, поскольку в переводе употребляется существительное *festa* ‘праздник, семейный праздник, вечеринка’, тогда как у русского слова *пир* в итальянском есть более точные эквиваленты *banchetto, convito*. Если в оригинале поэт непосредственно соотносит себя со свечой (*я свеча*), то в переводе свеча выступает тем предметом, с которым сравнивает себя автор; итальянский текст можно перевести следующим образом: *На празднике свечой (как свеча) я догорел*. Итальянский глагол *consumarsi* возвратный, исходный переходный глагол имеет значение ‘тратить, портить, израсходовать’, что снижает поэтичность русского глагола *догореть*. Возвратность же вносит в семантику глагола оттенки чувства вины, осознания своей роли в собственной судьбе, результатом которой стала растратченная жизнь, причем поэт сам себя ‘сжёг, истратил, исчерпал’. Достаточно сдержанная строка *Соберите мой воск поутру* в переводе дополнена прилагательным *disciolto*, которое кроме значения ‘растаявший’ имеет также более экспрессивно окрашенные значения ‘развязанный, растворенный, освобожденный’. В результате воск воспринимается как тело поэта, освобожденное от мучавшейся души, что глубже раскрывает смысл оригинального стихотворения.

Строки *И подскажет вам эта страница, / Как вам плакать и чем вам гордиться* в переводе имеют несколько трансформированный смысл. Так, существительное *страница* отсутствует в итальянском тексте и заменено на наречие *lì* ‘там’, отсылая читателя напрямую к строке о воске свечи. Особенно примечательна такая замена в контексте фильма, так как слова *эта страница* на фоне визуального ряда в фильме вызвали бы дополнительные ассоциации с горящей в кадре раскрытой страницей книги.

Следующий фрагмент *Как веселья последнюю треть / Раздарить и легко умереть* в переводе членятся на строки иным образом. Дарение и умирание в итальянском тексте разделены дополнением *последнюю часть радости*. Таким образом, непосредственная последовательная связь этих событий (*раздарить и умереть* в русском тексте) для читателя не столь очевидна, напротив, наличие оборота с герундием *donando* ‘отдав, подарив’ подчеркивает разделенность этих действий во времени. Кроме того, русское *треть* в переводе заменено более обобщенным ‘часть, частица’ без указания конкретной доли. Существительное *letizia* имеет более широкий спектр семантических оттенков: это и радость, и отрада, и веселье. *Morire in levità* ‘умереть с легкостью’ вынесено в отдельную строку, что подчеркивает значимость этого итога жизни поэта и отделяет данное событие от последнего дарения радости. В этих двух строках употреблены устаревшие существительные *letizia* и *levità* с книжным оттенком, стиль становится более возвышенным.

Заключительные строки *И под сенью случайного крова / Загореться посмертно, как слово* в переводе содержат несколько семантических различий. Так, *riparo* – это скорее ‘защита, убежище’, причем не устаревшее, в отличие от русского *сень*. *Di fortuna* можно перевести как ‘удачно подвернувшееся, случайно попавшееся по пути’; *accendersi postumi* – ‘зажечься запоздало, посмертно’. В итальянском тексте подчеркивается, что это понимание пришло поздно, что также помогает глубже раскрыть тему потерянной родины в контексте фильма.

Таким образом, в переводе стихотворения «Меркнет зрение – сила моя...», при сохранении общего смысла первоисточника, смещаются некоторые акценты, что подчеркивает мотив далекого и утраченного дома и мотив ангела-вестника, а также усиливает тему умирания, особенно

значимую в контексте художественного фильма «Ностальгия». В целом использование итальянского текста, практически не создающего полемики с оригиналом и не противоречащего ему, способствует большей интеграции поэтического текста в кинематографический, тем самым вопрос о переводимости искусства снимается.

Особенности включения стихотворения в кинотекст: визуальный и звуковой ряд сопровождения

Как и в случае с «Я в детстве заболел...», встраивание цитаты в кинотекст происходит по звуковому каналу: мы слышим стихотворение, читаемое голосом Доменико. Однако сюжетно появление стихотворения в данном случае не мотивировано. Так, текст «Я в детстве заболел...» мы можем считать припоминаемым Горчаковым по дороге в затопленную церковь, хотя для этого нам нужно сделать два допущения: во-первых, принять, что его действительно читает герой (мы не видим его лица и движений его губ), во-вторых, допустить, что книга в руках героя – действительно томик стихов Арсения Тарковского (мы нигде не видим обложки этой книги). Во время чтения «Меркнет зрение – сила моя...» зритель вначале может попытаться принять те же допущения и встроить с их помощью текст в сюжет, но первое полностью опровергается на последних строках стихотворения, когда мы видим лежащего молча, без движения и с закрытыми глазами, предположительно спящего Горчакова, но не видим Доменико. Книга появляется в кадре рядом с Горчаковым после окончания чтения, но ни обложки, ни текста на страницах загоревшейся книги мы по-прежнему не видим, можем только понять по расположению строк, что это, скорее всего, действительно поэтический сборник. Таким образом, первый поэтический текст имеет в кадре условного чтеца и может быть мотивирован на уровне эмпирического хронотопа, а второй – нет, он переводит действие в пространство имажинативного (сон-видение) и сакрального (метафизическое «внепространство») хронотопа, вводя ряд символов, сопровождающих весь эпизод в затопленной церкви. Рассмотрим детально, какие визуальные и звуковые элементы соответствуют в кадре вербальному ряду стихотворения (см. таблицу).

Визуальные и звуковые элементы, сопровождающие стихотворение «Меркнет зрение – сила моя...» в кинофильме «Ностальгия»

Текст, разбитый по стихам	Соответствующий текст оригинала	Визуальный ряд (цвет, освещение, композиция, появление образов)	Звуковой ряд (сопровождение, особенности чтения)
<i>Si oscura la vista – la mia forza,</i>	Меркнет зрение – сила моя,	Камера медленно надвигается на сидящую девочку, девочка берет камень и бросает его в воду; игра света и тени, блики на стене; темные тона, выделяется белый участок стены на заднем плане.	Плеск воды, звук брошенного в воду камня; чтение спокойное и размеренное.

Продолжение таблицы

Текст, разбитый по стихам	Соответствующий текст оригинала	Визуальный ряд (цвет, освещение, композиция, появление образов)	Звуковой ряд (сопровождение, особенности чтения)
<i>Sono due occulti dardi adamantini;</i>	Два незримых алмазных копья;	Девочка поднимает голову, смотрит вверх, на что-то находящееся за пределами кадра.	
<i>Si confonde l'udito per il tuono lontano Della casa paterna che respira.</i>	Глохнет слух, полный давнего грома И дыхания отчего дома	Камера продолжает приближать изображение девочки; взгляд девочки снова опускается.	Строки произносятся одной синтагмой, без пауз, спокойно.
<i>Dei duri muscoli i gangli si infiacchiscono,</i>	Жестких мышц ослабели узлы,	Изображение девочки статично.	
<i>Come bovi canuti all'aratura;</i>	Как на пашне седые волы;	Смена кадра; вода, камни и обломки под водой; темные тона кадра, светлые элементы – блики на воде в дальней верхней части изображения и травинка на переднем плане; камера приближается к поверхности воды.	
<i>E non più, quando è notte, Alle mie spalle splendono due ali.</i>	И не светятся больше ночами Два крыла у меня за плечами.	Продолжается движение камеры; яркие блики на воде скрываются.	Едва различим шум воды.
<i>Nella festa, candela, mi sono consumato.</i>	Я свеча, я сгорел на пиру.	Продолжается движение камеры; в центре появляются пузыри, поднимающиеся к поверхности воды.	С помощью силы голоса и пауз логическим ударением выделяются слова <i>festa</i> 'пир' и <i>candela</i> 'свеча'.
<i>All'alba raccogliete la mia disciolta cera;</i>	Соберите мой воск поутру,	Продолжается движение камеры; темные тона, выделяется только трава на переднем плане, постепенно уходящая из кадра.	

Окончание таблицы

Текст, разбитый по стихам	Соответствующий текст оригинала	Визуальный ряд (цвет, освещение, композиция, появление образов)	Звуковой ряд (сопровождение, особенности чтения)
<i>E, lì, leggete Chi piangere, di cosa andar superbi</i>	И подскажет вам эта страница, Как вам плакать и чем вам гордиться,	Продолжается приближение камеры, в остальном кадр статичен, движения пузырьков воздуха нет.	Логическим ударением выделяется <i>lì</i> 'там'.
<i>Come, donando l'ultima porzione di letizia, Morire in levità</i>	Как веселья последнюю треть Раздарить и легко умереть,	Продолжается приближение, снова появляются пузыри, рябь на поверхности воды.	Плеск воды.
<i>E al riparo d'un tetto di fortuna,</i>	И под сенью случайного крова	Приближение камеры замедляется и останавливается, в углу остается светлое пятно – не скрывшийся из кадра лист.	
<i>Accendersi postumi,</i>	Загореться посмертно,	Смена кадра, статичный крупный план лежащего Горчакова: темные тона, светлые пятна – блики света на лице Горчакова и на поверхности воды на заднем плане.	Отчетливо слышен плеск воды.
<i>come una parola.</i>	как слово.	Во время чтения кадр статичен, после последних слов камера начинает движение влево, в кадре появляются тлеющая книга и бутылка, на заднем плане – яркие блики.	Звуки падающих капель, после чтения появляется едва различимый шум огня.

При сопоставлении эпизодов с чтением двух поэтических произведений в «Ностальгии» (см. об этом подробнее: [Берендеева, 2018]) можно выявить ряд различий.

1. «Я в детстве заболел...» О. Янковский читает сбивчиво, путано, обрывая фразы, в некоторых местах зрителю сложно разобрать слова, текст же «Меркнет зрение – сила моя...» звучит, напротив, очень четко, спокойно и размеренно. Контраст усиливается за счет сюжетной обоснованности первой цитаты и совершенно необоснованного и непонятного для зрителя «иномирного» встраивания в кинотекст второй. Однако в полной мере ощущение контраста

порождается у зрителей только при равном понимании обоих языков фильма (русского и итальянского) или при просмотре фильма с субтитрами, так как при наложении на видеоряд перевода тонкости оригинального чтения практически не улавливаются. Особенно интересная ситуация возникает при просмотре фильма соотечественниками режиссера, не владеющими итальянским: четкость итальянского текста, не понимаемого или заглушенного переводом, также утрачивается, и эпизод становится симметричным.

2. Эпизод с чтением «Я в детстве заболел...» выглядит относительно динамичным: герой двигается, мы замечаем движение воды, пространство вокруг меняется, появляется девочка, камера также находится в движении, следуя за героем внутрь храма. Второй эпизод («Меркнет зрение – сила моя...») выглядит на фоне первого статичным: единственное движение в кадре – поворот головы девочки, блики на заднем плане и пузыри на поверхности воды, герой подчеркнуто неподвижен, весь эпизод мы наблюдаем в одних декорациях, движение камеры есть, но оно замедлено и направлено вниз, к воде. Такой контраст динамики и статики соотносится с контрастом сбивчивого и четкого чтения, сюжетной обоснованности и необоснованности: первая цитата соответствует пути, движению к точке метафизического прозрения, особого состояния души видения, а вторая – самому состоянию, пребыванию в точке конца пути.

Звуковой ряд в данном случае по-прежнему беден, он создается только шумом отдельных капель воды, а через зрительный ряд во время чтения вводится несколько сквозных символов метатекста Андрея Тарковского: вода, храм, огонь, книга. Эти же символы сопровождали и чтение «Я в детстве заболел...», но в несколько иных соотношениях. Так, если в первом эпизоде «диптиха» вода течет, сопровождает путь, а храм, похожий на здание с заветной комнатой из «Сталкера», выступает впереди как цель героя, то во втором эпизоде вода уже статична, а движение достигло своей цели, действие происходит внутри храма. Книга в первом эпизоде находится в руках Горчакова, а во втором лежащая на полу книга начинает тлеть от огня, зажженного героем ранее. Все четыре символа в том или ином варианте появляются в каждом из фильмов А. А. Тарковского, реализуя авторские варианты прочтения общекультурных архетипов.

Еще один символический образ, неочевидный, но проходящий через все творчество А. А. Тарковского, появляющийся во время чтения «Я в детстве заболел...» и становящийся ключевым во время чтения «Меркнет зрение – сила моя...», – ангел. Образ ангела разными исследователями «примеряется» к различным персонажам метатекста Тарковского, так, И. И. Евлампиев указывает на ряд персонажей-проводников (например, безымянная женщина в квартире Алексея и мальчик Асафьев из «Зеркала»), своеобразных ангелов, вестников иного измерения бытия, являющихся протагонистам [Евлампиев, 2012]. Различные прямые или косвенные отсылки к образам ангелов можно объединить в целый «ангельский текст» в художественном пространстве Андрея Тарковского. *АНГЕЛ* как концепт не выражается в его фильмах вербально, но имеет целый ряд визуальных репрезентантов (крылья, птицы, падающие с неба перья, белый цвет). Косвенно «ангельский текст» Тарковского выходит и за пределы его творчества, становясь элементом мифа о самом Тарковском (эпитафия «Человеку, который увидел ангела») и влияя на художественную картину мира его последователей (например, художественный фильм В. Вендерса «Небо над Берлином», посвященный «ангельской» теме и имеющий скрытое посвящение Андрею Тарковскому).

В фильме «Ностальгия» концепт *АНГЕЛ* в трех эпизодах имеет визуальную репрезентацию: едва различимая фигура с белыми крыльями, появляющаяся на опушке леса после первого видения Горчакова, едва угадываемый под водой мраморный ангел в эпизоде с чтением «Я в детстве заболел...» и девочка, появляющаяся в затопленной церкви. Имя девочки, одинаково воспринимающей речь на обоих языках, – Анжела («ангел») – можно считать един-

ственным вербальным репрезентантом концепта. Все эпизоды представляют собой метатекст по отношению к стихотворению «Я в детстве заболел...», так как восходят к перешедшему в «Ностальгию» замыслу режиссера снять короткометражную ленту по этому стихотворению (см. об этом, например: [Болдырев, 2004]).

Если во время чтения «Я в детстве заболел...» Анжела появляется лишь на мгновение, то большая часть «Меркнет зрение – сила моя...» читается на фоне ее изображения. Кроме того, примечателен текст первой строфы стихотворения, описывающий постепенную утрату способностей:

*Меркнет зрение – сила моя,
Два незримых алмазных копы;
Глохнет слух, полный давнего грома
И дыхания отчего дома;
Жестких мышц ослабели узлы,
Как на пашне седые волы;
И не светятся большие ночами
Два крыла у меня за плечами.*

Последние строки интерпретируются исследователями как способность к творчеству («В любом случае дар творчества – это не то, с чем можно уединиться, почивать на лаврах, обрести покой и т. п. “Твоим” он остается только до тех пор, пока интенсивность труда и самоотдачи остается настолько высокой, что позволяет “светиться” “крылам... за плечами” [Перепелкин, 2010. С. 330]), однако крылья, будучи перенесенными в контекст Андрея Тарковского, становятся еще и явным атрибутом ангела и отсылают к «ангельскому тексту» и к функции метафизического вестничества. Идентификация образа ангела в этом эпизоде может быть неоднозначной: с одной стороны, через имя – явный вербальный репрезентант – ангелом становится девочка, слушающая стихотворение, его адресат, но, с другой стороны, через текст стихотворения ангельская функция передается тому, кто его читает, причем неоднозначен и сам образ читающего – это и герой (двойник Горчакова), и остающийся за кадром, но названный в фильме ранее поэт, и вестник трансцендентального мира.

«Я в детстве заболел...» и «Меркнет зрение – сила моя...» как части диптиха о метафизическом умирании

Рассмотрим стихотворения «Я в детстве заболел...» и «Меркнет зрение – сила моя...» в их киновариантах как систему, в которую они объединяются режиссером на основании определенного смыслового сходства.

Хотя в оригинале первое стихотворение содержит три строфы, а второе – две, по смыслу оба можно представить в виде своеобразной трехчастной структуры. Так, «Я в детстве заболел...» представляет три этапа некоего соприкосновения с трансцендентальным: путь, приближение к точке видения (*А все иду, а все иду, иду...*; в фильме строфа редуцирована, упоминание матери, манящей рукой, опущено); само видение, имеющее явно пророческий апокалиптический характер (*Тут затрубили трубы, свет по векам / Ударил, кони...*; строфа сохранена практически полностью); осмысление пережитого видения, вероятно, предсмертное (*И теперь мне снится / Под яблонями белая больница*; строфа редуцирована до минимума, а последние слова *Я в детстве заболел* возвращают к началу). Такая структура стихотворения соответствует во внутренней логике фильма эпизодам, обрамляющим апокалиптическое ви-

дение Горчакова: приближение к затопленной церкви, само видение, пробуждение в церкви, за которым последует вероятная смерть.

В «Меркнет зрение – сила моя...» также прослеживается трехчастная структура, формирующаяся вокруг первой строчки второй строфы: слова *Я свеча, с сгорел на пиру* (*Nella festa, candela, mi sono consumato*) как в оригинале, так и в переводе синтаксически отделены от остального текста. Такое отделение выглядит более явным в оригинале, где весь текст представляет собой три предложения (первая строфа, указанная строчка, остальная часть второй строфы), но обращает на себя внимание и в переводе. Три части прослеживаются следующим образом: угасание физических и метафизических способностей (меркнет зрение, глухнет слух, не светятся крылья), момент полного сгорания и «рекомендации» – то, о чем расскажет читателю страница. Фактически эти три этапа соответствуют процессу умирания, смерти и посмертному существованию, причем центральная строка вводит в текст хронотоп пира: медленное умирание метафорически соответствует вечеру, времени пира, момент смерти (*Я сгорел на пиру*) – окончанию ночного пира, а посмертное бытие – утру после празднества. Описание последнего горения слова (*загореться посмертно, как слово*) в последней строке стихотворения перекликается с описанием смерти-сгорания, создавая своего рода двойную экспозицию в тексте: горение – это и жизнь, и посмертное бытие, а сгорание – и смерть человека, и угасание слова, которое «загорелось посмертно». Такая двойная экспозиция сохраняется в фильме: строго говоря, мы не можем установить точный момент смерти Горчакова, а эпизод с его прохождением через высушенный бассейн может быть как реальным, так и метафизическим посмертным действием (причем чтение стихотворения на фоне неподвижного лица Горчакова указывает на возможность его смерти в затопленной церкви – реальной смерти на эмпирическом уровне либо принятия им собственной метафизической смерти на уровне сакрального хронотопа). Три части этого стихотворения таким же образом соотносятся с событийным рядом фильма: внутреннее терзание и угасание, т. е. приближение к смерти, смерть (возможно, двойная – метафизическая и реальная, принятие своей грядущей смерти после апокалиптического видения и реальная смерть после прохода через бассейн) и посмертное бытие (соответственно проход или последний кадр фильма с домом, вписанным в пространство храма).

Соположение этих двух текстов в фильме приписывает им одну и ту же функцию – сжатое метафорическое изложение последующих событий, поэтические тексты, пересекаясь в кадре с «ангельским текстом» А. Тарковского, становятся пророчествами, предвещающими дальнейшие видения и смерть героя. Отметим также, что, несмотря на функциональное сходство, два текста не совсем симметричны. Если воспользоваться снова классификацией хронотопов Д. А. Салынского, можно заметить, что первый текст («Я в детстве заболел...») существует на уровне эмпирического, имагинативного и хронотопа диалога культур (герой читает стихотворение, стихотворение повествует о последующем видении-сне и вводит цитату реального поэта), а второй («Меркнет зрение – сила моя...») словно поднимается на одну ступень выше, так как он не связан с эмпирическим хронотопом (не мотивирован сюжетно никак), но существует на уровне имагинативного, культурного и сакрального хронотопов (читается во время сна героя, вводит поэтическую цитату и переводит действие к описанию возможного посмертного бытия, т. е. полностью на уровень сакрального). На создание градации из двух текстов работает и их разное встраивание в кинотекст: стихотворение «первой ступени», связанное с реальностью и содержащее пророчество о сне-видении, читается динамично, сбивчиво, на родном языке героя, т. е. его чтение реалистично, а стихотворение «второй ступени», возникающее из пространства сна и пророчествующее о смерти, звучит уже оторванным от реальности, оно не связано ни с пространством, ни с временем, ни с языковыми барьерами, а его звучание на итальянском языке может быть обосновано необходимостью дать ответ

на вопрос о переводимости искусства: границы существуют только в обыденной реальности, при переходе на уровень сакрального инобытия текст, звучащий на другом языке, может подойти к передаче смысла даже ближе, чем оригинал.

Выводы

Поэтические цитаты Арсения Тарковского в фильме «Ностальгия» создают целую сеть разветвленных толкований образа отца и репрезентаций концепт *ОТЕЦ* в кинотексте Андрея Тарковского благодаря наложению образов поэта, отца героя, реального отца режиссера, а также возможных отсылок к религиозной картине мира и образу Бога-Отца.

В переводном итальянском тексте «*Si oscura la vista. La mia forza...*» сохраняется основной смысл стихотворения «Меркнет зрение – сила моя...», но за счет особенностей итальянской семантики и грамматики некоторые смысловые акценты смещаются таким образом, что перевод подчеркивает особо значимые в контексте фильма мотивы утраченного дома и умирания. Встраивание стихотворения «Меркнет зрение – сила моя...» в кинотекст «Ностальгии» происходит иначе, чем текст «Я в детстве заболел...»: чтение стихотворения не мотивировано сюжетом, текст звучит четко и ясно, динамика визуального и звукового рядов практически отсутствуют, но чтение большей части текста на фоне сидящей девочки Анжелы вводит актуальный для творчества Андрея Тарковского образ ангела.

Поэтические тексты «Я в детстве заболел...» и «Меркнет зрение – сила моя...» Арсения Тарковского объединяются в кинотексте «Ностальгии» Андрея Тарковского в своеобразный диптих, образуя две ступени на пути от эмпирического уровня текста к сакральному и в сжатой форме излагая содержание всего фильма в пророчествах об апокалиптическом видении и метафизической смерти героя.

Список литературы / References

- Берендеева М. С.** «Я в детстве заболел...» Арсения Тарковского: интеграция поэтического текста в кинематографический // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 1. С. 195–208.
Berendeeva M. S. «Ya v detstve zabol...» Arseniya Tarkovskogo: integratsiya poeticheskogo teksta v kinematograficheskiy [«As a child I once fell ill...» by Arseny Tarkovsky: Integration of the Poetic text into the Cinematographic One]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2018, no. 1, p. 195–208. (in Russ.)
- Болдырев Н. Ф.** Жертвоприношение Андрея Тарковского. М.: Вагриус, 2004. 527 с.
Boldyrev N. F. Zhertvoprinoshenie Andrey Tarkovskogo [Sacrifice of Andrei Tarkovsky]. Moscow, Vagrius Publ., 2004, 527 p. (in Russ.)
- Евлампиев И. И.** Художественная философия Андрея Тарковского. 2-е изд., перераб. и доп. Уфа: ARC, 2012. 472 с.
Evlampiev I. I. Khudozhestvennaya filosofiya Andrey Tarkovskogo [Artistic Philosophy of Andrei Tarkovsky]. Ufa, ARC Publ., 2012, 472 p. (in Russ.)
- Перепелкин М. А.** Поэтический текст в сюжетной структуре «Зеркала» А. Тарковского (1) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 11 (55). С. 195–199.
Perepelkin M. A. Poeticheskii tekst v syuzhetnoi strukture «Zerkala» A. Tarkovskogo (1) [Poetic Text in the Plot Structure of A. Tarkovsky's Film «Mirror» (1)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Scientific Bulletin. Series: Humanities], 2007, no. 11 (55), p. 195–199. (in Russ.)
- Перепелкин М. А.** Слово в мире Андрея Тарковского. Поэтика иносказания. Самара: Самарский гос. ун-т, 2010. 480 с.
Perepelkin M. A. Slovo v mire Andrey Tarkovskogo. Poetika inoskazaniya [The Word in the World of Andrei Tarkovsky. Poetics of Allegory]. Samara, Samara University Publ., 2010, 480 p. (in Russ.)

- Пинежанинова Н. П.** И все приобретает новый внезапный смысл... (Интеграция поэтических текстов Арсения Тарковского в фильмы Андрея Тарковского) // Мир русского слова. 2011. № 3. С. 75–79.
- Pinezhaninova N. P.** I vse priobretaet novyi vnezapnyi smysl... (integratsiya poeticheskikh tekstov Arseniya Tarkovskogo v fil'my Andrey Tarkovskogo) [And Everything Takes on a New Sudden Meaning... Integration of Arseny Tarkovsky's Poetic Texts into Andrei Tarkovsky's Films]. *Mir russkogo slova* [*The World of the Russian Word*], 2011, no. 3, p. 75–79. (in Russ.)
- Салынский Д. А.** Киногерменевтика Андрея Тарковского. 2-е изд. М: Квадрига, 2009. 576 с.
- Salynskii D. A.** Kinogermenetika Andrey Tarkovskogo. 2-e izd. [Film Hermeneutics by Andrei Tarkovsky. 2nd ed.]. Moscow, Kvadriga Publ., 2009, 576 p. (in Russ.)
- Skakov N.** The Cinema of Tarkovsky: Labyrinths of Space and Time. London; New York, I. B. Taurus, 2012, 288 p.

Материал поступил в редколлегию
Received
20.08.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

- Берендеева Мария Сергеевна**, кандидат филологических наук, ассистент кафедры общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, ассистент кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, maria.berendeeva@gmail.com)
- Maria S. Berendeeva**, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, maria.berendeeva@gmail.com)
- Рыбалова Мария Игоревна**, кандидат филологических наук, ассистент кафедры романо-германской филологии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, maria.rybalova@gmail.com)
- Maria I. Rybalova**, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, maria.rybalova@gmail.com)

УДК 811.161.1 + 811.133.1 + 811.111 + 7.049.1
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-105-114

Вербальная, параграфическая и визуальная реализация концептов в креолизованных текстах наивного дискурса (на материале *instagram.com*)

А. А. Алексеева, А. А. Лукашевич

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена исследованию концептов в креолизованных текстах социальной сети Instagram на трёх уровнях их объективации: вербальном, визуальном, а также параграфическом, представленном рисуночными параграфами – эмодзи. Материалом исследования послужили тексты на русском, английском и французском языках. На основании анализа реализации концептов выявлено несколько типов креолизованных текстов: тексты без текстообразующих концептов; тексты с текстообразующими концептами, получающими выражение либо на вербальном и визуальном уровнях, либо на вербальном и параграфическом, либо на параграфическом и визуальном, либо на всех трёх уровнях.

Было установлено, что большинство постов на русском, английском и французском языках имеют текстообразующие концепты, и они получают выражение одновременно на вербальном, параграфическом и визуальном уровнях. Хотя социальная сеть Instagram ориентирована в первую очередь на визуальную составляющую публикаций, именно вербальная часть креолизованных текстов чаще всего является областью репрезентации концептов. Кроме того, в вербальной составляющей креолизованного текста могут быть репрезентированы все стороны концепта – образно-перцептивная, понятийная и ценностная, тогда как невербальные составляющие (в особенности изображение) часто объективируют только часть из них. Выявлен также ряд закономерностей, связанных с репрезентацией концептов на параграфическом уровне: наличие метафорических и метонимических переносов, произвольность порядка следования эмодзи, выражающих признаки концепта.

К перспективам исследования относится изучение текстообразующих концептов и способов их объективации в других типах креолизованных текстов, а также разработка методики анализа креолизованных текстов и иных полимодальных объектов.

Ключевые слова

креолизованный текст, концепт, визуализация, визуальная семантика, эмодзи

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00052

Для цитирования

*Алексеева А. А., Лукашевич А. А. Вербальная, параграфическая и визуальная реализация концептов в креолизованных текстах наивного дискурса (на материале *instagram.com*) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 105–114. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-105-114*

Verbal, Paragraphical, and Visual Representations of Concepts in Polymodal Texts of Naïve Discourse (Based on *instagram.com*)

A. A. Alekseeva, A. A. Lukashevich

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The aim of the work is to analyze the correlation between verbal, paragraphical, and visual components of the polymodal text of naïve discourse through the analysis of the concept uniting these parts of the text.

During the analysis of ninety Instagram posts written in Russian, English, and French we found out several types of polymodal texts: 1) texts without text-forming concepts; 2) texts with text-forming concepts which are represented either 2.1) verbally and visually or 2.2) verbally and paragraphically or 2.3) paragraphically and visually or 2.4) verbally, paragraphically, and visually.

The majority of the posts contain text-forming concepts, and they are represented at all the three levels. Types 2.3 and 2.2 are the least common. Although Instagram is a visual-centric social network, it is the verbal component of polymodal texts that represents concepts most often. Moreover, verbal component can represent all the sides of the concept connected with image perception, notion and values while non-verbal components often objectify only some of these sides. We also found out some specific traits connected with representation of concepts with the help of paragraphical means (emojis). First, metaphoric and metonymic transfers are inherent in emoji. Second, concepts can be represented by several emojis following each other. In this case each of them represents one attribute of the concept. Their order is usually random, and sometimes it causes ambiguity.

As for the prospect of this research, our next step is to create the general method of analysis of concepts in polymodal texts and other polymodal objects, such as films.

Keywords

polymodal text, concept, visualization, visual semantics, emoji

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 18-312-00052

For citation

Alekseeva A. A., Lukashevich A. A. Verbal, Paragraphical, and Visual Representations of Concepts in Polymodal Texts of Naïve Discourse (Based on *instagram.com*). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9: Philology, p. 105–114. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-105-114

Письменные и устные тексты часто включают в себя, кроме собственно вербальных единиц, различные элементы другого рода: жесты, позу и мимику, иллюстрации, графики, формулы и т. д. В настоящее время в условиях динамичного развития интернет-дискурса список дополнительных нетекстовых элементов пополняется также видео- и аудиозаписями, стикерами, эмодзи и др. В результате возникает возможность исследовать такие тексты с точки зрения соотношения в них вербальной и невербальной информации, а также с позиции рецепции различных типов информации. Исследования подобного рода важны для таких естественных и гуманитарных наук, как нейрофизиология, психология, социология, философия, искусствоведение, филология.

Описанный вид текстов получил название креолизированных, или поликодовых. Термин «креолизированный текст» был предложен отечественными лингвистами Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым [Ворошилова, 2013. С. 15–16] и получил своё название по аналогии с креолизированным языком – новым языком, созданным на основе двух или более уже существующих.

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 9: Philology

Различаются два типа креолизации текста: частичная и полная. В первом случае вербальная часть относительно автономна, а изобразительные элементы факультативны. Такой тип креолизации характерен, в частности, для художественных текстов. Во втором случае изображение является обязательным элементом текста – например, научно-технического или рекламного [Валгина, 2003. С. 27].

Как отмечает М. Б. Ворошилова, научное осмысление креолизованных текстов началось в работах по семиотике, что обусловлено исследованием изображений как особой знаковой системы [Ворошилова, 2006. С. 183]. В центре внимания исследователей была структура креолизованного текста, семантика основных знаковых единиц и особенности их взаимодействия друг с другом [Ворошилова, 2013. С. 22]. В настоящее время исследователи продолжают изучать визуальную семантику, а также семиотическую природу вербальных и невербальных знаков [Там же. С. 23–24].

Исследователи предлагают различные классификации корреляций между вербальной и невербальной частями креолизованного текста. Так, Е. Е. Анисимова ссылается на исследования С. Д. Зауэрбира, который выделяет следующие типы:

- 1) параллельная корреляция (содержание вербальной и невербальной частей полностью совпадают);
- 2) комплементарная корреляция (содержание вербальной и невербальной частей перекрывают друг друга);
- 3) субститутивная корреляция (невербальная часть замещает вербальную информацию);
- 4) интерпретативная корреляция (между содержаниями вербальной и невербальной частей нет прямой связи, но эта связь устанавливается на ассоциативной основе) [Анисимова, 2003. С. 13–14].

А. А. Бернацкая различает три степени креолизации текста:

- 1) сильная, при которой имеет место взаимная синсемантизация вербальной и невербальной частей;
- 2) умеренная, предполагающая явное доминирование какой-либо одной части и вспомогательную роль другой;
- 3) слабая, при которой используются лишь параязыковые средства коммуникации – кинетические, фонационные, графические [Бернацкая, 2010. С. 109].

Отправной точкой нашего исследования послужила гипотеза о том, что вербальные и невербальные элементы креолизованного текста могут быть объединены посредством концепта. В широком понимании концепт – это «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин, 2007. С. 34].

Наше исследование построено на материале наивного дискурса, под которым мы понимаем совокупность текстов, созданных людьми, не связанными по роду своей деятельности с написанием текстов, и / или неспециалистами в областях, которым посвящены их тексты. Поэтому для целей нашего исследования мы придерживаемся более узких определений концепта, данных В. И. Карасиком: концепты – это «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик, 2004. С. 59]; концепт – «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» [Там же. С. 71].

Материалом исследования послужили посты в социальной сети Instagram, которая предполагает публикации следующего формата: изображение (или видео) и по желанию подпись ав-

тора к нему. В этой социальной сети визуальная составляющая является главным компонентом креолизованного текста, поскольку ядро публикации в Instagram – это именно изображение или короткий видеоролик, однако возможность делать достаточно большие подписи к визуальной части поста (до 2200 знаков ¹) приводит к тому, что нередко изображение и текст меняются ролями с точки зрения своей значимости.

В данной статье анализируется соотношение вербального компонента текста, изображения, а также рисуночных параграфов, или эмодзи, которые являются промежуточным феноменом. Словарь Merriam-Webster даёт следующее определение эмодзи: «Any of various small images, symbols, or icons used in text fields in electronic communication (as in text messages, e-mail, and social media) to express the emotional attitude of the writer, convey information succinctly, communicate a message playfully without using words, etc.» ² ‘небольшая картинка, символ или иконка, используемые в текстовом поле в электронной коммуникации (например, в текстовых сообщениях, электронных письмах и социальных медиа) для выражения эмоционального отношения пишущего, для сжатой передачи информации, передачи сообщения в шутильной форме без использования слов и т. д.’ ³.

Исторически эмодзи произошли от эмотиконов (от англ. *emotion icon* ‘иконка, изображающая эмоцию’) – «своеобразных символов, которые были придуманы для обозначения эмоций и состояний человека, участвующего в виртуальном общении» [Школовая, 2005. С. 59].

По состоянию на июнь 2017 г. раскладка эмодзи насчитывала в общей сложности 2666 значков⁴, а в течение 2018 г. на основные электронные устройства добавится ещё 157 эмодзи ⁵. Существуют эмодзи, обозначающие не только различные виды эмоциональных и физиологических состояний, но и жесты (👋, 🤞, 🤳 и т. д.), виды человеческой деятельности (🏊, 🏏, 🎮 и др.), еды и напитков (🍷, 🍷, 🍷 и т. д.), явлений природы (🌧, 🌈, ☁ и т. д.) и многое другое. В целях соблюдения правил политкорректности, играющих важную роль в западном обществе, в раскладке присутствуют также различные варианты одних и тех же эмодзи: например, изображения лиц и рук людей с несколькими разными оттенками кожи, изображение гетеро- и гомосексуальных влюблённых пар и семей и др.

Всего было проанализировано 90 постов: 30 на русском языке, 30 на английском и 30 на французском. В них представлено два типа креолизованных текстов: 1) посты, посвящённые событиям частной жизни их авторов, 2) рекламные посты. Изучив в каждом посте собственно текст, использованные в нём эмодзи и изображение, мы устанавливали, есть ли в каждом креолизованном тексте концепт, который объединяет вербальную, параграфическую и визуальную составляющую. На основании наличия / отсутствия текстообразующего концепта, а также типа корреляции между вербальной и невербальной частями текстов мы построили следующую классификацию.

1. Тексты без текстообразующего концепта.

2. Тексты с текстообразующим концептом.

2.1. Тексты с текстообразующим концептом, получающим выражение на вербальном и визуальном уровнях (на уровне текста и изображения).

2.2. Тексты с текстообразующим концептом, получающим выражение на вербальном и параграфическом уровнях (на уровне текста и эмодзи).

2.3. Тексты с текстообразующим концептом, получающим выражение на параграфическом и визуальном уровнях (на уровне эмодзи и изображения).

¹ <https://www.quora.com/Is-there-a-word-limit-on-Instagram-posts>

² <https://www.merriam-webster.com/dictionary/emoji>

³ Перевод здесь и далее наш. – А. А.

⁴ <https://emojipedia.org/faq/>

⁵ <https://emojipedia.org/new/>

2.4. Тексты с текстообразующим концептом, получающим выражение на вербальном, параграфическом и визуальном уровнях (на уровне текста, эмодзи и изображения).

Рассмотрим примеры. На рис. 1 представлен пост, в котором мы выделили текстообразующий концепт ТАИЛАНД, реализованный на вербальном и визуальном уровнях. Слова-репрезентанты концепта следующие: *Таиланд, слоник из белых роз из Лумпини парка, красота невероятная, тайские полезности*, среди которых – *тайская зубная паста, кокосовое масло, тигровый бальзам, детские жаропонижающие пластыри на лоб*. Визуальным репрезентантом концепта является изображение слона, о котором говорится в посте. Эмодзи, использованные в тексте, не являются репрезентантами текстообразующего концепта.

Рис. 1

Текстообразующим концептом в другом посте, представленном на рис. 2, является SUMMER 'ЛЕТО'. Он получает реализацию на всех трёх уровнях: на вербальном – посредством слова *summer* 'лето', на параграфическом – с помощью эмодзи, обозначающих различные атрибуты лета (☀ – солнце, 🌴 – пальма, 🌊 – волна и др.), визуально – с помощью фотографии, на которой изображены освещённые ярким солнцем море и скалы.

Количественное соотношение текстов различных типов представлено в таблице 1.

Таблица 1

Соотношение количества различных типов текстов
на русском, английском и французском языках

	Посты на русском языке	Посты на английском языке	Посты на французском языке
Тип 1	4	4	9
Тип 2.1	9	3	10
Тип 2.2	1	1	1
Тип 2.3	0	1	0
Тип 2.4	16	21	10

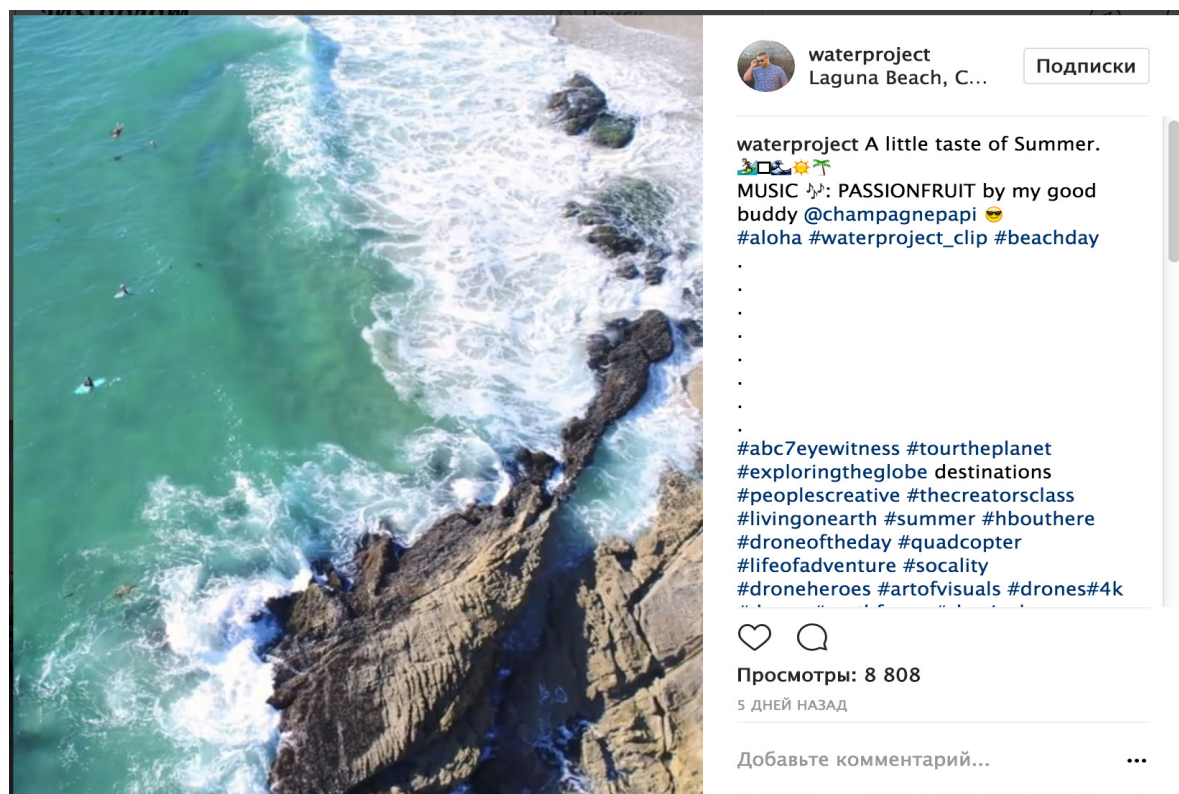

Рис. 2

Как видим, доминирующим типом текстов на всех языках является тип 2.4, предполагающий реализацию текстообразующего концепта на трёх уровнях. Наименьшее количество текстов на всех языках относится к типу 2.3, реализация концепта в котором происходит на параграфическом и визуальном уровнях. Примерно столь же малое количество текстов представляют собой тип 2.2, предполагающий реализацию концепта на вербальном и параграфическом уровнях. В наших материалах есть лишь один пример поста, в котором концепт объективируется только на визуальном и параграфическом уровнях: на фото представлены разноцветные хризантемы, а в авторской подписи к публикации есть только эмодзи – несколько разноцветных сердец, совпадающих по цветам с хризантемами.

Отдельного внимания заслуживают некоторые способы репрезентации концептов (не только текстообразующих) с помощью эмодзи. В ряде случаев нам встретились примеры метафорического и метонимического переноса. Так, во фразе «j'ai une passion pour le corail et les fleurs depuis quelque temps 🌺 ☀️»⁶ ‘мне уже некоторое время нравится коралловый цвет и цветочки’⁷, помимо эмодзи в виде цветка использован значок солнца. Скорее всего, второй эмодзи употреблен здесь в переносном значении, как символ коралла, который, в свою очередь, символизирует коралловый цвет. Мы видим, с одной стороны, метонимический перенос (коралл и его цвет), с другой – метафорический (эмодзи «солнце» напоминает по форме коралл).

Случаи метонимического и метафорического переноса не единичны. Поскольку в раскладке эмодзи нет отдельных значков для обозначения цвета, то для его репрезентации авторы

⁶ Здесь и далее фрагменты комментариев приведены с сохранением орфографии, пунктуации, стилистики исходных текстов.

⁷ Перевод с английского и французского языков наш. – А. А.

постов используют произвольные эмодзи необходимого цвета: так, на рис. 3 представлен пост о закуске, содержащей чернику, и в тексте использован эмодзи 🧛 («монстр-пришелец») фиолетового цвета, который напоминает закуску по внешнему виду – и по форме, и по цвету.

Рис. 3

Для представления одного концепта используется также несколько эмодзи подряд: «Если ёлка ещё не разобрана – Новый год не закончился! ❄️❄️🧊❄️🧊». В данном случае представлены эмодзи, репрезентирующие такие признаки концепта НОВЫЙ ГОД, как праздник (хлопушка, два вида звёзд) и зима (снежинка, снеговик), причём они не сгруппированы по выражаемым признакам.

Пост о мастер-классе по приготовлению стейков содержит в себе такую строку: «Можно даже назвать это занятие «Стейкология» или «Мясоведение» 🧑🍳🍷». В данном случае юмористические окказионализмы, обозначающие вымышленную науку о приготовлении мяса, поддерживаются эмодзи «женщина» и «сковородка», которые репрезентируют, соответственно, субъект и объект этой науки.

Рассмотрим ещё один пример: пост о вечере ирландской и шотландской музыки и танца начинается фразой «В эти выходные в Технопарке 🧑🎵🎸». В данном случае эмодзи «клеввер» выступает в атрибутивной роли, при этом стоит между эмодзи «танцор» и «скрипичный ключ», выступающих в роли субъектов.

Отсутствие единых правил расположения эмодзи в синтагме могут приводить к неоднозначности в их трактовке: например, неясно, к чему относятся эмодзи, передающие положительную оценку, во фразе «Окрашивание волос Keune + уход Keune Bond Fusion для Юлии от нашего стилиста Надежды @nadya_n 🧑💇🏻» – к результату окрашивания (представленному на фото), стилисту, сделавшему это окрашивание, или и к тому, и к другому.

Выше мы уже приводили определение, согласно которому концепт содержит образно-перцептивную, понятийную и ценностную стороны. Если в вербальной составляющей креолизованного текста наивного дискурса могут быть репрезентированы все три названные стороны, то невербальные составляющие часто объективируют только часть из них. Особенно это касается изображения, которое чаще всего отражает образно-перцептивную сторону концепта. Это вполне объяснимо: основная часть проанализированных нами постов описывает события частной жизни людей либо рекламирует товары и услуги, поэтому изображение репрезентирует совершенно конкретный предмет или человека и не предполагает обобщения, построенного на его основе. Лишь небольшое количество текстов содержат философские размышления на какие-либо темы, и в этом случае изображение имеет понятийную сторону.

На рис. 4 представлен пример такого поста, в котором изображение объективирует в том числе и понятийную сторону концепта.

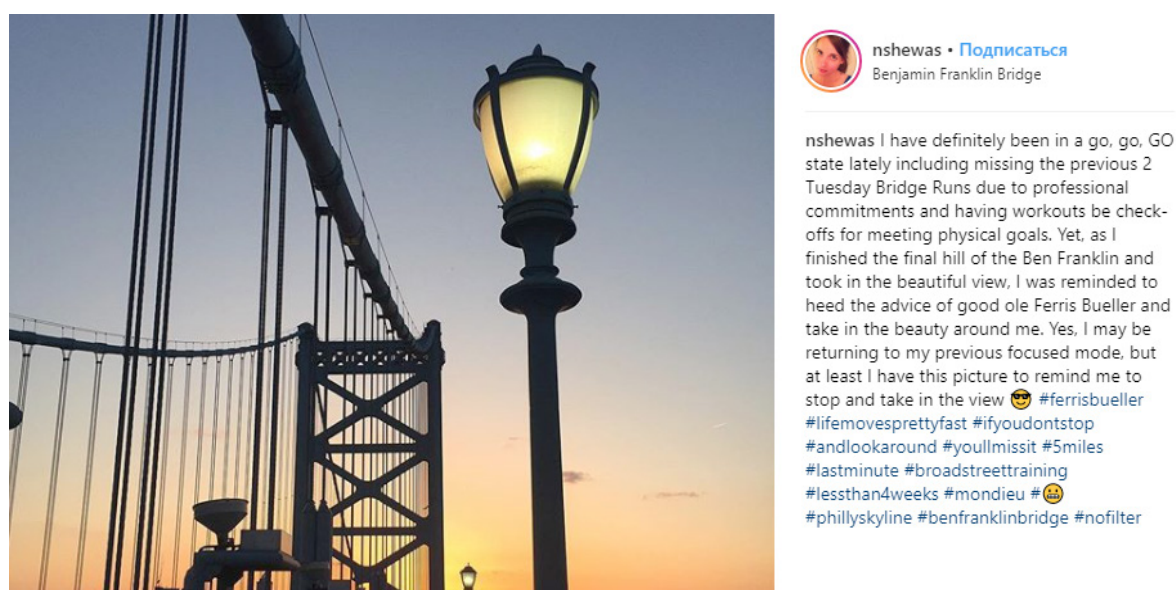

Рис. 4

Автор поста на личном примере рассуждает о важности пауз, остановок в повседневной жизни, наполненной многочисленными рабочими и другими обязанностями: «I have definitely been in a go, go, GO state lately including missing the previous 2 Tuesday Bridge Runs due to professional commitments <...> Yet, as I <...> took in beautiful view, I was reminded to heed the advice of good old Ferris Bueller and take in the beauty around me. Yes, I may be returning to my previous focused mode, but at least I have this picture to remind me to stop and take in the view» «Последнее время я явно была в состоянии, когда надо было постоянно что-то делать, делать, ДЕЛАТЬ, и в том числе я пропустила два вторичных забега по мосту из-за рабочих дел <...> Но <...> когда перед моими глазами предстал прекрасный вид, это мне напомнило, чтобы я последовала совету старого доброго Ферриса Бюллера и любовалась красотой вокруг себя. Да, возможно, я вернусь к моему предыдущему состоянию концентрации, но по крайней мере у меня есть фото, которая напомнит мне, что надо останавливаться и наслаждаться видом».

В данном случае изображение репрезентирует не только образно-перцептивную, но и понятийную, и ценностную сторону концепта СОЗЕРЦАНИЕ. Мягкие цветовые переходы закатного неба, плавные линии моста и фонарей на фотографии передают идею умиротворён-

ной статичности, экзистенциальной красоты, которую ценит и сам автор поста, и цитируемый им музыкант.

Эмодзи находятся в промежуточном положении с точки зрения репрезентации не одной, а двух или трёх сторон концепта. Поскольку, как уже было показано, для объективации концепта нередко используется одновременно несколько эмодзи, это даёт возможность репрезентировать его разные стороны. Например, в посте, посвящённом отцу автора текста в честь Дня памяти, фразы «We love you and miss you everyday. Watch over us Pop!» «Мы любим тебя и скучаем по тебе каждый день. Присматривай за нами, папа!» сопровождаются эмодзи ☹️ 🙏️ 💔 🧡. Большая часть из них отражает ценностную сторону концепта ОТЕЦ: значки «лицо со слезой», «разбитое сердце» и «сердце с точкой», передавая такие эмоции, как любовь к отцу и горечь, боль от его потери, отражают важность, ценность отца в картине мира автора поста. Эмодзи «руки, сложенные в молитве» передают не только идею просьбы, для репрезентации которой данный эмодзи используется довольно часто, но и идею того, что отец уже умер, и это слова, обращённые к небу.

Таким образом, концепты, будучи комплексным ментальным образованием, нередко, хотя и не всегда, являются связующим звеном вербальной, параграфической и визуальной сторон креолизованного текста. При этом несмотря на то, что ядро публикаций в анализируемой социальной сети Instagram составляют именно изображения, основным средством репрезентации текстообразующих концептов является собственно текст.

В дальнейшем представляется возможным изучить текстообразующие концепты и способы их объективации в других типах креолизованных текстов, а также выработать единую методику анализа креолизованных текстов и иных полимодальных объектов (в частности, фильмов) с точки зрения концепта как надсемантического образования, получающего реализацию на различных уровнях.

Список литературы / References

- Алексеева А. А.** Типы оценок и способы их репрезентации в профессиональном журналистском и наивном дискурсе // Коммуникативная культура современности: Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2016. С. 27–28.
Alekseeva A. A. Tipy otsenok i sposoby ih reprezentatsii v professional'nom zhurnalist'skom i naivnom diskurse [Types of Appraisals and Ways of Their Representation in Professional Journalistic and Naïve Discourse]. *Kommunikativnaya kul'tura sovremennosti: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Modern Communication Culture: Materials of the 6th Intern. Res. and Pract. Conf.] / Novosib. gos. un-t. Novosibirsk, 2016, p. 27–28. (in Russ.)
- Анисимова Е. Е.** Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Academia, 2003. 122 с.
Anisimova E. E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov) [Text Linguistics and Cross-cultural Communication (Based on Polymodal Texts)]. Moscow, Academia, 2003, 122 p. (in Russ.)
- Бернацкая А. А.** К проблеме креолизации текста: история и современное состояние // Речевое общение: специализированный вестник. Вып. 3 (11). Красноярск, 2010. С. 104–110.
Bernatskaya A. A. K probleme kreolizatsii teksta: istoriya i sovremennoe sostoyanie [Polymodal Text, its History and Present Situation: Statement of the Problem]. *Rechevoe obshchenie: spetsializirovannyy vestnik. Iss. 3(11)* [Verbal Communication: Specialized Bulletin. Issue 3(11)]. Krasnoyarsk, 2010, p. 104–110. (in Russ.)
- Валгина Н. С.** Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.
Valgina N. S. Teoriya teksta [The Theory of Text]. Moscow, Logos Publ., 2003, 173 p.
- Ворошилова М. Б.** Креолизованный текст: аспекты изучения / Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 2006. С. 180–189.
Voroshilova M. B. Kreolizovannyy tekst: aspekty izucheniya [Polymodal Text: Aspects of Study]. *Politicheskaya lingvistika. Iss. 20* [Political Linguistics. Issue 20]. Ekaterinburg: Ural. gos.ped. un-t. Publ. 2006. p. 180–189.

- Ворошилова М. Б.** Политический креолизированный текст: ключи к прочтению: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 194 с.
Voroshilova M. B. Politicheskii kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu: monografiya [Political Polymodal Text: Keys to Comprehension: monograph]. Ekaterinburg, Ural. gos.ped. un-t Publ., 2013, 194 p. (in Russ.)
- Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
Karasik V. I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language Circle: Personality. Concepts, Discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004, 390 p. (in Russ.)
- Попова З. Д., Стернин И. А.** Когнитивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2007. 315 с.
Popova Z. D., Sternin I. A. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive Linguistics]. M.: Vostok-Zapad Publ., 2007, 315 p. (in Russ.)
- Школовая М. С.** Лингвистические и семиотические аспекты конструирования идентичности в электронной коммуникации: Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. 174 с.
Shkolovaya M. S. Lingvisticheskie i semioticheskie aspekty konstruirovaniya identichnosti v elektronnoy kommunikatsii: avtoref. dis. kand. filol. nauk. [Linguistic and Semiotic Aspects of Identity Construction in E-communication: Cand. phil. sci. syn. diss.]. Tver', 2005, 174 p. (in Russ.)

Интернет-источники / Internet sources

www.emojipedia.org
 www.instagram.com
 www.merriam-webster.com/dictionary/emoji
 www.quora.com

Материал поступил в редколлегию
Received
 27.06.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

- Алексеева Алина Алексеевна**, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего и русского языкознания, кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, alina.alexeeva@gmail.com)
Alina. A. Alekseeva, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, alina.alexeeva@gmail.com)
- Лукашевич Анастасия Анатольевна**, студентка 3 курса Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
Anastasia A. Lukashevich, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

УДК 811.161.1 + 81'373 + 82-141
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-115-124

Жанрово-стилистические особенности гимнов социалистических стран

Л. А. Ощепкова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Государственный гимн – один из основных официальных символов любой страны. Мы выявляем жанрово-стилистические черты, присущие гимнам социалистических стран. В основе анализа – «паспорт» жанра Т. В. Шмелевой, который включает ряд признаков (коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, диктум, образ прошлого, образ будущего, формальная организация текста). Социалистические гимны разных стран эксплицируют важные исторические события в идеологическом ключе и по сути являются декларацией «идей коммунизма» через поэтический текст. Наиболее значимые признаки социалистических гимнов: 1) наличие особой коммуникативной цели программного характера (строительство социализма / коммунизма); 2) неразрывная связь автора и адресата текста (в коллективном «мы»); 3) описание исторических событий (как правило, военных действий); 4) использование некоторых повторяющихся ключевых образов: народ, враги, путь.

Ключевые слова

государственный гимн, гимны социалистических стран, теория речевых жанров, коммуникативная цель, автор, адресат, диктум, фактор прошлого / будущего, формальная организация текста

Для цитирования

Ощепкова Л. А. Жанрово-стилистические особенности гимнов социалистических стран // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 115–124. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-115-124

Genre and Stylistic Characteristics of the Anthems of Socialist Countries

L. A. Oshchepkova

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

A national anthem is one of the main official symbols of any country, which should ideally remain unchanged. However this demand was often violated, most often in the countries of the socialist camp. In this article we show how the socialist structure of a state affects the texts of national anthems.

Based on the key features of the genre proposed by T. V. Shmeleva (1. Communicative goal, 2. The image of the author, 3. The image of the addressee, 4. Dictum, 5. The image of the past, 6. The image of the future, 7. The formal organization

of the text), we describe the general characteristics of socialist countries' anthems. The genre-stylistic analysis shows that socialist anthems of different countries expose important events in an ideological vein and, in fact, are a declaration of "communist ideas" through a poetic text, usually by indirect language means. Bases of socialist hymns often contain battle songs that express several communicative goals, one of them is imperative (a call for struggle), the other is a ritual (glorification of the country). The images of the author and addressee in socialist hymns often coincide, since these hymns are sung on behalf of the people and for him. Dictum (event basis of proposition) of socialist anthems is very rich and diverse. They often contain descriptions of military operations. The texts of such anthems are rich in toponyms, proper names, references to dates and historical events and communist symbols. The perlocutive effect for socialist anthems is especially important, since many of them were created during the period of struggle against invaders, and they were to inspire, to raise them to the battle for liberation of their homeland. The use of vivid key images (images of people, enemies, country, battle) created with the help of various expressive means is an integral feature of socialist anthems.

Keywords

national anthem, anthems of socialist countries, communist ideology, theory of discursive genres, communicative goal, author, addressee, dictum, past / future factor, formal text organization

For citation

Oschepkova L. A. Genre and Stylistic Characteristics of the Anthems of Socialist Countries. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9: Philology, p. 115–124. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-115-124

Государственные символы (флаг, герб, гимн) – неотъемлемые атрибуты любой страны, через которые транслируются ее политические и идеологические установки, социальные принципы государственного устройства, отражаются поворотные для страны исторические события, а также культурные традиции нации и социума.

Гимн считается наиболее важным официальным символом государства, его торжественное исполнение вызывает у граждан чувство гордости за страну, вдохновляет на новые свершения: государственный гимн «должен давать силы, ясно указывать цель жизненной деятельности и объединять граждан в ее достижениях» [Хорошкевич, 2008. С. 146].

Государственные символы разными «художественными средствами» выражают идеологические установки власти. Неслучайно исследователи видят в них «генетическое родство» и элементы «преемственности»: «Гимн есть символ, подобный гербу по смыслу, но претворяющий мистический и политический идеал государства в слове и музыке. Он, как и флаг, всегда был наиболее доступным и демократичным государственным “манифестом”. Поэтому, если в стране происходили изменения в религиозном, политическом и национальном устройстве, обычно, прежде всего, менялись гимн и знамя. <...> Пересечение значений государственной символики приводило к совмещению различных ее видов» [Грачев, 2003. С. 4].

Т. С. Зотеева, рассматривая государственный гимн как одно из проявлений политического дискурса, выделяет четыре его функции: 1) борьба за власть (укрепляет приверженность граждан существующей государственной системе); 2) регулятивная функция (гимн призван регулировать поведение людей, вызывать воодушевление, чувство любви и гордости за свою Родину); 3) референтная функция (отражает основные политические ценности государства); 4) магическая функция (осуществляется через лозунги и повторы, прославление лидера страны) [Зотеева, 2013. С. 133–134].

Мы проанализировали гимны стран социалистического лагеря, которые транслируют коммунистическую идеологию, получившую в различных исследованиях по мифопоэтике следующие номинации: «сотворение мифа» (В. П. Булдаков); «лжерелигия» (А. М. Панченко); «продолжение мифа о золотом веке» (М. Элиаде) [Брунова, 2011. С. 24].

Для последовательного описания жанровых особенностей государственных гимнов мы опирались на «анкету» речевого жанра (далее – РЖ), предложенную Т. В. Шмелевой, которая

включает: 1) коммуникативную цель; 2) образ автора; 3) образ адресата; 4) диктум; 5) фактор прошлого; 6) фактор будущего; 7) формальную организацию текста [Шмелева, 1990. С. 24]. Предложенная методика прежде всего ориентирована на жанры речи (соболезнование, поздравление, утешение, комплимент и т. д.), т. е., в терминологии М. М. Бахтина, «первичные» жанры [Бахтин, 1979. С. 239]. Так как гимн – это прежде всего литературный жанр, то он по концепции М. М. Бахтина относится к «вторичным». Именно с этим мы связываем «удвоение» многих параметров жанра: с одной стороны, они получают текстовую реализацию, т. е. являются собственно лингвистическими, с другой – учитывают «внешний контекст», а значит, имеют экстралингвистическую природу. Например, гимн в момент своего исполнения всегда имеет «реального» адресата – это субъект (часто коллективный), в честь которого звучит гимн. «Внешний» адресат варьирует, в отличие от текстового, выраженного конкретными языковыми средствами – обозначениями народа, страны или власти.

Материалом для исследования послужили тексты шести гимнов (включая советские):

- гимн Китая «Марш добровольцев» (1935 г., сл. Тянь Хань, муз. Не Эр),
- гимн Кубы «Баямеса» (1867–1868 гг., сл. и муз. Педро Фигеро),
- гимн Вьетнама «Марш наступающей армии» (1944 г., сл. и муз. Ван Као),
- гимн Корейской народной демократической республики «Эгукка», или «Патриотическая песнь» (1945–1946 гг., муз. Ким Вон Гюн, сл. Пак Се Ён),
- два гимна СССР 1943 и 1977 гг. (сл. С. В. Михалкова, муз. А. В. Александрова).

Для получения более объективных результатов сопоставления текстов разных национальных гимнов мы использовали буквальные переводы оригиналов, которые были выполнены при участии носителей китайского, вьетнамского и корейского языков. Мы сознательно отказались от всех известных переводов, так как их литературность и «художественность» далеко не всегда соответствуют оригиналу, в частности не передают заложенных в текст всех смысловых нюансов. В качестве примера приведем дословный перевод первого куплета гимна Вьетнама в сравнении с художественным, сделанным В. Прохоровым:

Перевод В. Прохорова	Буквальный перевод
Вперёд, вьетнамцы, идём на войну. Труден наш путь, твёрже шаг. Отстоим мы родную страну, славу предков! Цвета крови флаги на солнце горят, Звучит песня набат. Вперёд, вперёд на решительный бой!	Вьетнамская армия идет С единым сердцем, чтобы спасти страну, Торопящиеся шаги шумят на далекой ухабистой дороге. Флаг, окрашенный победной кровью, несет душу страны, Далекий шум пушек сливается с песней марша. Путь к славе проходит по телам наших врагов, Преодолев все трудности, мы вместе строим военные базы.

Мы проанализировали полный текст каждого стихотворного произведения, между тем в официальных гимнах часто исполняется только один куплет, т. е. фрагмент поэтического текста.

Большая часть социалистических гимнов была написана относительно недавно – в середине XX в., что связано с революционной сменой власти. Именно поэтому социалистические гим-

ны преимущественно восходят к жанру «военная песня». Так, современный гимн Китая был написан во время Китайско-японской войны; гимн Кубы посвящен взятию повстанцами города Баямо (важного стратегического пункта) в период Десятилетней войны с испанцами; гимн Вьетнама связан со Второй мировой войной, когда Вьетнам был оккупирован одновременно Японией и французскими колонистами; первый гимн СССР также был создан в годы Великой Отечественной войны.

Однако некоторые социалистические гимны описывают страну в мирное время, например, гимн Северной Кореи и гимн СССР 1977 г. Кроме того, за основу гимна КНДР был взят текст предыдущего гимна, написанный в 1890-х гг., который в 1945–1946 гг. был отредактирован. Неслучайно тексты гимнов Северной и Южной Кореи чрезвычайно похожи.

История создания и общий смысл большинства социалистических гимнов позволяет в качестве основной **коммуникативной цели** выделить призыв народа к борьбе с иноземными захватчиками, колонизаторами, узурпировавшими власть в стране: *Вставайте, люди, которые не хотят быть рабами!* (гимн КНР); *Услышите звук горна! // Бегите к оружию, храбрецы!* (гимн Кубы); *Идем быстрее на фронт. // Идем вперед! Вместе идем вперед!* (гимн Вьетнама); *Захватчиков подлых с дороги сметем!* (гимн СССР 1943 г.). Нередко эти строки входят в припев гимна и неоднократно повторяются. Призыв к борьбе выражается с помощью многочисленных императивов. Например, в гимне Кубы: **Бегите** в бой, баямцы; **Не бойтесь** славной смерти; **Услышите** звук горна!; **Бегите** к оружию, храбрецы!; **Не бойтесь**; жестокие иберы // Трусливы, как любой тиран; **Смотрите** на наше победоносное войско; **Смотрите** на их навиших.

Вторая по значимости коммуникативная цель социалистических гимнов – прославление страны. В большинстве гимнов демократических стран цель «прославление страны» является первой по значимости. Хотя и в некоторых социалистических гимнах она звучит лейтмотивом, например: *Бесконечно обогащающийся и укрепляющийся наш Чосон, // Вечно сияй!* (в гимне Северной Кореи); *Славься, Отечество наше свободное* (в гимне СССР). В других гимнах воспевание родины – это сопутствующая коммуникативная цель: *Свободная Куба!; Вечно крепкая наша страна Вьетнам!*

В гимнах нередко воспеваются не только страна, но и ее народ: *Блистательной культурой возвращенная // Мудрого народа эта слава* (гимн КНДР); *Бегите в бой, баямцы, // Которыми родина любит с гордостью* (гимн Кубы).

Прославление вождя встретилось только в гимнах СССР: *Сквозь грозы сияло нам солнце свободы, // И Ленин великий нам путь озарил: // Нас вырастил Сталин – на верность народу, // На труд и на подвиги нас вдохновил!* (гимн СССР 1943 г.). В создании этого текста принимал непосредственное участие И. В. Сталин. Об этом в своих воспоминаниях упоминает С. В. Михалков: «Товарищ Сталин считает, что называть его в Гимне “избранником народа” не следует, а вот о Ленине сказать, что он был “великим”» [Дмитровский, Михалков, 2003]. В гимне СССР 1977 г. после развенчания «культы личности» Сталина его имя из текста было изъято. Упоминание имени Ленина – это, скорее, дань традиционной социалистической символике, в которой он остается классической фигурой.

В истории гимнов восточных стран к редакции текстов не прибегали, но «внутри страны» использовали альтернативные гимны – песни о вожде. Так, в Китае в период культурной революции (1966–1976 гг.) «Марш добровольцев» был запрещен, а функцию гимна выполняла песня «Алеет Восток»¹, прославляющая Мао Цзэдуна и коммунистическую партию: *Председатель Мао любит народ, // Он – наш вождь; Коммунистическая Партия подобна Солнцу: //*

¹ Для «Марша добровольцев», «Песни о полководце Ким Ир Сене» и «Песни о полководце Ким Чен Ире» буквальный перевод не выполнялся, так как это неофициальные государственные гимны.

*Приносит свет всюду, где она сияет*². Гимн КНДР «Эгукка» используется в качестве государственного только на международных официальных церемониях, а внутри страны исполняются песни о вождях – «Песня о полководце Ким Ир Сене» и «Песня о полководце Ким Чен Ире»: *Полководца имя будет всегда // В сердцах у людей; // Ким Ир Сена имя будет в веках // Сиять все светлей!*³; *Хор ликования над ним // В честь Полководца плывет. // Наш народный лидер несет // Свет Вождя и в этот мир. // Ура, ура, Полководец Ким Чен Ир!*⁴ Мотив прославления правителя характерен для монархических гимнов (Ср.: *Славься сим, Екатерина! // Славься, нежная к нам мать!* [«Гром победы, раздавайся!»]), обнаруживается он и в проанализированных нами гимнах социалистических стран.

Образы автора и адресата в гимнах всегда взаимосвязаны. У каждого гимна есть «**реальные**» (внеконтекстные) автор и адресат (автор поэтического текста и те, в честь кого и для кого исполняется гимн) и **текстовые**. Так, автор в тексте обозначен коллективным местоимением *мы*, имеющим значение ‘единый народ, все граждане страны’, сплоченная сила, готовая к новым победам: *Будучи храбрецами, мы знали, как победить!* (гимн Кубы); *Мы рискуем перед орудийным огнем врага* (гимн Китая); *Мы армию нашу растили в сраженьях* (гимн СССР 1943 г.).

По параметру «адресат» тексты социалистических гимнов различаются в большей степени. Безусловно, наиболее частотные «апеллятивы» – *народ // люди*, употребленные в форме прямых обращений: *баямцы, храбрецы* (Гимн Кубы); *Вставайте, люди, которые не хотят быть рабами!* (гимн Китая). В этой функции используются различные языковые единицы, синонимичные слову *страна*: *Бесконечно обогащающийся и укрепляющийся наш Чосон, // Вечно сияй!* (гимн КНДР); *Славься, Отечество наше свободное* (гимн СССР).

Важная особенность социалистических гимнов заключается в том, что они поются от лица народа и ему же адресованы. Например, в «Баямесе»: *Свободная Куба! Мы (народ-автор) можем гроыхать // Из пушек жутким грохотом. // Услышьте звук горна! // Бегите к оружию, храбрецы* (народ-адресат)!

Диктумная составляющая (событийная основа высказывания) социалистических гимнов – описание военных действий: *Преодолев все трудности, мы вместе строим военные базы* (гимн Вьетнама). В гимне Кубы «Баямеса» упоминаются жители города (*баямцы*), в котором состоялась одна из решающих битв Десятилетней войны. Гимн посвящен описанию военного положения в стране, в нем много единиц, прямо или косвенно связанных с темой «война»: *бой, смерть, умереть за родину, жить в цепях, к оружию, храбрецы, тиран, свободная Куба, победоносное войско, павшие, трусы, побежденные, победить, гроыхать из пушек жутким грохотом*.

К содержательному плану текста мы относим и номинации реалий, прежде всего топонимы и онимы. Например, в гимне КНР встречается топоним, который стал символом Китая (*Нашей кровью и плотью построим новую Великую Китайскую стену!*). Великая Китайская стена была построена для защиты жителей Китая от вражеских набегов и для объединения китайских земель, поэтому ее упоминание в гимне закономерно, а в новом политическом контексте становится символом объединения народа в борьбе с японскими захватчиками. Кроме того, в этой строке воплощена идея строительства новой жизни, что для данной идеологической парадигмы чрезвычайно важно. В гимне Вьетнама тоже обнаруживается идеологема «новая жизнь»: *Давайте объединим наши усилия в борьбе за строительство новой жизни*;

² https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%B5%D1%82_%D0%92%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA

³ http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=korea_15

⁴ http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=korea_20

Давайте всем пожертвуем, и наша жизнь станет более процветающей. Как видим, эта идеологема является неотъемлемой частью текстового содержания социалистических гимнов. Аналогичные примеры встречаются и в гимнах СССР, например: *В победе бессмертных идей коммунизма // Мы видим грядущее нашей страны* (гимн СССР 1977 г.).

В тексте гимна Северной Кореи используются многочисленные лексемы, описывающие природу и ландшафт страны: *Утром сияйте, наши горы и реки; Даже приливающие сильные бурные волны не могут пошатнуть // Страну, основанную на народной воле; Охватывая дух Пэктусана* (название горы), *Серебром и золотом полная* (природные богатства недр). Предметом для национальной гордости становится протяженность Корейского полуострова (а не только северокорейской его части): *Растянувшаяся на три тысячи ли прекрасная моя Родина.* В «Эгукке» встречается обращение к историческим фактам: *...прекрасная моя Родина // С долгой историей в пять тысяч лет* (букв.: половина десяти тысяч лет), чтобы акцентировать внимание на том, что это только половина длинного исторического пути. Кроме того, Корея обозначается в гимне историзмом *Чосон* (*Тело и душу все посвятим нашему Чосону; Бесконечно обогащающийся и укрепляющийся наш Чосон*) – это название страны с 1392 по 1897 гг. Использование данной номинации актуализирует связь настоящего с прошлым.

Также к диктуму мы относим текстовые упоминания других официальных государственных символов, герба и флага, например: *Флаг, окрашенный победной кровью, несет душу страны; Золотая звезда колышется на ветру* (гимн Вьетнама); *Знамя советское, знамя народное // Пусть от победы к победе ведет!* (гимн СССР 1943 г.); *И Красному знамени славной Отчизны...* (гимн СССР 1977 г.). В гимне Вьетнама и гимне СССР 1977 г. описан внешний облик государственного флага (золотая звезда на красном фоне – для Вьетнама; красное полотнище – для СССР).

Образ прошлого для государственного гимна – это исключительно экстралингвистический параметр, который в тексте не вербализуется, а связан с процедурой исполнения гимна (например, гимн поют после поднятия государственного флага). Т. В. Шмелева подчеркивает, что признак «образ прошлого» описывает «коммуникативное прошлое» – события, предшествующие данному РЖ [Шмелева, 1990. С. 29].

Образ будущего – это реакция на определенный РЖ. Т. В. Шмелева объясняет этот признак через перлокутивный эффект, т. е. воздействие РЖ на чувства и эмоции слушающей аудитории [Шмелева, 1990. С. 29]. Для социалистических гимнов перлокутивный эффект наиболее важен, потому что гимн служит сплочению, объединению народа вокруг общей национальной идеи. Учитывая заложенную в текстах социалистических гимнов иллюзию (фактически коммуникативную цель), нельзя не принимать во внимание их «боевой дух», эмоцию воодушевления людей на борьбу за правое дело и свободу Родины. На необходимый перлокутивный эффект рассчитаны императивные формы и разнообразные повторы, например, в гимне Китая: *Вставайте! Вставайте! Вставайте!; Вперед! Вперед! Вперед!*

В кубинском гимне есть несколько ключевых идей, направленных на подъем патриотического духа: *славная смерть; ...умереть за родину – значит жить!; Жить в цепях – это жить // Повергнутыми в оскорбление и позор.* Смысл призыва в том, что смерть лучше жизни в рабстве у испанских захватчиков (как гласит легенда, автор «Баямеса», попав в плен к испанцам, перед расстрелом успел прокричать свои строки: «Потому что умереть за родину – значит жить!»).

Формальная организация текста – это совокупность собственно жанрово-стилистических признаков, характерных для данной разновидности литературно-поэтических текстов. Приведем характеристики «гимна», выделенные исследователями литературных жанров.

Так, они получают подробное описание в «Литературной энциклопедии»: форма чистой лирики гимнов обычно строится из обращений и воззваний к восхваляемому объекту, хвалебных сравнений и описаний, часто представляющих расширенные тавтологии; перечисление подвигов и чудес объекта гимна и его предков позволяет вводить в изложение эпические намеки, обычно не раскрываемые полностью, но иногда (например, в античных гимнах) развертываемые в фабульное повествование; часто в конце гимна вводится молитва или заклинание. Словесное выражение гимна обычно богато образами, метафорами, сравнениями, эпитетами; особенное значение приобретает также гипербола. Эмоциональная насыщенность выражается в преобладании восклицательных и вопросительных оборотов, воззваний, обращений и повторений [Литературная энциклопедия, 1929. С. 534].

Предполагающие массовое восприятие и исполнение, гимны, как правило, отличаются образностью литературного текста, широкой, легко запоминающейся мелодией, ясным, размеренным (чаще маршевым) ритмом и общим величавым характером музыки [Музыкальная энциклопедия, 1973. С. 982].

Перечисленные характеристики присущи в целом жанру «гимн» и не учитывают его возможных разновидностей или субжанров.

Признаки субжанра «государственный гимн» выделяет В. А. Золотова: торжественность; программный характер стихов; сочетание особенностей эпоса, лирики и драмы; ориентация на агитацию и массовое восприятие и исполнение; яркая образность; наличие особой идеи – словесного и музыкального выражения социально-философской истины, актуальной для данной страны; патриотической цели – прославления Родины; и строгого официального ритуала исполнения [Золотова, 2011. С. 7–8].

Во всех приведенных «списках» признаков подчеркивается большая роль образности текста гимна. Эта особенность генетически связана с поэтической природой данного литературного жанра. В социалистических гимнах образы подчинены коммуникативной цели и имеют «программный характер». Рассмотрим оппозицию «свои – чужие» на примере кубинской «Баямесы».

«Свои» – это кубинские повстанцы, названные словом *храбрец*, повторенным многократно. Используются и другие описательные номинации кубинцев: *баямцы, которыми родина любит с гордостью; кубинская рука*, которой не могут сопротивляться испанцы; *свободная Куба* (перифраз, именующий всех жителей Кубы); *победоносное войско* (народ, поднявшийся на борьбу).

«Чужие» – это испанские колонизаторы. Они – *жестokie иберы*⁵, которые *трусливы, как любой тиран*. В гимне несколько раз говорится, что испанцы боятся кубинцев: *Они не сопротивляются кубинской руке; // Их империя пала навсегда* (здесь указывается государственный строй Испанской метрополии – империя, теряющая свое могущество). Эта мысль получает развитие в следующих строках: *Испания уже умерла, // Ее сила и ее гордость. Куда они ушли?*, в которых с помощью перифразы и метафоры описывается конец колониальной эпохи Испанского королевства. Подчеркиваются два главных качества испанцев – *сила и гордость*, которых больше нет. Противопоставление храбрых «своих» и трусливых «чужих» достигает кульминации в пятой строфе благодаря синтаксическому параллелизму: *Смотрите на наше победоносное войско, // Смотрите на их павших, // Будучи трусами, они убегают побежденными: // Будучи храбрцами, мы знали, как победить!* С этой же целью автор использует антитезу: *павшие – победоносное войско; трусы – храбрецы; они убегают побежденными*.

⁵ *Иберы* – географическое и этническое наименование. Испания находится на Иберийском полуострове, коренное население которого – иберцы.

ми – мы знали, как победить. Такое возвеличивание «своих» на фоне дискредитации «чужих» вселяет веру в непобедимость кубинцев.

Другой яркий образ связывает весь текст гимна Вьетнама – это образ **пути / дороги**: *Вьетнамская армия идет* (дважды); *Торопящиеся шаги шумят на далекой ухабистой дороге*; *Путь к славе проходит по телам наших врагов*; *Идем быстрее на фронт. // Идем вперед!* *Вместе идем вперед!*; *Золотая звезда колышется на ветру, // Уводя народ родной земли от страданий и мучений*. Другая важная идея гимна – объединение народа: *Вьетнамская армия идет // С единым сердцем, чтобы спасти страну* (литота); *Преодолев все трудности, мы вместе строим военные базы*; *Идем вперед! Вместе идем вперед!*; *Давайте объединим наши усилия в борьбе за строительство новой жизни*. Также в гимне неоднократно упоминаются страна и народ, что является характерным признаком жанра: *вьетнамская армия*; *спасти страну*; *флаг несет душу страны*; *За народ мы непрестанно ополчаемся*; *Вечно крепкая наша страна Вьетнам!*; *Уводя народ родной земли от страданий и мучений*. Образ врага встречается только один раз: *Путь к славе проходит по телам наших врагов*. Имплицитно этот образ воплощается в идее рабства, которое нужно победить: *Уводя народ родной земли от страданий и мучений*; *Давайте встанем и разрушим цепи и оковы. // Слишком долго мы глотали нашу ненависть*. Эта же идея подчеркивается глагольными формами с семантикой борьбы, спасения: *спасти, преодолеть, ополчаемся, встанем, разрушим, пожертвуем*.

В гимнах СССР, как и в гимне Вьетнама, одним из ключевых является образ пути: *Знамя советское, знамя народное // Пусть от победы к победе ведет!* (Гимн СССР 1943 г.); *Партия Ленина – сила народная // Нас к торжеству коммунизма ведёт!* (Гимн СССР 1977 г.); *И Ленин великий нам путь озарил; Захватчиков подлых с дороги сметем!* (Гимн СССР 1943 г.); *Мы к славе Отчизну свою поведем!* (Гимн СССР 1943 г.). Заметим, что в варианте гимна 1977 г. это образ пути к коммунизму, тогда как в гимне 1943 г. – к победе в Великой Отечественной войне.

Одновременно с образом пути в коммунистических гимнах важное место занимает образ **солнца**. Обычно в коммунистических песнях с помощью «солнечных метафор» называется вождь. Например, в гимнах СССР: *И Ленин великий нам путь озарил*. Эта же идея воплощается в неофициальном гимне Китая времен Мао Цзэдуна «Алеет Восток» (*Алеет Восток, взошло Солнце, // В Китае родился Мао Цзэдун; Коммунистическая Партия подобна Солнцу: // Приносит свет всюду, где она сияет*⁶), и в неофициальных гимнах Северной Кореи – в «Песне о полководце Ким Ир Сене» (*Словно солнце, имя Вождя*⁷) и в «Песне о полководце Ким Чен Ире» (*Наш народный лидер несет // Свет Вождя и в этот мир*⁸).

В таблице мы отметили наличие или отсутствие в тексте гимна выделенных ключевых образов.

Сквозным для всех социалистических гимнов является образ народа. Образы страны, врагов и битвы присутствуют практически во всех текстах, так как в социалистических гимнах главной целью является призыв к борьбе за свободу страны. Остальные образы (путь, солнце, вождь, новая жизнь, флаг) воспроизводятся не так последовательно и регулярно. Они наиболее ярко отражают коммунистическую идеологию и чаще встречаются в так называемых «неофициальных» коммунистических гимнах, тогда как для официальных гимнов более характерно непрямое выражение идеологии.

⁶ https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%B5%D1%82_%D0%92%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA

⁷ http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=korea_15

⁸ http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=korea_20

Ключевые образы в гимнах социалистических стран

Образы	Куба	Вьетнам	Китай	КНДР	СССР
Народ (свои)	+	+	+	+	+
Враги (чужие)	+	+	+	–	+
Страна (родина)	+	+	–	+	+
Битва (война)	+	+	+	–	+
Путь (дорога)	–	–	– (+)	– (+)	+
Солнце (свет)	–	–	– (+)	– (+)	+
Вождь (лидер)	–	–	– (+)	– (+)	+
Новая жизнь	–	+	+	–	+
Флаг	–	+	–	–	+

Примечание: символ в скобках указывает на наличие этого концепта в одном из неофициальных гимнов страны, однако играющем роль гимна в определенный период истории социалистического государства.

Итак, анализ государственных гимнов социалистических стран показал, что государственная политика (внутренняя и внешняя) и общественный уклад последовательно отражаются в гимнах социалистических стран. На основе жанрово-стилистического анализа выявлен комплекс интегральных для данного субжанра признаков, а именно: в основе социалистических гимнов часто лежат боевые песни, которые выражают несколько коммуникативных целей, одна из них – императивная (призыв к борьбе), другая – ритуальная (прославление страны). Образы автора и адресата нередко совпадают, так как эти гимны поются от лица народа и для него. Диктумная составляющая социалистических гимнов богата описаниями исторических событий (как правило, военных действий). Благодаря особой иллюкативной силе, призывающей народ сплотиться и противостоять врагу, а также прославлять родину, достигается необходимый перлюкативный эффект – объединение народа вокруг общей идеи. Для социалистических гимнов характерно наличие ярких ключевых образов, создаваемых с помощью различных средств выразительности. Чаще всего это образы «своих» (народа страны) и «чужих» (врагов), а также образ страны и образ битвы.

Список литературы / References

- Бахтин М. М.** Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979.
 Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, 1979. (in Russ.)
- Брунова Е. Г.** Мифопоэтика коммунистической пропаганды: лингвокультурный и когнитивный анализ // Политическая лингвистика. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoetika-kommunisticheskoy-propagandy-lingvokulturnyy-i-kognitivnyy-analiz> (дата обращения 29.08.2018).

- Brunova E. G.** Mifopoetika kommunisticheskoi propagandy: lingvokul'turnyi i kognitivnyi analiz [Mythopoetics in Communist Propaganda: Linguocultural and Cognitive Analysis]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. 2011, № 2. (in Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoetika-kommunisticheskoy-propagandy-lingvokulturnyy-i-kognitivnyy-analiz> (accessed 15.08.2018)
- Грачев В.** Гимны России – зеркало ее духовного состояния. М., 2003.
Grachev V. Gimny Rossii – zerkalo ee dukhovnogo sostoyaniya [Russian Anthems as a Mirror of Russia's Spiritual State]. Moscow, 2003. (in Russ.)
- Дмитровский А. З., Михалков С. В.** Три гимна в XX веке. М., 2003. URL: <http://tms.ystu.ru/gimn===.htm>.
Dmitrovskiy A. Z., Mikhalkov S. V. Tri gimna v XX veke [Three Hymns in the 20th Century]. Moscow, 2003. (in Russ.) Available at: <http://tms.ystu.ru/gimn===.htm> (accessed 15.08.2018)
- Золотова В. А.** Объективация и динамика концептов в российских гимнах (XIX–XXI вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2011.
Zolotova V. A. Ob'yektivatsiya i dinamika kontseptov v rossiyskikh gimnakh (XIX–XXI vv.) Avtref. diss. ... kand. filol. nauk [Objectivization and Dynamics of Concepts in Russian Hymns (19th–21st centuries). Cand. phil. sci. syn. diss.]. Vologda, 2011. (in Russ.)
- Зотеева Т. С.** Государственный гимн как жанр политического дискурса // Политическая лингвистика. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-gimn-kak-zhanr-politicheskogo-diskursa> (дата обращения 29.08.2018).
Zoteyeva T. S. Gosudarstvennyy gimn kak zhanr politicheskogo diskursa [National Anthem as a Genre of Political Discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2013, № 1. (in Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-gimn-kak-zhanr-politicheskogo-diskursa> (accessed: 29.08.2018)
- Хорошкевич А. Л.** Герб, флаг и гимн: из истории государственных символов Руси и России. М., 2008.
Khoroshkevich A. Gerb, flag i gimn: Iz istorii gosudarstvennykh simvolov Rusi i Rossii [National Emblem, Flag and Anthem. From the History of Russian State Symbols]. Moscow, 2008. (in Russ.)
- Шмелева Т. В.** Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. Berlin, 1990. № 2.
Shmeleva T. V. Rechevoi zhanr. Vozmozhnosti opisaniya i ispol'zovaniya v prepodavanii yazyka [Speech Genre. Possibilities of Description and Usage in Language Teaching]. *Russistik. Rusistika. Nauchnyy zhurnal aktual'nykh problem prepodavaniya russkogo yazyka* [Russistics. Scientific Journal of Relevant Issues of Russian Teaching]. Berlin, 1990, № 2. (in Russ.)
- Литературная энциклопедия: В 12 т. М., 1929. Т. 2.
 Literaturnaya entsiklopediya: V 12 t. [Literary Encyclopaedia: in 12 vols.]. Moscow, 1929, vol. 2. (in Russ.)
- Музыкальная энциклопедия: В 6 т. М., 1973. Т. 1.
 Muzykal'naya entsiklopediya: V 6 t. [Musical Encyclopaedia: in 6 vols.]. Moscow, 1973, vol. 1. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
 Received
 20.08.2018

Сведения об авторе/ Information about the Author

Ощепкова Людмила Андреевна, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, l.oshchepkova@g.nsu.ru)
Lyudmila A. Oshchepkova, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, l.oshchepkova@g.nsu.ru)

УДК 808.51 + 811.161.1 + 811.133.1
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-125-132

Инаугурационные обращения Д. А. Медведева и Н. Саркози как монологический жанр в политическом дискурсе

В. Е. Крышталева

*Университет Париж Нантерр
Нантерр, Франция*

Аннотация

Рассматриваются инаугурационные обращения глав государства как разновидность устного жанра политического дискурса, который характеризуется обращенностью к коллективному адресату – всем гражданам государства, строгой временной и пространственной локализацией (речь произносится во время торжественной церемонии). На материале инаугурационных обращений бывших президентов России и Франции – Д. А. Медведева и Н. Саркози – проведен сравнительный анализ функций, характерных для данной жанровой разновидности политического красноречия, а именно: интегративной, инспиративной, декларативной и перформативной, выраженных через определенный набор топосов и речевых тактик.

Ключевые слова

инаугурационное обращение, речевой жанр, политический дискурс, коммуникативные стратегии и тактики

Для цитирования

Крышталева В. Е. Инаугурационные обращения Д. А. Медведева и Н. Саркози как монологический жанр в политическом дискурсе // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 125–132. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-125-132

The Inaugural Speeches of D. A. Medvedev and N. Sarkozy as a Monological Genre of Political Discourse

V. E. Kryshhtaleva

*Université Paris Nanterre
Nanterre, France*

Abstract

The article is devoted to the actual study of oral genres of political discourse, which are conditionally divided into two groups: monological (TV debates, interviews, *Pryamaya liniya* (as one of the varieties of the genre of interviews) and dialogical (inaugural speech, program speech, «crisis» speech about an unexpectedly problematic situation, congratulatory speech in honor of a memorable date or anniversary, welcome speech, etc.

Among the monological genres the inaugural speech of the head of state attracts special attention of researchers. This is a ritual genre of oral political discourse, which is characterized by appeal to the collective addressee – all citizens of the state, strict temporal and spatial localization (speech is pronounced exactly during the solemn ceremony). The inauguration ceremonies of the news leaders of all modern democratic states are based on the same model and differ mainly in the national symbols of presidential power and the degree of solemnity of the ritual.

© В. Е. Крышталева, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 9: Philology

A comparative analysis of the inaugural speeches of the former presidents of Russia and France – Dmitry Medvedev and Nicolas Sarkozy – has been fulfilled in the present article. Precisely, we have studied the characteristic functions of this type of political eloquence, namely: integrative (the consolidation of the nation in a historically significant moment), inspirational (the inspiration of the people for the upcoming great deeds and the glorification of traditional values), declarative (the proclamation by the new president of the principles of his rule) and performative (demonstration of readiness to act as the leader of a great country). Each function is realized through a traditional set of «topics» (common rhetorical slots) and through various communicative tactics.

Keywords

inaugural speech, genre, political discourse, communicative strategies and tactics

For citation

Kryshchaleva V. E. The Inaugural Speeches of D. A. Medvedev and N. Sarkozy as a Monological Genre of Political Discourse. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9: Philology, p. 125–132. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-125-132

В настоящее время в рамках отечественной и зарубежной лингвистики существует огромное количество теоретических работ, посвященных описанию речевых жанров (далее – РЖ). В качестве рабочего мы используем словарное толкование этого термина: «РЖ – тип текстов (высказываний), отражающих исторически сложившуюся устойчивую модель духовной деятельности людей... Это речетекстовая данность и образец для подражания, облегчающие производство и восприятие связной речи и протекание речевого общения, что способствует социальному взаимодействию» [Полный словарь лингвистических терминов, 2010. С. 99].

Подробную классификацию жанров политического дискурса предлагает Е. И. Шейгал [2004]. По характеру ведущей интенции автор разграничивает:

- 1) ритуальные / эпидейктические жанры (инаугурационная речь, юбилейная речь, традиционное телеобращение), в которых доминирует фатика интеграции;
- 2) ориентационные жанры, представляющие собой тексты информационно-прескриптивного характера (партийная программа, конституция, послание Президента о положении дел в стране, отчетный доклад, указ, соглашение);
- 3) агональные жанры (лозунг, рекламная речь, предвыборные дебаты, парламентские дебаты) [Шейгал, 2004. С. 270].

Классификация Е. И. Шейгал построена без учета дифференциации устных и письменных жанров. Мы считаем этот параметр важным, поэтому учитываем жанровую типологию, предложенную О. Н. Паршиной [2007], в которой для устного политического дискурса разграничиваются диалогические (теледебаты, интервью, «прямая линия» (как одна из разновидностей жанра интервью)) и монологические жанры (инаугурационная речь, программная речь, обращение главы государства к населению по поводу особой, «кризисной» ситуации, поздравительная речь в честь памятной даты или юбилея, приветственное слово, напутствие и т. п.).

Таким образом, мы определяем инаугурационную речь как монологический ритуальный жанр политической коммуникации.

Инаугурация (от лат. *inauguro* ‘посвящаю’) – это торжественная процедура вступления в должность нового главы государства [Новейший политологический справочник, 2010. С. 105]. Церемонии инаугурации президентов всех современных демократических государств строятся по американскому образцу и различаются в основном по национальной символике президентской власти (в РФ это специальный знак президента России и специальная копия

Конституции РФ, во Франции – орден великого магистра Почетного Легиона и так называемый «ядерный код») и по степени торжественности проведения данного ритуала (по нашим наблюдениям, церемонии инаугурации во Франции проходят более скромно, по сравнению с Россией или США). Кроме того, в отличие от многих других стран, во Франции президент не произносит присяги.

В. В. Ильичева дает следующее определение инаугурационной речи: «это словесный текст, произнесенный или написанный в высоком стиле, выражающий национально-культурные традиции ритуального этикета, связанного с торжественным случаем, обращенный к определенной аудитории (адресату), имеющий консолидирующий характер и рассчитанный на долговременный эффект» [Ильичева, 2015. С. 3]. Языковые и стилистические характеристики данного политического жанра являются средствами формирования имиджа лидера страны ¹ [Там же].

Основной «содержательной» характеристикой инаугурационной речи является строгая ритуальность текста, который строится по определенным канонам: фатика преобладает над информативностью, важным оказывается не столько «что говорят», сколько сам факт говорения; инаугурационное обращение обычно не содержит полемических высказываний (в них трудно найти утверждения, которые бросали бы вызов, провоцировали бы что-то несогласие или возражение).

Инаугурационное обращение призвано выполнять следующие функции: интегративную (утверждение консолидации нации в исторически знаковый момент); инспиративную (воодушевление нации на предстоящие великие дела и прославление традиционных ценностей); декларативную (провозглашение новым президентом принципов своего правления); перформативную (демонстрация готовности выступить в качестве лидера великой страны). Каждая функция реализуется через традиционный набор топосов (или «топиков») – общих риторических мест [Шейгал, 2002. С. 205–214].

Анализ инаугурационных обращений президентов России и Франции – Д. А. Медведева (2008–2012 гг.) и Н. Саркози (2007–2012 гг.) ² выполнен на основе метода функционального описания данного политического жанра.

1. На интегративную функцию указывают обращения и личные местоимения: *народ, граждане, мы, россияне; people, nation, notre, nous, les Français, unir* и т. д.

Лейтмотивом речей обоих президентов является призыв к интеграции всех граждан и сплочению с главой государства.

Д. А. Медведев: *Рассчитываю, что мир и согласие в нашем общем доме будут и дальше укрепляться сотрудничеством разных конфессий, социальных групп и национальных культур: от этого прямо зависит настоящее и будущее нашей страны.*

Н. Саркози: *Je pense avec gravité au mandat que le peuple français m'a confié et à cette exigence... de rassembler les Français parce que la France n'est forte que lorsqu'elle est unie et qu'aujourd'hui elle a besoin d'être forte pour relever les défis auxquels elle est confrontée* 'Я всерьез

¹ Имидж, выстраиваемый оратором, отсылает к понятию «этос». Согласно мнению французского лингвиста Ж. Деклерка, этос способствует созданию риторического образа говорящего в глазах аудитории. Тон голоса, выбор слов и аргументов, жесты, мимика, позы – через все это оратор транслирует свой психологический и социальный портрет [Declercq, 1992. Р. 48]. Однако, как подчеркивает другой французский исследователь – Л. Бенуа а ля Гийом, коммуникативный имидж президента связан не только с его реальной личностью, но и (в большей степени) с коллективно согласованным образом, в создании которого принимают участие профессиональные спичрайтеры [Benoit à la Guillaume, 2000. Р. 102]. В этой двойственности заключается одна из специфических черт политического дискурса в целом.

² Инаугурационная речь Д. А. Медведева была произнесена 7.05.2008, речь Н. Саркози – 16.05.2007.

думаю о мандате, полученном мной по воле французского народа, и о **требовании объединить** всех французов, поскольку **Франция сильна только тогда, когда едина**, сегодня она нуждается в том, чтобы быть сильной, чтобы достойно принимать все вызовы, с которыми она сталкивается’.

Отметим, что при реализации данной функции в выступлении Д. А. Медведева используется «артефактная метафора дома»: *Россия ← родной дом, родная земля*, которая повторяется в тексте дважды и обладает сильным воздействующим потенциалом на сознание аудитории ³.

2. Инспиративная функция реализуется в моменты апелляции к традиционным ценностям. Прославление силы и величия страны призвано усилить патриотические чувства граждан, укрепляет их надежды на светлое будущее.

Д. А. Медведев: *...в самых первых строках президентской присяги – обязательство уважать и охранять права и свободы человека. Именно они признаны высшей ценностью в нашем обществе, и именно они определяют смысл и содержание всей государственной власти.*

Н. Саркози: *Je pense...à...l'exigence de réhabiliter les valeurs du travail, de l'effort, du mérite, du respect, parce que ces valeurs sont le fondement de la dignité de la personne humaine et la condition du progrès social* ‘Я думаю о необходимости реабилитировать **ценности труда, усилий, заслуг, уважения**, потому что это ценности являются фундаментом человеческого достоинства и условием социального прогресса’.

В качестве государственных ценностей Д. А. Медведев упоминает *гражданские и экономические свободы, права и свободы человека, национальные интересы, право, закон, безопасность, мир, согласие, единство России, ее подъем и процветание.*

В речи Н. Саркози подчеркивается значимость *суверенитета Франции, ее независимости и единства, достоинства, демократии, толерантности, безопасности и защищенности, справедливости, соблюдения прав человека.*

Главная стратегия инаугурационного выступления президента – стратегия формирования положительного эмоционального настроя адресата – в речи Н. Саркози реализуется через топос «величие нации», ключевым словом в реализации которого является аффектив *grand*: *Mais en cet instant si solennel, ma pensée va d'abord au peuple français qui est un grand peuple, qui a une grande histoire et qui s'est levé pour dire sa foi en la démocratie, pour dire qu'il ne voulait plus subir* ‘Но в этот столь торжественный момент моя мысль обращена к **французскому народу**, который является **великим народом**, у которого есть **великая история** и который поднялся, чтобы говорить о своей вере в демократию и о том, что он больше не желает претерпевать невзгоды’.

В обращении президента РФ этот топос реализуется через перечисление положительных черт национального характера – *трудолюбия и таланта.*

Инспиративная функция ярко эксплицирована в тактике похвалы заслуг предшественника на президентском посту, одобрения его стиля руководства.

В обращении президента Франции называются несколько поколений глав государств, начиная с Генерала де Голля. Отдавая дань уважения всем своим предшественникам на президентском посту, Н. Саркози называет заслуги каждого из них: *Je pense au Général De Gaulle qui sauva deux fois la République, qui rendit à la France sa souveraineté et à l'Etat sa dignité et son autorité. Je pense à Georges Pompidou et à Valéry Giscard d'Estaing qui, chacun à leur manière,*

³ В частности, об этом пишет О. Л. Михалева в монографии, посвященной специфике манипулятивного воздействия в политическом дискурсе: «метафора способна выступать в роли механизма, посредством которого организуется восприятие адресатом окружающей действительности» [Михалева, 2009. С. 94].

firent tant pour que la France entrât de plain-pied dans la modernité... Je pense à Jacques Chirac, qui pendant douze ans a œuvré pour la paix et fait rayonner dans le monde les valeurs universelles de la France ‘Я думаю о Генерале де Голле, который дважды спас Республику, обеспечил Франции ее суверенитет, а Государству – достоинство и власть. Я думаю о Жорже Помпиду и Валери Жискард д'Эстенг, которые, каждый особым образом, действовали так, чтобы Франция достойно вошла в современность... Я думаю о Жаке Шираке, который в течение 20 лет работал за поддержание мира и заставил повсюду сиять универсальные ценности Франции’.

Д. А. Медведев упоминает лишь В. В. Путина, перечисляя его заслуги перед страной и выражая личную благодарность: *Я сердечно благодарю Президента Владимира Владимировича Путина за его неизменную личную поддержку, которую я постоянно ощущал. Уверен, что так будет и впредь; За последние восемь лет был создан мощный фундамент для долгосрочного развития, для просто десятилетий свободного и стабильного развития.* Второе высказывание – это речевая импликатура, в которой скрыта косвенная похвала В. В. Путина, без упоминания его имени.

3. Декларативная функция традиционно реализуется через топосы долга и работы. Для сравнения приведем соответствующие контексты из инаугурационных речей российского и французского президентов.

Д. А. Медведев: *Мы будем добиваться внедрения инновационных подходов во все сферы жизни, строить самые передовые производства, модернизировать промышленность и сельское хозяйство, создавать мощные стимулы для частных инвестиций и в целом стремиться к тому, чтобы Россия прочно утвердилась среди лидеров технологического и интеллектуального развития.*

Н. Саркози: *Je défendrai l'indépendance et l'identité de la France. Je veillerai au respect de l'autorité de l'Etat et à son impartialité. Je m'efforcerai de construire une République fondée sur des droits réels et une démocratie irréprochable. Je me battrai pour une Europe qui protège, pour l'union de la Méditerranée et pour le développement de l'Afrique. Je ferai de la défense des droits de l'homme et de la lutte contre le réchauffement climatique les priorités de l'action diplomatique de la France dans le monde* ‘Я защищу независимость и единство Франции. Я буду заботиться об уважении власти государства и о его беспристрастности. Я буду стараться строить Республику, основанную на объективной реальности и безупречной демократии. Я сражусь за Европу, за Средиземноморский союз и за развитие Африки. Я сделаю защиту прав человека и борьбу против потепления климата приоритетами дипломатических действий Франции в мире’.

Декларативная функция последовательно реализуется в РЖ обещания чего-либо / заверения в чем-либо, характеризующегося временной отнесенностью к будущему. В инаугурационной речи декларируются личные возможности и намерения что-либо сделать самостоятельно или совместно с другими. «Декларативность» таких утверждений заключается в обтекаемых, абстрактных формулировках, что не противоречит риторическим традициям данного жанра.

Однако помимо провозглашения готовности работать на благо государства оба президента считают необходимым признать существующие проблемы. Если Д. А. Медведев обозначает только проблему «правового нигилизма», то Н. Саркози строит почти всю инаугурационную речь по следующей модели (мы выявили 11 случаев ее реализации): за топосом долга, выражения готовности удовлетворить требования народа по изменению положения дел в стране идет номинация государственной ценности, пренебрежение которой и явилось причиной кризиса. Например, *Exigence d'ordre et d'autorité parce que nous avons trop cédé au désordre et à la violence...* ‘Требование порядка и уважения авторитетов, потому что мы были слиш-

ком подвержены беспорядку и насилию»; *Exigence de tolérance et d'ouverture parce que jamais l'intolérance et le sectarisme n'ont été aussi destructeurs...* 'Требование толерантности и открытости, потому что никогда еще нетерпимость и фанатизм не были столь разрушительны' и т. д.

По композиционной сложности тексты двух выступлений существенно отличаются: речь российского президента организована проще, в речи Н. Саркози реализован риторический прием повтора – используются параллельные конструкции с «Я думаю...», акцентирующие внимание на говорящем, на его личном отношении к сказанному:

Je pense à tous les Présidents de la Ve République qui m'ont précédé... Je pense au Général De Gaulle... Je pense à Georges Pompidou et à Valéry Giscard d'Estaing... 'Я думаю о всех Президентах Пятой Республики, которые мне предшествовали... Я думаю о Генерале де Голле... Я думаю о Жорже Помпиду и Валери Жискар д'Эстенг...'; *Je pense à l'exigence de rassembler les Français... exigence de respecter la parole donnée... exigence de justice...* etc. 'Я думаю о необходимости объединить французов... о необходимости соблюдать данное мною слово..., о необходимости справедливости...' и т. д.; *Le 6 mai il n'y a eu qu'une seule victoire, celle de la France...*, *Le 6 mai il n'y a eu qu'un seul vainqueur, le peuple français* '6-го мая свершилась не только моя победа, но и победа Франции..., 6-го мая был только единственный победитель – французский народ' и др.

4. Перформативная функция (демонстрация готовности выступить в качестве главы великого государства) в обращениях президентов РФ и Франции реализуются стандартно – через топос достойного лидера, причем ораторы подчеркивают свое «смирение» перед выбором народа и выражают готовность с достоинством выполнить все принятые на себя властные обязательства. По сути, это обязательная для данного политического жанра «дань уважения» – отсутствие в речи заносчивости, нарочитая скромность, иногда – намеренное принижение своего статуса.

Инаугурационная речь – это официальный ритуал, который исполняет будущий президент страны. Жанровый канон предполагает, что «адресантом» речи является не индивидуум (конкретный человек), а «функция» (глава государства). Однако, при всей ритуализированности этой процедуры, возможен «прорыв субстрата», когда вновь избранный президент говорит лично «от себя». Так, в завершении речи Д. А. Медведева прозвучали «неофициальные слова»: *Дорогие друзья! Вы понимаете, сколь глубокие чувства я сейчас испытываю. Я хорошо осознаю, какой груз ответственности ложится на мои плечи, и рассчитываю на нашу совместную работу.* Эти высказывания не соотносятся ни с одной из названных выше функций, через них реализуется стратегия самопрезентации, т. е. демонстрация личных качеств, чувств, с целью формирования положительного впечатления о себе у публики, а также с целью формирования определенного политического имиджа. В речи Н. Саркози данная стратегия не обнаружена, хотя его выступление в целом свидетельствует о больших ораторских талантах: речь президента Франции более эмоциональна и даже пафосна, что оправдано торжественностью и значимостью момента.

В целом инаугурационная речь Н. Саркози, даже без «лирического отступления», производит впечатление эмоционального и откровенного «личного высказывания». Этому эффекту служит многократно повторенное местоимение *я*, которое для инаугурационной речи нехарактерно (так, Д. А. Медведев, следуя жанровому «регламенту», говорит *мы*, что обеспечивает реализацию интегративной функции – объединения говорящего со слушателями). В речи Н. Саркози, напротив, используется только местоимение *я*. Это свидетельствует о ярком проявлении индивидуальности говорящего.

Данный жанр официального политического дискурса требует строгого соблюдения стилистического единства текста. В анализируемых текстах выступлений стилистических нарушений не обнаружено: все грамматические и лексические единицы являются литературными и стилистически нейтральными. Во-первых, потому что подготовка инаугурационной речи осуществляется грамотными специалистами, лучшими спичрайтерами. Во-вторых, эта речь произносится с опорой на письменный текст (фактически чтение с листа), что исключает любую возможность спонтанных речевых поступков говорящего.

Несмотря на традиционность инаугурационного обращения и строгий жанрово-стилистический канон с обязательным набором основных функций, существуют особенности его воплощения, обусловленные национальными или индивидуальными характеристиками человека, ставшего президентом страны.

Список литературы / References

- Ильичева В. В.** Инаугурационная речь как инструмент формирования политического имиджа в контексте русской риторической традиции: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 22 с.
Ilicheva V. V. Inauguratsionnaya rech' kak instrument formirovaniya imidzha v kontekste russkoi ritoricheskoi traditsii. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Inaugural Speech as a Tool for Forming a Political Image in the Context of the Russian Rhetorical Tradition. Cand. phil. sci. syn. diss.]. Moscow, 2015. 22 p. (in Russ.)
- Михалева О. Л.** Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 256 с.
Mikhaleva O. L. Politicheskii diskurs: specifika manipulyativnogo vozdeistviya [Political Discourse: the Specificity of Manipulative Influence]. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom» Publ., 2009. 256 p. (in Russ.)
- Паршина О. Н.** Российская политическая речь: теория и практика / Под ред. О. Б. Сиротининой. М.: URSS, 2007. 227 с.
Parshina O. N. Rossiiskaya politicheskaya rech': teoriya i praktika [Russian Political Speech: Theory and Practice]. Ed. by O. B. Sirotinina. Moscow, URSS Publ., 2007. 227 p. (in Russ.)
- Шейгал Е. И.** Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи – 3 / Отв. ред. В. Е. Гольдин. Саратов, 2002. С. 205–214.
Sheigal E. I. Inauguratsionnoe obrashchenie kak zhanr politicheskogo diskursa [Inaugural Speech as a Genre of Political Discourse]. *Zhanry rechi* – 3 [Genres of Speech. Iss. 3.]. Chief ed. V. E. Gol'din. Saratov, 2002, p. 205–212. (in Russ.)
- Шейгал Е. И.** Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
Sheigal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of Political Discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2014, 326 p. (in Russ.)
- Benoit à la Guillaume L.** Les discours d'investiture ou les paradoxes de l'éloge // Revue Française des Etudes Américaines. Civilisation américaine: problématique et questionnaires. 2000. № 83. Pp. 100–112. [The investiture speeches or paradoxes of praise].
- Declercq G.** L'art d'argumenter. Structures rhétoriques et littéraires. Paris: Editions Universitaires, 1992. 283 p. [The art of argument. Rhetorical and literary structures].

Словари / Dictionaries

- Новейший политологический справочник / Авт.-сост. Д. Е. Погорельный, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 318 с.
Noveishii politologicheskii spravochnik [The newest political science reference book] / D. E. Pogorelyi, V. Yu. Fesenko, K. V. Filippov. Rostov-on-Don: Feniks, 2010. 318 p. (in Russ.)

Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 562 с.

Polnyi slovar' lingvisticheskikh terminov [Glossary of linguistic terms] / T. V. Matveeva. Rostov-on-Don: Feniks, 2010. 562 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

25.08.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Крышталева Вера Евгеньевна, аспирант факультета прикладной лингвистики университета Париж Нантерр (авеню Республики, д. 200, Нантерр, 92001, Франция, jfjean@u-paris10.fr)

Vera E. Kryshaleva, Université Paris Nanterre (200, avenue de la République, 92001 Nanterre, France, jfjean@u-paris10.fr)

УДК 81'276.11
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-133-141

Языковое выражение содействия в речи гуманитарной интеллигенции

О. Н. Зюзина

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается языковое выражение содействий, или социальных вспомогательных действий, в речи представителей гуманитарной интеллигенции новосибирского Академгородка. Описываемые действия включают в себя вспомогательную и основную операции, при этом субъекты этих операций, как правило, стремятся к достижению одной цели, поэтому изучаемые вспомогательные действия можно определить как действия коагентивного типа. В большинстве случаев вспомогательная операция является причиной основной операции, следовательно, эти две операции не совпадают. С точки зрения соотношения социальных ролей субъектов содействия могут быть различными. В рассматриваемом материале преобладают вспомогательные действия, в которых социальная роль вспомогательного субъекта выше, чем социальная роль основного субъекта. Выделено восемь типов реализации структуры содействия, чаще всего данные социальные действия представлены неполными конструкциями, при этом эксплицированной всегда оказывается вспомогательная операция.

Ключевые слова

семантика действия, социальная семантика, социальное действие, содействие (вспомогательное действие), гуманитарная интеллигенция, разговорная речь

Для цитирования

Зюзина О. Н. Языковое выражение содействия в речи гуманитарной интеллигенции // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 133–141. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-133-141

Linguistic Expression of Assistance in the Conversational Speech of Scholars

O. N. Zyuzina

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to studying of the linguistic expression of assistances in the conversational speech of scholars of Novosibirsk Akademgorodok on the material of 6 decoded audio recordings of the colloquial speech of scholars.

Our purpose is to define the assistance as a type of social co-agentive action, to characterize social helping actions in terms of correlation of social roles between their subjects, as well as the relationship between their operations and their structure.

In the assistance, the first social subject helps the second social subject to realize some action. Thus, these actions consist of main and assisting operations, therefore they are complex co-agentive actions, or cooperative actions, whose subjects, as a rule, tend to achieve the same goal while performing different operations.

© О. Н. Зюзина, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 9: Philology

From the point of view of correlation of social roles between subjects of the assistance, in most of the analyzed examples the social role of the assisting subject is higher than the social role of the main subject.

As a result of analysis in terms of the relationship between operations of the assistance, it is determined that these operations are usually not the same, and the assisting operation is the cause of the main operation.

The structural analysis of assistances shows that in most cases, helping actions are not realized in the fullness of the structure, and that both operations are important for actions of this type.

Therefore, assistance is a complex co-agentive action consisting of main and assisting operations. Both operations are important for this action. In the studied material, such helping actions prevail when the social role of the auxiliary subject is higher than the social role of the main subject, and when the assisting operation is the cause of the main operation, therefore, these operations are not the same.

Keywords

semantics of action, social semantics, social action, assistance (helping action), scholars, conversational speech

For citation

Zyuzina O. N. Linguistic Expression of Assistance in the Conversational Speech of Scholars. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9: Philology, p. 133–141. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-133-141

Данная работа посвящена изучению содействия, или вспомогательного действия, в разговорной речи представителей гуманитарной интеллигенции новосибирского Академгородка. Объектом исследования являются лексические, синтаксические и фразеологические единицы с семантикой содействия, а предметом – их функционирование в речи представителей гуманитарной интеллигенции как фрагмента семантического пространства мемуарного нарратива. Контексты, содержащие изучаемые языковые единицы, отобраны методом сплошной выборки из расшифрованных аудиозаписей шести публичных бесед с представителями гуманитарной интеллигенции, которые были проведены в рамках проекта «Легенды и мифы Академгородка», организованного кафедрой общего и русского языкознания Гуманитарного института НГУ.

Всего в исследуемом материале зафиксирован 101 контекст, в котором реализуется 59 различных лексических, синтаксических и фразеологических единиц с семантикой содействия. Это составляет 3,4% от 3000 единиц со значением различных социальных действий, зафиксированных в проанализированном массиве данных.

Определение содействия как разновидности социального действия

Изучаемые вспомогательные действия являются одной из разновидностей социального действия. Социальное действие определяется как комплексное событие, «представляющее собой последовательность процессов, связанных между собой одновременно следующими видами отношений: причинно-следственным отношением, целерезультативным отношением и отношением коммуникативного намерения и коммуникативного эффекта» [Ким, 2011а. С. 70]. В социальном действии принимают участие два социальных субъекта, которые в простейшем случае являются двумя лицами. В соответствии с актантной, или пропозитивной, моделью социального действия, которая основывается на соотношении позиций субъектов в типизированной ситуации действия [Шмелёва, 1988; Плотникова, 2008; Кошкарёва, 2010; Ким, 2011 а, б; и др.], содействия представляют собой **коагентивные действия**. Социальные действия данного типа являются, по мнению И. Е. Кима, сложными кооперативными действиями, при которых оба социальных субъекта стремятся к достижению одной цели [Ким, 2011б. С. 75]. Вспомога-

тельные действия как одна из разновидностей социальных действий рассматриваются в работе А. М. Плотниковой [2008]: с помощью анализа лексических значений глаголов выстраиваются их когнитивно-пропозициональная структура и определённый когнитивный сценарий, состоящий из нескольких пропозиций. В настоящем исследовании мы, вслед за И. Е. Кимом, представляем иной подход, однако сохраняем общий принцип описания с использованием пропозитивной модели действия.

Общий смысл содействия формулируется следующим образом: первый социальный субъект помогает второму социальному субъекту осуществить определённое действие. Первый социальный субъект выполняет в рассматриваемой ситуации вспомогательную функцию. Таким образом, сложность содействия как разновидности социального действия обеспечивается включением двух операций – вспомогательной и основной. Соответственно, полная структура действия данного типа состоит из следующих элементов: вспомогательного субъекта (S1), предиката с семантикой содействия (Pr1), основного субъекта (S2) и предиката со значением основного действия (Pr2), т. е. любого, не обязательно социального действия. При этом результатом содействия является реализация основным субъектом при участии вспомогательного субъекта желаемых для себя целей. Социальные субъекты рассматриваемого действия стремятся к достижению одной цели, хотя фактически выполняют разные операции. Например: *И в это время как раз у меня проходила стажировку американка Бетти Ливер. <Потом она (S2) защитила (Pr2) в Москве успешно кандидатскую диссертацию по филологии>, занималась она лексикой русских диалектов, но употреблённой писателями, <я (S1) ей (S2) существенно помог (Pr1)> (И2).* В этом примере представлены две операции, формирующие ситуацию содействия: *я помог* – вспомогательная операция, *она защитила* – основная операция. Цели двух социальных субъектов совпадают: ученик стремится защитить диссертацию, научный руководитель ему помогает, и совместными усилиями они достигают поставленной цели. Глагол *помочь / помогать* является наиболее употребительным среди языковых единиц с семантикой содействия (11 контекстов, 10,9%).

Усложнением содействия, как и любого другого действия, является вспомогательная деятельность, представляющая собой комплекс циклически воспроизводимых действий описываемого типа [Ким, 2011б. С. 72]. В изучаемом материале представлено 17 подобных контекстов (16,8%), приведём некоторые из них: *Ну, мы упросили, <чтобы... ну райком всячески помогал (Pr1) «Интегралу»>... (И3); Это... наставник был (Pr1) у меня Иван Иванович Совертинский, художественный руководитель императорской филармонии (И6).* Далее вспомогательные действия и деятельность рассматриваются в комплексе.

Соотношение социальных ролей субъектов

При анализе содействия важно учитывать соотношение социальных ролей субъектов, которое в данной ситуации может быть различным и характеризоваться симметрией или асимметрией [Крысин, 1986, 1989]. Социальная роль определяется как форма общественного поведения человека, обусловленная его положением в социальной группе и в определенной ситуации общения [Крысин, 1989. С. 136]. Понятие социальной роли соотносимо с понятием социального статуса и представляет собой, по утверждению Л. П. Крысина, его динамический аспект [Там же. С. 134]. При этом социальный статус определяется как «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения» [Карасик, 1992. С. 3]. Взяв за основу классификацию Л. П. Крысина, мы выделили три типа соотношения социальных ролей субъектов содействия.

1. Социальная роль вспомогательного субъекта выше социальной роли основного субъекта ($S1 > S2$). Данное соотношение социальных ролей субъектов содействия зафиксировано в большинстве проанализированных контекстов: 59 единиц, 58,4%. Например: *И я быстро пошёл в гору: <заметил (Pr1) меня (S2) Ларин (S1), потом Филин (S1) и пошёл (Pr2, S2, неполное предложение, единственное число субъекта выражено с помощью нулевого окончания глагола) 0 (S2) в аспирантуру сразу> (И2)*. В данном высказывании в качестве предиката вспомогательной операции выступает глагол *заметить* со значением восприятия (ЛСВ-3: Отметив в уме, запомнить, обратить внимание на кого-что-нибудь [Ожегов, Шведова, 1999. С. 211]), который при употреблении в социальной сфере предполагает асимметрию социальных ролей участников описываемой им ситуации, информация о которой, как утверждает Л. П. Крысин, относится к пресуппозиции лексемы [Крысин, 1896. С. 309]. Таким образом, в данном случае речь идёт о том, что положительное социальное восприятие со стороны лица с более высоким социальным статусом поспособствовало поступлению в аспирантуру. Следовательно, глаголом *заметить* выражено вспомогательное действие субъекта, а его каузация (результат) выражается с помощью союза *и*.

Предикат вспомогательной операции содействия может быть выражен двумя способами:

1) синтетическим – одной языковой единицей с семантикой содействия: *Ну и усложнение ситуации началось с осени 64-го года с отставки могущественного покровителя (Pr1) Лаврентьева (S2) – Хрущёва (S1) (И4); ...в итоге Академия наук (S1) вынуждена была взять на себя функции защиты (Pr1) Росова (S2) (И4);*

2) аналитическим – разными языковыми единицами, при этом эксплицирована может быть только одна из них: *Я знаю, <что Шанявский (S1) не жалел (Pr1) средств, привлекал лучших ученых (S2) того времени для работы (Pr2) со студентами> (И5)*. Ситуацию, описываемую в данном примере, следует интерпретировать так: основатель университета способствовал тому, чтобы там работали лучшие учёные.

В приведенных примерах для выражения вспомогательного и основного предикатов содействия широко используются имена существительные, что свидетельствует о разнообразии использованных языковых средств.

2. Социальная роль вспомогательного субъекта ниже социальной роли основного субъекта ($S1 < S2$) – 16 контекстов, 15,8%: *...Сталину (S2) нужно было подтвердить (Pr2) репутацию теоретика марксизма, <а вот материалы, присланные (Pr1) вот академиком Чикобавой (S1), давали ему (S2) такую (Pr2) возможность> (Pr1) (И1)*. Асимметрия отношений между вспомогательным и основным субъектами содействия состоит в том, что учёный помог главе государства добиться желаемой цели. В рассматриваемом контексте предикат основного действия выражен указательным местоимением *такой* с предикативным антецедентом, действие разделено на операции субъектов и отдельно выраженное каузативное отношение: «Чикобава прислал материалы» ($S1\ Pr1$) + «что дало такую (подтвердить репутацию теоретика марксизма) возможность» (причинное отношение) + «Сталин подтвердил (+ модальность долженствования) репутацию теоретика марксизма» ($S2\ Pr2$).

Рассмотрим еще один пример: *У комсомола никогда не было денег, то есть партия (S2) руководила комсомолом (S1), <он (S1) был её (S2) подспорьем (Pr1)>, но денег комсомол не имел... (И3)*. Как известно, в советском обществе партия являлась организацией более высокого иерархического уровня, что в рассматриваемом случае подтверждается также словами о том, что она руководила комсомолом.

И я думаю, что на Никиту это даже большее впечатление произвело, <чем идея научного... научной (S2) подпитки (Pr1) освоения (Pr2) Сибири> (И4). Ситуация, описанная в приведённом контексте, интерпретируется следующим образом: учёные оказали содействие государству

(его верховным властям) в освоении Сибири. Основной субъект содействия выражен именем прилагательным, вспомогательный и основной предикаты – существительными. Кроме того, используется метафора по типу переноса «биологический объект → социальный объект»: *подпитка-1* ‘каузация питания’ и *подпитка-2* ‘помощь’.

3. Социальные роли двух субъектов содействия равны или приблизительно равны ($S1 = S2$) – 26 контекстов, 25,8%: *Я пыталась с лупой... Ну плохая черно-белая репродукция. Пыталась определить (Pr2), кто же там, кто где сидит. Ну никого я найти, атрибутировать (Pr2) не смогла. Всё равно со временем... <Может быть, с помощью (Pr1) специалистов-искусствоведов (S1) 0 (Pr2)> (И5)*. В этом примере речь идёт о том, что искусствоведы могут оказать содействие другим учёным в решении научной проблемы.

Мещанинов (S1) был последователем Марра, раннего, правда, Марра, и <он (S1) защитил (Pr1) сравнительно-историческое языкознание (Pr2)>: Мещанинова роль только положительная была (И1). С учётом экстралингвистических знаний ситуацию, описанную в данном контексте, следует интерпретировать таким образом: один учёный выступил в защиту других учёных, методика работы которых в течение длительного времени не признавалась государством.

Она (S2), в общем, собрала в узелок кой-какие вещички и, значит, со своей служанкой убежала из этого самого дворца, который ей за дрыгоножество был подарен, к Юрию (S1), к Юрию вот, которого она знала. Ну переночевала, <там он (S1) прикрыл (Pr1) 0 (S2). В общем, все это обошлось (Pr2)> (И6). Балерине оказал помощь коллега, укрыв её в своём доме, и она не пострадала от преследований во время Октябрьской революции. В этом примере использован предикат со значением не основного действия, а его результата. Следовательно, предикат основной операции содействия выражается аналитически, причём в конкретном контексте может быть эксплицирован только один из компонентов.

Таким образом, в исследуемой речи гуманитарной интеллигенции представлены различные типы отношений между субъектами содействия. Однако в большинстве рассмотренных примеров помощь оказывается субъектом, социальная роль которого выше по сравнению с субъектом, принимающим её. Это объясняется экстралингвистической особенностью анализируемой ситуации: лицам, занимающим более высокое положение в социальной иерархии, легче оказать содействие (что отмечает также А. М. Плотникова [Плотникова, 2008. С. 93]), так как спектр доступных им для этого средств и возможностей шире. Они являются инициаторами оказания помощи лицам с более низким социальным статусом.

Отношения между вспомогательной и основной операциями, составляющими ситуацию содействия

Для описания содействия важной является также характеристика отношений, устанавливаемых между его операциями.

1. Вспомогательная и основная операции совпадают полностью или частично. Только в данном случае субъекты содействия являются коагенсами и в семантико-синтаксическом плане, т. е. действуют совместно – 12 примеров, 11,8%: *Делать вечерами нечего в Сибири, вот я (S1) читал до полночи всякие книжки и выписывал. <А писать выписывать... выписывать 0 (S1, неполное предложение) стал (Pr2), размечать (Pr2) ещё в Питере. Ну и жена (S2), Наталья Тимофеевна, помогать (Pr1) стала тоже> (И2)*. Жена помогала информанту выписывать цитаты для картотеки, т. е. выполняла те же действия, что и он.

<Внесла я (S1) по силе возможностей вклад (Pr1) в исследование (Pr2) сибирской литературы.> Вот это вот две книжечки, которые написаны мною (И5). Респондент оказала со-

действие другим исследователям в развитии сибирской литературы, которое, таким образом, осуществлялось совместными усилиями многих учёных.

2. Вспомогательная и основная операции не совпадают, при этом первая из них является причиной для осуществления второй – 90 примеров, 88,2% (абсолютное большинство случаев). Данный факт объясняется экстралингвистической особенностью описываемой ситуации содействия, в которой социальная роль вспомогательного субъекта выше социальной роли основного субъекта. Это обуславливает такое положение вещей, когда благодаря осуществлению определённой операции вспомогательным субъектом становится возможной желательная для основного субъекта ситуация: ...*Сталину* (S2) *нужно было подтвердить* (Pr2) *репутацию теоретика марксизма, <а вот материалы, присланные* (Pr1) *вот академиком Чикобавой* (S1), *давали ему* (S2) *такую* (Pr2) *возможность* (Pr1)> (И1); *Подписал академик-секретарь* (S1), *который ручкался со Сталиным. <Значит, подписал* (Pr1) *0* (S1, неполное предложение) *и* (Pr1) *у нас* (S2) *этот двухтомник вышел* (Pr2)> (И6); «<*Я* (S1) *вам* (S2) *устрою* (Pr1) *вот в Америке работу* (Pr2)>, *здесь будете получать раз в пять больше денег!*» (И2).

Структурные типы описания вспомогательного действия

Структура социального вспомогательного действия реализуется в изучаемом материале в восьми вариантах, которые приводятся далее в порядке убывания количества входящих в их состав элементов и контекстов, образующих каждую из групп.

1. **S1, Pr1, S2, Pr2** (вспомогательный субъект, вспомогательный предикат, основной субъект, основной предикат) – 30 контекстов, 29,7%. Основная операция имеет большое значение, и потенциальная возможность её невыраженности относительно низка. Высокая частотность реализации полной структуры содействия говорит о стремлении информантов максимально подробно и понятно описать ситуацию, что объясняется спецификой их профессиональной деятельности, на протяжении длительного времени связанной со школьным и вузовским преподаванием: *Вот Чикобава* (S1) *ему* (S2), *по существу, дал* (Pr1) *материал к тому, чтобы* (причинное отношение) *он* (S2) *выступил* (Pr2) *вот в таком тоне* (И1); «<*Я* (S1) *вам* (S2) *устрою* (Pr1) *вот в Америке работу* (Pr2)>, *здесь будете получать раз в пять больше денег!*» (И2); *Когда я работала с журналистами, я не помню сейчас, в каком это было году, но очень интересную работу выполнили* (Pr2) *мы со студенткой* (S2) *по журналу «Огонек», <и нам* (S2) *как раз помог* (Pr1) *Тынянов* (S1) *0* (Pr2, неполное предложение)> (И5).

Среди предложений рассматриваемой группы, как и в других, зафиксированы односоставные предложения, прежде всего неопределённо-личные, которые мы отнесли к структурным типам с представленными конкретными субъектами на основании выраженности этих субъектов личными окончаниями глаголов: *Но я помню, что у нас в университете мы в лучших дворцах ленинградских устраивали* (Pr2) *какие-то вечера. Там в Мраморном зале вот в Смольном, <то есть нам* (S2) *предоставляли такую* (Pr2) *возможность* (Pr1, S1 (глагольная флексия указывает на множественное число неопределённого субъекта, очевидно более высокого социального статуса, чем S2, следовательно, имеются в виду некоторые власти))> (И3); *Я говорю: <«Так я* (S1) *стараюсь* (Pr1), *чтобы 0* (S2) *не разбежались* (Pr2, S2 (неопределённый субъект множественного числа в анализируемом контексте по социальному статусу ниже, чем S1, таким образом, речь здесь идёт о его подчинённых))>» (И6).

2. **S1, Pr1, S2** (вспомогательный субъект, вспомогательный предикат, основной субъект). Указанный вариант реализации структуры социального вспомогательного действия является самым распространённым в изучаемом материале (33 контекста, 32,7%): ...*конечно, тут сыграли роль лингвисты, которые просто сумели повлиять таким образом на него, <что он* (S1)

решил своим авторитетом **поддержать** (Pr1) **лингвистов** (S2)> (И1); Это всё сделал в своё время **Ларин** (S1), но о нём даже не упомянули, поскольку его, извините, прогнали из института за то, <что он (S1) не со всеми (S2) **соглашался** (Pr1)> (И2) (лицо, о котором говорится в данном контексте, не оказывало поддержки тем, кто получал её от руководства, а значит, выступало против него, что повлекло за собой санкции по отношению к нему: его прогнали из института); Ну мы упросили, <чтобы... ну **райком** (S1) всячески **помогал** (Pr1) **«Интегралу»** (S2)>... (И3); Пришли... Кросский, пришёл Пологин, так сказать, <Ну и все... **все** (S1) **поддержали** (Pr1) **Росова** (S2) в итоге> (И4); Он (S1) здесь стажуется, потом уезжает в Стэнфорд. <И там, понимаете, **рекламирует** (Pr1) 0 (S1, определённо-личное предложение, флексия глагола указывает на 3-е л. ед. ч. субъекта) **наш университет** (S2)> (И6).

3. S1, Pr1, Pr2 (вспомогательный субъект, вспомогательный предикат, основной предикат) – 13 контекстов, 12,9%: <**Внесла я** (S1) по силе возможностей **вклад** (Pr1) в **исследование** (Pr2) **сибирской литературы**.> Вот это вот две книжечки, которые написаны мною (И5); ...никто... никто (!) не вспомнил этих людей и, прежде всего, Петра Ивановича Масленникова, руководителя **организации** (S1) **«Новосибирскгэсстрой-2»**, <**которая** (S1) два года как рыба об лёд билась, так сказать, и строила Академгородок, **создала** все, так сказать, **условия** (Pr1) для дальнейшего **продвижения** (Pr2) этого процесса>... (И4); **Помог** (Pr1) **Тынянов** (S1) **выстроить** (Pr2) вот концепцию основную подхода прочтения, именно подхода к проблеме журнала **«Огонек»** (И5); Он (S1) был секретарём подкома, ну и так... довольно... так сказать, довольно решительно **выступал за** (Pr1) **сохранение** (Pr2) **гумфака** (И4) (он выступал за то, чтобы те, кто принимал окончательное решение о судьбе гумфака, его сохранили).

4. Pr1, S2, Pr2 (вспомогательный предикат, основной субъект, основной предикат) – 2 контекста, 2%: ...всё-таки основной был тон такой, что «да, **ребята** (S2) ошиблись, <да, их нужно поправить, так сказать, **дать им** (S2) **возможность** (Pr1) **исправиться** (Pr2)>...» и так далее, и так далее (И4); Вот так проходило это время в Ленинграде по случаю этой **дискуссии** (Pr1), но она, разумеется, помогла, во многом помогла, <но и вместе с тем, конечно, **она** (Pr1) **помогла** (Pr1) ведь только в том, что **освободились** (Pr2, S2, неопределённо-личное предложение, субъект имеет форму множественного числа) **вот от марровского учения**>... (И2).

5. S1, Pr1 (вспомогательный субъект, вспомогательный предикат) – 14 контекстов, 13,8%: Она сказала: <«**Я** (S1) **могу быть оппонентом** (Pr1), только если в Москве или в Ленинграде»> (И1); Он говорит: <«Да-да, **мы** (S1) же **разберёмся** (Pr1)! (...)»> (И2); «Товарищ академик (а я... (смеётся) какой там... (смеётся) опять тот же академик) вот прочитает лекцию о трудах товарища **Сталина** (S1) по вопросам языкознания как о величайшем **вкладе** (Pr1) в науку о языке» (И2); И я еще почему... <**я** (S1) еще, понимаете, **забочусь** (Pr1)>, поскольку я в разных, так сказать, лицах (И6).

6. Pr1, S2 (вспомогательный предикат, основной субъект) – 7 контекстов, 6,9%: А тогда были времена, <когда в **Алма-Ате** (S2) было гораздо лучшее **снабжение** (Pr1), чем здесь> (И1); <**Министр** (S2) просит социальной **защиты** (Pr1)>, однажды употребляется: «Я как бы тоже женщина» (И2); ... всё-таки основной был тон такой, что «да, **ребята** (S2) ошиблись, <да, **их** (S2) **нужно поправить** (Pr1), так сказать, **дать им возможность исправиться**...»> и так далее, и так далее (И4).

7. Pr1, Pr2 (вспомогательный предикат, основной предикат) – 1 контекст, 1%: Ну а что касается **инакомыслия**... **инакомыслия**, то, конечно... ну, точнее, **свободомыслия** (Pr2), <то всё равно **его** (Pr2) **надо отстаивать** (Pr1), так сказать, в любой ситуации, так сказать> (И4).

8. Pr1 (вспомогательный предикат) – 1 контекст, 1%: Вот так проходило это время в Ленинграде по случаю этой **дискуссии** (Pr1), <но **она** (Pr1), разумеется, **помогла** (Pr1), во многом **помогла** (Pr1)... (И2).

Приведённая классификация позволяет сделать вывод о том, что содействия в исследуемом материале реализуются в восьми структурных вариантах, причём три из них представлены минимальным количеством примеров, являются низкочастотными. В большинстве случаев социальные вспомогательные действия реализуются в неполных структурах, что объясняется особенностью разговорной речи, которая позволяет говорящему опустить некоторые известные ему и слушающему, в том числе из предшествующего повествования, социальные смыслы, в этом проявляется принцип экономии речевых усилий.

Во всех рассмотренных примерах эксплицируется собственно вспомогательная операция, что говорит о её первостепенном значении, основным и обязательным элементом структуры содействия оказывается вспомогательный предикат. Однако широко представлена также и полная структура социального вспомогательного действия. Это объясняется тем, что основная операция является семантически первичной и потенциальная возможность её невыраженности относительно невысока, респонденты стремятся описать данную ситуацию максимально точно и понятно для аудитории, что связано с их многолетней профессиональной педагогической деятельностью.

Выводы

Содействие представляет собой сложное коагентивное действие, состоящее из вспомогательной и основной операций. С точки зрения соотношения ролей субъектов в большинстве примеров социальная роль вспомогательного субъекта выше, чем социальная роль основного субъекта, преобладают содействия, в которых вспомогательная операция является причиной основной операции, следовательно, они не совпадают. Полный вариант реализации структуры рассматриваемого действия встречается довольно часто, однако в большинстве случаев социальные вспомогательные действия реализуются в неполных структурах, при этом первостепенное значение для информантов имеет вспомогательная операция, которая эксплицируется всегда.

Список литературы / References

- Карасик В. И.** Язык социального статуса: Моногр. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. пед. ин-т, 1992. 330 с.
Karasik V. I. Yazyk sotsial'nogo statusa [Language of Social Status]. Moscow, RAS Institute of Linguistics, Volgograd Pedagogical Institute Publ., 1992. 330 p. (in Russ.)
- Ким И. Е.** Следствие, цель и коммуникативное намерение в семантике социального действия: фрагмент языковой картины мира // Филология и человек. 2011. № 2. С. 59–71.
Kim I. E. Sledstvie, tsel' i kommunikativnoe namerenie v semantike sotsial'nogo deistviya: fragment yazykovoi kartiny mira [The Consequence, the Purpose and the Communicative Intent in the Semantics of a Social Action: A Fragment of a Language Picture of the World]. *Filologiya i chelovek* [Philology and People]. 2011, № 2, p. 59–71. (in Russ.)
- Ким И. Е.** Сопричастность и контроль в личной и социальной семантических сферах современного русского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2011. 433 с.
Kim I. E. Soprichastnost' i Kontrol' v Lichnoi i Sotsial'noi Semanticheskikh Sferakh Sovremennogo Russkogo Yazyka: Dis. ... d-ra filol. nauk [Participation Control in the Personal and Social Semantic Spheres of the Modern Russian Language. Dr. phi. sci. diss.]. Krasnoyarsk, 2011. 433 p. (in Russ.)
- Кошкарёва Н. Б.** Синтаксис современного русского языка. Часть первая. Простое предложение: Материалы к лекциям. Новосибирск: НГУ, 2010. 264 с.
Koshkaryova N. B. Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka. Chast' pervaya. Prostoe predlozhenie: Materialy k lekt-siyam [Syntax of Modern Russian Language. Part One. Simple Sentence: Materials for Lectures]. Novosibirsk, NSU Publ., 2010, 264 p. (in Russ.)

- Крысин Л. П.** Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц // Семантика и информатика. 1986. Вып. 28. С. 34–54.
Krysin L. P. Sotsial'nye ogranicheniya v semantike i sochetaemosti yazykovykh edinit [Social Restrictions in Semantics and Compatibility of Language Units]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics]. 1986, iss. 28, p. 34–54. (in Russ.)
- Крысин Л. П.** Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка: Моногр. М.: Наука, 1989. 187 с.
Krysin L. P. Sotsiolingvisticheskie aspekty izucheniya sovremennogo russkogo yazyka [Sociolinguistic Aspects of Modern Russian Language Learning]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 187 p. (in Russ.)
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. 80000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovy slovar' russkogo yazyka. 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii [Explanatory Dictionary of Russian Language. 80,000 Words and Phraseological Expressions]. 4th ed., sup. Moscow, Azbukovnik, RAS V. V. Vinogradov Institute of Russian Language Publ., 1999, 944 p. (in Russ.)
- Плотникова А. М.** Когнитивное моделирование семантики глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений): Дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2008. 555 с.
Plotnikova A. M. Kognitivnoe modelirovanie semantiki glagola (na material glagolov sotsial'nykh deistvii i otnoshenii): Dis. ... d-ra filol. nauk [Cognitive Modeling of Verb Semantics (On the Material of Verbs of Social Actions and Relationships). Dr. phil. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2008, 555 p. (in Russ.)
- Шмелева Т. В.** Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1988. 54 с.
Shmeleva T. V. Semanticheskii sintaksis: tekst lektzii iz kursa «Sovremennyi russkii yazyk» [Semantic Syntax: Written Lectures from «Modern Russian Language»]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Publ, 1988. 54 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

*Received
01.05.2018*

Сведения об авторе / Information about the Author

Зюзина Ольга Николаевна, аспирант кафедры общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, solechka@mail.ru)
Olga N. Zyuzina, postgraduate student of the Section of General and Russian Linguistics of Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, solechka@mail.ru)

УДК 811.161.1 + 81'367.332.2
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-142-152

Коммуникативные варианты предложений качественной характеристики в русском языке

И. И. Бакайтис

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются коммуникативные варианты предложений с семантикой качественной характеристики, в каждом из которых реализуется определенная коммуникативная интенция, влияющая на синтаксическое построение высказывания. Предложения типа *У нее синие глаза* представляют собой коммуникативный вариант предложения *Глаза – синие*, по структуре они близки предложениям существования *У нее есть книга*, но различаются типом пропозиции. Предложения характеристики отличаются от предложений существования с подобной структурой семантикой существительного, обозначающего принадлежащий посессору объект. Пропозиция качественной характеристики реализуется в следующих случаях: если описываемый объект является неотторжимой частью посессора (*Дно у Енисея каменистое*); если описывается внешнее или внутреннее качество посессора: голос, мимика, рост, вес, внешний вид, характер, поведение, привычки, принципы, ум, талант, способности и т. п. (*У нее необыкновенный талант*; *У него хриплый голос*); если объект – одежда или аксессуар, а его описание характеризует внешний вид посессора (*У него безупречный галстук*). Установлено, что порядок слов в подобных предложениях связан не с типом пропозиции, а с актуальным членением высказывания. Предложения типа *у кого какое что* являются общеинформативными, в то время как в конструкциях *у кого что какое, что у кого какое, у кого что какое, какое у кого что, какое что у кого* актуализируется признак.

Ключевые слова

синтаксис, коммуникативная парадигма, коммуникативный вариант, типовая синтаксическая структура, пропозиция, качественная характеристика, пропозиция существования

Для цитирования

Бакайтис И. И. Коммуникативные варианты предложений качественной характеристики в русском языке // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 142–152. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-142-152

Communicative Variants of Attributive Characterization Sentences in Russian Language

I. I. Bakaitis

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

In the article, we observe communicative variants of sentences with attributive characterization semantics. We review the concept of attributive characterization and describe properties and special aspects of this type of proposition. The

© И. И. Бакайтис, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 9: Philology

typical syntactic structure (TSS) of attributive characterization is N_1^{Descr} (**cop**) $Adj_{1/5}^{Qual}$, where N_1^{Descr} is a position of a subject-descriptive represented by a noun or its equivalent in nominative case; **cop** is an optional copulative verb *to be, to seem* etc.; $Adj_{1/5}^{Qual}$ is a predicate-qualitative position (description of a subject) filled by an adjective in nominative or instrumental case, or a short form. By attributive characterization, an object or an event has a certain constant quality, e.g. *He was funny. The grass is green*. Structurally, variants of attributive characterization sentences usually differ from the standard TSS. In each variant of attributive characterization sentences, a certain communicative intention is utilized, that influences the syntactic composition of a sentence. Sentences like *У нее синие глаза* (lit. 'By her, are blue eyes' = 'She has blue eyes') is a communicative variant of *Глаза – синие* ('The eyes are blue'). Such kind of sentences is structurally close to existence sentences *У них есть книга* (lit. 'By them there is a book' = 'They have a book'). We have established that attributive characterization sentences differ from existence sentences with similar structure in semantics of a noun expressing an object that belongs to a possessor. Attributive characterization is formed if a described object is an inseparable part of a possessor *Дно у Енисея каменистое* (lit. 'By Yenisey, is a rocky bottom' = 'Yenisey has a rocky bottom'), if an object's description expresses an external/internal quality/property (voice, mimics, height, weight, appearance, personality, behavior, habits, code, intelligence, talent, abilities etc.) *У нее необыкновенный талант, У него хриплый голос* (lit. 'By her, is an incredible talent' = 'She has an incredible talent', lit. 'By him, is a husky voice' = 'He has a husky voice'), and if an object is clothes or accessories, with its description depicting possessor's appearance *У него безупречный галстук* (lit. 'By him, is a perfect tie' = 'He has a perfect tie'). We established that a word order in such sentences doesn't take part in forming a proposition type, but rather a thematic-rhematic articulation of a sentence. The *у кого какое что* ('by someone, is a certain kind of something' = 'someone has something of a certain kind') structure type expresses a general information, whereas in structures *у кого что какое* ('by someone, something is of a certain kind'), *что у кого какое* ('something by someone is of a certain kind'), *у кого что какое* ('by someone, something is of a certain kind'), *какое у кого что* ('a certain kind is by someone of something'), *какое что у кого* ('a certain kind of something is by someone'), the emphasis is placed on a quality.

Keywords

Russian syntax, communicative paradigm, communicative variant, TSS, proposition, attributive characterization, proposition of existence

For citation

Bakaitis I. I. Communicative Variants of Attributive Characterization Sentences in Russian Language. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9: Philology, p. 142–152. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-142-152

Предложения качественной характеристики строятся в соответствии с типовой синтаксической структурой N_1^{Descr} (**cop**) $Adj_{1/5}^{Qual}$, где N_1^{Descr} – позиция субъекта-дескриптива (то, что описывается), выраженная существительным или его аналогом в именительном падеже; (**cop**) – факультативный глагол-связка *быть, являться, казаться* и т. п.; $Adj_{1/5}^{Qual}$ – позиция предиката-квалитатива (то, как описывается субъект), заполняемая прилагательным в именительном или творительном падеже или в краткой форме. Например: *Весна была трудная, затяжная* (В. Белов); *Игра стала даже серьезнее и интереснее* (Л. Андреев); *Злые слёзы были, жгучие* (Б. Васильев); *Конечно, самыми лютыми были крещенские морозы* (Б. Васильев); *Эти блинчики были сладки и нежны* (В. Белов). Типовые синтаксические структуры «представляют собой устойчивые синтаксические построения с прототипическими значениями, своего рода «синтаксические примитивы»» [Кошкарева, 2007]. В речи они представлены широким спектром разнообразных высказываний, различающихся порядком слов и характером актуального членения.

Цель данной статьи – установить границы коммуникативной парадигмы предложений качественной характеристики, выявить возможности варьирования в зависимости от особенностей плана содержания и коммуникативных намерений говорящего, установить критерии разграничения характеризующей или локативной семантики для предложений, имеющих сходную структуру.

Пропозиция качественной характеристики выделяет особые признаки предмета, лица или события, которые осмысливаются как его качество. В связи с этим из прилагательных, выполняющих функцию предиката в предложениях с данной пропозицией, чаще всего употребляются качественные [Шмелева, 1994. С. 20]. Однако вместе с тем важную роль играют и относительные прилагательные (*шелковый, ржаной, купальный* и др.) [Воейкова, 2005. С. 193].

Качественность отличается широким временным планом, который охватывает конкретные события, действия или состояния. Целью высказывания с семантикой качественной характеристики является описание лица, события или предмета, незнакомого слушателю; при этом осуществляется отсылка к аналогичному языковому опыту участников коммуникативного акта.

Субъектом в предложениях качественной характеристики является описываемый предмет, а предикатом – его характеристика. Квалитативный предикат обладает большей временной протяженностью, чем предикаты других типов, за исключением бытийных [Там же. С. 194].

Качественная характеристика приближена к модусу, поэтому описание в рамках данной пропозиции может быть субъективным, например: *Ее биография интересна; Его рассказ увлекателен* [Шмелева, 1994. С. 19].

Пропозиция качественной характеристики является одноактантной: она содержит объект характеристики и соответствующий ему признак. Это означает, что только одно из имен, а именно имя объекта, носит референтный (идентифицирующий) характер. Второе же имя употребляется предикатно [Арутюнова, 1976. С. 284].

В каждом из вариантов предложений качественной характеристики реализуется определенная коммуникативная интенция, которая влияет на синтаксическое построение высказывания. По структуре в большинстве случаев варианты несколько отличаются от стандартной ТСС качественной характеристики. Одним из таких примеров являются предложения с конструкцией *у кого какое что*, например, высказывание *У нее синие глаза* мы считаем коммуникативным вариантом предложения *Глаза синие*. Подобные предложения близки по своему строению к ТСС бытийно-локативного блока, а именно к предложениям с семантикой существования (ср. *У нее есть книга*).

Предложения, как и другие единицы языка, варьируют по определенным категориям, формируя синтаксические парадигмы. Понятие парадигмы предложения появилось в конце 60-х гг. XX в. и, согласно В. А. Белошапковой, понимается как система форм предложения, противопоставленных по грамматическому значению (подобно формам слова в парадигме слова) [Белошапкова, 1989. С. 660].

В рамках парадигмы предложения структурная схема допускает определенное варьирование, которое сопровождается некоторыми изменениями смысла или экспрессивно-стилистической окраски, ср.: *Ты помолчал – Помолчал бы ты* [Там же. С. 657].

Объектом синтаксической парадигмы может быть только элементарное простое предложение, причем не конкретное высказывание, а его абстрактная модель [Черемисина, 2003. С. 5, 25].

Согласно В. А. Белошапковой, существуют три типа парадигматических отношений между вариантами предложений:

1) внутрисхемные парадигматические отношения между структурными схемами и их дериватами, передающими то же объективное содержание, но с семантическими осложнениями, ср.: *Ребенок кричит – Ребенок начал кричать*;

2) межсхемные, которые существуют между предложениями, построенными по разным схемам и отличающимися дополнительными элементами смыслов, ср.: *Мы хорошо работа-*

ли – *Нам хорошо работалось*, где дериват отличается оттенком смысла ‘легкость совершения действия’;

3) синонимические отношения между разными схемами, передающими одинаковые значения, например, отношения между активными и пассивными конструкциями, ср.: *Град побил посевы – Посевы побиты градом* [Белошапкова, 1989. С. 674–675].

По мнению Т. П. Ломтева, основанием для объединения предложений в одну парадигму являются их грамматические категории, которые обладают теми же свойствами, что и грамматические категории слова, однако отличаются по составу. Грамматическая категория предложения – «свойство его семантики, которое имеет различия в своем содержании, причем эти различия выражаются разными моделями предложений». Свойства грамматических категорий предложения состоят в следующем:

1) семантика грамматической категории должна распространяться на некоторое множество предложений;

2) каждая грамматическая категория предложения должна иметь членение, и каждый член категории должен иметь свою особую семантику и ее формальное выражение. Разные члены грамматической категории представлены разными моделями предложения, так как средством выражения категорий являются различия в моделях;

3) члены одной грамматической категории в рамках парадигмы должны обладать некоторым тождеством. Оно заключается в тождестве информации, за исключением семантических различий, не влияющих на ее единство [Ломтев, 1972. С. 60–61].

Предложения, по Т. П. Ломтеву, имеют следующие грамматические категории:

- утвердительности – отрицательности;
- вида общения (повествование, вопрос, побуждение);
- времени;
- модальности;
- конвертируемости (*Тишина сменяет шум – Шум сменяется тишиной*);
- определенности, неопределенности, обобщенности, формальности предмета;
- активности – демиактивности (личные и безличные формы, например: *Ей грустно – Она грустит*) и др. [Там же. С. 62].

М. И. Черемисина выделяет три стороны синтаксической парадигмы предложения:

1) ядро грамматической парадигмы определяется системой грамматических категорий предиката, а также всеми грамматическими и лексико-грамматическими категориями глагола, которые, характеризуя действие, не меняют системы валентностей предиката (исключая залоговые трансформации). Условием варьирования форм сказуемого при инвариантности самой модели является тождество структуры пропозиции, инвариантность валентностей предиката, а тем самым и отношений между предикатом и его актантами;

2) периферийная сторона парадигмы предложения – грамматическая вариативность именных компонентов, которая определяется количеством и качеством валентностей предиката;

3) третья сторона определяется лексико-семантическими требованиями и ограничениями, которые модель предъявляет к заместителям каждой из позиций модели на лексико-синтаксическом уровне [Черемисина, 2003. С. 20–27].

В рамках семантики М. И. Черемисина выделяет несколько лексико-грамматических категорий, определяющих парадигму предложения:

1) аспект (оппозиция между действием, свободно протекающим во времени, и действием, развертывание которого «сведено в точку», например: *бить – побить, забегать – забежать* и т. д.);

2) способы действия, «акционсарты» (оппозиция между темпами действия: интенсивность, замедленность и т. д.);

3) эвиденциальность (отражает определенный способ получения говорящим информации о каком-либо событии. В русском языке такая информация передается обычно с помощью вводных конструкций или при помощи изъяснительных предложений (*как я слышал, мне показало, я убежден* и т. д.));

4) модальность;

5) темпоральность;

6) экспрессивность [Там же. С. 15, 18–19].

М. В. Всеволодова и О. Ю. Дементьева вводят понятие коммуникативной парадигмы предложения. Это «совокупность объединенных общностью отражаемой ситуации предложений, каждое из которых служит решению какой-то определенной коммуникативной задачи» [Всеволодова, Дементьева, 1997. С. 58]. Синтаксическое построение предложения напрямую зависит от коммуникативной цели говорящего. Например: *На ВАЗе рабочие выпускают автомобили «Жигули»*; *На ВАЗе выпускаются автомобили «Жигули»*; *ВАЗ выпускает «Жигули»*; *ВАЗ – это предприятие, которое выпускает «Жигули»*; *ВАЗ – это «Жигули»*; *«Жигули» выпускаются на ВАЗе*; *«Жигули» – продукция ВАЗа*; *Выпускает «Жигули»* ^{T//R} ВАЗ [Там же. С. 59].

Идею о взаимосвязи внешней формы предложения и коммуникативной интенции говорящего поддерживает А. Мустайоки: «Языковой знак ... имеет двойственный характер: он обладает и формой, и значением... Одна форма может иметь несколько исходных значений, а одно значение может быть выражено несколькими формами... Не менее ярко асимметрия формы и значения проявляется на синтаксическом уровне...» [Мустайоки, 2006. С. 20–21].

При выборе точки зрения на ситуацию и при оформлении предложения должна быть определена позиция относительно трех пунктов [Там же. С. 40]:

1) с точки зрения какого из актантов описано положение дел (выбор ориентации). Например, в предложении *Нина дала собаке кусок мяса* ситуация представлена с точки зрения Нины, а в предложении *Собака получила от Нины кусок мяса* – с точки зрения собаки;

2) какими членами предложения выражаются разные актанты (выбор диатезы). В предложении *Нина дала собаке кусок мяса* позицию подлежащего занимает *Нина*, а *собака* и *кусок мяса* – это дополнения;

3) как высказывание делится на тему и рему (выбор актуального членения предложения). Например, одно предложение может иметь несколько вариантов актуального членения: *Нина дала собаке* ^{T//R} **кусок мяса**; *Нина дала* ^{T//R} **собаке** ^{R//T} **кусок мяса**; **Нина** ^{R//T} *дала собаке кусок мяса* и др.

Парадигма предложений качественной характеристики определяется возможностями варьирования каждого из компонентов ТСС N_1^{Deser} (**cop**) $Adj_{1/5}^{Qual}$ и особенностями их взаимного расположения. Представим исходный член коммуникативной парадигмы ТСС качественной характеристики в формализованном виде **кто (есть) каков**. Порядок слов в конкретных высказываниях, а также структурное варьирование обусловлено актуализацией того или иного компонента высказывания и прежде всего связано с рематизацией предикативного признака. На базе изосемической конструкции строятся высказывания типа **кто какой человек, чье что какое**, а также граничащая с предложениями существования конструкция **у кого какое что**, являющиеся коммуникативными вариантами высказывания **кто (есть) каков** как начальной формы ТСС данного типа.

Проанализируем два варианта схем предложений типа **у кого какое что**.

1) Схема $[N_1 \text{ prep } N_2]^{Deser} (\text{cop}) Adj_{1/5}^{Qual}$:

Сердце у него [Туровицына] *золотое* (Л. Толстой. Анна Каренина) < Его сердце золотое.

В данном примере наблюдается варьирование субъектного компонента на основе расщепленной позиции субъекта-дескриптива: $N_1 \rightarrow N_1 \text{ prep } N_2 - (\text{его}) \text{ сердце} \rightarrow \text{сердце у него}$. Явление расщепленной позиции (расщепления синтаксических валентностей) заключается в том, что единая семантическая валентность позиции, заполненная неэлементарной составляющей, на синтаксическом уровне может быть представлена как две синтаксические валентности [Кибрик, 2000. С. 434]. Неэлементарная составляющая, заполняющая позицию субъекта данного предложения, относится к генитивной группе, выражающей посессивное отношение (*сердце у него* = *его сердце*) и представляющей отношение между существом и частью его тела.

В предложении используется стратегия расщепления – экстрапозиция, при которой посессор (*он*; *у него*) перестает быть зависимым в составе именной группы (ср. *его сердце* → *сердце у него*), однако ее вершина (*сердце*) остается в прежней позиции. Посессор при этом подчиняется предикату по новой синтаксической валентности, ср.: *Его сердце золотое* → *Сердце у него золотое* [Там же. С. 440]. Расщепление происходит потому, что предложение со связочным глаголом в настоящем времени и полным прилагательным в составе предиката не допускает выражения посессора в составе субъекта конструкцией N_2 [Мельчук, 1995. С. 146]. Ср.: *Сердце у него золотое*, но **Сердце его золотое* (такой вариант высказывания возможен только при резком интонационном выделении и подлежащего, и именного сказуемого). Кроме того, конструкция $у + N_2$ является более предпочтительной, чем N_2 , если высказывание сконцентрировано на посессоре (обладателе) [Там же. С. 144]. Так, в предложении *Сердце у него* [Туровицына] *золотое* описывается сердце, душа Туровицына, но, в конечном итоге, это характеристика самого Туровицына. Ср.: **Его сердце золотое*, где, наоборот, характеризуется само сердце, а не его обладатель. Таким образом, в результате коммуникативного варьирования акцент переносится с составной части субъекта на сам субъект.

Словосочетание *золотое сердце* используется для описания человека с добрым, мягким характером [Кузнецов, 2014]. Можно выразить данный смысл с помощью стандартной ТСС качественной характеристики: *Он добрый, мягкий*. Однако в данном примере сочетание *золотое сердце* использовано для создания образности. По концепции Н. А. Лукьяновой, это один из компонентов (наряду с интенсивностью, эмотивностью и эмотивной оценкой), на котором основывается экспрессивность. Под образностью понимается «онтологическое свойство лексической единицы, детерминированное ее способностью выразить в той или иной внешней форме психический образ» [Лукьянова, 2015. С. 196]. Помимо этого, в предложении представлена эмотивная оценка («мнение субъекта, его оценка определенной реалии или ситуации» [Там же. С. 192–193]), в данном случае – суждение Кити о Туровицыне; а также интенсивность («потенциальная способность актуализировать представления субъекта о высокой степени меры реального явления или признака, присущего предмету как его свойство или приписываемого ему» [Лукьянова, 1986. С. 56]); ср.: *У него добрый, мягкий характер* и *У него золотое сердце*. Образность фразеологического сочетания *золотое сердце* формируется за счет переносных значений его компонентов: *золотое* – прекрасное, замечательное; *сердце* – душа.

Приведем аналогичные примеры из Национального корпуса русского языка: ...*Оружие у Блэйда отличное, и употребляет он его чрезвычайно лихо* [коллективный. Форум: Блэйд (трилогия) Blade (2008–2010)]; *Колёса у машины широкие и небольшие в диаметре, диски их хромированные или никелированные – сверкают* [Алексей Слаповский. Гибель гитариста (1994–1995)].

2) Схема $[\text{prep } N_2]^{\text{Descr}} (\text{cop}) [\text{Adj}_1 N_1]^{\text{Qual}}$.

а) *Какие у вас антидилювиальные мысли!* [*Кто нынче говорит про страсти?*] (Л. Толстой. Анна Каренина);

б) *У вас необыкновенный талант*, [– сказала ей княгиня после того, как Варенька прекрасно спела первую пьесу] (Л. Толстой. Анна Каренина);

в) *У ней [Дарьи Александровны] была странная религия метемпсихозы...* (Л. Толстой. Анна Каренина).

Данные примеры по структуре сближаются с предложениями существования, так как компоненты *у вас*, *у ней* выступают в роли личностных локализаторов, вмещающих / имеющих описываемый объект (*антидилювиальные мысли*, *необыкновенный талант*, *странная религия метемпсихозы*). Ср. с предыдущим примером, где субъект (*сердце у него*) вмещает только признак (*золотое*), что ближе по структуре к предложениям качественной характеристики. Разновидности подобных предложений можно представить в виде цепочки – от конструкций, наиболее близких к ТСС качественной характеристики, до схем, сближающихся с ТСС существования:

что какое (*сердце доброе*) →

→ **чье что какое** (*ее сердце доброе*) →

→ **что у кого какое** (*сердце у нее доброе*) / **у кого что какое** (*у нее сердце доброе*) / **какое у кого что** (*доброе у нее сердце*) / **какое что у кого** (*доброе сердце у нее*) →

→ **у кого какое что** (*у нее доброе сердце*).

Примеры данной группы являются коммуникативными вариантами предложений (*Ваши мысли антидилювиальные*; (*Ваш*) талант необыкновенный и (*Ее*) религия метемпсихозы была странная). В данном случае имеет место варьирование субъекта-дескриптора: компонент N_1 замещается вводимым в коммуникативные варианты сочетанием **prep** N_2 с семантикой посессора ($N_1 \rightarrow \text{prep } N_2$: *ваши мысли* → *у вас мысли*; *ваш талант* → *у вас талант*; *ее религия метемпсихозы* → *у ней религия метемпсихозы*). Вследствие расщепления позиции субъекта-дескриптора акцент перемещается с внутренних свойств, качеств, убеждений на их обладателей.

В данных предложениях введение посессора является необходимым, так как речь идет о неотторжимых от субъекта признаках.

В примере (а) прилагательное составляет с существительным неделимое целое и является необходимым компонентом описания лица (*антидилювиальные мысли*). То, что это словосочетание занимает позицию предиката-квалитатива и целиком выступает в роли подлежащего, а не подлежащего и сказуемого (*мысли антидилювиальные*) в составе разных позиций, как было бы в предложении, построенном по стандартной схеме качественной характеристики, является следствием актуального членения. Ср. исходный пример *Какие у вас ^{T/R} антидилювиальные мысли!* и *Мысли [у вас] ^{T/R} антидилювиальные*. Актуальное членение в данном предложении обусловлено тем, что это первое упоминание мыслей персонажа, а их описание является новой информацией. Порядок слов объясняется наличием компонента *какие*, служащего для интенсификации признака: *Какие у вас антидилювиальные мысли* = *Мысли у вас настолько / очень / слишком / чрезмерно антидилювиальные*. Данный пример, таким образом, является парадигматическим вариантом по аспектуальной категории интенсивности.

В предложении (б) сочетание *необыкновенный талант* занимает позицию предиката-квалитатива и целиком выступает в роли подлежащего, так как входит в состав ремы, поскольку это первое упоминание таланта Вареньки: *У вас ^{T/R} необыкновенный талант*. Ср. с предложением *Талант [у вас] ^{T/R} необыкновенный*, построенным по стандартной схеме качественной характеристики.

В примере (в) коммуникативная вариативность также обусловлена актуальным членением: про религию метемпсихозы в тексте говорится в первый раз, ср. исходный пример: *У ней ^{T/R} была странная религия метемпсихозы* и пример, построенный по стандартной схеме качественной характеристики: *Религия метемпсихозы [у ней] ^{T/R} была странная*.

Во всех приведенных для сравнения примерах, построенных по ТСС качественной характеристики, сочетания *у вас, у ней* синтаксически распространяют предложения *Мысли антидилювиальные, Талант необыкновенный, Религия метемпсихозы странная* и выступают в качестве второй темы: *Мысли* $T^1//T^2$ *у вас* $T^2//R$ *антидилювиальные; Талант* $T^1//T^2$ *у вас* $T^2//R$ *необыкновенный; Религия метемпсихозы* $T^1//T^2$ *у ней* $T^2//R$ *была странная*. Такое ступенчатое актуальное членение является средством введения нового элемента в контекст [Ковтунова, 1992. С. 52–56], в данном случае – признака (*антидилювиальные, необыкновенный, странная*).

Чтобы провести границу между предложениями качественной характеристики и существования в подобных предложениях, сходных по структуре, мы проанализировали 515 примеров из Национального корпуса русского языка. Поиск проводился с учетом различных порядков слов по следующим параметрам:

- *сущ./мест. в Им.п. + у (расстояние 1 от предыдущего) + сущ./мест. в Р.п. (расст. 1) + прил. в Им.п./Тв.п (расст. 1-3) – что у кого какое*, 100 примеров;
- *у + сущ./мест. в Р.п. (расст. 1) + прил. в Им.п. (расст. 1-3) + сущ./мест. в Им.п. (расст. 1) – у кого какое что*, 15 примеров (небольшое количество примеров обусловлено тем, что данный порядок слов встречается крайне редко);
- *сущ./мест. в Им.п. + прил. в Им.п./Тв.п (расст. 1-3) + у (расст. 1) + сущ./мест. в Р.п. – что какое у кого*, 100 примеров;
- *прил. в Им.п./Тв.п + сущ./мест. в Им.п. (расст. 1-3) + у (расст. 1) + сущ./мест. в Р.п. (расст. 1) – какое что у кого*, 100 примеров;
- *у + сущ./мест. в Р.п. (расст. 1) + сущ./мест. в Им.п. (расст. 1) + прил. в Им.п./Тв.п (расст. 1-3) – у кого что какое*, 100 примеров;
- *прил. в Им.п./Тв.п + у (расст. 1-3) + сущ./мест. в Р.п. (расст. 1) + сущ./мест. в Им.п. (расст. 1) – какое у кого что*, 100 примеров.

Мы пришли к выводу, что тип пропозиции в подобных предложениях зависит не от порядка слов, а от семантики существительного, обозначающего принадлежащий посессору объект. Пропозиция качественной характеристики реализуется в следующих случаях:

1) если описываемый объект является неотторжимой частью посессора (отношение паритивности): *И глаза у Александра Христофоровича были говорящие* [Юрий Давыдов. Сиение тюльпаны (1988–1989)]; *Парень и не подозревал, что у него плоская стопа, всегда ходил и бегал нормально* [Василь Быков. Болото (2001)]; ... *Дно у Енисея каменистое* ... [Д. В. Бавильский. Чужое солнце (2012)];

2) если описание объекта выражает внешнее качество посессора: свойство (голос, мимика и т. п.), параметры (рост, вес и т. п.), внешний вид; или внутреннее: характер, поведение, привычки, принципы, ум, талант, способности, опыт, знания, статус, образ жизни, особенности мышления, менталитета; чувство стиля, вкуса, юмора и т. п.: *Да, отец иногда говорит довольно долго, ровным голосом – потому что у него спокойный характер...* [Алексей Славовский. Гибель гитариста (1994–1995)]; *Славный голос у тебя... Десять рублей ему да кафтан с позументом!* [П. И. Мельников-Печерский. Старые годы (1857)]; [Они тут условились, договорились, написали Правила, ужасно сложные.] *Выучили, у них память хорошая* [Татьяна Толстая. Ночь (1983)]; *У дочери же необычайный талант* [Александр Волков. Миры Стивена Хоукинга // «Знание – сила», 2003]; *Книги у меня многослойные. [Я злонамеренно упаковываю их в увлекательный сюжет, потому что никто не будет глотать хинин без сахарной оболочки]* [Дмитрий Глуховский, Ольга Тимофеева. 7 вопросов Дмитрию Глуховскому, писателю о метро и ядерной войне // «Русский репортер», 2015]; *Ну, уж это странный вкус у вас, сударь!* [М. Е. Салтыков-Щедрин. В среде умеренности и аккуратности (1874–1877)];

У него *отличнейшее чувство юмора* [Анна Карабаш. La perla, или мало ли что? (2002) // «Домовой», 2002.06.04];

3) если объект – одежда или аксессуар, и его описание характеризует внешний вид посессора: *Выше среднего роста. Серый костюм у него. Рубашка, рубашка... не обратил внимания* [Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Я, следовательно... (1968)]; *У него безупречная бабочка, хороший английский и глубокие знания о местных винах и нравах* [Яна Зубцова. Прекрасный маршрут (2002) // «Домовой», 2002.04.04].

Порядок слов в подобных предложениях качественной характеристики служит средством актуального членения. По схеме **у кого какое что** строятся общеинформативные высказывания: *К моей радости, у него ^{T//R}хороший музыкальный слух и голос* [Светлана Ткачева. Тамара Гвердцители: «Не умею учиться на чужих ошибках» (2003) // «100% здоровья», 2003.01.15]. Напротив, в конструкциях **что у кого какое, что какое у кого, какое что у кого, у кого что какое, какое у кого что** в фокусе находится предикат и, таким образом, акцентируется признак: *Бюджет у страны пока ^{T//R}маленький...* [Акрам Айлисли, писатель: «Я хотел сжечь свои книги...» (2002) // «Известия», 2002.08.14]; *И знаешь, уши ^{T//R}довольно большие ^{R//T}у него* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]; *Злое ^{R//T}сердце у меня...* [И. Грекова. Перелом (1987)]; *...У меня давление ^{T//R}высокое, [одно спасение – холодный душ]* [Алексей Слаповский. Жизнь Лагарпова (1999)]; *Классные ^{R//T}у тебя подтанники, Шура* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].

Подобные коммуникативные варианты предложений **кто (есть) каков** служат для рематизации предиката, для синтаксического выражения актуального членения. Аналогично, например, в предложениях качественной характеристики используется скрепа *таков, что* (ср. исходное предложение *Тайфуны несут разрушения* и его вариант *Тайфуны таковы, что несут разрушения*) [Кошкарева, 2010].

Описанным выше предложениям качественной характеристики противопоставлены предложения существования, построенные по аналогичным схемам. Ср., например: *Мы когда переехали, был у меня в Израиле замечательный педиатр...* [Наши дети: Подростки (2004)]; *У Шехтеля, кстати, было постоянное место в театре* [Ольга Кабанова. Легко и быстро, но на века. Юбилей театрального дома (2002) // «Известия», 2002.11.17]. В данных предложениях устанавливаются отношения посессивности в широком смысле слова (*у меня есть педиатр; у Шехтеля есть место в театре*), однако описание педиатра (*замечательный*) не характеризует говорящего, так же как и описание места в театре (*постоянное*) не является характеристикой Шехтеля.

Таким образом, коммуникативная парадигма представляет собой совокупность предложений, в которых выражена одна и та же ситуация, но которые имеют разное синтаксическое построение в зависимости от цели говорящего. Исходным членом парадигмы предложений качественной характеристики является конструкция **кто (есть) каков**. Вариантами данной конструкции в рамках парадигмы, помимо **кто какой человек** и **чье что какое**, является общеинформативное высказывание типа **у кого какое что** и частноинформативные типа **что у кого какое, у кого что какое, какое у кого что, какое что у кого**. Целью использования подобных высказываний является рематизация признака.

Граница между пропозицией качественной характеристики и существования в предложениях типа **у кого какое что** определяется семантикой описываемого объекта в позиции подлежащего. Для реализации качественной характеристики это должна быть номинация либо неотторжимой части посессора, внешнего или внутреннего качества / свойства, либо одежда или аксессуар. Порядок слов в подобных предложениях влияет только на актуальное членение.

Список литературы / References

- Арутюнова Н. Д.** Предложение и его смысл. М., 1976.
Arutyunova N. D. Predlozhenie i ego smysl [A Sentence and Its Meaning]. Moscow, 1976, 383 p. (in Russ.)
- Большой толковый словарь русского языка / под ред. Кузнецова С. А. СПб., 2014.
Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Big Russian Explanatory Dictionary]. Ed. by Kuznetsov S. A. Saint-Petersburg, 2014, 1536 p. (in Russ.)
- Бондарко А. В.** Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб., 1996.
Bondarko A. V. Teoriya funktsional'noi grammatiki. Kachestvennost'. Kolichestvennost' [Theory of Functional grammar. Quality. Quantity]. Saint-Petersburg, 1996, 352 p. (in Russ.)
- Воейкова М. Д.** Выражение качественной характеристики человека в русском и немецком языках // Бондарко А. В. Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. СПб, 2005.
Voikova M. D. Vyrazhenie kvalitativnoi kharakteristiki cheloveka v russkom i nemetskom yazykakh [Expression of Qualitative Characteristics of a Person in Russian and German]. Bondarko A. V. Problemy funktsional'noi grammatiki: Polevye struktury [Issues of Functional Grammar. Field Structures]. Saint-Petersburg, 2005. (in Russ.)
- Всеголодова М. В., Дементьева О. Ю.** Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений, включающих имя локума). М., 1997.
Vsevolodova M. V., Dement'eva O. Yu. Problemy sintaksicheskoi paradigmatiki: kommunikativnaya paradigma predlozhenii (na materiale dvusostavnykh glagol'nykh predlozhenii, vkluchayushchikh imya lokuma) [Issues of Syntactic Paradigmatics: Communicative Paradigm of Sentences (A Case Study of Two-Member Verbal Sentences Including Locum Name)]. Moscow, 1997, 170 p. (in Russ.)
- Кибрик А. Е.** Внешний посессор как результат расщепления валентностей // Слово в тексте и в словаре. Отв. ред. Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. . М., 2000. С. 434–446.
Kibrik A. E. Vneshnii posessor kak rezul'tat rasschepleniya valentnostei [An External Possessor as a Result of a Valency Split]. Slovo v tekste i v slovare [Word in a Text and in a Dictionary]. Ed. by Iomdin L. L., Krysin L. P. Moscow, 2000, p. 434–446. (in Russ.)
- Ковтунова И. И.** Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 2002.
Kovtunova I. I. Sovremennyyi russkii yazyk. Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya [Modern Russian Language. Word Order and Thematic-Rhematic Articulation]. Moscow, 2002, 240 p. (in Russ.)
- Кошкарёва Н. Б.** Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2007.
Koshkareva N. B. Tipovye sintaksicheskie struktury i ikh semantika v ural'skikh yazykakh Sibiri. Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. [Typical Syntactic Structures and Their Semantics in Uralic Languages of Siberia. Dr. phil. sci. syn. diss.]. Novosibirsk, 2007. (in Russ.)
- Кошкарёва Н. Б.** О принципах классификации сложного предложения как единицы языка и единицы речи // Лингвистические идеи В. А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике. Сост. Байдуж Л. М. Тюмень, 2010. С. 68–95.
Koshkareva N. B. O printsipakh klassifikatsii slozhnogo predlozheniya kak edinitsey yazyka i edinitsey rechi [On Principles of Classification of Complex Sentences as Units of Language and Speech]. Lingvisticheskie idei V. A. Beloshapkovoi i ikh voploschenie v sovremennoi rusistike [V. A. Beloshapkova's Linguistic Ideas and their Realization in Modern Russian Language Studies]. Comp. by Baiduzh L. M. Tyumen, 2010, p. 68–95. (in Russ.)
- Ломтев Т. П.** Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
Lomtev T. P. Predlozhenie i ego grammaticheskie kategorii [Sentence and Its Grammatical Categories]. Moscow, 1972, 200 p. (in Russ.)
- Лукиянова Н. А.** Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. № 9. Т. 14. Новосибирск, 2015. С. 183–200.

- Luk'yanova N. A.** Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya v semanticheskom aspekte [Expressive Colloquial Lexis in Semantic Aspect]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [NSU Bulletin. Series: History, Philology]. №9. Vol. 14. Novosibirsk, 2015, p. 183–200. (in Russ.)
- Лукьянова Н. А.** Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск, 1986.
- Luk'yanova N. A.** Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya: problemy semantiki [Expressive Colloquial Lexis in Semantic Aspect: Issues of Semantics]. Novosibirsk, 1986, 277 p. (in Russ.)
- Мельчук И. А.** Русский язык в модели «Смысл-Текст». М.; Вена, 1995.
- Mel'chuk I. A.** Russkii yazyk v modeli «Smysl-Tekst» [Russian Language in a «Meaning-Text» Model]. Moscow, Wien, 1995, 712 p. (in Russ.)
- Мустайоки А.** Теория функционального синтаксиса. М., 2006.
- Mustajoki A.** Teoriya funktsional'nogo sintaksisa [Theory of Functional Syntax]. Moscow, 2006, 509 p. (in Russ.)
- Современный русский язык. Учебник для филол. спец. ин-тов / Под ред. В. А. Белошапковой.** М., 1989.
- Sovremennyi russkii yazyk** [Modern Russian Language]. Ed. by Beloshapkova V. A. Moscow, 1989, 800 p. (in Russ.)
- Черемисина М. И.** Парадигма элементарного простого предложения как единица языка // Языки коренных народов Сибири. Вып. 11. Новосибирск, 2003. С. 3–29.
- Cheremisina M. I.** Paradigma elementarnogo prostogo predlozheniya kak edinita yazyka [Paradigm of an Elementary Simple Sentence as a Language Unit]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of Indigenous Peoples of Siberia]. Iss. 11. Novosibirsk, 2003, p. 3–29. (in Russ.)
- Шмелева Т. В.** Семантический синтаксис. Красноярск, 1994.
- Shmeleva T. V.** Semanticheskii sintaksis [Semantic Syntax]. Krasnoyarsk, 1994, 341 p. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
25.07.2018*

Сведения об авторе / Information about the Author

Бакайтис Игорь Игоревич, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, igor.bakajtis@gmail.com)
Igor I. Bakaitis, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, igor.bakajtis@gmail.com)

УДК 82-3

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-153-159

Сюжетная динамика в рассказе А. П. Чехова «Соседи»

Л. Н. Синякова

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Изучается движение и взаимодействие сюжетных линий в рассказе А. П. Чехова «Соседи». Жанровая принадлежность произведения к чеховским рассказам «открытия» формирует его основную коллизию – столкновение ценностных позиций персонажа «до» и «после» события приятия некоего экзистенциального вызова. В данном случае происходит событие понимания точки зрения Другого – в сюжете рассказа это сосед главного персонажа – Ивашина. Мироощущение героя меняется, вслед за чем потенциально меняется его личность.

Сюжет рассказа формируется из нескольких смысловых блоков: прежде всего, это изменение внутреннего мира героя, связанное со сменой оценки повествуемой истории; кроме того, его культурно-антропологическая несостоятельность, свидетельствующая о состоянии поколения (человек восьмидесятых годов). Сюжет содержит рассказ-исповедь оппонента ведущего персонажа, Власича, также принадлежащего генерации восьмидесятых годов. В авторепрезентацию Власича инкорпорирована история о бродяге и жестоком барине, дублирующая актуальную сюжетную ситуацию. Сюжетная динамика рассказа, вовлекая упомянутые события в процесс развития смысла целого, представляет собой сложное единство скоординированных ценностных позиций персонажей.

Ключевые слова

сюжетная динамика, повествование, ценностная позиция, экзистенция

Для цитирования

Синякова Л. Н. Сюжетная динамика в рассказе А. П. Чехова «Соседи» // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 153–159. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-153-159

Plot Dynamics in A. P. Chekhov's Short Story "The Neighbours"

L. N. Sinyakova

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article deals with investigation of plot dynamics in one of Chekhov's short stories of 1890-s. The center of the plot is outlook changes that the lead character goes through. In the process of narration it coordinates with another incident that happened to the hero's opponent and was partially retold by him. The main character, Ivashin, has to "defend" his family honor, because his sister has run away from mother's house. His neighbor, Vlasich, who seems to be obviously guilty, consists on his own position. His confession reveals another side of happenings – it is an unhappy man's truth. Vlasich retells a story of a tramp, which looks like extrapolation on the actual events. His biography background is lightened by such metatypical nominations, as Gogol's Khoma Brut, Don Quixote and even Dostoyevsky – becoming metatype in the

context of his life story (“Dostoyevsky-like marriage”). Therefore, Ivashin loses his moral priority. He is confused and upset. He sees that his opponents, his sister and neighbor, are right. He has no reason to move further. Understanding the fact that only his life was false, Ivashin leaves the “sinful” house. Thus, Ivashin’s great inner work lays beside of a story, as a probable variant of his nearest future. The crisis he passes through reveals an existential problem of isolation and disconnection between people, and, at least, a problem of his own empty and loveless life. Plot development connects different senses of events. Revelation that shakes the main character is, inside the poetic structure of a story, a result of plot dynamics.

Keywords

plot, story, values, existence

For citation

Sinyakova L. N. Plot Dynamics in A. P. Chekhov’s Short Story “The Neighbours”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9: Philology, p. 153–159. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-153-159

Сюжет рассказа «Соседи» (1892) представляет собой вариант чеховского сюжета о «прозрении» [Цилевич, 1976. С. 71–80]. По мнению Л. М. Цилевича, «эволюция темы прозрения находит особенно интенсивное сюжетное выражение в видоизменении финальной ситуации – ситуации порога: от безысходности <...> до перехода рубежа между старой и новой жизнью» [Там же. С. 70–71]. В. Б. Катаев назвал подобные сюжеты сюжетами «открытия» (жанр – рассказ «открытия»): «Его герой, обыкновенный человек, погруженный в будничную жизнь, однажды получает какой-то толчок – это обычно какой-нибудь пустячный случай, “житейская мелочь”. Затем происходит главное событие рассказа – открытие. В результате опровергается прежнее – это наивное, или прекраснодушное, или шаблонное <...> представление о жизни. Жизнь предстает в новом свете, открывается ее “естественный” порядок: запутанный, сложный, враждебный. Развязка также одинакова во всех случаях: герой впервые задумывается» [Катаев, 1979. С. 11]. Добавим: результатом такого прозрения, или откровения, становится попытка *изменения ценностной картины мира героя*.

В рассказе «Соседи» ценности ведущего персонажа – Ивашина изначально неопределены и диффузны. В процессе сюжетного развертывания они становятся более оформленными и приобретают иное качество: вместо постулата о моральном превосходстве над другими действующими лицами появляется идея о собственном несовершенстве. Попытка разрешения конфликта с соседом представлена как переход героя от сомнения к разочарованию – таковы эмоциональные маркеры изменения его ценностной позиции.

Коллизию произведения составляет столкновение позиций Ивашина «до» и «после» объяснения с соседом. Любой сюжет решает определенную тематическую задачу. Поскольку «тема есть некоторое единство» [Томашевский, 1996. С. 179], конструирующее произведение как целое, определим главную тему рассказа «Соседи» как тему вины. Тематическому концепту *ВИНА* придается разный смысловой объем и качество в персональных границах действующих лиц: Ивашина, его сестры Зины, сбежавшей к соседу Власичу, и самого Власича. Фабульно тематический комплекс вины (в рассказе в него входят темы проступка, судьбы, тревожности, раскаяния и прощения) воплощен в истории о несостоявшемся действии Ивашина и предыстории о бегстве Зины. Сюжет рассказа («художественно построенное распределение событий в произведении») [Там же. С. 181]) может трактоваться как движение и усложнение этой темы.

Исходной ситуацией в произведении является ситуация неспособности к «отмщению», «наказанию» виновных. Сестра Ивашина уже неделю как покинула дом, а им до сих пор ничего

не предпринято. Преисполненный желания свершить «возмездие», ведущий персонаж изначально двойствен как в этой «соседской» (по сути, бытовой) ситуации, так и в самоопределении в целом: несмотря на «честные, хорошие убеждения», он «всякий раз приходил к такому же заключению, что и глупая няня, то есть, что сестра поступила дурно, а Власич украл сестру» [Чехов, 1986. С. 54]¹. Наносной либерализм («он всегда стоял за свободную любовь!») (С. 54)) сталкивается в мироощущении героя с традиционной моралью – и уступает ей место.

Главным деструктивным фактором в миропорядке, по мысли Ивашина, является «либерализм» (в устаревшем значении слова: «свободомыслие, вольнодумство»): «Один обольстил и украл сестру, <...> другой придет и зарежет мать, третий подожжет дом или ограбит... И все это под личиной дружбы, высоких идей, страданий!» (С. 57). На конверте адресованного матери письма от сестры – «в оболочке письма и в почерке, и в недописанном слове “Превосх.” («Ее Превосх. Анне Николаевне Ивашиной». – Л. С.) было что-то вызывающее, задорное, либеральное. А женский либерализм упрям, неумолим, жесток...» (С. 54); «Он вообразил Власича и Зину, как они оба, либеральные и довольные собой, целуются где-нибудь под кленом...» (С. 57). Ивашин стремительно утрачивает веру в либеральные идеалы: «Они будут говорить, что это свободная любовь, свобода личности; но ведь свобода – в воздержании, а не в подчинении страсти. У них разврат, а не свобода!» (С. 58–59).

Чувствуя себя «жестоким, виноватым и несчастным» (С. 55), герой дезориентирован: «Честные убеждения не помогали, а здравый смысл подсказывал, что мучительный вопрос можно решить не иначе, как глупо <...>» (С. 56). Ср.: «И он упрекал себя в бездействии, хотя и не знал, в чем собственно должно было заключаться действие» (С. 54). Отметим испытываемое героем ситуативное чувство вины в качестве сюжетного повода к дальнейшим событиям. Как мы убедимся, чувство вины станет в финале конститутивным в структуре личности героя; пока же он испытывает тревогу по поводу своего неумения ответить на вызов обстоятельств. По сути, человек с позицией нефиксированной вины (и несобранной картины мира) намерен производить суд над другими «виноватыми».

Впрочем, истоки нефиксированной вины можно обнаружить в характере героя: «Ему шел только двадцать восьмой год, но уж он был толст, одевался по-стариковски во все широкое и просторное и страдал одышкой. <...> Он не влюблялся, <...> любил хорошо поесть, поспать после обеда, поговорить о политике и возвышенных материях... В свое время он кончил курс в университете, но <...> мысли, которые теперь каждый день бродили в его голове, не имели ничего общего с университетом и с теми науками, которые он проходил» (С. 55). Характеристика персонажа вполне укладывается в чеховскую модель нереализованной личности. Отсюда ощущение собственной несостоятельности.

Наконец, испытывая побуждение не только к действию, но и к подвигу, стремясь защитить порядок вещей, Ивашин отправляется к Власичу: «В душе у него происходила целая буря. Он чувствовал потребность сделать что-нибудь из ряда вон выходящее, резкое, хотя бы потом пришлось каяться всю жизнь» (С. 57). В небе между тем собирается гроза, которая сопровождает дальнейший разговор участников истории. Этот своего рода иронический параллелизм по отношению к душевному состоянию главного персонажа подсвечивает его «недеяние» как проявление сущности «обыкновенного человека». Гроза разразилась, а Ивашин так ничего и не предпринял. Герой вершит события, а негерой им подчиняется.

Приехав к соседу с «дуэльным» поводом – объяснить, отчего к тому сбежала сестра, Ивашин убеждается, что, как он и предчувствовал, «несчастные, безответные люди – самые

¹ В дальнейшем ссылки на этот том приводятся в тексте с указанием страницы.

несносные» (С. 58) и наказывать их не имеет смысла. Коллизия вины – невинности персонажей дублируется бытийной ситуацией вины человека. Вина становится определяющим фактором судьбы, что подтверждается вставными фрагментами. Две вставные истории – о женитьбе Власича из жалости на бывшей содержанке батальонного командира и о жестоком арендаторе-французе – формируют претекстовую («во вкусе Достоевского») и метатипическую («Хома Брут») коннотацию сюжетной ситуации незаконного союза. Кроме того, образ Власича эксплицируется в качестве варианта метатипа Дон Кихота. Выстраивается система сверхтипических проекций персонажа в сюжетных событиях. «Достоевский» (т. е. сюжет Достоевского о испытании идеи), «Хома Брут» и «Дон Кихот» вовлечены в логику оправдания «виновных» персонажей – Власича и Зины.

«Странный брак во вкусе Достоевского», по определению Ивашина, заставляет испытывать жалость к страдающему за чужие грехи Власичу (С. 64). При этом последний не обладает свойственной героям Достоевского способностью «заявить своеволие». Он бездарен и невыразителен. Ивашин недоумевает, как сестра Зина смогла увлечься таким человеком. Основная черта Власича – вторичность его идеологии и поведения. По наблюдению А. С. Собенникова, «герои Чехова не идеологи, они знаки известных читателю идеологем» [Собенников, 1997. С. 26]. Ивашин определяет незадачливого соседа как Дон Кихота: «Он – Дон Кихот, упрямый фанатик, маньяк» (С. 65). Однако это тот вариант метатипа, который единственно возможен в русской провинции 1880–1890-х гг.: обладающий хаотической энергией и неспособный к движению или осуществлению «высших целей»². В восприятии Ивашина Дон Кихот Власич несостоятелен: «Ни здоровья, ни красивых мужественных манер, ни светскости, ни весёлости, а так, с внешней стороны, что-то тусклое и неопределенное. Одевается он безвкусно, обстановка у него унылая, поэзии и живописи он не признает, потому что они “не отвечают на запросы дня”, то есть он плохо понимает их <...>»; «У него нет ни талантов, ни дарований и нет даже обыкновенной способности жить, как люди живут» (С. 63). Наконец, «Петр Михайлыч считал Власича хорошим, честным, но узким и односторонним человеком. В его волнениях и страданиях, да и во всей его жизни, он не видел ни ближайших, ни отдаленных высших целей, а видел только скуку и неумение жить» (С. 65).

История о французе-арендаторе, который в сороковых годах жил в том самом имении, в котором теперь обитал Власич, по отношению к основному сюжету может трактоваться как сюжетный вариант «жестокий отец / брат – провинившаяся дочь / сестра». Рассказчиком является Власич, который произвольно мифологизирует историю об Оливьере, замучившем некоего бродягу за то, что тот посмел влюбиться в его дочь. «Как-то проходил здесь по дороге один из благодушнейших сынов бродячей Руси, что-то вроде гоголевского бурсака Хома Брута. <...> Одни говорят, что бурсак (непонятно, кем на самом деле являлся бродяга, но Власич его «зачисляет» в бурсаки, опираясь на авторитетный гоголевский текст. – Л. С.) волновал крестьян, другие же – что его полюбила дочь Оливьера» (С. 67). Бродягу убили по приказанию Оливьера, а сам арендатор скрылся в Эльзасе.

Сопричастность Власича этой истории очевидна в переходе от плана «исторического прошлого» к плану биографическому: «Портрет его дочери валяется у нас теперь на чердаке»; «Мой отец хорошо помнил и Оливьера, и его дочь. <...> я думаю, что бурсак все вместе: и крестьян волновал, и дочь увлек. Может быть, даже это был вовсе не бурсак, а инкогнито какой-нибудь» (С. 67).

По-видимому, Власич невольно отождествляет себя с героическим «Брутом», а семья Ивашина выглядит в его представлении неким собирательным «Оливьером». Ивашин догадыва-

² О литературной эпохе 1880-х годов и круге А. П. Чехова см.: [Созина, 2006].

ется, что история «бурсака» выполняет функцию символического свертхтекста по отношению к актуальным событиям. Он воспринимает этот рассказ в качестве романтизированного оправдания связи сестры и соседа. Поэтому история бродяги кажется ему неуместной. «И почему вдруг заговорили об Оливьере?» – недоумевает он (С. 68).

Вставные истории о нелепой женитьбе Власича – Дон Кихота и местном «Хоме Бруте» убеждают Ивашина, что человек обречен на страдание. Упоминание о том, что в теперешней комнате Зины застрелился дед Власича, а в столовой, в которой расположились хозяева и гость, засекли насмерть «Хому Брута», подтверждает его идею о всеобщем несчастье. Власич признается, что назвал свою совместную жизнь с Зиной счастьем «подчиняясь, так сказать, литературным требованиям. В сущности же ощущения счастья еще не было» (С. 68–69). Зина постоянно терзается мыслями об оставленном доме, брате и матери; она «мучилась; глядя на нее, и я мучился», поясняет Власич (С. 69).

Вновь возникает метонимический образ круговой вины и фатальной недостижимости счастья. Фиксируется основное событие рассказа – изменение в результате эмоционального опыта мироощущения самого Ивашина: «Но Петр Михайлыч чувствовал, что произошла какая-то перемена в нем самом» (С. 68). Переход Ивашина от позиции правоты общих мест и ритуалов к позиции смиренного понимания «врага» (приехал обвинять, но понял, что нет виновных) осуществляется и в акте сопереживания положению «преступников», и посредством внутреннего разрушения идиллического образа прошлого. Герой вспоминает опустевший дом, понимая, что ход событий непреодолим: «То, к чему он больше и больше привязывался с самого раннего детства, <...> ясность, чистота, радость, все, что наполняло дом жизнью и светом, ушло безвозвратно, исчезло и смешалось с грубою, неуклюжею историей какого-то батальонного командира, развратной бабы, застрелившегося дедушки... И начинать разговор о матери или думать, что прошлое может вернуться, значило бы не понимать того, что ясно» (С. 68).

Постепенно, пройдя этапы проникновения в чужие истории (несчастливый брак Власича из гуманных побуждений, жестокая расправа над бродягой – не то бунтовщиком, не то предметом любви «барской» дочери) и исповедальные признания Зины и Власича, а также собственного потрясения от невозвратности домашнего «рая», – Ивашин обращается к осмыслению своего места в мире. Во-первых, он утешает Зину тем, что она права и «хорошо поступила» (С. 71), косвенно подтверждая неправоту «общих мест». Во-вторых, он понимает, что ничего не изменил в сложившихся обстоятельствах: «Я – старая баба. <...> Ехал затем, чтобы решить вопрос, но еще больше запутал его. Ну, да Бог с ним!» (С. 71). В-третьих, виноват также он сам, потому что человек есть существо виновное от природы: «он видел самого себя, малодушного, слабого, с виноватым лицом...» (С. 71). «Оливьер поступил бесчеловечно, но ведь так или иначе решил вопрос, а я вот ничего не решил, а только напутал. <...> Он говорил и делал то, что думал, а я говорю и делаю не то, что думаю; да и не знаю наверное, что собственно я думаю...» (С. 71).

Затем следует переоценка собственного существования: «...вспоминая свою жизнь, (Ивашин. – Л. С.) убеждался, что до сих пор говорил и делал не то, что думал, и люди платили ему тем же, и оттого вся жизнь представлялась ему теперь такую же темной, как эта вода (в пруде, мимо которого проезжал герой. – Л. С.) <...> И казалось ему, что этого нельзя поправить» (С. 71).

Как всегда у Чехова, «индивидуализация» (поэтический принцип, выраженный в известном призыве героя «Скучной истории» о необходимости «индивидуализировать каждый отдельный случай») распространенной ситуации бегства не только приводит к появлению несвойственных главному персонажу мыслей о собственном несчастье, но и имплицитно эк-

зистенциальную проблематику, прежде всего – состояния непонимания и тревоги. Создается параллельный основному сюжет. Он «держится» на пережитом опыте разобщения с самим собой и «потери» себя: «это было мучительно» (С. 54), «упрекал себя в бездействии, хотя и не знал, в чем собственно должно заключаться действие» (С. 54), «это невыносимое состояние не может продолжаться вечно» (С. 56), «Ему было страшно и за себя и за сестру» (С. 59), «И Петр Михайлыч почувствовал всю горечь и весь ужас своего положения» (С. 58), «На душе у него было тяжело» (С. 80) и т. п. Однако решающий поворот от «эмоции» к «экзистенции» выражен в состоянии потрясения, основой которого стал сдвиг в ценностном мировоззрении, – когда герой «чувствовал, что произошла какая-то перемена в нем самом» (С. 68). Обратим внимание на несовершенный вид глагола, подразумевающий процессуальность пограничной ситуации, которую переживает действующее лицо. Длительность возвращения к своей человечности экстраполируется во внесюжетное время.

Таким образом, сюжет рассказа можно назвать *реверсивным* – герой, который едет обвинять «виновных», сам испытывает в финале чувство вины. Сюжетная динамика заключается в «возврате» к исходной ситуации, но в измененном, зазеркаленном виде: ее событийное содержание заключается в изменении самоощущения героя «до» и «после» встречи с «виноватыми». Эта замкнутость сюжета на самое себя и его одновременное усложнение фиксируется героем как неспособность к действию и моральному осуждению: «...Я вот ничего не решил, а только напутал» (С. 71). Столкновение «общей» и частной точек зрения (семантически выражающее переход от инварианта к варианту сюжета), обозначение сюжетной вариантности посредством метатипических (Достоевский, Дон Кихот, Хома Брут) и сверхтипических (Оливьер) коннотаций в сюжетной динамике анализируемого рассказа усложняет сюжет, обнаруживая его основное содержание: изменение нравственной позиции героя.

Список литературы / References

- Катаев В. Б.** Проза Чехова: Проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. 376 с.
Kataev V. B. Proza Chekhova: problemy interpretatsii [Chekhov's Prose: Problems of Interpretation]. Moscow, MSU Publ., 1979, 376 p. (in Russ.)
- Собенников А. С.** «Между “есть Бог” и “нет Бога”...»: (о религиозно-философских традициях в творчестве А. П. Чехова). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 223 с.
Sobennikov A. S. «Mezhdú “Est’ Bog” i “net Boga”»: o religiozno-filosofskikh traditsiyah v tvorchestve A. P. Chekhova [God Exist vs God Doesn't Exist: On Religious and Philosophical Traditions in Chekhov's Works]. Irkutsk, Irkutsk University Publ., 1997, 223 p. (in Russ.)
- Созина Е. К.** О «сырости водосточных труб»: философско-антропологическое измерение творчества Чехова в контексте поколения восьмидесятников // Критика и семиотика. 2006. Вып. 10. С. 82–97.
Sozina E. K. O “syrosti vodostochnykh trub”: filosofsko-antropologicheskoe izmerenie tvorchestva Chekhova v kontekste pokoleniya vos’midesyatnikov [On Wetness of Drain Pipes: The Philosophical-Anthropologic Dimension of Chekhov's Works in Context of 80s Generation]. Kritika i semiotika [Critic and Semiotics]. 2006. Iss. 10, p. 82–97. (in Russ.)
- Томашевский В. Б.** Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1996. 334 с.
Tomashevskii V. B. Teoriya literatury. Poetika [Theory of Literature. Poetics]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 1996, 334 p. (in Russ.)
- Цилевич Л. М.** Сюжет чеховского рассказа. Рига: Звайгзие, 1976. 238 с.
Tsylevich L. M. Syuzhet chekhovskogo rasskaza [Plots of Chekhov's Short Stories]. Riga, Zvaigazie Publ., 1976, 238 p. (in Russ.)

Список источников

- Чехов А. П.** Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М.: Наука, 1986. Т. 8. 527 с.
Chekhov A. P. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 30 t [Complete Works and Letters: In 30 Vol.]. Sochineniya: V 18 t. [Collected Works in 30 v.]. T. 8. Moscow, Nauka Publ., 1986, 527 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

20.09.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Синякова Людмила Николаевна, Новосибирский государственный университет, профессор кафедры истории и теории литературы, доктор филологических наук, доцент (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, scholast@ngs.ru)

Lyudmila N. Sinyakova, Novosibirsk State University, Professor of Chair of History and Theory of Literature, Dr of Philology, Associate Professor (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, scholast@ngs.ru)

УДК 821.511.132:82.091

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-160-167

Сюжет христианизации в коми словесности: специфика становления литературной традиции

П. Ф. Лимеров

*Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Сыктывкар, Россия*

Аннотация

Данная статья обращена к проблеме становления литературной традиции народа коми. В центре внимания – эволюция и семантические трансформации сюжета христианизации пермян (коми), впервые разработанного в сочинении Епифания Премудрого «Житие св. Стефана Пермского» (ЖСП), его роль в формировании коми словесности. Поскольку ЖСП единственный исторический документ того времени, то именно этот сюжет христианизации со всеми структурными компонентами становится каноническим. В исследовании рассматривается специфика процесса наследования епифаниевского образца сюжета христианизации в литературных памятниках Вычегодской Перми (Пермской епархии), а также содержательная связь между книжными текстами XV–XVII вв. и фольклорными памятниками. Формой интерпретации епифаниевской версии сюжета христианизации связанных с ним образов Стефана Пермского и Пама является художественная рецепция этого сюжета в писательском творчестве И. А. Куратова и К. Ф. Жакова, которая является отражением религиозно-философских и эстетических взглядов писателей. На этом этапе формирования коми литературы обращение в ключевых для автора произведениях к сюжету христианизации становится почвой для обретения им национальной идентичности, а для коми словесности – специфических национальных черт.

Ключевые слова

христианизация, сюжет, диалог, литературная традиция, Стефан Пермский, история, фольклорные легенды, идентичность, коми литература

Для цитирования

Лимеров П. Ф. Сюжет христианизации в коми словесности: специфика становления литературной традиции // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 160–167. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-160-167

History of Christianization of Komi Literature: Specificity of Literary Tradition Formation

P. F. Limerov

*Language, Literature and History Institute, Komi Science Center UB RAS
Syktyvkar, Russian Federation*

Abstract

The following article is devoted to the problem of formation of the literary tradition of the Komi people. The focus of the study is the evolution and semantic transformation of the story of the Christianization of Permian (Komi), first

© П. Ф. Лимеров, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 9: Philology

developed in the works of Epiphanius Premudry, *The Life of St. Stephen of Perm* (LSP), its role in the formation of the Komi literature. Since LSP is the only historical document of that time, it is this story of Christianization with all structural components that is perceived as canonical. The study examines the specifics of the process of inheritance of the epiphanian sample of the plot of Christianization in the literary monuments of Vychegda Perm (Perm diocese), as well as the meaningful relationship between the book texts of the 15th–17th centuries and folklore monuments. The form of interpretation of the epiphanian version of the plot of Christianization of the associated images of Stephen of Perm and Pam is the artistic reception of this plot in the writer's work of I. A. Kuratov and K. F. Zhakov. This reception is a reflection of the religious and philosophical, aesthetic views of writers. At this stage of formation of the Komi literature, the reference to the plot of Christianization in the key works for the author becomes the ground for the acquisition of national identity, and for the Komi literature, its specific national features.

Keywords

christianization, plot, dialogue, literary tradition, Stephen of Perm, Pam, history, folklore legends, identity

For citation

Limerov P. F. History of Christianization of Komi Literature: Specificity of Literary Tradition Formation. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9: Philology, p. 160–167. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-160-167

Специфика изучения процессов формирования национальных литературных традиций сегодня является одним из приоритетных направлений науки о литературе. Преемственность, взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур мыслятся как важнейшая проблема литературоведения, определяющая литературу России во всей её полноте. Как отмечают авторы «Предисловия» коллективной монографии: «Исследование феномена российской литературы как уникального явления, синтезировавшего в себе философский и нравственный опыт, художественное слово многих народов, – глобальная задача современного литературоведения, решение которой возможно на пути системного изучения промежуточных межлитературных общностей, их внутренних свойств и взаимных отношений» [Ванюшев, Лимерова, Снигирёва, Созина, 2014. С. 5].

Системное изучение литературной традиции неизбежно предполагает постановку вопроса о её начале, о когнитивных процессах, которые привели к возникновению литературы. Традиционно считается, что так называемые молодые или «младописьменные» литературы берут своё начало в фольклоре [Владыкина, 2014. С. 13], при этом не учитывается, что фольклор сам по себе может порождать только фольклорные тексты, а литературное освоение фольклора уже свидетельствует о наличии художественного сознания. В этом смысле актуально изучение самого процесса перехода от фольклорно-мифологического типа сознания к сознанию художественному, как к «духовной или ментальной доминанте собственно художественности» [Созина, 2001. С. 9]. Толчком для такого перехода справедливо полагается освоение национальной словесностью опыта русской литературы, благодаря которому начиная с середины XIX в., и, наиболее интенсивно, – с первой четверти XX в. формируются каноны национальных (и региональных) литературных традиций России.

Опыт формирования литературной традиции на коми почве в этом смысле достаточно репрезентативен. Начало было положено в XIV в. миссионерской деятельностью Стефана Пермского – создателя коми письменности. Становление литературы оказалось длительным во времени – в связи с перестройкой всей системы этнической культуры в поэтапном вхождении народа коми в христианский мир. Переход от язычества к христианству вызвал когнитивные процессы, ставшие основой новых интеллектуальных возможностей для коми и позволяющие

включиться в диалог с культурой Руси, пусть даже в состоянии пассивной, принимающей стороны – «получателя текстов» [Лютман, 1996. С. 194].

Первый этап диалога связан с переводами богослужебной литературы на пермский (коми) язык самим Стефаном Пермским. Второй этап ознаменован сочинением Епифания Премудрого «Преподобного в священноиноках отца нашего Епифания Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом» (Далее – Житие Стефана Пермского, или ЖСП) [Епифаний, 1996 С. 50–266]. Это сочинение оказало наиболее существенное влияние на ход диалога двух культур в силу того, что помимо своих прямых богослужебных задач оно оказалось, по сути, единственным историческим источником, синхронным событиям христианизации Вычегодской Перми. Епифаний рассказывает историю св. Стефана, епископа Пермского, его деятельности по крещению пермян. Сюжет этой истории строится согласно агиографической концепции прославления святого, концепции его религиозного подвига и, в итоге, является «документом, созданным и распространяемым вследствие и для распространения соответствующего культа» [Лурье, 2005. С. 35]. Вместе с тем Епифаний собирает сюжет своей истории, опираясь на свои воспоминания, воспоминания очевидцев событий, рассказы самого Стефана, поэтому его история претендует на документальную достоверность. Как писатель-агиограф, он разрабатывает житийную концепцию своего произведения и составляет сюжет, учитывающий временную последовательность реально происходивших событий и их агиографическое осмысление. Сюжет жития имеет завязку, кульминацию и развязку, другое дело, что это и сюжет истории, опирающейся на реальные факты, – «исторической истории» [Уайт, 2002. С. 22–29].

Для культуры-реципиента, ориентированной на циклическое восприятие времени, епифаниевский сюжет христианизации становится образцом линейной повествовательной структуры, в соответствии с которой строятся все последующие литературные и фольклорные нарративы об этих событиях. Сюжет глубоко укореняется в памяти культуры, это тот самый случай, когда «повествование позволяет структурировать память» [Рикер, 2004. С. 8]. По мере усвоения епифаниевского сюжета культурой коми происходит переход от фольклорно-мифологического типа сознания к собственно художественному. Эмпирически это выражается в становлении литературной традиции Пермской епархии (Вычегодской Перми) преемниками Стефана Пермского, в процессе которого принимали участие и книжники из пермян (коми).

Литературные произведения Пермской епархии наследуют сюжет христианизации, на его основе создавая новые интерпретации магистральной линии, включая новые эпизоды, новые смысловые акценты. Наиболее репрезентативной из них является «Повесть о св. Стефане Пермском», некоторые эпизоды которой встречаются и в современном фольклоре. По мнению специалистов, источниками сюжетных мотивов Повести стали устные тексты, составлявшие местное церковное предание [Власов, 1996. С. 23–24], складывавшееся по мере становления основных параметров культа святого в течение XV–XVII вв. Сюжет Повести состоит из двух частей: первая является кратким изложением ЖСП Епифания о ранних годах биографии святителя, о его ученичестве и решении идти в Пермскую страну. Вторая часть является самостоятельным повествованием о двух подвигах святого: после нападения на келью Стефана язычники слепнут и прозревают в последующем крещении; Стефан рубит священную берёзу язычников. Цельным повествованием с ясно выраженной историко-художественной концепцией является «Вычегодско-Вымская летопись», составленная с 1580-х по 1619 г. усть-вымскими священниками Мисаилом и Евтихием.

По мере продвижения аккультурационных процессов вглубь языческой территории и интеграции вокруг епархии поселений коми-христиан сюжет христианизации усваивается коми-поселянами и включается в фонд народной агиографии в виде легенд, объясняющих проис-

хождение коми христианства и особенности народного культа Стефана Пермского. Сам сюжет испытывает значительные трансформации, однако сохраняет линейную повествовательную структуру. Этим завершается «этап пассивного насыщения» [Лотман, 1996. С. 195] коми культуры-реципиента и завершается пауза в диалоге культур. В качестве активной стороны коми культура включается в диалог уже на третьем этапе: её ответом русской культуре становятся аутентичные фольклорные тексты о крещении чуди, и только в первой половине XIX в. – самостоятельные литературные нарративы, интерпретирующие сюжет сочинения Епифания Премудрого.

Народные легенды о событиях крещения – это совершенно иная версия христианизации, с совершенно иным образом Стефана Пермского, объясняющая его культ с народной точки зрения. На сегодняшний день бытование комплексов легенд о христианизации и о Стефане Пермском фиксируется в большинстве локальных фольклорных традиций коми. Функция этих легенд объяснительная, в своей совокупности они рассказывают о том, как произошёл коми христианский народ и куда исчезла языческая чужд. Базовым мотивом, вокруг которого формируется комплекс легенд, является мотив путешествия-плавания Стефана на камне, в ходе которого он крестит чужд.

При рассмотрении генезиса легенд о Степане немаловажной оказывается проблема взаимовлияния литературных и устных текстов. Такие сюжетные мотивы устных легенд, как наказание язычников слепотой, возведение горы ослеплёнными язычниками, рубка священной березы Степаном-крестителем, имеют явные параллели с основными эпизодами «Повести о Стефане Пермском» и в «Вычегодско-вымской летописи». Эти мотивы фиксируются в фольклоре в виде отдельных легенд и в качестве сюжетных мотивов в составе сложных фольклорных текстов. Имеют распространение сложные истории о крещении, объединяющие 10–15 легенд в качестве эпизодов деятельности Степана-крестителя. К примеру, легенда, записанная в 1981 г. от А. М. Пасынковой, сказительницы из д. Ыбы Усть-Вымского района, состоит из 11 эпизодов [Му пуксьём, 2005. С. 170–175]. Это говорит о глубоком проникновении епифаниевского сюжета в ткань фольклорной традиции. И все же устные легенды о христианизации не стали началом становления самобытной коми литературы, их значение в том, что на уровне этих легенд происходило осмысление и усвоение определенных фольклорно-литературных стереотипов, образов, ставших предтечами будущего литературного процесса.

В начале XIX в. тема христианизации коми Стефаном Пермским попадает в сферу внимания русской духовно-интеллектуальной среды и почти сразу осознается как одно из наиболее масштабных явлений истории и культуры России [Лимеров, Соболева, 2012. С. 37–59]. В течение XIX в. этой теме было посвящено достаточно много работ научного и агиографического характера, однако впервые объектом литературно-художественной рецепции эта тема становится в творчестве И. А. Куратова (1839–1875). В период учебы в Вологодской семинарии Куратов пишет поэму о Стефане Пермском. Согласно первоначальному замыслу главным героем поэмы должен был стать Стефан Пермский, но в процессе работы над поэмой Куратов выдвигает на передний план образ главного противника крещения – языческого жреца Памы (в ЖСП – Пам сотник), остающегося верным отчей религии. Пама посвящен в тайны вселенского миропорядка, он знает, что время древних коми богов ушло, и что по воле высшего бога наступает новая эпоха, но признать и принять ее – значит отрешиться от бесконечно дорогого ему мира, освященного памятью предков, а этого он не может сделать. Пама вступает в конфликт не только с христианством, которое несет Стефан, но и с волей своих, языческих богов, а также и с волей своего народа, принимающего новую веру [Лимеров, 2011. С. 105–109]. Значение поэмы И. А. Куратова в том, что в этом произведении был впервые поставлен вопрос о национальном характере, национальном герое. Иная, неепифаниевская точка зрения на кре-

шение, предполагала главным героем поэмы не Стефана Пермского, а его противника, Пама-сотника, и была на то время абсолютно новаторской. В сущности, интерпретация событий крещения с точки зрения Пама переводила сюжет поэмы на иной концептуальный уровень, и это был уровень национальной литературы со своей особой аксиологией и философией.

Для героев К. Ф. Жакова (1866–1926) христианизация – это некая предопределенность исторической судьбы, или же свершившийся исторический факт, и тогда его произведения строятся как продолжение событий, рассказанных Епифанием. Поэтому, в отличие от Куратова, К. Ф. Жаков обращается к образу Пама вполне сознательно. Пам для него – это герой пограничный, за ним ещё угадывается языческое прошлое зырян – время мифа (этому времени посвящена поэма «Биармия»), а после него с роковой неизбежностью грядёт уже совсем другая эпоха – эпоха христианского Бога, в которой нет места милым сердцу самого Жакова патриархальным древностям. В 1905 г. в Петербурге выходит его книга «На Север, в поисках за Памом Бурмортом» [Жаков, 1905. С. 165]. По сюжету книги главный герой, этнолог, в образе которого угадывается сам Жаков, путешествуя по Коми краю, собирает фольклорные сведения и узнаёт историю Пама Бурморты, сына легендарного противника Стефана Пермского Пама-сотника. В известном смысле, эта история является продолжением епифаниевского сюжета и повествует о событиях, происходивших уже после крещения коми народа. Пам Бурморт, изверившись в древней языческой религии отца, совершает путешествие по свету в поисках истины. Обойдя многие страны, он находит приемлемое учение в Индии. Это учение объясняет истинную сущность всего, что происходит в мире, и, вернувшись, он сам уже учит своих соплеменников. Религия Пама Бурморты – не язычество его отца и не индийский брахманизм: она включает и то, и другое, и даже элементы христианства. Впоследствии Жаков назовёт эту религию лимитизмом – учением, объединяющим религию, науку и философию.

Таким образом, начало литературного процесса в коми среде совпадает с социокультурными трансформациями, вызванными обретением христианства. Смысловые ориентиры становящейся этнической культуры сосредоточены на христианизации, как на главном историческом событии, и становление словесности интегрируется вокруг сюжета христианизации, впервые разработанном в сочинении Епифания Премудрого. Поскольку ЖСП единственный исторический документ того времени, то именно этот сюжет христианизации со всеми структурными компонентами становится каноническим.

Епифаниевская традиция трактовки событий христианизации Перми продолжается в литературных произведениях Пермской епархии, отсюда она переходит в устную традицию. В течение XIX – начале XX в. сюжет христианизации используется в различных теологических и культурно-исторических реконструкциях, а также привлекает внимание первых литераторов. На этом этапе формирования коми литературы обращение в ключевых для автора произведениях к сюжету христианизации становится почвой для обретения им национальной идентичности, а для коми словесности – специфических национальных черт.

Список литературы / References

- Ванюшев В. М., Лимерова В. А., Снигирёва Т. А., Созина Е. К.** Предисловие // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: колл. моногр. / науч. ред. Т. А. Снигирёва, Е. К. Созина. Екатеринбург; Ижевск; Сыктывкар: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. С. 5–13.
- Vanyushev V. M., Limerova V. A., Snigireva T. A., Sozina E. K.** Predislovie [Preface]. Permskie literatury v kontekste finno-ugorskoj kul'tury i russkoi slovesnosti: kollektivnaya monografiya [Perm Literature in the Context of Finno-Ugric Culture and Russian Literature: Collective Monograph]. Ed. by T. A. Snigireva, E. K. Sozina. Ekaterinburg – Izhevsk – Syktyvkar, UMC UPI Publ., 2014, p. 5–13. (in Russ.)

- Владыкина Т. Г.** Удмуртский фольклор и литература: грани взаимопроникновения // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: колл. моногр. / науч. ред. Т. А. Снигирёва, Е. К. Созина. Екатеринбург; Ижевск; Сыктывкар: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. С. 13–28.
Vladykina T. G. Udmurtskii folklor i literatura: grani vzaimoproniknoveniya [Udmurt Folklore and Literature: Facets of Interpenetration]. *Permskie literatury v kontekste finno-ugorskoj kul'tury i russkoi slovesnosti: kollektivnaya monografiya* [Perm Literature in the Context of Finno-Ugric Culture and Russian Literature: Collective Monograph]. Ed. by T. A. Snigireva, E. K. Sozina. Ekaterinburg – Izhevsk – Syktyvkar, UMC UPI Publ., 2014, p. 13–28. (in Russ.)
- Власов А. Н.** Миссия Русской православной Церкви в Пермском крае // История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы / Отв. ред. А. Н. Власов. Сыктывкар: Изд-во Сыктывк. гос. ун-та. 1996. С. 4–59.
Vlasov A. N. Missiya Russkoy pravoslavnoy Tserkvi v Permskom kraye [Mission of the Russian Orthodox Church in the Perm Region]. *Istoriya Permskoy eparkhii v pamyatnikakh pismennosti i ustnoy prozy* [History of the Perm Diocese in Written Monuments and Spoken Prose]. Ed. by A. N. Vlasov. Syktyvkar, Syktyvkar State University Publ., 1996, p. 4–59. (in Russ.)
- Жаков К. Ф.** О методах изучения северного народного эпоса // Научное обозрение. 1911. 9 нояб. № 41. С. 1226.
Zhakov K. F. Na Sever, v poiskakh za Pamom Bur-Mortom [To the North, in Search of Pam Bur-Mort]. Saint Petersburg, 1905, 165 p. (in Russ.)
- Лурье В. М.** Введение в критическую агиографию. СПб.: Аxiома, 2009. 238 с.
Lurye V. M. Vvedenie v kriticheskuyu agiografiyu [Introduction to Critical Hagiography]. Saint Petersburg, Axioma Publ., 2009. 238 p. (in Russ.)
- Лимеров П. Ф.** Неоконченная поэма-пьеса И. А. Куратова «Пама»: на пути к национальному герою // Литература Урала: история и современность: сб. статей. Вып. 6: Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 105–109.
Limerov P. F. Neokonchennaya poema-p'esa I. A. Kuratova «Pama»: na puti k natsionalnomu geroyu. [I. A. Kuratov's Unfinished Dramatic Poem «Pama»: Towards a National Hero]. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost': sb. statei. Vyp. 6: Istoriko-kulturnyi landschaft Urala: literatura, etnos, vlast* [Ural Literature: History and Modernity: An Anthology of Articles. Vol. 6: Historical and Cultural Landscape of Ural: Literature, Ethnicity, Power]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2011, p. 105–109. (in Russ.)
- Лимеров П. Ф.** Путешествие Степана-чудотворца: К вопросу о топонимическом мотиве в легендах о христианизации коми // Вестник Пермского государственного университета. 2012. №1. С. 76–84.
Limerov P. F. Puteshestviye Stepana-chudotvortsya: k voprosu o toponimicheskom motive v legendakh o khristianizatsii komi [The Journey of Stephan the Miracle Worker: on the Issue of Toponymic Motif in the Legends of the Christianization of the Komi Republic]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta* [Perm State University Bulletin]. 2012, № 1, p. 76–84. (in Russ.)
- Лимеров П. Ф., Соболева Л. С.** Миссионерство и подвижнический труд Стефана Пермского в устной и письменной традиции // История литературы Урала. Конец XIV – XVIII в. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 37–59.
Limerov P. F., Soboleva L. S. Missionerstvo i podvizhnicheskii trud Stefana Permskogo v ustnoy i pismennoi traditsii [Mission and Selfless Efforts of St. Stephen of Perm in Oral and Written Traditions]. *Istoriya literatury Urala. Konets XIV – XVIII v.* [History of Ural Literature. Late 14th–18th centuries]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2012., p. 37–59. (in Russ.)
- Лимеров П. Ф.** Религиозно-философские взгляды К. Ф. Жакова в книге «На Север, в поисках за Памом Бур-Мортом» // Литература Урала: история и современность. Выпуск 7. Литература и история – грани единого (ко проблеме междисциплинарных взаимосвязей). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. Т. 2. С. 251–261.
Limerov P. F. Religiozno-filosofskiye vzglyady K. F. Zhakova v knige «Na Sever, n poiskakh za Pamom Bur-Mortom» [Religious-Philosophical Views of F. K. Zhakov in the Book “To the North, in Search of Pam Bur-Mort”]. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost. Vyp. 7. Literatura i istoriya – grani edinogo (k probleme mezhdistsiplinarnykh vzai-mosvyazey)* [Ural Literature: History and Modernity. Vol. 7. Literature and History as Aspects of the Single Concept

- (*On the Problem of Interdisciplinary Relationships*]. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2013., vol. 2, p. 251–261. (in Russ.)
- Лотман Ю. М.** Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Яз. русс. культуры, 1996. 464 с.
Lotman Yu. M. Vnutri myslyashikh mirov. Chelovek-tekst-semiosfera-istoriya [Inside Thinking Worlds. Man-Text-Semiosphere-History]. Moscow, Yazyki russkoi kultury Publ., 1996, 464 p. (in Russ.)
- Му пуксьём – Сотворение мира. Мифология народа коми / Сост., предисл., коммент. П. Ф. Лимерова. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 624 с.**
Mu püksöm – Sotvorenie mira. Mifologiya naroda komi [Creation of the World. Mythology of the Komi People]. Sost. predislaviye, kommentarii P. F. Limerova [Preface, Commentary by P. F. Limerov]. Syktyvkar, Komi knizhnoye izdatelstvo Publ., 624 p. (in Russ.)
- Морозов Б. Н.** Неизданная поэма XIX века о великом книжнике XIV века Стефане Пермском // Арт. 2016. № 3. С. 107–120.
Morozov B. N. Neizdannaya poema XIX veka o velikom knizhnike XIV veka Stefane Permskom [Unpublished XIX Century Poem about Stephen of Perm, the Great Scholar of the XIV Century]. Art. 2016, № 3, p. 107–120. (in Russ.)
- Орлицкий Ю. Б.** Стихи и проза К. Ф. Жакова в контексте художественных поисков русской культуры // К. Ф. Жаков. Проблемы творчества (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; Вып. 55). Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 1995. С. 28–35.
Orlitskiy Yu. B. Stikhi i proza K. F. Zhakova v kontekste khudozhestvennykh poiskov russkoy kultury [Poetry and Prose of K. F. Zhakov in the Context of Artistic Search of Russian Culture]. K. F. Zhakov. Problemy tvorchestva (Trudy Instituta yazyka. literatury i istorii Komi NTs UrO RAN; Vyp. 55) [K. F. Zhakov. Aspects of Creative Works (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; Vol. 55)]. Syktyvkar, Komi Scientific Center UrO RAN Publ., 1995, p. 28–35. (in Russ.)
- Попов В.** Повесть о Стефане Пермском в стихах, писанная для зырян по сохранившимся у них преданиям / Публ. Б. Н. Морозова // Арт. 2016. № 3. С. 80–107.
Popov V. Povest o Stefane Permskom v stikhakh. pisannaya dlya zyryan po sokhranivshimsya u nikh predaniyam [The Story of Stephen of Perm in Verse, Written for Zyryans According to Their Legends]. Publ. of B. N. Morozov, Art. 2016, № 3, p. 80–107. (in Russ.)
- Рикёр П.** Память, история, забвение / Пер. с франц. М.: Изд-во гум. лит., 2004. (Французская философия XX века). 728 с.
Ricoeur P. Pamyat, istoriya, zabveniyе [Memory, History, Oblivion]. Trans. from French. Moscow, Izd-vo humanitar-noi literatury Publ., 2004, 728 p. (in Russ.)
- Созина Е. К.** Динамика художественного сознания в русской прозе 1830–1850 гг. и стратегия письма классического реализма: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001. 26 с.
Sozina E. K. Dinamika khudozhestvennogo soznaniya v russkoy proze 1830-1850 gg. i strategiya pisma klassicheskogo realizma: avtoreferat dis. d-ra filol. nauk [Dynamics of Artistic Consciousness in Russian Prose of 1830-1850 and Strategy of Classical Realist Writing. Doct. phil. sci. syn. diss.]. Ekaterinburg, 2001, 26 p. (in Russ.)
- Уайт Х.** Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века // Пер. с англ. / Под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитонов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
White H. Metaistoriya: Istoricheskoye voobrazheniye v Evrope XIX veka [Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe]. Trans. from English. Ed. by E. G. Trubina and V. V. Kharitonov. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2002, 528 p. (in Russ.)

Список источников

- Епифаний Премудрый.** Преподобного в священноиноках отца нашего Епифания Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом // Святитель Стефан Пермский / Ред. Г. М. Прохоров. СПб.: Глаголь, 1995. С. 50–266.
Epifaniy Premudryy. Prepodobnogo v svyashchennoinokakh ottsa nashego Epifaniya Slovo o zhitii i uchenii svyatogo ottsa nashego Stefana. byvshego v Permi episkopom [The Word of Wise Reverend Father Epiphanius on the Life and

Teachings of Stephen, the Bishop of Perm]. Svyatitel' Stefan Permskii [Holy Stephen of Perm]. Ed. by G. M. Prokhorov. Saint Petersburg, 1995, p. 50–266. (in Russ.)

Жаков К. Ф. На север, в поисках за Памом Бурмортom. СПб., 1905. 165 с.

Zhakov K. F. Na Sever, v poiskakh za Pamom Bur-Mortom [To the North, in Search of Pam Bur-Mort]. Saint Petersburg, 1905, 165 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

14.08.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Лимеров Павел Фёдорович, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник (ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982, ГСП-2, Россия, plimeroff@mail.ru)

Pavel F. Limerov, Language, Literature and History Institute, Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Science, PhD in Philology, leading researcher of Literary Studies Department (26 Communistic Str., Syktyvkar, 167982, GSP-2, Russian Federation, plimeroff@mail.ru)

УДК 82.09
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-168-186

«Дорога к храму...»: как ее видит автор и персонажи (на материале прозы В. Г. Распутина)

Н. В. Ковтун

*Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
Красноярск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются важнейшие для творчества В. Распутина проблемы веры, праведничества, отечества. Показано, что важнейшим ориентиром для писателя становится старообрядческий извод. Проза художника дана через призму оригинальной трактовки символов православия, прежде всего, *образа храма*. Если в раннем творчестве Русь понимается как единая Церковь, то в позднем идея храма сопрягается с Россией будущего, что отступила, «как партизаны в леса, в свое тысячелетие». Аналогами образа церкви в текстах выступают *остров, древо, ладья, свет, дом/домовина, могила*, окрест которых и наращивается новое бытие, объединяются единодушные, верные православию не по обряду, а по духу и мужеству несмирения, путь которых резонирует с законами живой вселенной (природа как храм)

Ключевые слова

Распутин, проза, православие, старообрядчество, храм, дом

Для цитирования

Ковтун Н. В. «Дорога к храму...»: как ее видит автор и персонажи (на материале прозы В. Г. Распутина) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 168–186. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-168-186

“The Way to the Temple...”: How the Author and Characters See It (On the Material of V. Rasputin's Prose)

N. V. Kovtun

*Krasnoyarsk State Pedagogical University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Abstract

The article deals with the most important problems of V. Rasputin's prose, namely the problems of faith, righteousness, and motherland. It is shown that the Old Believer exile serves as the most important reference point for the writer. The prose of the artist is given through the prism of the original interpretation of the symbols of Orthodox Christianity, first of all, the image of the temple. In early art, Russia was understood and viewed as a single Church; in later works, the idea of the temple is associated with Russia of the future, that it retreated, "as partisans into the forests, into its millennium". In Rasputin's works, images of an island, a tree, a boat, a light, a house/casket, a grave serve as the temple's counterparts, around which a new existence is gradually being built up, unified, faithful to Orthodox Christianity not according to the

© Н. В. Ковтун, 2018

ISSN 1818-7919
Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 9: Philology

rite, but according to the spirit and courage of non-reconciliation, the path of which resonates with the laws of the living universe (nature as a temple).

Keywords

Rasputin, prose, Orthodoxy, Old Believers, temple, house

For citation

Kovtun N. V. "The Way to the Temple...": How the Author and Characters See It (On the Material of V. Rasputin's Prose). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9: Philology, p. 168–186. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-168-186

Сегодня творчество В. Распутина – лидера художественного традиционализма – приобретает особую актуальность. Мир захвачен решением вопроса *религиозной идентичности*: Москва, Афины или Белград стали «средоточиями жизни православной церкви, возрождёнными падением коммунизма», одновременно появляются новые евангелисты или «рожденные заново христиане», принимающие шумное участие в создании новых деклараций [Корм, 2012. С. 7]. В обществе XXI в. происходит неизбежно «столкновение цивилизаций», под которым понимается, главным образом, столкновение религий [Хантингтон, 2003]. Разочарование в идеологии Просвещения, сворачивание проекта постмодернизма возрождает интерес к ценностям национального, веры, памяти, корней.

Проза В. Распутина и воспринимается как литература национальной самоидентификации, интонация которой всегда узнаваема. Он неоднократно подчеркивал, что является *автором религиозным*, глубоко верующим, что «единственное препятствие для устранения национальной России – Православие» [Распутин, 2016. С. 47]. Проявляется это в разных планах, в том числе в социально-общественном, в активной позиции публициста, но главное направление творческих поисков определяется нравственным идеалом, который писатель нашел для себя в *народном православии*, характерном для большей части русского крестьянства [Королева, 2009. С. 83], в верности писательскому долгу как пророческому. На сегодняшний день проблемы веры, праведничества, связи со старообрядческой мифологией, идеологией традиционализма в прозе художника достаточно исследованы, назовем здесь имена Ж. Нива, И. Плехановой, П. Каменского, Е. Галимовой, В. Ивановой, А. Кубасова, В. Степановой и многих других. Задача настоящей статьи – показать оригинальность авторской трактовки ключевых символов православия, прежде всего *образа храма*. Храм понимается как архитектурное сооружение с заданной символической структурой, которая направляет представления и формирование религиозных чувств.

Сразу отметим: мы отдаем себе отчет в том, что в отечественной духовной традиции образ храма коррелирует с *образом дома* как «малой церкви» [Радомская, 2006. С. 3–8]. Названный символический ряд может быть расширен понятиями *обители*, *жилища*, «*святого двора*», *пристанища*, *отечества* [Кошемчук, 2009. С. 14–15]. Категория дома небесного «внедрялась» в земную сферу жизни и придавала феномену Дома трансцендентальные качества, которые до конца в земном бытии не постигаются. Эта парадигма берет основания в древнерусской словесности, развита в «Домострое», находит продолжение в отечественной религиозной философии начала XX в. (от работ С. Булгакова до «эстетизатора», по Д. Зильберману, П. Флоренского и С. Франкла), подтверждена творчеством авторов-традиционалистов: от «Матренина двора» (1959) А. Солженицына до «Дома» (1978) Ф. Абрамова, «Холюшина подворья» (1979) Б. Екимова и «Избы» (1989) В. Распутина. Описывая феномен дома как объекта художественного осмысления, Ю. М. Лотман подчеркивает: «Его географические координаты и связанные

с ним пространственные понятия становятся материалом для построения культурных моделей с не только пространственным, но и религиозно-моральным содержанием» [Лотман, 2005. С. 112]. В этом контексте в литературоведении представлены усадебные образы старухи Анны («Последний срок», 1970), Дарьи («Прощание с Матерой», 1976), Агафьи («Изба»), да и самого острова Матера, подсвеченного авторитетом Нового Иерусалима [Ефимов, 1912], града Китежа и легендарного Беловодья.

Учитывая существующие подходы к анализу картины *дома/храма* в текстах В. Распутина, сложность разведения образов исторического дома и собственно церкви, сосредоточимся на анализе *семантики храма* в поэтике автора, что позволит наиболее рельефно показать, насколько оригинально понимание *этического* и *эстетического* (как, например, у А. Битова в «Человеке в пейзаже») значений названного образа. Сам выбор веры, Крещение Руси изначально определялось красотой церковной службы, «впечатлением от церкви», о чем свидетельствует уже «Повесть временных лет» [Повесть, 1996. С. 49], высоко ценимая В. Распутиным. Древние храмы возводились порой даже не для нужд монастырей, а для *украшения* окружающей природы – храм Покрова на Нерли, возведённый князем Андреем Боголюбским в XII в., стоял посреди заливных лугов. Храм воспринимался как мистическая, духовная основа мироздания, органическая часть русской земли (Отечество), без которой она невозможна: «Россия, как известно, вся вошла в храм» [Бердяев, 1949. С. 172].

В прозе В. Распутина появляются *церкви, монастыри и кельи*, описаны *лампады, церковные свечи, чудесный колокольный звон*, указывающий на выход в метафизическое. Однако, за исключением очерка «На Афоне» (2004), собственно храм не становится пространством действия, что соответствует отечественной традиции: «Храм у нас существует сам по себе – он основа космоса вообще, потому чаще связывается с природой, чем с городом. Если в Европе храм выполнял социальную функцию, то есть строился в центрах городов, или крупных населённых пунктах, то на Руси часто имела место обратная зависимость. Храмы могли строиться в глуши, совсем далеко от людей, и только потом вокруг них вырастали города или деревни» [Галиев, 2009. С. 356].

В ранней и зрелой прозе В. Распутина деревенская община предстает единой паствой, сам образ *храма* выступает *метафорой*, раскрывающей внутреннее состояние личности. В счастливые минуты Анна («Последний срок») воспринимает и весь сотворенный мир как *единую Церковь*. Это происходит и «в силу естественного для христианского менталитета любовного отношения к божественному творчеству» [Эко, 2014. С. 43]. Образ старухи, ее избы описаны в стилистике иконописи, отсылают к изображению Софии – Премудрости Божией [Ковтун, 2009], что соответствует «особой визуальной доминанте русской культуры, частью которой является русская литература» [Есаулов, 2004. С. 117]. Фигуры детей героини, напротив, маркированы чертами *варварства* (Варвара, Илья), во время попойки в бане туда переносят и *лампаду*, взятую от иконы: «На божницу в правом углу теперь ставили лампу. В эту ночь лампа пригодилась, а так ее не снимали оттуда месяцами, и старуха крестилась, не подымая глаз» [Распутин, 2007. Т. 2. С. 50].

Аналогичный жест, когда сакральный объект перенесен в инфернальное пространство, описан и в повести «Живи и помни» (1974). В магазине районного центра Настена видит *церковные свечи* и решает отнести их в лесную избушку мужа-дезертира: «Сроду Настена не помнила, чтобы в сельпо продавали свечи, а тут как по заказу, лежат, горюют, уже старые, почерневшие, погнутые» [Распутин, 2007. Т. 3. С. 45]. Мотив свечи получает трагическое разрешение. Грязные, погнутые (кривизна – признак нечистого) свечи становятся предметом купли/продажи, оказываются не в храме, но в убежище варвара. Уничтожение свечи как символа души суть развитие мотива шутовства, оборотничества. Образы *баньки-кабака, лесной землянки, цирка, го-*

родской квартиры-угла – профанной альтернативы дому-храму – разворачиваются в ключевых текстах писателя: от повести «Живи и помни» до текстов 1990-х гг., знаменуют падение веры на Руси. «В грязном мире, который представляет из себя сегодняшняя Россия, сохранить в чистоте и святости нашу Церковь чрезвычайно трудно. Нет такого монастыря, нет такого заповедника, где бы можно было отгородиться от “мира”», – свидетельствует В. Распутин в статье «У нас поле Куликово, у них – “Поле чудес”» [Распутин, 2016. С. 47].

Произведений, где образ храма визуализирован, в творчестве В. Распутина немного: полузабытая *церковь в центре острова Матера* («Прощание с Матерой», 1976), *образы церквей*, намеченные в рассказах «В ту же землю...», «В больнице», перспектива *будущего храма*, который строит в родовой деревне Иван из итоговой повести «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003). Этот ряд замыкает очерк «На Афоне», дающий развернутое представление об отношении автора к Богу, миру, долгу писателя, но принадлежащий публицистике, которую в статье мы вынужденно оставляем за скобками.

В повести «Прощание с Матерой» остров воплощает Русь изначальную, подсвечен народными легендами о «далеких землях», которые явились одними из самых популярных социально-утопических легенд в русской народной культуре конца XVIII – начала XX в. [Лурье, Чистов, 1969. С. 25–26]. Исторически сказания о «далеких землях» восходят к популярным на Руси легендам о «земном рае» и «обетованных землях». К ним относится целый ряд древнерусских текстов («Сказание отца нашего Агапия», «Послание Василия Новгородского Федору Тверскому о рае», «Сказание о рахманах», «Сказание об Индийском царстве», «Легенда о граде Китеже»), но самыми известными среди всех изученных сказаний стали *предания о Китеже и Беловодье*, имевшие широкое хождение в среде староверов [Чистов, 1967]. Главная особенность легенд о «далеких землях» – перенесение поисков изобильной, праведной жизни из времени в пространство. Такие поиски предполагали необходимость действия, активного передвижения по намеченному пути к заветной цели. Исторически конкретные описания самой дороги, препятствий-испытаний, о которых рассказывают паломники, только усиливают веру в мистический *град*, идея сопрягается с былью, чудо с реальностью. Легенды о «далеких землях» были не просто мечтой о справедливом мире, но сами выступали как вариант его осуществления, реализации этой самой справедливости в отношении каждого скитальца. Образы странников сакрализуются, это те, которые «ищут отечества. И если бы они в мыслях имели то отечество, из которого вышли, то имели бы время возвратиться» (Евр. 11: 14-15).

С представлением об избранности острова согласуются в повести семантика его названия: Матера – мать, история освоения («триста с лишним лет назад» – время освоения Сибири старообрядцами), символическая связь с ковчегом и Голгофой одновременно (образ «царского лиственя»). Остров – «родная, самой судьбой назначенная земля» – Божий дар. «*Церкову христову*» здесь строит купец по Божьему указанию, что вызывает ассоциацию со строительством первого Храма на Руси – *Киевской Софии*. Матера и реальная земля, и олицетворение мистического Града – *Небесного Иерусалима* (София часто представляется в виде города, Небесного Иерусалима). Деревенская «церквушка» хорошо видна отовсюду, выполняя функции оберега праведной земли. В колхозную пору церковь «приспособили под склад. Правда, службу за неимением батюшки она потеряла еще раньше, но крест на возгавии оставался, и старухи по утрам слали ему поклоны. Потом и крест сбили» [Распутин, 2007. Т. 4. С. 10]. Само определение «церквушка» не умаляет значимость образа, указывает на то, что вера не самоценна, важна как часть общественного служения. Аналогичные отношения между сакральным и бытовым складываются в деревне Лебяжка в романе С. Залыгина «Комиссия»: «Попика держали скромного, обществу послушного и при малой деревенской церквушке» [Залыгин, 2012. С. 3].

Для русского средневековья Иерусалим – «многоплановый сакральный образ, на котором сходятся основные идеи православного сознания» [Баталов, Лидов, 1994. С. 3]. Остров буквально возносится к небу, Ангара сливается с небесной голубизной: «Там, где течение было чистым, высокое, яркое небо уходило глубоко под воду, и Ангара, позванивая, как бы летела в воздухе» [Распутин, 2007. Т. 4. С. 73]. Представление о Севере – земле Христа – характерно для старообрядцев и никониан. Никон создал северный вариант Палестины. На Кий-острове, что на пути к Соловкам, он поставил монастырь, главная святыня которого – кипарисовый крест – была изготовлена в Палестине [Дерягин, 1993. С. 130]. Отметим: «царский листвень» в центре Матеры ассоциируется с *Древом мировым* и *крестом* [Степанова, 2016. С. 162–164]. Материнцы почти всегда изображаются «с суровыми и скорбными лицами», подобно святым на древних образах. Описание персонажей подчеркнуто аскетично: Дарья, юрод Богодул [Иванова, 2012], они и возраст свой не знают, ибо «точность эта осталась при крещении в церковных записях, которые потом куда-то увезли – концов не сыскать» [Распутин, 2007. Т. 4. С. 11].

Осквернение церкви в годы революции, уничтожение креста на уровне авторской наррации в известной мере искупает аналогия между фигурами сокровенных героев и святыней. Дарья сравнивает себя с деревянным чучелом, стоящим крестом, юрод Богодул воспринимается по аналогии с «царским лиственом» и самим Христом. Согласное пение крестьян на сенокосе сливается с молитвой, которую творят не люди, но души: «Будто души их пели, соединившись вместе, – так свято и изначально верили они бесхитростным выпеваемым словам и так исто-во и едино возносили голоса; это сладкое и тревожное обмирание по вечерам пред красотой и жутью подступающей ночи, когда уж не понимаешь, где ты и что ты, когда чудится испод-воль, что ты бесшумно и плавно скользишь над землей, едва пошевеливая крыльями и правая открывшимся тебе благословенным путем, чутко внимая всему, что проплывает внизу» [Распутин, 2007. Т. 4. С. 121]. В эти минуты «соборного» пения человек открывает для себя со-причастность всему живому, полноту мироздания, что «останется в душе незакатным светом и радостью», словно благословение «духа святого».

Матера – символ «соборного человечества», «собравшихся земляков», представших единой личностью («в одну шкуру»). Мотивы звона, сияния, песни, креста транспонируют Матеру в вечность. Остров поглощен солнцем («и не понять, в солнце остров или уже нет солнца»), пронизан звоном («под звонким, ярким солнцем с раннего утра все кругом звенело и сияло, всякая малость выступила на вид, раскинулась не таясь»). Традиционные крестьянские работы описаны по аналогии с церковной мистерией, предметы, заполняющие пространство Матеры, соучастники процесса рождения и сохранения жизни, «не подвержены порче, гниению и уничтожению – они не невещественны, а вечно вещественны» [Лотман, 1992. С. 407]. «В Матере были постройки, которые простояли двести и больше лет и не потеряли вида и духа», «чай живой» (по аналогии с «живой водой»), с одухотворенными вещами можно разговаривать. Останки предков не разлагаются, но сохраняют благость и целостность подобно мощам святых, что преодолевает разобщенность мертвых и живых, земного и духовного. Матера выступает в повести аналогом *христианского алтаря*, точкой притяжения лежащих вокруг острова сфер, что соответствует важнейшей идее автора о собирании воедино «народа Божия».

Параллель Матера – Русь – церковь проясняет семантику образов вечно рыдающих *деда Егора* и *маленького Коляни* как находящихся под покровительством святых Николы-Чудотворца и Егория Храброго. Образ Богородицы подсвечивает и фигуру «блаженной» *Настасьи* – жены деда Егора, на что указывает не только имя, но и особая связь с прядением. Из всех оставленных на Матере вещей Настасья в момент переезда выбирает самовар и прялку. Образ Пряхи, в руках которой находится нить судьбы [Дементьев, 1980. С. 69], смыслообразующий в «Про-

паний...», с ним связаны художественные характеристики Дарьи и жены ее сына – Сони (!) как несостоявшейся, подменной мастерицы.

Миссию заступника Богородицы наследует в «Прощании...» и маленький Коляня. Постоянные слезы, «дикий, боязливый» нрав ребенка («немтырь») – сакральные приметы. Если Никола-Чудотворец выступает на Русском Севере исцелителем «заклятой» девицы (Руси), то герой повести никого не в состоянии спасти, напротив, у него отсутствует дар Божьего слова (как и у большинства героев-мужчин «деревенской прозы»: от Подрезова, Калины Дунаева Ф. Абрамова до стариков В. Распутина). Коляня смотрит на мир «с каким-то недетским, горьким и кротким пониманием», за плечами матёринских старух он прозревает смерть: «Ты кто такой, чтоб на меня так глядеть? – удивлялась Дарья. – Че ты там за мною видишь – смерть мою?» [Распутин, 2007. Т. 4. С. 13]. Образ Коляни соотносится с семантикой «*строительной жертвы*», призванной «освятить» возведение «хрустального дворца» будущего. Перед затоплением змеи, оборотни («пожогщики») буквально захватывают Матеру, с ними играют даже дети, реализуется архетипический мотив пленения Руси-Церкви варварами, что является развитием мотива искушения. Совокупность эсхатологических признаков – свидетельство того, что время, история пришли к концу.

Судьба жителей Матеры соотнесена с судьбой священных объектов и фигур, организующих внутреннее пространство острова: *церковь*, «*царь-дерево*», *кладбище*, *роща*. Человек, его душа, вбирая святыни Матеры, совмещается с самим островом, его судьба обретает вселенский масштаб. Матеру как храм и населяют исключительно праведники. Разрушение прежнего уклада оборачивается максимальным унижением апотропеев: пожогщики оскверняют кладбище, вырубая рощу и казнят «царский листвень». Вырубленный лес, как и разрушенный храм, аналогичны гибели богоизбранного народа, его превращению в *население*. Мотив получает свое развитие в «Русском лесе» Л. Леонова, «До третьих петухов» В. Шукшина, «Комиссии» С. Залыгина, вплоть до «Отца Леса» А. Кима. Матера из земли обетованной превращается в «зону затопления», «территорию», эту тему и продолжают «новые реалисты»: от «Зоны затопления» Р. Сенчина [Ковтун, 2017] до «Тайоты-Кресты» М. Тарковского.

Мотив казни «царского лиственя» пожогщиками, руководимыми «сам-аспид-стансыей», одновременно отсылает к истории *мучений Егория Храброго* (по сюжету духовных стихов «Егорья во пилы пилят, в топоры рубят») и чуду *Лиддской Божьей Матери*, о котором пишет Э. Мекш [Мекш, 1994. С. 93–94]. В повести В. Распутина листвень последовательно ассоциируется с образами *Мирового древа* и *креста*: на уровне мифологического сознания храм заменяет образ «мирового древа» [Николаева, Сафронов, 1999. С. 56]. У славян существовал обычай устанавливать на месте постройки нового дома дерево с иконой Божьей Матери, от этого места начинали класть печь, за которой обитал домовый (аналог Хозяина острова). «Царский листвень» в самом центре Матеры как Церкви, не поддающийся ни огню, ни топору, ассоциируется со столпом в *храме Лидды*, где расположен нерукотворный образ. Каменотесы, получившие приказ Императора Юлиана Отступника уничтожить лик Богородицы, оказались бессильны – образ не исчез, а лишь углубился внутрь столба. Обращением к этому сюжету заканчивает «Погорельщину» Н. Клюев, для которого Лидда – город св. Георгия, где он и похоронен, – аналог мистического Китежа [Маркова, 1997. С. 234]. Идеологические и художественные переключки с поэмой в тексте «Прощания...» очевидны.

В финале «Прощания...» появляются *апокалиптические приметы*: мотивы сожжения, огненной реки, потопа [Лысов, 2008], непокоренным огнем остается только барак Богодула, куда перебираются старухи. Переселение из чистых, вековых домов в заброшенный барак символизирует переход в инобытие. Юрод и становится проводником на «тот свет». Богодул не случайно назван приезжими «бурлаком», ибо очертания Матеры напоминают корабль,

и, пока живы юродивые, они осуществляют духовное подвижничество. Гибель земли, тверди делает их миссию исчерпанной. Барак Богодула как последний приют – подчеркнуто нежилое место, «перекресток»: здесь нет огня, привычной утвари, стол «убог и гол», вместо кроватей – нары, вокруг «не пахнет даже маломальским живым духом». Матера выгорела дотла, «снялась, улетела», а «барак не считается». Неожиданно густой туман скрадывает очертания острова, стирая грань между водой и сушей, землей и небом – «И небо скрылось, свившись, как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих...» (Апокалипсис, VI. 12–15). Туман в древнерусской культуре – знак трагической вины, неведения. Исчезновение острова – приговор цивилизации, но бытие как таковое неуничтожимо, стихия воды, небо – образы первозданного состояния бытия, вечности. Гибель Матеры, изгнание праведников (мотив «ухода» святых с иконы) опустошают историю, теперь только сам человек может стать для себя *крепостью и храмом*.

На этой идее построены тексты 1990-х гг., где тема «ухода» из оскверненной реальности – стержневая, связанная с мыслью автора о невозможности переделать мир, необходимости прорыва в инопространство (Китеж-град, Беловодье, пределы смерти). Главная героиня рассказа «В ту же землю...» – Пашута – уже лишена христианского смирения, что отличало старуху Анну или Настену, ей даны воля и ясное понимание должного [Ковтун, 2015]. Она бросает вызов не только ритуалам официального православия, но логике истории. Сама *идея бунта*, восходящая к сюжету восстания падшего ангела, в оскверненном мире перестает осознаваться греховной. В тексте пространство настоящего раздвигается за счет пределов смерти, что и обещает исход. Становится важно не столько проживание жизни, заведомо обделенное смыслом, сколько *как и где* похоронят: в лесу, в «нетронутой» земле, или той, что «под государством». Жест эскапизма отвечает пафосу творчества В. Распутина перестроечных лет – когда пророк уходит, ему ничего не жаль, так уходил из никониановской Руси огненный протопоп, признав конюшни церквей лучше.

Пашута одобряет умершую мать: «Бабушка наша правильно сделала, что не стала тянуть» [Распутин, 2007. Т. 4. С. 265]. В этом настроении проявляется не любовное «уходом», но особое отношение к времени, когда в настоящем проступают черты прошлого (мотив памяти) и будущего. Домом человека – «сказочным теремом» – признается *домовина*, она наделяется чертами избранности, родственности, тепла, простора и света, выступающими метами Руси как *града Китежа*. Гроб для старой Аксины *Егоровны* (знаковое имя!) «не просто скаляканый в четыре доски, а высокий и просторный, солнечный», «нечто, явившееся по высочайшей воле, огромное, важное, заполнившее не одну лишь квартиру, но весь дом» [Распутин, 2007. Т. 4. С. 275]. Если мир окрест суть угол, котлован, камера, то пределы домовины постоянно расширяются, вбирая комнату, квартиру, дом, открываясь в неназываемое.

Под стать домовине могила – «просторная», на лесном угоре, «под солнцеходом». Город – абсолютный «низ» – противопоставлен высоко поднятому месту последнего упокоения. Подобно колокольному звону над могилой старухи «днем и ночью будет звучать музыка» от переборов ветра в ветках сосен, деревья окрест могилы выступают в роли оберегов. Молчание, внутренняя сосредоточенность персонажей в момент прощания с матерью – указание на максимальное духовное напряжение, предшествующее преображению. Погребение происходит в Праздник Покрова Пресвятой Богородицы, на что указывает первый светоносный снег: «До чего кстати этот снег – словно всем им даровалось прощение за незаконные действия. Словно высшая сила сникла над человеческой слабостью и своеволием» [Распутин, 2007. Т. 4. С. 280]. Обморочное, «беспамятное» состояние Пашуты символизирует момент освобождения, инициации [Степанова, 2014].

Глаза героини, подобно взгляду святого на иконе, «обращались внутрь, в темноту и боль». Похороны Аксины Егоровны, что проходят поверх всех обрядов, знаменуют акт сопротивления, соотносятся с поведением *старообрядцев-«бегунов»*, уходящих от антихристовой власти. У гроба матери Пашута встает не горожанкой-«кочевницей» – *воительницей*, за обликом которой проступают черты юродивой и самого Христа (как «еретика»). Важно, что до этого момента в образе героини подчеркиваются приметы неряшливости, рыхлости («рыхлая мужиковатая женщина»), отвечающие традиционным представлениям о неформальности, неустойчивости русской «почвы», которую власть воспринимает как собственный ресурс. Маскулинные признаки в облике Пашуты («бабьи усы» – «знак какого-то внутреннего неряшества», «тяжелая фигура», «мужиковатость») есть реализация идеи духовного самостояния, мужественного одиночества суверенной личности. Тогда невзрачность одежды, признаки трансвестии, обет молчания, внутренняя сосредоточенность ассоциируются с *подвигом юродства* [Иванов, 1994], «ритуального святотатства», связанного с отрицанием действительности, в которой нарушен порядок [Лихачев, Панченко, 1976].

Героиня хоронит мать вопреки всем обрядам, «тайком, как у татей», ночью, когда и «погода самая воровская». Процессии сопутствуют «дурные знаки»: с покойной некому проститься, гроб выносят тайно, теряют дорогу, не собирают поминальный стол, однако в перевернутом мире «если все от начала до конца не так, то по нетаку и это так». Сама дорога сопрягается с бесконечностью спуска – по лестнице многоэтажки, под гору на машине, в глубину могилы, однако итожит путь обретение Голгофы: «Сергея остановился, сделал вперед шагов десять и красноречиво вскинул руки в сторону леса. Нашел. Теперь в гору, в гору...» [Распутин, 2007. Т. 4. С. 279]. Проникновение-погружение в лоно родной земли и есть поиск новых смыслов, возникающих в глубинах художественной психики, попытка открыть бытие за видимыми пределами, о чем уже от первого лица напишет В. Распутин в рассказе «Видение».

Пашута укрывает последний приют матери от равнодушных горожан, чьи квартиры уподоблены «заставам», звериным норами («как медведи, в зимний гнет залегли по берлогам и высываются редко, только по необходимости»), и осознанных поборников зла (мистические «они»), подобно скитальцу, прокладывающему тропу к *Беловодью*. Если «свой» мир скрывается в тумане, уходит под воду (судьба острова Матера) или под землю («все сквозь землю провалилось, чем жили»), то «они», «каиниты», «превращаются в небожителей», «в богов, дающих кусок хлеба». Тогда душа, красота, смерть – только объекты купли-продажи. Этой дороге Пашута противопоставляет «свою», расходящуюся как с официально принятой, так и с древней, выверенной родовой памятью: «Ничего не умела, ничего не знала Пашута из обряда, на похороны ходила в провожающих, не заглядывая в правила» [Распутин, 2007. Т. 4. С. 276]. Похороны матери – личный «вызов», самоузнавание – героиня перестает быть *«историческим человеком»* и становится *личностью*. Настоящий бунт, богоборчество, сродни карамазовскому («против чего-то слишком серьезного и святого выступила Пашута»), изменяет поведение, облик героини. В начале повествования подчеркиваются «рыхлость», символическое босоножие, «неходячие ноги» Пашуты, к концу текста, напротив, только она и оказывается способной встать на путь, обрести направление.

Ритуал зачинания нового кладбища объединяет судьбы Пашуты и ее помощников – Стаса Николаевича, Сереги. Динамика мужских судеб прямо обратна восхождению героини, персонажи смиряются, начинают пить или погибают. Образ самого близкого Пашуте человека – Стаса Николаевича – сочетает черты *Николая Чудотворца*, на что указывают имя, «знаменитый выверк» глаз, «вспыхивающий неожиданно и ярко, как молния, который умел сразить наповал», и *преобразователя Петра I*. Герой – представитель «мудрых», интеллигенции, что несет вину перед народом – «смирными и негордыми», в понимании Аввакума. Образ Стаса – реа-

лизация авторской идеи о возможности единения «мудрых» и «смирных» перед угрозой «погибели земли русской». Сын персонажа не случайно живет в Рязани – городе былинной славы, одновременно Зарайский уезд Рязанской губернии – место пребывания самого известного чудотворного образа Николы – Николы Зарайского [Зарайск, 1888]. История Стаса, некогда руководившего советскими стройками, полемически развернута и в сторону императора Петра. В машине с гробом он, укрепляя домовину, «садится на гроб верхом, точно взнуздав его, точно собираясь подстегивать» [Распутин, 2007. Т. 4. С. 278]. В этой сцене очевидно взаимное фиаско народа и государства: крестьянство, лишенное пространства существования, «уходит» в леса, сторожки, погибает, власть же пытается «взнуздать» и мертвых. Усиливающиеся к концу рассказа неуверенность, духовная слепота («какая-то беспомощная слепота в руках и глазах») Стаса означают потерю им надежды, пути.

В соответствии с поэтикой текста, близким Стасу выступает идеальный воин – Серега, он и служит в милиции. Обликом герой напоминает богатыря Кузьму из «Денег для Марии» – «плотный, сильный» в «разбитых кирзовых сапогах» и саму Пашуту – те же куртка, сапоги. Не случаен цвет его автомобиля – зеленая «Нива», – отсылающий к образу «зеленого Юрия», с культом которого связан первый выгон скота – возрождение [Славянская мифология, 1995. С. 131–133]. Покровительство крестьянскому труду, земледельческим работам объединяет святых Николу и Георгия, хотя старшинство всегда отдается первому. В рассказе функции Сереги описаны вопреки традиции, он – могильщик, «вестник чего-то неземного, страшного». Завершает судьбу персонажа гибель от рук преступников, в банду которых он был внедрен и выдан собственными коллегами. В итоговой повести мастера появляется образ следователя *Николина*, устроившего свидание осужденной Тамары Ивановны (образ которой и внешне напоминает Пашуту) с дочерью и тоже погибшего. В соответствии с евангельской логикой, так зерна – тела человеческие, пролежав в земле, восстанут к новой жизни: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоанн, 12: 24).

По сути, кладбище в лесу, зачатое Пашутой, – воплощение идеи «обетованной земли», укрытия, к которому стремятся нынешние «бегуны». Мотив эскапизма, ухода из-под законов несправедливой власти, один из ключевых в актуальной литературе: от «Новых Робинзонов...» Л. Петрушевской до «Зулейхи...» Г. Яхиной, «Тайоты-Кресты» М. Тарковского и «Авиатора» Е. Водолазкина. Три могилы, оставленные Пашутой в лесу, *матери, воина и неизвестного* – есть образ *новой Троицы*, выраженный через символику святых *Софии, Егория и Николы*, объединяющей праведников, близких не по крови и традициям веры, но по духу несмирения, одинокого мужества, самостояния вопреки всему. Возвращаясь весной с могилы матери, героиня заходит в храм: «Впервые вошла одна под образа, с огромным трудом подняла руку для креста. Под сводами нового храма, выстроенного лет пять назад, в будничные день и час, свободный от службы, искали утешения всего несколько человек. В высокое окно косым снопом било солнце, чисто разносилось восторженное ангельское пение – должно быть, в записи, истаявая на круглой медной подставе, горели свечи. Неумело Пашута попросила и для себя свечей, неумело возжгла их и поставила – две на помин души рабов Божьих Аксиньи и Сергея и одну во спасение души Стаса» [Распутин, 2007. Т. 4. С. 284].

Сюжет посещения церкви глубоко символичен – Пашуту освещает солнце «как метафора духовной реальности» [Эко, 2014. С. 90], она едва находит силы перекреститься. «Свет устроен так же, как и сам храм – для того, кто входит в храм из “толпы”. Для стороннего (то есть находящегося “в толпе”) он выглядит как горящая недифференцированная “масса”» [Зильберман, 2014. С. 107]. Свет осознается аналогом храма. Эта идея прекрасно выражена в белокаменных церквях – прямых, вытянутых, ровных снаружи и литургически разделенных

внутри. «Увидеть “внутреннюю сторону” на земле можно лишь символически, т. е. через “образы” или “образцы”, помогающие вознестись к неземному первообразу» [Зильберман, 2014. С. 108]. За героиней угадывается фигура *апостола Павла* (на что указывает созвучие имен: Пашута – Павел), который был Савлом.

С апостольской миссией согласуется и идея обновления веры. «Христианскую религию создал не Христос, а Павел. Христос призывал к тому, чтобы человек реализовал то, что заложено внутри него», – утверждает Г. Померанц [Померанц, Миркина, 2014. С. 349]. Образ церкви, завершающий сюжет, – символ веры самого автора, с ним связана идея будущей России, путь к которой призваны угадать *странники*, *бегуны*, *юроды*. На то, что речь идет о пути к храму как самоустроительству души, указывает и прием остранения образа исторической церкви, в которой «ангельское пение» дано в магнитофонной записи.

Мотивами *церковного пения*, *монастыря* отмечен и финал рассказа «В больнице». Герой – участник войны, во время операции переживший откровение метафизического. Само пребывание в больнице напоминает ожидание Судного дня, больные двигаются вдоль стен, «шаркая ногами, словно в ритуальном шествии», к операции готовят две медицинские сестры «со строго выглядывающими из белизны ликовыми лицами неземных вестников» [Распутин, 2007. Т. 2. С. 405]. Исход операции и есть приговор: «Ничего от тебя больше не зависит, ты, как никогда, свободен и обращен в сторону, где живет вечность» [Распутин, 2007. Т. 2. С. 389]. Герой наделен символическим именем – Алексей, отсылающим к сокровенным персонажам русской словесности – от Алеши Поповича, Алексея, человека Божьего до Алеши Карамазова, – и отчеством – Петрович (от лат. *камень*). Не случайна его профессия – специалист по лесному хозяйству (лес как народ). Судьба Алексея Петровича вбирает важнейшие события русской истории (ветеран войны), маркирована каноном странничества – герой живет, «уткнувшись в себя», бессребреник, пространство которого – дорога.

После операции Алексей Петрович видит сон, предвещающий сцену из рассказа «Видение» – комната, «стены завешаны картинами в легких прямоугольных рамках, на холстах все что-то абстрактное, неправильные фигуры и ломаные, рвущиеся линии. Он ищет выход и не может его найти, снова и снова обходя зал и припоминая все подряд картины, за которыми могли бы быть окно или лаз» [Распутин, 2007. Т. 2. С. 392]. Затем понимает, что не сон это был, «что-то иное, прощальное», сам же «глухой зал, залитый нестерпимо ярким электрическим светом», находится «где-то неподалеку», суть продолжение реальности в пределы инобытия. Переход за черту символизирует *звон* – «высокий, непрерывный, надрывный, как сирена», призывающий медицинскую сестру к постели умирающего. Время исчезает: «Время как бы остановилось». Пережив кризисную ночь, герой возвращается к жизни: «Четырежды он ходил на операцию и четырежды его словно бы ставили на весы, отмеривающие две известные меры. И отпускали обратно». Сцена отсылает к идее *психостасии*, испытания (буквально – взвешивания) души, нашедшей отражение в Ветхом Завете, Исповеди Св. Августина, составившей традицию в русском поэтическом мире.

Выход героя из забвения аналогичен воскресению: «Какой-то грязный, душный оболоч сошел с него, стало просторней в груди, в голове – везде», он переживает омовение-крещение («умылся под тугой холодной струей»), оставляет больничную одежду как символ прежней жизни [Афанасьев, 1994. С. 526], начинает самостоятельно ходить, возвращается к чтению. Далее следует знаковая встреча с «двумя женщинами в красных форменных поддевах, могучих, как все дорожницы», застывших «друг против друга в позе пророков» и наделенных «властным трубным голосом» [Распутин, 2007. Т. 2. С. 407]. В Ветхом Завете звук «иерихонских труб» возвещает волю Господа – *Возмездие*. После встречи Алексею Петровичу открывается «припрятанный выход» из больничных коридоров-лабиринтов – «широкая мраморная

лестница»: «По этой лестнице, останавливаясь и набираясь сил, он спустился в библиотеку и взял старого, дореволюционного издания Достоевского о князе Мышкине» [Распутин, 2007. Т. 2. С. 409]. Описание лестницы, огромных окон, из которых струится свет, антонимично закрытой комнате-домовине из сна героя, напоминает *готическую церковь*, устроенную так, «чтобы преломлять свет через отверстия в стенах», создавая ощущение прозрачности, воздушности [Эко, 2014. С. 94].

Выбор книги для чтения символичен, актуализирует важнейшую для позднего В. Распутина идею поиска *культурного героя*, способного вывести страну из тупика, на эту роль испытываются трикстер Сеня Поздняков из рассказов 1990-х и богатырь Иван из итоговой повести [Ковтун, 2015]. Чтение классики противостоит в тексте обсуждению газет и пропаганде телевидения, действующим на человека разрушающе. В культуре традиционализма библиотека устойчиво отождествляется с «землей обетованной», «горним миром», а чтение – с высоким трудом совершенствования души, познанием блага [Бери, 1984. С. 24].

Рассказ завершает встреча героя с юными влюбленными – новыми Адамом и Евой, собирающимися обвенчаться на острове Валаам, который воспринимают как *укрытие*: «Дадут нам келью, мне на подворье обещали. Рядом, под маленьким окошечком, будет плескаться вода. Кругом ни одной чужой души, все свои» [Распутин, 2007. Т. 2. С. 418]. Разговор происходит в больничном саду, напоминающем райский – «все было как во сне»: «И, как во сне, где-то далеко-далеко раздался колокольный звон, сначала мерный, важный, потом все быстрее, все тревожней, собирая голоса, которые принялись вторить ему: бом-бом-бом!» [Распутин, 2007. Т. 2. С. 418]. Звон и здесь дан только в записи: «“Да это же кассета, песня”, – догадался Алексей Петрович». Примечательно, что в повестях «Живи и помни», «Прощание...» колокольный звон, пение звучат непосредственно, указывая на присутствие чуда. В рассказе «Видение» описана «коллекция из маленьких колокольчиков», оживающая в момент сна-забытья, когда открывается выход в метафизическое. Во всех поздних текстах путешествие связано с миром воображения персонажей, есть вопрошание смысла. И авторской волей в моменты сомнения, истончения душевных сил посылается героям указующий знак: *звон, вспышка света, мистический зов...* [Плеханова, 2017].

В итоговом произведении «Дочь Ивана, мать Ивана» *образ храма* венчает повествование. Тональность повести отличается от настроения классической прозы традиционалистов, это не исповедь-прощание, но призыв к сопротивлению, текст оставляет впечатление предельной жесткости, брутальности, публицистической напряженности, все менее сочетающейся с художественными задачами как таковыми. «Двойственность» произведения – и следствие изменившейся позиции автора-повествователя, в ком дух бунтарства оттесняет искусство «витийствования». В. Распутин наследует «апостольской» традиции древнего письма [Панченко, 1973], на авторитет Аввакума ссылается и в публицистике (очерки «Сибирь, Сибирь...»). Проблемы будущего Руси для него значительнее литературных, хотя и не отменяют последние. Осознавая собственную судьбу в ореоле мученичества-пророчества (библейское понимание слова как дела), автор в последних текстах «ругается миру», «кричит», стремясь разбудить нравственное чувство сограждан. В своих обращениях, посланиях тот же Аввакум не схоласт, но горлопан, который «грызется» за «истину».

Пророку важно донести слово истины до заблудшего народа, восстановить духовную преемственность с прошлым как разбудить спящего богатыря. Значимость авторского служения доказывает новый герой, открывший слово проповеди, способное преобразить персонажа и читателей (эффект катарсиса). Героиня повести – Тамара Ивановна – не жертва бесчеловечных обстоятельств, подобно дочери Светке или Настене, но *субъект истории*, нашедшая силы для несоучастия в насквозь фальшивой социальной системе: «Она героиня», – призна-

ют окружающие [Распутин, 2007. Т. 1. С. 261]. Автор демонстрирует губительную безысходность ситуации, способной сломить и богатыря, но преображенную в опыт обновления незащищенной женщиной. Однако цена открывшейся перспективы в обреченности – убийство, представленное автором в духе ветхозаветной поэтики (на которую ориентируются и учителя старообрядчества) как *закон талиона*. Мир, в котором унижены все ценности, расколот выстрелом – реализация традиционного для поэтики В. Распутина мотива *нашествия, пожара, огненной реки, потопа*. Для художника, его героини роковое решение как трагично, так и неизбежно, что снимает с действующего лица часть ответственности.

Облик Тамары Ивановны традиционно отмечен «*софийной*» символикой. Ее постоянно окружают голуби («где-то неподалеку сыто наговаривал голубь», под одной с ней крышей, «как под небом, порхали голуби и воробьи»), тело излучает «мягкое свечение» – иконографический эффект *ассиста*. В пророческих снах героиня видит себя в образе священной *Пряхи-Богородицы*, она подходит к «одной из старых берез с потрескавшейся кориной и видит, что на нижний сук перекинута прялка, за ненадобностью вынесли и пристроили на показ – может, кто приберет, чтоб не пропало добро» [Распутин, 2007. Т. 1. С. 177]. На протяжении всего текста художник подчеркивает связь Тамары Ивановны, ее близких (в широком смысле – русских вообще) с традициями *старообрядчества* (субъектная организация повести): это сакрализация слова, природы как храма [Ситько, 2000. С. 80–81], почитание старины – знака национальности, особая набожность матери героини, что «была верующей, правда без икон и молитв, но имя Божье в обиду не давала и поминала его часто» [Распутин, 2007. Т. 1. С. 178].

Миссию *святителя Николая* выполняет в повести младший брат Тамары Ивановны – Николай. Лик, судьба героя даны с четкой ориентацией на житийный, иконографический канон: «В последние деревенские годы очень сдружилась с младшим братом, Николаем; в семье про него говорили, что он не от мира сего: мягкий, затаенный, с постоянной задумчивой улыбкой и продолжительным взглядом» [Распутин, 2007. Т. 1. С. 165]. Описание буквально воспроизводит черты святого, сохраненные православной иконографией: «Высокий лоб, мягко округляющиеся линии лица, заботливый взгляд “пастыря”, в котором преобладает то мягкость, то строгая пронизательность» [Мифологический словарь, 1990. С. 391]. Связь персонажа с небесным эпонимом обнаруживается и через художественное пространство. Топос распутинского героя – лес как храм («где-то там были у него схороны от непогоды, свои, скрытые от чужих глаз, деляны, свои тропы»). Николай наделен даром пророчества, тайновиденья, душа его томима «неизвестным терзаньем». В тексте указывается на особую связь персонажа с книгой – «он читал книги». Святитель на иконе изображается всегда с Евангелием в левой руке. Чтение сакральной книги и выполняет роль оберега, дублируется произнесением проповеди или молитвы. Спасительного Слова народ лишил себя сам.

Функции второго «действующего» святого в повести – *Егория Победоносца* – распределены между другом семьи Тамары Ивановны – Деминым и его возлюбленной Егорьевной, образ которой восходит к архетипу «Солнцевой девы». Взаимосвязанность персонажей Демина – Егорьевна – реализация мотива андрогинности. В Большом стихе о Егории Храбром антагонист святого назван «Демьяном-Демонищем», отсюда и фамилия Демина, является из земли «басурмянской». Демина в повести, следуя советам Егорьевны, постоянно в пути, его профессия – шофер, уже маркированная судьбами Ильи («Последний срок»), Ивана Егорова («Пожар») и самой Тамары Ивановны. Признавая в Демине заступника, окружающие ищут его помощи, автор вкладывает в уста персонажа обличительные речи о падении веры на Руси, Возмездии, что соответствует духу «грозного» святого. Герой не говорит, но «вострубляет», он и внешне напоминает юрода Богодула. Егорьевна называет Демина «бурлак» – подвижник в поэтике В. Распутина, тут же, однако, предупреждая: «Он не песенный человек». Сохраняя

внешние атрибуты воина, герой лишен дара слова, его миссия формализована. Функции *святого-защитника* передоверены женщине. Тамара Ивановна, как и Пашута, Агафья из рассказа «Изба», наделена мужскими чертами: она «ходила по-мужски», хорошо стреляла, «в парня пошла». Если акт насилия над Светкой есть демонстрация варварами собственной силы, «подлинная мобилизация пениса в качестве оружия» [Brownmiller, 1975. С. 11], то женское богатырство – вариант отмщения/освобождения.

Фатальное одиночество Тамары Ивановны подчеркнуто попыткой самоубийства, «онемением» («дома отмалчивался, отвыкая от слов») и последующим исчезновением брата Николая, как Николая Чудотворца. Иссеченный выстрелом лик героя («искривленное, поведенное на левую сторону, обезображенное выстрелом лицо») напоминает образы убитого на войне друга Гуськова – Николая («на щеке шрам, да так к месту – вроде ямочка»), умельца Стаса из рассказа «В ту же землю...» и старика-бомжа, которому принадлежат слова об исчерпанности русской цивилизации: «Это была и не улыбка, и не оскал, а какой-то странный зигзаг на лице, какой-то невинно-порочный, отталкивающий и одновременно притягательный, перекосивший лицо так, что одна его половина имела страдальчески-беззащитное выражение, как бы говорившее, что человек этот еще не окончательно погиб, а на другой, дергающейся, торжествовал, ухмыляясь и подмигивая, порок» [Распутин, 2007. Т. 1. С. 333]. Зигзаг, искаживший лица героев, символ национального *раскола*, пережитого народом, так и не обретшим духовного согласия, «лада»: «Русские – раскольники, это глубокая черта нашего народного характера», – свидетельствовал Н. Бердяев [Бердяев, 1990. С. 43–44].

Действие второй части посвящено самостановлению сына героини – Ивана, описание героя схематично, изначально задано. Мужской образ параллелен образу Пряхи-Богородицы, подсвечен *сказочной* и *духовидческой* традициями: от *Иванушки-дурака* (постоянные характеристики героя: «дурачась», «дурашливый») до *богатыря-святого*. Избранничество персонажа подтверждено именем, указывающим на принадлежность родовой судьбе: его дед – тоже Иван. Герой практически исключен из сюжетного действия, спит или отсутствует: «Иван спал, когда пришли. Что же это: уходили – спал, днем заходила – не было, и теперь спит?» [Распутин, 2007. Т. 1. С. 185]. Неучастие дает право «объективной», «надличной» оценки происходящего, максимально приближает к позиции нарратора. Пассивность сказочного персонажа обязательно мнимая, «воспринимается как своеобразный социальный протест против унижения его человеческого достоинства» [Сенькина, 1978. С. 64]. Поскольку сказочные черты в образе героя контаминируются с былинными, укажем, что богатырь часто описывается дремлющим, ждущим своего часа-подвига: Святогор, Илья Муромец. Приближение врага активизирует богатырскую силу – Иван матери: «А нам, мама, теперь некогда до тридцати лет на печке лежнем лежать» [Распутин, 2007. Т. 1. С. 224].

Сказочные красота, сила не самоценны, но отражение красоты духовной: Иван – философ, «недорослем его не назовешь». Уходя из дому, он берет с собой «книгу пословиц русского народа и церковнославянский словарь». За фигурой юноши проступают черты «нового проповедника» Алеши Коренева из рассказа «Новая профессия», который функционально и атрибутивно близок Алексею – божьему человеку и Алексею Карамазову. Увлечение словом отвечает важнейшей *идее юродивых* о преображении мира силой пророческого, созидательного слова. В этом – опора юродствующим героям Ф. Достоевского, жаждущих рая на земле: от «смешного человека» до князя Мышкина. Иван и назван «бурлаком», подобно юроду Богодулу, их отличает внешнее сходство: «длинные руки и огромные босые ноги». На предназначенность «*апостольству*» указывает и голос юноши «как труба ерихонская». К этой же парадигме относятся бойцовские вылазки Ивана, в одной из которых он готов побить обидчика камнями, что соответствует ветхозаветной форме кары за богохульство (Лев. 21:16), идолослужение

(Втор. 21:18). Единение с казаками, требующими наказания кавказцам-наркоманам, прочитывается в семантике борьбы за сохранение нации, ее земли, веры – казаки поддерживали старообрядцев, для которых юродство стало «чем-то вроде народной хорутви» [Панченко, 2005. С. 34].

Герой – постоянный участник споров о будущем Руси, где выступает в пророческой роли «судьи». Идея пробуждения нации, столь дорогая автору, выразилась и в том, что проблемный самоанализ персонажей сместился «от внутреннего монолога в сторону диалога/разговора», сердцевина которого – самоутверждение, заявление собственной значимости в историческом бытии [Михайлова, 2008. С. 70]. Глубинное знание о мире, тайна слова открыты юноше изначально, что к финалу текста делает героя равноправным участником событий: «Все эти слова, все понятия эти в Иване были, их надо было только разбудить» [Распутин, 2007. Т. 1. С. 317]. Дар пророческого слова художник передоверяет герою-избавителю: «Хорошая книга должна быть соборной», – по В. Распутину. Если в судьбе Тамары Ивановны соединяются грех и отмщение – «уход», то в судьбе Ивана – грех и покаяние как «возвращение». Единство их миссии подчеркивается автором: Иван ищет родительского «благословения» (параллель София – святой Егорий): «Хотелось повидаться с матерью и намекнуть ей, что за летние месяцы, пока ее не было рядом, у него отросли крылья и чешутся, чтобы испробовать себя в полете» [Распутин, 2007. Т. 1. С. 307].

Мать, взошедшая на Голгофу (тюрьма в повести «высоко поднятое лобное место»), «благословляет» сына идти в мир (вариант Зосима – Алеша Карамазов), «юродское житие» которого и начинается после ее «ухода». Именно тогда Иван оставляет дом, бродит по улицам и площадям, переживает единение с казаками, в финале скитаний идет в армию (миссия святого/воина). Образный дуализм матери и сына подтвержден и атрибутивно. После освобождения из заключения Тамара Ивановна – бригадир – получает в подарок «простроченную по всем правилам ватную телогрейку, каких на воле не сыскать. Подарок бесценный, неизносимый, с невыветриваемым запахом ее подконвойной жизни» [Распутин, 2007. Т. 1. С. 352]. Смена одежды в структуре юродского жития «знаменует начало подвига» [Мотеюнайте, 2008. С. 101]. Тюремная телогрейка – знак сопротивления, сохранения лица в творчестве А. Солженицына – бывшего зэка и «последнего властителя дум» (В. Турбин) в русской литературе. В повести телогрейка матери дублируется солдатским бушлатом сына, солдатская доля которого символически задана. Вернувшись из армии, он «нанялся в бригаду плотников, уезжающих строить в дальнем селе церковь», недалеко от места, где «лежала-бедовала родная деревня» его деда и матери [Распутин, 2007. Т. 1. С. 348]. Этот сюжетный ход никак не мотивирован в тексте, на вопрос деда о причине решения Иван отвечает: «Надоумили», верит, что «не случайно выпадает ему эта дорога на родину» [Распутин, 2007. Т. 1. С. 349].

Итак, парадигма, связанная с идеей храма, наиболее полно представлена образом острова Матера как единой церкви, однако уже в «Прощании...» пророчица Дарья не ждет помощи свыше, видит равнодушие Неба к судьбе земли, как и одинокое самостояние «царского лиственя»: «Вокруг него было пусто» [Распутин, 2007. Т. 4. С. 196]. *Историческая церковь* отмечает в повести центр островного пейзажа, и в этом отношении с ней связан комплекс культурно-исторических представлений о вхождении христианства в патриархальный мир [Галиев, 2010. С. 356]. Осквернение храма в годы революции символизирует конец целого миропорядка, образ церкви приобретает *динамические черты*, сопрягается с судьбами сокровенных персонажей. Подчеркнем, В. Распутин, как и А. Солженицын, верит в возможность изменить бытие силой пророческого Слова. В рассказе «В непогоду...» автору удается договориться с апокалиптической стихией.

В текстах 1990–2000-х гг. основанием, позволяющим выжить, являются уже не вера и традиция, а внутренняя способность героев к самостоянию, мужественному одиночеству, осознание собственной правоты, защищающие и смысл жизни, и личностный статус. Мироустроительный пафос персонажей, создание новых ритуалов передают ужас перед миром/хаосом, в котором отсутствует порядок. Идея храма сопрягается с Россией будущего, что отступила, «как партизаны в леса, в свое тысячелетие», словами автора («Мой манифест»). Аналогами образа церкви в текстах выступают *остров, древо, ладья, свет, дом/домовина, могила*, окрест которых и наращивается новое бытие, объединяются единомышленники, верные православию не по обряду, а по духу и мужеству несмирения, путь которых резонирует с законами живой вселенной (природа как храм).

Список литературы / References

- Афанасьев А.** Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Индрик, 1994. Т. 3. 840 с.
Afanas'ev A. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: v 3 t. [The Slavs' Poetic Views of the Nature. In 3 vols.] Moscow, Indrik Publ, 1994, vol. 3, 840 p. (in Russ.)
- Баталов А. Л., Лидов А. М.** Введение // Иерусалим в русской культуре / Сост. и отв. ред. А. Баталов, А. Лидов. М.: Наука, 1994. 224 с.
Batalov A. L., Lidov A. M. Vvedenie [Preface]. Ierusalim v russkoi kul'ture [Jerusalem in Russian Culture]. Comp. and ed. by A. Batalov, A. Lidov. Moscow, Nauka Publ., 1994, 224 p. (in Russ.)
- Бердяев Н. А.** Самопознание (опыт философской автобиографии). Париж: ИМКА-Пресс, 1949. 199 с.
Berdyaev N. A. Samopoznanie (opyt filosofskoi avtobiografii) [Self-Analysis: An Experiment in Philosophical Autobiography]. Paris, IMKA-Press, 1949, 199 p. (in Russ.)
- Бердяев Н. А.** Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М.: Гилея; Наука, 1990. С. 43–44.
Berdyaev N. A. Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoi mysli XIX veka i nachala XX veka [Russian Idea. Core Problems of Russian Thought in 19th – Early 20th Centuries]. O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture [On Russia and Russian Philosophical Culture]. Moscow, Gileya; Nauka Publ., 1990, p. 43–44. (in Russ.)
- Бери Р.** Филобиблон. М.: Книга, 1984. 460 с.
Beri R. Filobiblon [The Philobiblon]. Moscow, Kniga Publ., 1984, 460 p. (in Russ.)
- Галиев С. С.** Образ храма в русской литературе рубежа XX–XXI столетий // Андреевские Чтения. Литература XX века: Итоги и перспективы изучения. М.: Экон, 2010. С. 356–364.
Galiev S. S. Obraz hrama v russkoi literature rubezha XX–XXI stoletii [Image of the Temple in 20th–21st Century Russian Literature]. Andreevskie Chteniya. Literatura XX veka: Itogi i perspektivy izucheniya [Andrew Readings. 20th Century Literature: Conclusions and Research Perspectives]. Moscow, Ekon Publ., 2010, p. 356–364. (in Russ.)
- Дементьев В.** Исповедь земли: Слово о российской поэзии. М.: Современник, 1980. 511 с.
Dement'ev V. Ispoved' zemli: Slovo o rossiiskoi poezii [Confessions of Earth: A Word on Russian Poetry]. Moscow, Sovremennik Publ., 1980, 511 p. (in Russ.)
- Дерягин Г.** Никон на Севере // Север. 1993. № 1. С. 124–132.
Deryagin G. Nikon na Severe [Nikon at North]. Sever [North]. 1993, № 1, p. 124–132. (in Russ.)
- Есаулов И. А.** Пасхальность русской словесности. М.: Круг, 2004. 560 с.
Esaulov I. A. Paskhal'nost' russkoi slovesnosti [The Easter Spirit of Russian Literature]. Moscow, Krug Publ., 2004, 560 p. (in Russ.)
- Ефимов Н. И.** Русь – новый Израиль: Теократическая идеология современного православия в допетровской письменности. Из этюдов по истории русского церковно-политического сознания. Казань: тип. Ф. П. Окишева, 1912. Вып. 1. 50 с.
Efimov N. I. Rus' – novyi Izrail': Teokraticheskaya ideologiya sovremennogo pravoslaviya v dopetrovskoi pis'mennosti. Iz etyudov po istorii russkogo tserkovno-politicheskogo soznaniya [Rus as New Israel. Theocratic Ideology of Modern Orthodox Christianity in Pre-Peter I Literature. From Studies on History of Russian Religious and Political Thought]. Kazan, F. P. Okishev Publ., 1912, iss. 1, 50 p. (in Russ.)

- Зарайск. Материалы для истории города XVI–XVIII столетий. М.: Типо-Литография И. Н. Кушнерева и Ко, 1888. 94 с.
Zarajsk. Materialy dlya istorii goroda XVI–XVIII stoletii [Materials for City History in XVI–XVIII Centuries]. Moscow, Tipo-Litografiya I. N. Kushnereva i Ko Publ., 1888, 94 p. (in Russ.)
- Зильберман Д. Православная этика и материя коммунизма. СПб.: Иван Лимбах, 2014. 256 с.
Zil'berman D. Pravoslavnaya etika i materiya kommunizma [Orthodox Ethics and Communist Matter]. Saint Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2014, 256 p. (in Russ.)
- Иванов С. А. Византийское юродство. М., 1994. 172 с.
Ivanov S. A. Vizantiiskoe yurodstvo [Holy Fools in Byzantium and Beyond]. Moscow, 1994, 172 p. (in Russ.)
- Иванова В. Я. «И плачет душа моя за весь мир...»: православная аскетика в иконографии повести В. Г. Распутина «Последний срок» // Время и творчество В. Распутина: Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения В. Г. Распутина: материалы. Иркутск: ИГУ, 2012. С. 348–359.
Ivanova V. Ya. «I plachet dusha moya za ves' mir...»: pravoslavnaya asketika v ikonografii povesti V. G. Rasputina «Poslednii srok» [And So Does My Soul Cry for the World: Orthodox Ascetics in Iconography of V. G. Rasputin's *The Last Term*]. Vremya i tvorchestvo V. Rasputina: Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 75-letiyu so dnya rozhdeniya V. G. Rasputina: materialy [V. Rasputin's Times and Works: International Scientific Conference Dedicated to V. G. Rasputin's 75th Anniversary Materials]. Irkutsk, ISU Publ., 2012, p. 348–359. (in Russ.)
- Ковтун Н. В. «Женский вопрос» в творчестве В. Распутина // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2015. № 1. С. 58–75.
Kovtun N. V. «Zhenskii vopros» v tvorchestve V. Rasputina [The Female Question in V. Rasputin's Works]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly* [Philological Sciences. Scientific Reports for Higher Education]. 2015, № 1, p. 58–75. (in Russ.)
- Ковтун Н. В. «Деревенская проза» в зеркале утопии: монография. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 494 с.
Kovtun N. V. «Derevenskaya proza» v zerkale utopii: monografiya [Village Prose in the Mirror of Utopia: A Monograph]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2009, 494 p. (in Russ.)
- Ковтун Н. В. Историоризация мифа: от «благословенной» Матеры к Пылево (об авторском диалоге В. Распутина и Р. Сенчина) // Вестн. ОмГПУ. 2017. № 4 (17). С. 81–87.
Kovtun N. V. IstoriORIZATION of a myth: from the blessed Matera to Pylevo (on the artistic dialogue between V. Rasputin and R. Senchina) [Historiorization of a Myth: From the Blessed Matera to Pylevo (On the Artistic Dialogue between V. Rasputin and R. Senchina)]. *Vestn. OmSPU* [Omsk State Pedagogical University Bulletin]. 2017, № 4 (17), p. 81–87. (in Russ.)
- Ковтун Н. В. Книга – автор – читатель в поздних текстах В. Распутина // Вестн. УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2015. Т. 139, № 2. С. 208–221.
Kovtun N. V. Kniga – avtor – chitatel' v pozdних tekstakh V. Rasputina [The Book, The Author and The Reader in V. Rasputin's Late Works]. *Vestn. UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, 2015. T. 139, № 2, p. 208–221. (in Russ.)
- Корм Ж. Религиозный вопрос в XXI веке: Геополитика и кризис постмодерна. М.: ИОИ, 2012. 288 с.
Korm Zh. Religiozniy vopros v XXI veke: Geopolitika i krizis postmoderna [The Problem of Religion in XXI Century: Geopolitics and Crisis of Postmodernism]. Moscow, IOI Publ., 2012, 288 p. (in Russ.)
- Королева С. Ю. Образ праведника в «деревенской прозе» В. Распутина (к вопросу о художественном воплощении народной религиозности) // Вестн. Перм. ун-та. 2009. Вып. 1. С. 79–90.
Koroleva S. Yu. Obraz pravednika v «derevenskoi proze» V. Rasputina (k voprosu o khudozhestvennom voploschenii narodnoi religioznosti) [Image of a Holy Person in V. Rasputin Village Prose (On the Issue of Artistic Depiction of Folk Religiosity)]. *Vestn. Perm. un-ta* [Perm University Bulletin]. 2009, iss. 1, p. 79–90. (in Russ.)
- Кошемчук Т. А. Русская литература в православном контексте. СПб.: Наука, 2009. 278 с.
Koshemchuk T. A. Russkaya literatura v pravoslavnom kontekste [Russian Literature in Orthodox Context]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2009, 278 p. (in Russ.)
- Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1984. 295 с.
Likhachev D. S., Panchenko A. M. «Smekhovoi mir» Drevnei Rusi [Laughing World of Ancient Rus]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, 295 p. (in Russ.)

- Лотман Ю. М.** О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы. СПб.: Искусство СПб., 2005. 464 с.
Lotman Yu. M. O russkoi literature. Stat'i i issledovaniya: istoriya russkoi prozy, teoriya literatury [On Russian Literature: Articles and Studies: History of Russian Prose, Theory of Literature]. Saint Petersburg, Iskustvo SPb. Publ., 2005, 464 p. (in Russ.)
- Лотман Ю. М.** О понятии географического пространства в средневековых текстах // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин: Александра, 2009. Т. 1. С. 407–413.
Lotman Yu. M. O ponyatii geograficheskogo prostranstva v srednevekovykh tekstakh [On the Concept of Geographical Space in Medieval Texts]. Izbrannye stat'i: V 3 t. T. 1 [Selected Articles: in 3 vols.]. Tallin, Aleksandra Publ., 2009, vol. 1, p. 407–413. (in Russ.)
- Лурье Я. С., Чистов К. В.** Национальные истоки социально-утопических идей // Идеи социализма в русской классической литературе / Под ред. Н. И. Пруцкова. Л.: Наука, 1969. С. 19–61.
Lur'e Ya. S., Chistov K. V. Natsional'nye istoki sotsial'no-utopicheskikh idei [National Sources of Social-Utopian Ideas]. Idei sotsializma v russkoi klassicheskoi literature [Socialist Ideas in Classic Russian Literature]. Ed. by N. I. Pruckova. Leningrad, Nauka Publ., 1969, p. 19–61. (in Russ.)
- Лысов А. Г.** «Море на запоре». «Прощание с Матерой» В. Распутина в контексте произведений о втором «всемирном потопе» в русской литературе XX века // Кирилло-Мефодиевские чтения II–III: Материалы Междунар. науч. конф. Даугавпилс, 2008. С. 270–295.
Lysov A. G. «More na zapore». «Proshchaniye s Materoi» V. Rasputina v kontekste proizvedenii o vtorem «vsemirnom potope» v russkoi literature XX veka [The Locked Sea. V. Rasputin's Farewell to Matyora in Context of Works about the Second Great Flood in 20th Century Russian Literature]. Kirillo-Mefodievskie chteniya II-III. Materialy Mezhdunar. nauch. konf. [Cyril and Methodius Readings II–III. Materials of the International Scientific Conference]. Daugavpils, 2008, p. 270–295. (in Russ.)
- Маркова Е. И.** Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского искусства. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 1997. 319 с.
Markova E. I. Tvorchestvo Nikolaya Klyueva v kontekste severnorusskogo iskusstva [Nikolai Klyuev's Works in Context of Northern Russian Art]. Petrozavodsk, RAS Karel Scientific Center Publ., 1997, 319 p. (in Russ.)
- Мекш Э. Б.** Образ Великой Матери (религиозно-мифологические традиции в эпическом творчестве Николая Клюева). Даугавпилс: Saule, 1994. 208 с.
Meksh E. B. Obraz Velikoi Materi (religiozno-mifologicheskie traditsii v epicheskom tvorchestve Nikolaya Klyueva) [The Image of the Great Mother (Religious and Mythological Traditions in Nikolai Klyuev's Epic Works)]. Daugavpils, Saule Publ., 1994, 208 p. (in Russ.)
- Михайлова Г.** Тема и вариации: «деревенская проза» в начале нового века // Литература. 2008. № 50 (2). С. 64–74.
Mihailova G. Tema i variatsii: «derevenskaya proza» v nachale novogo veka [Theme and Variations: Village Prose at the Beginning of New Century]. Literatura [Literature]. 2008, № 50 (2), p. 64–74. (in Russ.)
- Мифологический словарь** / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энцикл., 1990. 672 с.
Mifologicheskii slovar' [Mythological Dictionary]. Chief ed. E. M. Meletinskii. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, 672 p. (in Russ.)
- Мотеюнайте И. В.** Жизнеописание юродивого в новое время // Кирилло-Мефодиевские чтения II–III: Материалы Междунар. науч. конф. Даугавпилс: Центр русской культуры, 2008. С. 98–111.
Moteyunaite I. V. Zhizneopisanie yurodivogo v novoe vremya [Life of a Fool for Christ in Modern Times]. Kirillo-Mefodievskie chteniya II-III: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. [Cyril and Methodius Readings II–III. Materials of the International Scientific Conference]. Daugavpils, Tsentruskoi kul'tury Publ., 2008, p. 98–111. (in Russ.)
- Николаева Н. А., Сафронов В. А.** Истоки славянской и евразийской мифологии. М.: Белый волк; КРАФТ; ГУП «Облиздат», 1999. 312 с.
Nikolaeva N. A., Safronov V. A. Istoki slavyanskoi i evraziiskoi mifologii [Sources of Slavic and Eurasian Mythology]. Moscow, «Belyi volk», KRAFT, GUP «Oblizdat» Publ., 1999, 312 p. (in Russ.)

- Панченко А. М.** Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973. 281 с.
Panchenko A. M. Russkaya stikhotvornaya kul'tura XVII veka [Russian Poetic Culture in XVII Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1973, 281 p. (in Russ.)
- Панченко А. М.** Я эмигрировал в Древнюю Русь. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. 544 с.
Panchenko A. M. Ya emigriroval v Drevnyuyu Rus' [I Emigrated to Ancient Rus]. Saint Petersburg, Zvezda Magazine Publ., 2005, 544 p. (in Russ.)
- Плеханова И. И.** Испытание неопределенностью (автор и герой в ситуации вызова) // А. Вампилов и В. Распутин: Творческий потенциал «иркутской истории»: Материалы Междунар. науч. конф. Иркутск: ИГУ, 2017. С. 188–207.
Plekhanova I. I. Ispytanie neopredelennost'yu (avtor i geroi v situatsii vyzova) [The Trial of Uncertainty (Authors and Heroes in Challenging Situations)]. A. Vampilov i V. Rasputin: Tvorcheskii potentsial «irkutskoi istorii»: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. [A. Vampilov and V. Rasputin: The Artistic Potential of the Irkutsk History. Materials of the International Scientific Conference]. Irkutsk, ISU Publ., 2017, p. 188–207. (in Russ.)
- Померанц Г., Миркина З.** Спор цивилизаций и диалог культур. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 504 с.
Pomerants G., Mirkina Z. Spor tsivilizatsii i dialog kul'tur [Civilizational Dispute and Cultural Dialogue]. Moscow, Saint Petersburg, Tsentr humanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga Publ., 2014, 504 p. (in Russ.)
- Радомская Т. И.** Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX века. М.: Совпадение, 2006. 239 с.
Radomskaya T. I. Dom i otechestvo v russkoi klassicheskoi literature pervoi treti XIX veka [House and Motherland in Classic Russian Literature in Early 19th Century]. Moscow, Sovpadenie Publ., 2006, 239 p. (in Russ.)
- Сенькина Т. М.** Социальные функции «дурачеств» демократического героя русской волшебной сказки // Фольклористика Карелии. Петрозаводск: ИЯЛИ Карел. науч. центра РАН, 1978. С. 58–71.
Sen'kina T. M. Sotsial'nye funktsii «durachestv» demokraticeskogo geroya russkoi volshebnoi skazki [Social Functions of the Foolery of the Democratic Protagonist of a Russian Fairy-Tale]. *Fol'kloristika Karelii* [Karelian Folkloristics]. Petrozavodsk, IYALI Karelian Scientific Center Publ., 1978, p. 58–71. (in Russ.)
- Ситько Г. С.** Старообрядчество – духовная основа поэтики Н. Клюева // Н. Клюев: образ мира и судьба: Материалы Всерос. науч. конф. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 79–84.
Sit'ko G. S. Staroobryadchestvo – dukhovnaya osnova poetiki N. Klyueva [Old Belief: The Spiritual Basis of N. Klyuev's Poetics]. N. Klyuev: obraz mira i sud'ba: Materialy Vseros. nauch. konf. [N. Klyuev: Image of the World and Destiny. Materials of the All-Russian Scientific Conference]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2000, p. 79–84. (in Russ.)
- Славянская мифология: Энциклопедический словарь.** М.: Сов. энцикл., 1995. 416 с.
Slavyanskaya mifologiya: Entsiklopedicheskii slovar' [Slavic Mythology: An Encyclopedia]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., 1995, 416 p. (in Russ.)
Slavyanskaya mifologiya: Entsiklopedicheskii slovar' [Slavic Mythology: An Encyclopedia]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., 1995, 416 p. (in Russ.)
- Степанова В. А.** Обряд и ритуал в поздней прозе В. Распутина (на материале рассказа «В ту же землю») // Творчество Валентина Распутина: Ответы и вопросы. Иркутск: ИГУ, 2014. С. 276–287.
Stepanova V. A. Obryad i ritual v pozdnei proze V. Rasputina (na materiale rasskaza «V tu zhe zemlyu») [Rituals in V. Rasputin's Late Prose (On the Material of *To The Same Earth*)]. *Tvorchestvo Valentina Rasputina: Otveti i voprosy* [Valentin Rasputin's Works: Answers and Questions]. Irkutsk, ISU Publ., 2014, p. 276–287. (in Russ.)
- Степанова В. А.** Хронотоп прозы В. Распутина // Русский традиционализм: История, идеология, поэтика, литературная рефлексия. М.: Флинта: Наука, 2016. С. 162–164.
Stepanova V. A. Khronotop prozy V. Rasputina [The Chronotope of V. Rasputin's Works]. *Russkii traditsionalizm: Istoriya, ideologiya, poetika, literaturnaya refleksiya* [Russian Traditionalism: History, Ideology, Poetics, Literary Reflection]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2016, p. 162–164. (in Russ.)
- Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
Huntington S. Stolknovenie tsivilizatsii [Clash of Civilizations]. Moscow, AST Publ., 2003, 603 p. (in Russ.)

- Чистов К. В.** Легенда о Беловодье // Труды Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1967. Т. 35. С. 116–182.
Chistov K. V. Legenda o Belovod'e [The Legend of the Kingdom of Opona]. *Trudy Karelskogo filiala AN SSSR [Works of Karelian AS USSR Filial]*. Petrozavodsk, 1967, vol. 35, p. 116–182. (in Russ.)
- Эко У.** Искусство и красота в средневековой эстетике. М.: АСТ, 2014. 352 с.
Eco U. *Iskusstvo i krasota v srednevekovoi estetike [Art and Beauty in the Middle Ages]*. Moscow, AST Publ., 2014, 352 p. (in Russ.)
- Brownmiller S.** *Against Our Will: Men, Women and Rape*. New York, 1975. 475 p.

Список источников / Sources

- Залыгин С.** Комиссия. М.: Вече, 2012. 400 с.
Zalygin S. *Komissiya [Commission]*. Moscow, Veche Publ., 2012, 400 p. (in Russ.)
- Евангелие от Иоанна
Evangelie ot Ioanna [Gospel of John]. (in Russ.)
- Повесть временных лет. СПб.: Наука, 1996. 670 с.
Povest' vremennykh let [Primary Chronicle]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1996, 670 p. (in Russ.)
- Распутин В.** Собр. соч.: в 4 т. Т. 1–4. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007.
Rasputin V. *Sobr. soch.: v 4 t. T. 1–4*. Irkutsk, Izdatel' Sapronov, 2007.
- Распутин В.** Эти двадцать убийственных лет. М.: Алгоритм, 2016. 320 с.
Rasputin V. *Eti dvadcat' ubijstvennykh let*. Moscow, Algoritm, 2016. 320 s.

Материал поступил в редколлегию

Received

28.06.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

- Ковтун Наталья Вадимовна**, профессор кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, доктор филологических наук, профессор Красноярского государственного педагогического университета им. В. Астафьева, (ул. Ады Лебедевой, 89, Красноярск, 660049, Россия, nkovtun@mail.ru)
Natalia V. Kovtun, Krasnoyarsk State Pedagogical University, Chair of World Literature and Methods of Teaching professor, Dr of Philology (89 Ada Lebedeva Str., Krasnoyarsk, 660113, Russian Federation, nkovtun@mail.ru)

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-187-199

Временная сфера картины мира автора в пейзажном дискурсе лирики Бориса Рыжего

Н. Е. Левицкая

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, Республика Крым, Россия*

Аннотация

Исследована лирика Б. Рыжего 1990-х – начала 2000-х годов. В качестве предмета исследования избран пейзажный дискурс лирики, категория картины мира автора использована в концептуальном и функциональном аспекте как методологический аппарат исследования. Изучение временной сферы пейзажного дискурса выявило экзистенциальный характер темпоральных образов. Номинации временных природных маркеров, как правило, отдаленно соотносимы с реалиями природного мира, их семантическое поле формируется преимущественно мифологическими и мифопоэтическими значениями. Маркеры временных природных реалий выполняют преимущественно сюжетобразующую и выразительную функцию и лишь изредка номинативную.

Ключевые слова

поэзия, лирика, картина мира автора, пейзажный дискурс, временная парадигма картины мира, маркеры природных реалий, номинативная функция, выразительная функция, сюжетная функция

Для цитирования

Левицкая Н. Е. Временная сфера картины мира автора в пейзажном дискурсе лирики Бориса Рыжего // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 187–199. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-187-199

Temporal Sphere of the Author's World View in Boris Ryzhii's Lyrical Landscape Discourse

N. E. Levitskaya

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation*

Abstract

The article examines the lyrics of Boris Ryzhii in the 1990s and early 2000s. As a subject of research, the landscape discourse of lyric poetry has been selected; the category of the author's world picture has been used in the conceptual and functional aspects as a methodological research apparatus. The study of the temporal sphere of landscape discourse reveals the existential character of temporal images. Nominations of temporary natural markers, as a rule, are remotely correlated with the realities of the natural world, their semantic field is formed mainly by mythological and mythological values. Markers of temporary natural realities perform mainly plot-forming and expressive functions and are only occasionally nominative.

The landscape discourse of Boris Ryzhii's lyrics explores the world of the author, imbued with a tragic worldview. But the author's tragic consciousness translates into subtext, using an elegiac, and more often, an ironic mode to complete

© Н. Е. Левицкая, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 9: Philology

the aesthetic object and form the image of the lyric subject. The tragic intentions of the author's consciousness of the discrepancy between "self" and "the world" are addressed to the recipient. For the culturologically knowledgeable reader, the landscape discourse of the lyrics makes it possible to reveal the world outlook problems of the author's consciousness and give his own assessment to his lyrical subject.

Keywords

poetry, lyric poetry, landscape of the author's world, landscape discourse, temporal paradigm of the world picture, markers of natural realities, nominative function, expressive function, plot function

For citation

Levitskaya N. E. Temporal Sphere of the Author's World View in Boris Ryzhii's Lyrical Landscape Discourse. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9: Philology, p. 187–199. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-187-199

Одним из конститутивных элементов художественного мира традиционно считается пейзаж. В поэзии пейзаж занимает значимое место, что было продемонстрировано в исследованиях И. И. Шайтанова [1989] и М. Н. Эпштейна [1990], И. В. Остапенко выявила концептуальный характер пейзажа, представив пейзажный дискурс как экспликацию картины мира автора [Остапенко, 2013]. Изучение пейзажного дискурса лирики способствует проникновению в творческую лабораторию автора, дает возможность выявить особенности авторского сознания, его эстетические приоритеты. Поэзия 1990-х представляет собой особый период литературного процесса, когда происходит смена художественной парадигмы, выстраиваются новые векторы развития художественных миров. Творчество Бориса Рыжего (1974–2001) в силу трагических обстоятельств хронологически совпадает с данным периодом и нуждается в осмыслении на разных исследовательских уровнях. Актуальным, на наш взгляд, может быть изучение лирики автора сквозь призму пейзажного дискурса, что до настоящего времени в литературоведении предпринято не было.

Под пейзажным дискурсом, вслед за И. В. Остапенко, мы понимаем «представленность» мира природы в сознании человека-субъекта [Там же]. В лирике номинации природных реалий выполняют различные функции – номинативную, выразительную, субъектную. Поскольку лирика является особым литературным родом, сохранившим синкретические отношения, кроме того, в эпоху модальности приобретает черты дискурсивности, природные номинации в художественном мире работают на формирование дискурсивных отношений: автор – лирический субъект – читатель. Интенции авторского сознания, экстраполированные через картину мира автора в тексте как эстетическом объекте, направлены на сознание читателя. Природные номинации, эксплицирующие картину мира автора, воспринимаются читательским сознанием как характеристики лирического субъекта и одновременно как сигналы авторского мировидения. Кроме того, читатель актуализирует собственные миропредставления. Поскольку номинации природных реалий в своем семантическом поле содержат и эмпирический, и символический смысл, читатель воспринимает их в силу своего миропонимания и соотносит с миром лирического субъекта и с авторским сознанием, представленным картиной мира в тексте. Номинации природных реалий вступают в дискурсивные отношения со всеми уровнями эстетического целого: характеризуют мир лирического субъекта, презентуют авторское сознание, актуализируют в читательском сознании его собственную картину мира. Совпадение / несовпадение авторских интенций и читательской рецепции обуславливает их отношения и уровень восприятия текста. Природные номинации ценны в тексте не только как маркеры

параметров физического мира лирического субъекта, но в их функциональном и концептуальном значении – они могут работать на создание художественного образа и эксплицировать когнитивные процессы авторского сознания, выраженные через сюжетный уровень текста. Такое понимание функционирования природных номинаций в лирическом тексте позволяет говорить о них как о пейзажном дискурсе. Изучение пейзажного дискурса как экспликации картина мира автора позволяет выявить глубинные смыслы текста, сформированные авторским сознанием для трансляции реципиенту, которому, собственно, и адресован текст как эстетическое целое.

Объектом исследования в предложенной работе стала лирика Б. Рыжего, представленная сборником «Стихи. 1993–2001» [Рыжий, 2014], предметом исследования – пейзажный дискурс.

В наших предыдущих работах рассмотрен субъектный уровень и пространственная парадигма картины мира автора, эксплицированной пейзажным дискурсом лирики Б. Рыжего. Установлено, что лирический субъект Б. Рыжего как одна из форм авторского сознания в его картине мира на метатекстовом уровне обнаруживает неосинкретический (см. типологию лирического субъекта, предложенную И. В. Остапенко) [Остапенко, 2013] характер, проявляющийся в многомерности личности, ее противоречивости, неприятии и любви к миру одновременно, стремлении создать собственный мир по собственным законам. Отличительной особенностью субъектной сферы картины мира автора в лирике Б. Рыжего является наличие формы «я-другой», которая встречается преимущественно в текстах именно пейзажного дискурса. Пейзажный дискурс создает предпосылки для диалога лирического субъекта с самим собой. Природа, активизируя свой смысловой потенциал, помогает лирическому субъекту интериоризироваться, заглянуть в себя.

Анализ пространственной сферы картины мира показал, что мир лирического субъекта выстроен в соответствии с ценностной парадигмой в ее горизонтальном и вертикальном измерении. Основным локусом лирического субъекта является городское пространство, которое сформировано как из элементов природного мира, так и урбанистических объектов. Непосредственной связи с природным миром у лирического субъекта нет, но культурная память, как через архаические мифологические структуры сознания, так и через литературную традицию, актуализирует сущностные смыслы природных пространственных номинаций и вводит их в художественный мир. Пространственные маркеры природных реалий в картине мира автора выполняют преимущественно номинативную, изредка – выразительную функцию. Номинации природных реалий могут фиксировать реальный локус лирического субъекта, быть соотносимыми с конкретными природными или городскими объектами, но чаще являются умозрительными конструктами для формирования виртуального пространства, где урбанистические и природные элементы картины мира взаимопроникаемы. Автор владеет различными приемами конструирования традиционных художественных образов, о чем свидетельствует их наличие, но уходит от них, создавая свой собственный мир-миф на пересечении нейтральной для него природы и близкого ему города, контакт лирического субъекта с этим синтетическим пространственным локусом осуществляется преимущественно посредством «окна». Наиболее частотными и концептуально значимыми для картины мира автора в пейзажном дискурсе лирики Б. Рыжего являются все же природные номинации «небо»/«небеса», «облака», «снег», «листья» и «окно» как элемент пространства «дома». Номинации вертикального среза определяют ценностный верх, который у поэта получает амбивалентную окраску, а горизонтально – эксплицируют трагическое мироощущение лирического субъекта.

Рассмотрим временные параметры картины мира автора в лирике Б. Рыжего. Традиционно в пейзажном дискурсе выделяется природный суточный и календарный цикл. Последний представлен в лирике Б. Рыжего временами года – «осень» (36), «зима» (9), «лето» (11), «весна» (6), а также номинациями месяцев, суточный более разнообразный: «ночь» (28), «полночь» (6), «вечер» (10), «сумерки», «закат» (11), «утро» (16), «рассвет» (10), «восход» (2), «светает», «заря» (3), «день» (7), «полдень». Кроме того, изредка появляется линейное время с точным указанием даты («Мая второго дня», «восьмидесятые годы», «двадцать девятое светлое мая») и достаточно обширная группа временных образов с универсальной и онтологической семантикой («время», «век», «столетие», «вечность», «прошлое», «будущее»).

В суточном цикле преобладает темное время суток, что характерно для русской поэтической традиции, как наиболее благоприятное время для творчества, хотя в более поздних текстах светлое время суток активизируется в картине мира данного автора. Временные образы, как и пространственные, чаще всего так же выполняют номинативную функцию. К примеру, «утро» фиксирует определенный отрезок суток, примечательно, что у поэта оно чаще завершает ночь, нежели начинает новый день – «До утра кадил / фонарями Невский» [Рыжий, 2014. С. 135]¹; «потом до утра танцевали» (с. 172); «Но лишь / к утру смыкаю веки» (с. 240); а из эпитетов к нему встречается только «туманное». То же касается «восхода» – «Мы – восхода на алом фоне / исчезающие полки» (с. 204), «рассвет» вообще лишен эстетической окраски. Единственный из временных суточных образов, «закат», получает у поэта художественное обрамление в виде колористических эпитетов – «пятьсот тонов заката / разлиты в небе: желтый, темно-синий <...> Так вот на этом темно-синем фоне, / до смерти желтом, розовом, багровом» (с. 158); «рубин заката» (с. 195) появляется в ряду традиционных пейзажных клише, но в гротескной картине: «Когда бы заложить в ломбард рубин заката, / всю бирюзу небес, все золото берез – / в два счета подкупить свиней с военкомата, / порядком забуреть, расслабиться все-рьез» (с. 195); в подобных гротескных соотношениях «закат» встречается и далее – «я пьяный был, и нес изящный бред, / на фоне безупречного заката / шатался – полыхали облака» (с. 266); «На окошке на фоне заката / дрянь какая-то желтым цвела» (с. 256). Как видим, данная временная номинация выполняет скорее выразительную функцию. Лирический субъект реагирует не на хронологический период и не на эстетическую форму, что традиционно для русского пейзажа, а фиксирует свою отстраненность от природного мира, прикрытую циничной бравадой. И лишь в последних текстах картина меняется, сквозь гротескную абсурдность прорывается невысказанная боль от потери связи с живой жизнью, и пейзажные номинации здесь уже реализуют сюжетную функцию – «Да по улице вечной печали / в дом родимый, сливаясь с закатом, / одиночеством, сном, листопадом, / возвращайся убитым солдатом» (с. 341).

Обратим внимание еще на один образ – «ночь», наиболее частотный среди суточных временных номинаций. Наряду с чисто номинативной функцией при фиксировании суточного периода («не спится, и бродишь всю ночь» (с. 348); «И висели всю ночь напролет фонари» (с. 11); «в неком стиле нервном / всю ночь писал» (с. 54)), которая, безусловно, преобладает, реализуется и функция выразительная: «И – дождливый – светился ЦУМ / грязно-желтым ночным огнем» (с. 22); иногда напрямую подключается экзистенциальный контекст: «Здесь моя и проходит / жизнь с полуночи и до утра» (с. 312). Притом он может актуализироваться через поэтическую традицию. Блоковская «Ночь, улица, фонарь, аптека» несколько раз отзывается у Б. Рыжего, практически с теми же настроениями, но с иным внешним антуражем – «Ночь. Каптерка. Домино. / Из второго цеха – гости» (с. 124); «Ночь. Звезда. Милиционеры / парки, улицы и скверы / объезжают» (с. 126); «Ночь. Звезда. Грядет расплата. / На погонах кровь заката»

¹ Далее цитаты по этому изданию с указанием страниц в тексте.

(с. 126). И у классика, и у современного поэта – кумулятивная презентация их миров, на самом деле мало чем отличающихся друг от друга почти через столетие. Интересно другое: Б. Рыжий ставит точки после каждой номинации, его мир дробится и закрывает каждый свой отдельный микромир. Как и у А. Блока, композиция текста кольцевая, но если старшего поэта угнетает повторяемость мира, то его потомок иронизирует над миром, сам, возможно, того не замечая, что «кровь заката» действительно становится расплатой за безответственную позицию человека в современном мире. Как видим, пейзажные номинации, включенные в данном случае через культурную традицию, выполняют сюжетную функцию, выводят, может, не столько лирического субъекта, сколько автора и читателя к осмыслению бытийных вопросов.

Обратимся далее к временным номинациям календарного цикла. Наименее частотный образ «весны». Это, конечно, в первую очередь, время года – «А во дворе весна. // Белые яблони» (с. 331), только его традиционный жизнеутверждающий смысл нивелируется наложением семантики смерти: «И женщина хрипло кричит из окна: / они же его убьют» (с. 331); «И вроде не было войны, / но почему коробит имя / твое в лучах такой весны, / когда глядишь в глаза жены / глазами дерзкими, живыми?» (с. 346); «По локти руки за чертой разлуки – / и расцветают яблони весной» (с. 1911). Единственным атрибутом «весны» как времени года у поэта оказались «яблони» – «цветущие» или «белые». В иных случаях встречаем пейзажную номинацию «весна» в переносном значении – название магнитофона («"Весны" монофонические звуки, / тревожный всхлип мелодии блатной» (с. 191)) и в разговорном варианте названия фильма («Как только про мгновения весны / кино начнется, опустеет двор» (с. 316)). Семантика природного времени в номинации «весна» у поэта практически отсутствует. Даже «яблони» здесь, скорее, являются лишь поэтическим клише, сформированным на пересечении высокой поэзии («белых яблонь дым») и массовой культуры («расцветали яблони и груши»).

При этом авторскому сознанию не чуждо знание символики природного времени (отметим, и языческой, и религиозной), в частности, «весны» как периода возобновления жизненного цикла и воскрешения. Речь идет о стихотворении «Гриша-Поросенок выходит во двор...» (с. 331) с пушкинским эпиграфом «Отцы пустынноики и жены непорочны...», написанном автором в последний год жизни. Обратим внимание на композиционное расположение образа «весны». В тексте несколько субъектных форм – перволичный субъект «я», «другие» – «Гриша-Поросенок», «женщина» «из окна», «народ», «ты» – то ли «молодость», то ли имплицитная лирическая героиня. Текст начинается рассказом имплицитного лирического субъекта о событии, в котором он сам участия не принимает, является как бы посторонним наблюдателем, хотя событие разворачивается «во дворе», продолжении «своего» пространства «дома», в него вовлечены «другие». Агрессивное поведение «Гриши» провоцирует драку, «народ» его умиряет – «бьют коленом в живот. / Потом лежачего бьют». «Крик» «женщины» «из окна» – «они же его убьют» – прерывает рассказ о событии «во дворе», что пунктуационно обозначено точкой. Но строфа при этом не закончилась. Последний стих вводит временной маркер – «А во дворе весна». Следующая строфа разворачивает временной атрибут в пространственное измерение – «Белые яблони. Облака / синие». Только это пространство уже не «других», а перволичного лирического субъекта – «Ну, пока, / молодость, говорю, прощай». Повествовательные интонации уступают место лирическим рефлексиям. Временная номинация в данном случае включена в композиционную структуру текста, она разделяет пространства лирического субъекта – прошлого и настоящего, но еще несет и важную смысловую нагрузку – в мире людей смерть и жизнь утратили привычные иерархические отношения, поэтому «убийство» и «весна» осуществляются на одном «дворе».

Далее текст презентует внутренний диалог перволичного субъекта то ли со своим прошлым («молодость»), то ли с имплицитной лирической героиней, но в любом случае «другой» здесь не из «дворового» окружения, а из виртуального будущего, где онтологическим ценностям возвращен их изначальный порядок. Эксплицирован он номинацией «весна», в которой актуализирована традиционная символическая семантика «воскрешения» – «Пусть вечно будет твое лицо / освещено весной». Что касается лирического субъекта, то он будущим не особенно озабочен («Плывать, если знаешь, что было со / мной, что будет со мной»). А вот интенция авторского сознания прочитывается читателем. «Свет» и «вечность» в соседстве с «весной» при поддержке пушкинского текста («И дух смирения, терпения, любви / И целомудрия мне в сердце оживи») свидетельствуют о наличии ценностных приоритетов и их продуцировании в художественный мир. Читатель их обнаруживает благодаря временному пейзажному образу «весны», который здесь выполняет сюжетообразующую функцию.

Номинации «зима» и «лето» представлены почти в равных пропорциях, при этом обе имеют к природному циклу весьма отдаленное отношение. Если учитывать биографический контекст, то лирическому субъекту ближе «зима». Обнаруживается пунктирное описание состояния природы в это время года: «а за окнами зима, / а за окнами сугробы, / неуютный грустный вид» (с. 81), соотнесенное с внутренним состоянием лирического субъекта через прием параллелизма. Семантика пейзажного образа здесь традиционна для русской поэзии в целом. Как уже отмечалось, лирический субъект – городской житель, внешний мир воспринимает через «окно». В то же время «зима» может быть метонимическим эквивалентом этого мира – «Да шагай по великой зиме» (с. 348). Чаще же природная номинация «зима» попадает в художественный мир поэта опосредованно, через «чужое» слово, но каждый раз узнаваемый образ облекается новыми смыслами. В «Элегии» «Зимой под синими облаками / в саях идиотских дышу в ладони, / бормоча известное: «Эх вы, сани! / А кони, кони!»» (с. 229) есенинский текст в виде прямой цитаты вложен в уста лирического субъекта, пространственно-временные координаты которого формируют пейзажные образы. «Зима» в корреляции с «синими облаками» поддерживает романтический настрой, заданный интертекстом, но сниженно-разговорная характеристика – «в саях идиотских» (напомним, в русской национальной культуре «сани» – самый почетный вид транспорта) травестирует традиционный высокий смысл образов, разрушает аксиологическую вертикаль. Далее в тексте элегический модус, заявленный в названии, трансформируется в иронический. Присущий элегии мотив смерти помещается в ироико-комический контекст («Эх, за десять баксов к дому милой – / ну, ты и придурок, скажет киса. / Будет ей что вспомнить над могилой / ее Бориса» (с. 229)). Гротескная абсурдность мира лирического субъекта обнажается именно через введение традиционных пейзажных образов в несвойственную им ценностную парадигму. Надо полагать, здесь так же имеет место авторская интенция, направленная к читательскому сознанию для осмысления бытийных вопросов, закодированных в тексте. То же можно сказать и о стихотворениях, актуализирующих интонации И. Бродского («В провинции моей зима, зима, зима» (с. 63)) и А. Пушкина («Зимний вечер. После дня / трудового над могилой / впечатляюще унылой / почему-то плачу я: / ну, прощай, Салимов К.У. / Снег ложится на башку» (с. 124)). В «провинции» И. Бродского, правда, иное время года – «скоро осень», у Б. Рыжего, в период написания текста еще весьма зависящего от классика, «зима» включает биографический код, но не снимает общей экзистенциальной направленности, реализованной на новом жизненном материале («Итак, глядим в окно. / Горят огни на зоне» (с. 63)) через введение еще одной литературной реминисценции – «Я мальчиком читал рассказ о робинзоне: / на острове одном, друзья, он жил один» (Там же). Обратим внимание, «робинзон» здесь имя нарицательное, то есть «одинокчество» воспринимается лириче-

ским субъектом как тотальное состояние человека в целом. Пушкинский же текст («Зимний вечер»), введенный в биографический контекст, работает по принципу развоплощенной метафоры. Представление о ценности дружбы сформировано культурной памятью не в последнюю очередь пушкинской традицией. «Друзья» лирического субъекта Б. Рыжего иного социального и нравственного плана, но при этом они не перестают быть «друзьями». Природная временная номинация, таким образом, актуализирует культурную память и становится ценностной характеристикой лирического субъекта.

Подобную ситуацию наблюдаем и в отношении номинации «лето». Встречается она несколько чаще, но если «зима» не имеет прямых личностных характеристик, то «лето» – единственный временной маркер, который получает у лирического субъекта отрицательную оценку: «лето / я не вспоминаю никогда» (с. 273). В другом месте находим отсутствие разницы между природным временем – «зимой ходил в ботинках летних» (с. 21), что также эксплицирует личностную, уже онтологическую характеристику самого субъекта – «В аду искал приметы рая / и, веря, крестик не носил» (Там же).

Номинация «лето» может выступать в функции временного маркера – «Или снимем на лето обычную дачу» (с. 323). Тогда временной период полноценной природной жизни коррелирует с желаемым, но неосуществимым состоянием лирического субъекта – «Последняя неделя лета. / На нас глядят Алена, Света. / Все прыгнули, а я не смог, / что очень плохо для поэта» (с. 254). Или может входить в состав имени собственного – «Летний сад», что актуализирует культурную традицию, как, впрочем, и другие временные номинации. Чаще же «лето» изначально заявлено как виртуальное время – «Оно про лето / было кино, про счастье, не про беду» (с. 255), или потерянное прошлое – «Для пьяницы-говоруна / на флейте отзвучало лето, / теперь играет тишина / для протрезвевшего поэта» (с. 302). Притом включенность природной номинации «лета» в элегический мотив коррелирует с урбанистическим пространством города: «Оплакивают лето фонари» (с. 315); «Ну да, / ей-богу, это было лето. И до рассвета свет фонаря был / голубого цвета. Ты все забыла. Но это было» (с. 321), что подчеркивает экзистенциальный характер природного образа. Лирический субъект прекрасно понимает и символический, и эмпирический смысл «лета», но в его жизненном пространстве оно может выступать или как культурологический маркер, или формировать элегический модус, восприятие же «лета» как временного периода природного цикла практически у поэта отсутствует.

Иную картину наблюдаем с номинацией «осень». Как уже отмечалось, «осень» (36) – наиболее частотный временной маркер, более того, это одна из преобладающих природных номинаций в картине мира автора в целом. В одном из первых текстов сборника задан экзистенциальный характер образа – «И дитя осенней, старой и печальной, / кинутой звезды / допивает что-то из груди стеклянной, / но глаза чисты» (с. 9). Формируется он корреляцией «осени», сигнализирующей о начале завершения временного природного цикла, с пространственным образом «звезды» с символической сакральной семантикой. Гротескное соединение аксиологического верха и социального низа в оформлении пространственных параметров одной из субъектных форм обостряют экзистенциальную проблему лирического субъекта. Примечательно, что «осень» в сочетании со «звездой» – один из повторяющихся мотивов в лирике Б. Рыжего: «я хочу попрощаться с тобой <...> под осенней звездой» (с. 13); «пока осенняя звезда / светит над твоею головою» (с. 175); «Про звезду осеннюю, дорогу, / синие пустые небеса» (с. 175); «трубит / для осени и звезд» (с. 218); «Звезда, осенняя аллея» (с. 352). И «осень», и «звезда» – образы в целом амбивалентные. «Осень» – период угасания природы, подготовка ее к переходу в новое состояние, но это и период сбора урожая, подведения итогов года, радость от достигнутых результатов. У Б. Рыжего в приведенных примерах актуализировано именно первое смыс-

ловое наполнение. «Звезда» – номинация небесного светила, что активизирует ее высокую семантику, при этом она соотносима с ночным временем суток. В сочетании с «осенью» «звезда» также воспринимается как атрибут нисходящего периода жизненного цикла, что коррелирует с внутренним состоянием лирического субъекта – и «осень», и «звезда» сопровождаются эпитетом «печальная».

Природная временная номинация «осень» в картине мира Б. Рыжего выполняет различные функции, в отличие от других пейзажных образов, но привычная описательная ей также не свойственна. Лишь изредка «осень» фигурирует в качестве конкретного временного маркера, напрямую соотношенного с состоянием природы «Фонтанчик не работает – увы! – / уж осень, но по-прежнему тепло» (с. 25), зато функция выразительная достаточно репрезентативна в текстах автора. Только «осень» из всех природных временных маркеров способна продуцировать определенные внутренние состояния лирического субъекта, формировать его чувственный план. Чаще это грусть, печаль – «Стихи осенние – как водится – печально / легли на сердце, мертвые листья» (с. 26), но и нежность – «По-осеннему нежен, / я люблюсь тобою» (с. 30); и благодарность, граничащая со смирением и прощением/прощанием – «Благодарю <...> / За осень. За ненастье. За грехи» (с. 49); «с трудом приподнимая веки, / шептать одно осеннее “прости”» (с. 26); «я хочу попрощаться с тобой <...> под осенней звездой» (с. 13), но и неприязнь и отчужденность – «есть только осень, / чей взор безумен и несносен» (с. 163). Следует отметить, что последний пример – единственный случай, когда «осень» вызывает у лирического субъекта чувство неприятия.

В целом же «осень» у Б. Рыжего вполне соответствует традиционной интерпретации образа в русской литературе. И здесь нельзя не упомянуть его корреляцию с темой творчества, поэтического вдохновения, заданного в национальной культуре пушкинским текстом. И у современного поэта находим соотношенность «осени» с творческим состоянием: «трубач с надменной внешне-/ стью бродяги, с трубою утонув во мраке, трубит / для осени и звезд» (с. 218); «В эту осень мне даже стихи / удавались отчасти» (с. 322); «видит березу с осиной в осеннем убранстве, / делает песню, и русские люди поют» (с. 262); «Не ходить мне по осенним скверам, / виршей не записывать в альбом» (с. 104). Но, как видим, привычный трепет перед «осенним» вдохновением у Б. Рыжего сознательно снижен иронией. Притом ирония у поэта – не насмешка, не сатира, автор наследует романтический тип иронии, предполагающий относительность известных ценностей, продуцирующий свободный тип творчества, где автором устанавливаются законы художественного мира, а сам он – значительно шире его. Примечательно, что с такой позиции подходит Б. Рыжий и к поэтическому наследию своих предшественников-романтиков. Образ «осени» наглядно демонстрирует эту авторскую стратегию: и пушкинский, и лермонтовский, и есенинский текст подвергается ироническому преломлению: «Мотив неволи и тоски. / Октябрь, наверно? Осень, что ли?» (с. 267); «Там нищий пьет осеннее вино, / что отливает безобразным блеском. / ...А говорить мне не о чем и не с кем» (с. 88); «Мы много пили в эту осень / «Агдама», света и росы» (с. 198); «Это осень и слякоть, и хочется плакать, / но уже без желанья в теплую мякоть / одеяла уткнуться» (с. 231); «Не надо ничего, / оставьте стол и дом / и осенью, того, / рябину за окном» (с. 334).

Впрочем, традиция не всегда иронически переосмысливается. Прием психологического параллелизма достаточно востребован у Б. Рыжего, и здесь он остается в рамках традиции. Состояние природы в осеннюю пору коррелирует с самоощущением лирического субъекта: «Парк осенний стоит одиноко, / и к разлуке и к смерти готов» (с. 349). Причем художественный прием параллелизма может расширяться до пределов целого текста, и именно «осень», единственный из пейзажных образов, удостоена у поэта такого внимания, к примеру, в текстах

«Труба и осень», «Осень», «Фонарь над кустами»: «Фонарь глядел на нас печально – / он бледен был необычайно / тогда, в начале сентября. // Кусты заламывали кисти. / Как слёзы, осыпались листья. / Какая снилась им беда? / Быть может, то, что станет с нами, / во сне осознано кустами / ещё осенними тогда» (с. 12).

Как видим, прием параллелизма актуализирует в первую очередь экзистенциальный смысл образа «осени». «Осень» становится своеобразным аксиологическим камертоном. Не сожаление о прошлом, а ценность настоящего продуцирует образ «осени» – «с каждой осенью твои ладони / мне все нужней» (с. 344). Наиболее презентативной в образе «осени» представляется семантика завершения, но не окончания. Увядание природы, ее подготовка к переходу в иное состояние получают абсолютный отклик в авторском сознании. Напомним, расцвет, буйство природной жизни практически отсутствуют в картине мира автора в поэзии Б. Рыжего. С образом «осени» в этом смысле коррелирует «опавшая» «листва», как уже отмечалось, наиболее частотная из пространственных природных номинаций, и другие природные номинации, соответствующие данному времени года, – «сентябрь», «рябина», «облака» – «...а осенью в Летнем Саду – / туманен, как осень, и тих – / музейной аллеей пройду / <...> / за листиком новый листок / роняя, что слезы любви, / сентябрь надевает венок / на бедные кудри мои» (с. 29). Знание закона цикличности природной жизни позволяет лирическому субъекту и самому включиться в естественный круговорот времени – «время встало и стоит, / а листва летит» (с. 330); «И путь-дорога далека. / И пахнет прелюю листвою. / И пролетают облака / над непокрытой головою» (с. 214); «погляжу на небо, а потом / по листве пройду» (с. 330).

Экзистенциальная семантика «осени» экстраполирована непосредственно на образ лирического субъекта – «Нехорошо быть <...> осенним облаком, туманом, / а я как раз один из них» (с. 277); «Я зеркало протру рукой / и за спиной увижу осень» (с. 302). Мироощущение лирического субъекта пронизано естественно-символическими смыслами «осени» – «а что называется мной, / то идет по осенней аллее, и ветер / свистит-надрывается, / и клубится листва за моею спиной» (с. 347). В стихотворении «Не вставай, я сам его укрою» (с. 175) ключевым образом является «осенняя звезда». Номинация «осени» в корреляции со «звездой» формирует аксиологическую вертикаль и является символом жизнотворчества, а поскольку в тексте фигурируют субъектные формы, презентующие самых близких поэту людей – сына и жену, выполняет функцию оберега. Метонимически «осенняя звезда» презентует самого лирического субъекта, в прямом смысле берущего на себя ответственность за покой и даже за жизнь своих близких: «спи, пока осенняя звезда / светит над твоею головою <...> я пришел и не уйду из дома... / И горит осенняя звезда» (с. 175).

В целом отношение лирического субъекта к «осени» сформировано ее эмпирическим смыслом и поэтической традицией. Увядание природы вызывает у лирического субъекта естественную грусть, литературная семантика образа рождает ощущение одиночества и тоски. Именно такие коннотации созвучны внутреннему состоянию лирического субъекта. В то же время ему не чуждо знание символической семантики «осени» и ощущения, скорее, неосознанного, собственной органичной близости с природным миром. «Осень» в картине мира автора является атрибутом циклического времени, а не линейного, что соответствует ее субстанциальному смыслу. Поэтому завершение естественного природного цикла не вызывает у лирического субъекта трагического восприятия, а лишь окрашивается в элегические, но чаще иронические тона. Это дает возможность авторскому сознанию сбалансировать свои собственные представления о мире, хранящиеся в культурной памяти, и мировидческий облик лирического субъекта – презентующего человека определенной эпохи и уровня сознания. Иронический модус – ведущий способ завершения эстетического события у Б. Рыжего – позволяет авторскому сознанию про-

изводить известную ревизию общепринятых ценностных комплексов. Коснулось это и «осени». Гармоничность природы воспринимается как идиллия, а не равновесие, лежащее в основе миропорядка. Такую мнимую идиллию и разрушает авторская ирония: «Мальчику полнеба подарили, / сумрак елей, золото берез. / На заре гагару подстрелили. / И лесник три вишенки принес. // Было много утреннего света, / с крыши в руки падала вода, / это было осенью, а лето / я не вспоминаю никогда» (с. 273). Текст как художественное целое формируется соположением элегического и иронического модусов, образ «осени» здесь работает на реализацию именно иронического. «Сумрак елей, золото берез», «три вишенки» – пространственные атрибуты осеннего времени из идиллической картины кумулятивной связью соединены с «подстреленной» «гагарой». Конечно, в социуме осень – период охоты, но, по сути, человек своей деятельностью разрушает природную гармонию. В тексте все эти образы формируют мир детства лирического субъекта, в котором «осень» воспринимается как созвучное ему время, в отличие от «лета». Иронический подтекст улавливается реципиентом – гармоничный мир лирического субъекта подвергается переоценке, элегические настроения воспринимающим сознанием ставятся под сомнение.

Таким образом, семантическое поле природной номинации «осень» у поэта вбирает мифолого-символические, эмпирические и мифопоэтические смыслы. Осознание цикличности природного времени в сочетании с культурологическими представлениями формируют у лирического субъекта отношение к «осени» как к экзистенциалу. Частотность образа усиливается к концу творческого пути. Наряду с пространственными природными номинациями в роли экзистенциалов «осень» эксплицирует онтологические параметры внутреннего мира лирического субъекта: «Чем дальше будет, тем длиннее / и бесконечней. / Звезда, осенняя аллея, / и губы, плечи. // И поцелуй в промозглом парке, / где наши лица / под фонарем видны неярким, – / он вечно длится» (с. 352).

Анализ временной сферы картины мира автора, эксплицированной пейзажным дискурсом лирики Б. Рыжего, позволяет сделать следующие выводы. Среди природных временных номинаций более частотны именованья суточного цикла, при этом номинации календарного цикла учащаются к концу творческого пути. Среди суточных номинаций преобладают названия темного времени суток («ночь», «полночь», «вечер»), в календарном цикле выделяется «осень» – один из наиболее актуализированных пейзажных образов в лирике поэта в целом. Временные номинации лишь изредка выполняют собственно номинативную функцию, становятся маркерами временных параметров лирического субъекта. Чаще им свойственна выразительная функция или сюжетообразующая. Номинации временных природных маркеров, как правило, отдаленно соотносимы с реалиями природного мира, их семантическое поле формируется преимущественно мифологическими и мифопоэтическими значениями. Во временной парадигме картины мира автора в лирике Б. Рыжего выделяется образ «осени», возведенный авторским сознанием в ранг экзистенциалов. В пространственной сфере с «осенью» коррелируют «листья»/«листва», притом всегда «опавшая». Оба образа принадлежат к наиболее частотным. Сочетание временной номинации нисходящего цикла и номинации пространственной реальности, утратившей связь с органической жизнью, показательны в пространственно-временном континууме лирического субъекта, опасно балансирующего между ценностными полюсами, что демонстрирует пространственная сфера картины мира. Пейзажный дискурс лирики Б. Рыжего эксплицирует картину мира автора, проникнутую трагическим мировосприятием. Но авторское сознание трагическое переводит в подтекст, используя элегический, а чаще иронический модус для завершения эстетического объекта и оформления образа лирического субъекта. Трагические интенции авторского сознания несовпадения «я» и «мира» адресова-

ны реципиенту. Культурологически сведущему читателю пейзажный дискурс лирики позволяет выявить мировоззренческие проблемы авторского сознания и дать собственную оценку его лирическому субъекту.

Список литературы / References

- Арьев А.** Блок. Иванов. Рыжий. О стихах Бориса Рыжего / А. Арьев // Звезда. 2009. № 9.
Aryev A. Blok. Ivanov. Ryzhii. O stikhakh Borisa Ryzhego [Blok. Ivanov. Ryzhii. On Ryzhii's Poetry]. Zvezda, 2009, № 9. (in Russ.)
- Бройтман С.Н.** Историческая поэтика: Учеб. пособие. М.: РГГУ, 2001. 320 с.
Broymtan S. N. Istoricheskaya poetika. Uchebnoye posobiye [Historical Poetics: A Textbook]. Moscow, RSHU, 2001, 320 p. (in Russ.)
- Быков Л. П.** Борис Рыжий: последний советский поэт? // Советское прошлое и культура настоящего: монография: в 2 т. / отв. ред. Н. А. Купина и О. А. Михайлова. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 1. С. 167–174 (Труды Уральского МИОНа; вып. 21).
Bykov L. P. Boris Ryzhii: posledniy sovetskiy poet? [Boris Ryzhii: The Last Soviet Poet?]. Sovetskoye proshloye i kultura nastoyashchego: monografiya: v 2 t. [The Soviet Past and Culture of the Present: A Monograph. In 2 vols.]. Ex. ed. N. A. Kupina and O. A. Mikhaylova. V. 1. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2009, p. 167–174. (in Russ.)
- Изварина Е.** «Он стал легендой...» // Наука Урала. 2008. № 1–2 (963).
Izvarina E. «On stal legendoy...» [He Became a Legend]. Nauka Urala [Ural Science], 2008, № 1–2 (963). (in Russ.)
- Казарин Ю. В.** Поэт Борис Рыжий: Монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 310 с.
Kazarin Yu. V. Poet Boris Ryzhii: monografiya [Boris Ryzhii, the Poet: A Monograph]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2009, 310 p. (in Russ.)
- Кузин А. В.** Следы Бориса Рыжего. Заметки из дневника. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 104 с.
Kuzin A. V. Sledy Borisa Ryzhego. Zametki iz dnevnika [Boris Ryzhii's Traces. Notes from a Diary]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 2004, 104 p. (in Russ.)
- Кушнер А.** Стихи, переписка, разговоры с Борисом Рыжим // Russian Literature. LXVII (2010) I. С. 85–96.
Kushner A. Stikhi, perepiska, razgovory s Borisom Ryzhim [Boris Ryzhii's Poems, Letters, Conversations]. Russian Literature, LXVII (2010) I, p. 85–96. (in Russ.)
- Машевский А.** Последний советский поэт: О стихах Бориса Рыжего // Новый мир. 2001. № 12.
Mashevskiy A. Posledniy sovetskiy poet: O stikhakh Borisa Ryzhego [The Last Soviet Poet: On Boris Ryzhii's Poetry]. Novyi mir [The New World], 2001, № 12. (in Russ.)
- Остапенко И. В.** Пейзажный дискурс как картина мира в русской лирике 1960–1980-х годов: Дисс. ... д-ра филол. наук. Симферополь, 2013. 530 с.
Ostapenko I. V. Peizazhnyi diskurs kak kartina mira v russkoy lirike 1960–1980-kh godov. Diss. dokt. filol. nauk [Landscape Discourse as World Picture in 1960–1980s Russian Poetry. Dr. phil. sci. diss.]. Simferopol', Tavrida National V. I. Vernadsky University Publ., 2013, 530 p. (in Russ.)
- Пурин А.** «Под небом, выпитым до дна» (Борис Рыжий). URL: <http://borisryzhy.ru/pod-nebom-vypitym-do-dna-aleksej-purin/>
Purin A. «Pod nebom, vypitym do dna» (Boris Ryzhii) [“Under the Sky That I've Fully Drunken” (Boris Ryzhii)]. (in Russ.) Available at: <http://borisryzhy.ru/pod-nebom-vypitym-do-dna-aleksej-purin/> (accessed 20.08.2018)
- Рейн Е.** Вся жизнь и еще «Уан бук» // Вопросы литературы. 2002. № 5.
Rein E. Vsyazhizni i eshe «Uan buk» [All Life and Also “One Book”]. Voprosy literatury [Issues of Literature]. 2002, № 5. (in Russ.)
- Рыжий Б.** Стихи. 2-е изд., испр. СПб.: «Пушкинский фонд», 2014. 368 с.
Ryzhii B. Stikhi. 2-e izdaniye, ispravlennoye [Poems. 2nd Corrected Edition]. Saint Petersburg, Pushkinskiy fond Publ., 2014, 368 p. (in Russ.)

Славникова О. Из Свердловска с любовью // Новый мир. 2000. № 11.

Slavnikova O. Iz Sverdlovsk s lyubovyu [From Sverdlovsk with Love]. *Novyi mir* [The New World]. 2000, № 11. (in Russ.)

Собенников А. С. Поэзия Бориса Рыжего: образ лирического героя // Литература Урала: история и современность: Сб. ст. Вып. 3. Екатеринбург: УрО РАН; Изд. дом «Союз писателей», 2008. Т. 1. С. 91–99.

Sobennikov A. S. Poeziya Borisa Ryzhego: obraz liricheskogo geroya [Boris Ryzhii's Poetry: The Lyrical Hero's Image]. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost: Sbornik statey. Vyp. 3* [Ural Literature: History and Modernity: An Anthology. Iss. 3, vol. 1]. Ekaterinburg, UrO RAN, Soyuz pisateley Publ., 2008. p. 91–99. (in Russ.)

Сухарев Д. «Влажным взором». URL: <http://borisryzhy.ru/vlazhnyy-vzorom-dmitrij-suxarev/>

Sukharev D. «Vlazhnym vzorom» [With Moist Eyes]. (in Russ.) Available at: <http://borisryzhy.ru/vlazhnyy-vzorom-dmitrij-suxarev/> (accessed 20.08.2018)

Тагильцев А. В. Борис Рыжий и Осип Мандельштам: к проблеме художественного взаимодействия // Классика и современность: проблемы изучения и обучения: Материалы XIV Науч.-практ. конф. словесников. Екатеринбург, 26–28 февраля 2009 г. / РОПРЯЛ; УрО РАО; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», ИФИОС «Словесник». Екатеринбург, 2009. С. 293–295.

Tagiltsev A. V. Boris Ryzhii i Osip Mandelshtam: k probleme khudozhestvennogo vzaimodeystviya [Boris Ryzhii and Osip Mandelstam: On the Problem of Artistic Interaction]. *Klassika i sovremennost: problemy izucheniya i obucheniya: materialy XIV nauchno-prakticheskoy konferentsii slovesnikov. Ekaterinburg. 26–28 fevralya 2009 g.* [Classics and Modernity: Issues of Research and Teaching: Materials of the XIV Scientific-Practical Conference of Humanities Researchers. Ekaterinburg, 26–28 February, 2009]. Ekaterinburg, ROPRYaL, UrO RAO, Ural State University, IFIOS «Slovesnik» Publ., 2009, p. 293–295. (in Russ.)

Теория литературы : Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : В 2 т. : Т. 1.

Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н. Д. Тamarченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман ; Под ред. Н. Д. Тamarченко. М. : Изд. центр «Академия», 2004. – 512 с.

Teoriya literatury: Ucheb. posobiye dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedeniy: V 2 t. : T. 1. Teoriya khudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaya poetika [Theory of Literature: A Textbook for Philology Students. In 2 vol. Vol. 1. Theory of Literary Discourse. Theoretic Poetics]. Ed. by N. D. Tamarchenko. Moscow, Akademiya Publ., 2004, 512 p. (in Russ.)

Харитонов Е. В. Мотив снега в поэзии Б. Рыжего: формы репрезентации, фольклорные и литературные истоки // Литература Урала: история и современность: Сб. ст. Вып. 2. Екатеринбург: УрО РАН; Объединенный музей писателей Урала; Изд-во АМБ, 2006. С. 376–382.

Kharitonova E. V. Motiv snega v poezii B. Ryzhego: formy reprezentatsii, folklornyye i literaturnyye istoki [Motif of Snow in B. Ryzhii's Poetry: Forms of Representation, Folklore and Literary Sources]. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost: Sbornik statey. Vyp. 2* [Ural Literature: History and Modernity: An Anthology. Iss. 2]. Ekaterinburg, UrO RAN, United Museum of Ural Writers, AMB Publ., 2006, p. 376–382. (in Russ.)

Шайтанов И. О. Борис Рыжий: последний советский поэт? // Дело вкуса: Книга о современной поэзии. М.: Время, 2007. С. 519–533.

Shaitanov I. O. Boris Ryzhii: posledniy sovetский poet? [Boris Ryzhii: The Last Soviet Poet?]. *Delo vkusa: Kniga o sovremennoy poezii* [A Matter of Taste: A Book on Modern Poetry]. Moscow, Vremya Publ., 2007, p. 519–533. (in Russ.)

Шайтанов И. О. Мыслящая муза : «Открытие природы» в поэзии XVIII в. М. : Прометей, 1989. 257, [2] с.

Shaitanov I. O. Myslyashchaya muza: «Otkrytiye prirody» v poezii XVIII v. [The Thinking Muse: Discovery of Nature in 18th Century Poetry]. Moscow, Prometei Publ., 1989, 257 p. (in Russ.)

- Эпштейн М. Н.** «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзаж. образов в рус. поэзии. М.: Высш. шк., 1990. 302,[1] с. : ил.
- Epshtein M. N.** «Priroda, mir, taynik vselennoy...»: Sistema peyzazh. obrazov v rus. poezii [The Nature, the World, the Universe's Sanctuary... The System of Landscape Images in Russian Poetry]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 1990, 302 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
11.05.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Левицкая Нелля Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, (пр. Академика Вернадского, 4, Симферополь, 295007, Республика Крым, Россия, nellya7@mail.ru)
Nellya E. Levitskaya, Candidate of Science (Philology), V. I. Vernadsky Crimean Federal University (4 Academician Vernadsky Ave., Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation, nellya7@mail.ru)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕРИЯ «ИСТОРИЯ, ФИЛОЛОГИЯ» ВЫПУСК «ФИЛОЛОГИЯ»

Правила оформления рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом не более 0,4 авторского листа (10 страниц, 16 тыс. знаков), включая иллюстрации (одна иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Редколлегия каждого выпуска имеет право принимать статьи меньшего объема в зависимости от наполняемости портфеля выпуска. Объем сообщений, рецензий, заметок не должен превышать 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

В конце статьи, рецензии, заметки необходимо указать полностью имя, отчество, фамилию автора, ученую степень и звание, должность, учреждение (название кафедры, вуза и т. п.), в котором выполнена работа, его полный почтовый адрес, а также адрес электронной почты, домашний адрес и телефон.

Рукопись должна удовлетворять требованиям к оформлению текста (см. далее), быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Каждая рукопись рецензируется. Редколлегия оставляет за собой право вносить редакторскую правку, а также отклонять статьи в случае получения на них отрицательных рецензий. Приоритет в приеме работ к печати отдается работам, в которых ставятся и решаются актуальные проблемы современной лингвистики, отличающиеся новизной, написанные на достаточно репрезентативном фактическом материале.

Содержание выпусков «Филология» ориентировано на следующие научные специальности:

- 10.02.01 – русский язык
- 10.02.19 – теория языка
- 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание
- 10.01.01 – русская литература

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

Статья (основной текст, список литературы и источников, подписи к рисункам и таблицам) представляется в редакцию распечатанной на бумаге форматом А4 и в электронной версии, выполненной в формате WinWord (.rtf). Размер кегля 14 для Time New Roman, межстрочный интервал 1,5. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы (внизу справа).

Не следует:

- производить табуляцию;
- разделять абзацы пустой строкой;
- использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона и с установкой «только для чтения»;

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 9: Philology

- форматировать текст и расставлять принудительные переносы.

На первой странице текста статьи указываются УДК, инициалы и фамилия автора, название учреждения, его почтовый адрес и e-mail. Ниже даются название статьи, аннотация (2 000 знаков включая пробелы) и ключевые слова (не больше 10) на русском языке. Далее идет текст статьи, который заканчивается списком литературы и, при необходимости, списками источников и условных сокращений терминов, географических названий и т. д. Затем повторяются инициалы и фамилия автора, название учреждения, его почтовый адрес и e-mail, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

Образец оформления статьи:

УДК 81:39, 81'23

Е. К. Иванова

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

philology@gf.nsu.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ РАСТЕНИЙ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье систематизируются термины для общего наименования лексических единиц тематической группы «Названия растений и их частей». Дается краткий обзор истории изучения данной лексики и прослеживаются истоки современного этнолингвистического когнитивного подхода, а также описываются возможные перспективы ее изучения.

Ключевые слова: термин, этнолингвистика, картина мира, фитонимы.

Основной текст статьи

Список литературы

Список источников

Материал поступил в редколлегию 15.09.2008

E. K. Ivanova

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

philology@gf.nsu.ru

STUDIES OF PLANT-NAMES AND AN ETHNIC WORLD IMAGE: DEFINING THE PROBLEM

This paper proposes a brief review of the history of researches in the vocabulary of plant-names (as well as names of some parts of plants). The author lays special emphasis on the sources of the modern ethnolinguistic approach. Some prospects of the further research are outlined.

Keywords: linguistic terms, ethnolinguistics, world image, phytonyms.

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 9: Philology

В лингвистических статьях выпуска «Филология» «Вестника НГУ» иллюстративный материал (слово, фразеологическая единица, словосочетание, предложение и т. п.) в тексте статьи выделяется курсивом; толкование значения слова и семы заключается в одинарные кавычки ‘....’; имя концепта набирается прописными буквами курсивом (например: концепт *ЗНАНИЕ*, концептосфера *РЕЛИГИЯ*). Цитаты заключаются в кавычки-«ёлочки» («...»); если внутри цитаты имеется цитатная вставка, то последняя выделяется кавычками-«лапками» («...“...”...», «... “...”»). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста приводится после примера в круглых скобках, например: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках. Чтобы при необходимости смотреть на финансовые проводки сквозь пальцы?* (Новая газета. 2007. № 7). Если иллюстративный материал взят из интернет-ресурса, то ссылка на такой источник дается под текстом на этой же странице (в поле сноски). Если на один и тот же интернет-источник делается несколько ссылок, то такой источник указывается в списке источников в конце статьи (например: НКРЯ – Национальный корпус русского языка <http://www.ruscorpora.ru>).

Библиографические ссылки в публикации даются в квадратных скобках: указывается фамилия автора, год издания работы, страница, например, [Виноградов, 1977. С. 57]; повторная ссылка оформляется [Там же] или [Там же. С. 48]. В конце статьи в алфавитном порядке без нумерации помещаются список литературы, список источников, а также, при необходимости, список условных сокращений терминов, географических названий и т. д.

Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их количества), полное название работы, а также жанр издания, в котором она опубликована (моногр., коллект. моногр., сб. ст., сб. науч. ст., сб. науч. тр.), ответственный редактор (под ред.), название издания, в котором она опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи, тезисов). Фамилия и инициалы автора (авторов) выделяются курсивом.

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография

Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка: Моногр. / Под ред. С. Г. Бархударова. М.: Наука, 1981. 364 с.

Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение: Моногр. / Пер. с англ. В. В. Морозова, И. Б. Шатуновского; под ред. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2003. 400 с.

Лихачев Д. С. Поэтика садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст: Моногр. 3-е изд. М.: Изд-во «Согласие», ОАО «Типография “Новости”», 1998. 356 с., илл.

Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты: Моногр.: В 2 ч. / Под ред. Н. А. Лукьяновой. Новосибирск, 2003. Ч. 2. 208 с.

Коллективная монография (все авторы должны быть перечислены)

Родичкин И. Д., Родичкина О. И., Гринчак И. Л., Сергеев В. С., Фешенко П. И. Сады, парки и заповедники Украинской ССР. Заповедная природа. Преобразованный ландшафт. Садово-парковое искусство: Моногр. Киев, 1985. 348 с.

Раздел в монографии

Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Графова Т. А., Латина О. В., Лукьянова Н. А., Маслова В. А., Сандомирская И. И., Телия В. Н., Шахнарович А. М. Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности: Коллект. моногр. / Под ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1991. С. 5–35.

Статья в сборнике

Бондарко А. В. Актуализационные элементы семантики глагольного вида // Русское слово и русский текст: история и современность: Сб. науч. ст., посвящ. чл.-корр. РАО, проф. В. А. Козыреву / Под ред. В. Д. Черняк. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. С. 17–22.

Шмелев А. Д. Сквозные мотивы русской языковой картины мира // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. С.452–466.

Статья в ученых записках (ученых трудах)

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале

Виноградов В. В. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // Вопр. языкознания. 1964. № 3. С. 3–15.

Фокина О. Н. Специфика художественного повествования в романе М. Комарова «Жизнь Ваньки Каина» // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, вып. 2: Филология. С. 88–92.

Тезисы докладов, сборники докладов, материалы конференций

Бабенко Л. Г. Об изучении коммуникативной функции слова на занятиях по лингвистическому анализу художественного текста: Тез. докл. региональной науч.-метод. конф. «Актуальные проблемы методической работы в школе и вузе». Томск, 1997. С. 20.

Голованевский А. Л. Общественно-политическая лексика и ее изучение в советском языкознании // Семантика языковых единиц: Докл. V Междунар. конф. М., 1996. Т. 1. С. 60–62.

Харчевников Е. А. Прецедентные ситуации в рассказах Т. Толстой // Материалы XLVI Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание / Новосибирск, 2008. С. 30–32.

Автореферат диссертации

Алешина О. Н. Семантическое моделирование в лингвометафорологических исследованиях (на материале русского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2003. 51 с.

Останин Е. В. Семантическая эволюция слова (на материале глагола *гореть* и его дериватов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 27 с.

Рецензия

Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 145.

Учебники, учебные пособия, хрестоматии

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учеб. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

Камчатов А. М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. завед. М.: Изд. центр «Академия», 2005. 688 с., илл.

История синтаксических учений в России: Материалы к курсу «Современный русский язык: синтаксис простого предложения» / Сост. Н. Б. Кошкарёва, Е. С. Кузнецова / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2006. 266 с.

Словари

Словарь образных выражений русского языка / Т. С. Аристова, М. Л. Ковшова, Е. А. Рысева, В. Н. Телия, И. Н. Черкасова; под ред. В. Н. Телия. М.: Отечество, 1995. 368 с.

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. Вып. 1–17.

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Наука, 1965. Вып. 17.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования. М., 1997.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складчиков. М.: Эксмо, 2006. 1136 с.

Образцы транслитерированных названий публикаций

Dal' V. I. *Tolkovyĭ slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: In 4 vol. St.-Petersburg, 1863–1866. (In Russ.)

Ortega y Gasset J. *Degumanizatsiya iskusstva* [The Dehumanization of Art]. Transl. S. L. Vorobyev. Ortega y Gasset J. *Estetika. Filosofiya kul'tury* [Aesthetics. Philosophy of Culture]. Moscow, Iskusstvo, 1991, p. 218–259. (In Russ.)

Luk'yanova N. A. *Terminy i ponyatiya leksikologii v shemakh, tablitsakh, poyasneniyakh i obraztsy analiza slov: Ucheb. posobie* [Terms and Concepts of Lexicology in Schemes, Tables, Comments, and Examples of Word Analysis: A Textbook]. Novosibirsk, 2013. (In Russ.)

Иллюстрации (черно-белые и цветные рисунки и фотографии) представляются в оригинале. Размер изображения не должен превышать 190 × 270 мм.

Электронные версии рисунков (только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr) следует прилагать отдельными файлами.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения – 190 × 270 мм.

Обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.tff),

Автор, передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения.

Распространение «Вестника НГУ» осуществляется через ОАО «Роспечать», подписной индекс – 18283.

Адрес редакционной коллегии
серии «История, филология» (выпуск «Филология»)

ул. Пирогова, 1, НГУ, кафедра общего и русского языкознания
или кафедра русской литературы
Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (8 383) 363 42 30

E-mail: philology@gf.nsu.ru